

Константин Мзареулов Звёздный лабиринт – 2

Звёздный лабиринт – 2

BiblioNet <http://www.fenzin.org>

«Звёздный лабиринт – 2»: Армада, Альфа-книга; 1999

ISBN 5-7632-0844-7

Аннотация

Многомерный Лабиринт — желанная добыча, захватить которую пытаются не только земные структуры, начиная со спецслужб и кончая мафией, но и представители внеземных цивилизаций. Координатор Станции Земля ставит перед Посвященными непростую задачу: пресечь все попытки противника. К тому же выясняется, что родители Посвященных в свое время общались с теми же инопланетянами.

Константин Мзареулов Звёздный лабиринт — 2

Часть I ЛАБИРИНТ ПОД УГРОЗОЙ

Глава 1 УЩЕЛЬЕ КРАСНЫХ ПАРТИЗАН

Перед ночным штурмом Сергей завалился спать пораньше, поручив Рубцову поднять его в два часа, и этот приказ командира полка капитан выполнил минута в минуту. Скатав спальник, Сергей натянул бронежилет и, подвесив на плечо автомат, прокрался на позицию передового охранения.

Командовавший дозором Демьяненко, отложив инфракрасный бинокль, шепотом доложил:

— Товарищ подполковник, происшествий не было. Противник отдыхает. Во дворе ориентира-три продолжают гулять человек двадцать, остальные спят.

— Шашлыка небось нажрались, — не без зависти проворчал Сергей. — Вон костер до сих пор искры столбом пускает... Численность банды установили?

— Стволов полста, — уверенно ответил старлей. — От силы шесть десятков.

Один бронетранспортер стоит прямо около штаба, другой — позади забора ориентирует. Дорогу прикрывают два секрета...

Они накрылись бушлатами, и, подсвечивая фонариком, Демьяненко показал на карте расположение вражеских постов. Места для охранения противник выбрал грамотно — засевающие на извилинах неширокой горной дороги стрелки могли задержать здесь батальон пехоты. Только сегодня Чарых-Мартан штурмовала отнюдь не пехота, так что принятые боевиками предосторожности пропали впустую. Спецназу доводилось брать и не такие крепости.

Подполковник поднес к глазам ночной бинокль, чтобы окончательно вникнуть в обстановку. Первую засаду неприятель разместил в полутора километрах от окраины селения: три боевика залегли в кустах и — следовало рассчитывать на худшее — внимательно наблюдали за движением по единственному пути, ведущему к Чарых-Мартану. Бинокль показывал яркие зеленые пятна — это работали лазерные прицелы. Второй дозор устроился километром выше, причем лишь один из четверки боевиков осматривал местность сквозь ночной прибор. Другими словами, бдительности там было поменьше. Оно и понятно, второй эшелон всегда расслабляется... Сергей повел окулярами и увидел башню броневи́ка, торчащую над оградой крайнего дома, он же ориентир-три. Кроме того, в глубине селения скрывался еще один БТР-70, а также два автомобиля — КамАЗ и «джип-мицубиси», оборудованный спаренным зенитным пулеметом. Личного состава в Чарых-Мартане было раза в три больше, чем спецназовцев «Финиста», однако внезапность ночной атаки сводила такое преимущество на нет.

Созвав командиров боевых групп, подполковник поставил боевую задачу:

— Рубцов со своими скалолазами поднимается по Южному склону, где они не выставили постов — считают гору неприступной. В четыре ноль-ноль выйдешь к ориентиру-два. Я со вторым и третьим взводами двигаюсь по дороге. Примерно в половине четвертого, когда мы выйдем к повороту у трех деревьев, снайперы снимут нижнюю засаду. Затем, когда мы приблизимся к этому месту... — он показал на карте очередной изгиб горного серпантина, — к месту, после которого нас может заметить верхний дозор, Демьяненко по моему приказу ударит в них из «Валторны».

Покончив с засадой, положишь пару-тройку осколочных гранат в здание предполагаемого штаба, после чего начинаешь глушить БТР на окраине бронебойными.

Селение атакуем одновременно: я — с запада, Володя — с юга. Прорываемся к центру, истребляя всех, кто держит оружие. Штаб нужно взять по возможности без лишних разрушений. Друзья из ГРУ считают, что там должны быть интересные документы. Старшим в лагере остается Демьян. Все.

— Ясно. — Рубцов кивнул. — Кто будет работать по нижнему дозору?

Вопрос был, что называется, очень интересный...

— Да, со снайперами у нас проблемы. — Подполковник вздохнул. — Первый номер — Фомин, второй — Гастон. Так что, Володя, объясни ему задачу. Ты у нас единственный парлеву франсе.

— Он и по-русски неплохо понимает. — Рубцов тихонько хихикнул. — Где только обучался...

— Не наше дело... Давайте, ребята, кормите личный состав. В два тридцать начинаем выдвигаться.

Отпустив остальных офицеров, Сергей подвел Демьяненко к «Валторне». Этот реактивный гранатомет забрасывал стомиллиметровые снаряды весом в десять килограммов на пять километров, а в горах дальность увеличивалась до семи.

— Выдвинешь машинку на позицию только после моей команды, — наставлял взводного подполковник. — Помни, ты обязан накрыть их пост первой же гранатой, а потом

немедленно перенесешь огонь на селение.

— Сделаю, командир, не впервой. Когда я играю на «синтезаторе», сбоев не бывает.

Легонько ткнув кулаком нахального хвастуна, Сергей велел ему заняться делом. Впрочем, пацан не привирал — на «синтезаторе» (так они называли между собой пульт управления «Валторны») Демьяненко работал виртуозно, сажая реактивный снаряд в макет танка даже на предельных дистанциях. Ласково погладив ствол гранатомета, командир повернулся спиной к орудию и слегка вздрогнул от неожиданности, увидев в полуметре от себя страшное лицо меланхоличного монстра.

Спору нет, Гастон был профессионалом высочайшего класса — даже в ночной тишине, когда любой шорох разносится на полмили, подкрался абсолютно незаметно. Такое искусство вырабатывается лишь многолетней практикой прогулок на волосок от смерти.

— Командор, это анкоррект, неправильно, — произнес француз возбужденным шепотом. — Я хотеть атака на ферма. Я платить за это деньги, хотеть убивать моим «банджо».

«Армейским банджо» Гастон называл саперную лопатку, которой великолепно пользовался в рукопашных схватках. Позавчера, когда брали гнездо снайпера, Машен в одиночку бросился на троих чеченских автоматчиков из группы прикрытия и зарубил их своим «банджо» столь стремительно, что боевики не успели ни разу выстрелить. Даже выдавшие виды ветераны спецназа были удивлены таким мастерством. И еще потрясало лицо этого «солдата удачи» — жуткое, словно обгоревшее. Не лицо, а морщинистая маска, почти лишенная мимики. Сам Гастон как-то обронил, будто его накрыло напалмом, и случилась такая неприятность не то в Африке, не то в Полинезии — старый наемник не любил вспоминать свое бурное прошлое, поэтому, даже начав что-то рассказывать, неизменно умолкал на самом интересном месте.

— Поймите, Гастон, вы нужны в качестве снайпера. В этом бою нам необходимы два опытных стрелка, которые умеют работать с оптическим прицелом... — Для вящей убедительности подполковник показал ему два пальца и вдобавок мобилизовал все свои скудные познания в области иностранных языков: — Ай нид ту снайперз. Ферштейн? В смысле — компрене ву?

— Да, понимай. — Сморщенная маска исказилась пугающей пародией на улыбку.

— Капораль Басили — тоже снайпер. Гастон и капораль будет стрелять на инсургентов.

— Вот и замечательно. Сначала вы убьете караул... как это по-вашему... гарде. Потом стреляйте по деревне. Дошло?

— Да-да, конечно, командор. — Машен беспомощно развел руками. — Но я очень хотел батали на ферма. 0-ля-ля, это такой удовольствий!

— В деревне подраться хотелось? Штурм населенного пункта — сложная форма боевых действий, — строго напомнил подполковник. — Сложная и опасная. Иди, Гастон, и будь готов.

«Только лягушатника мне там не хватало, — раздраженно подумал Сергей, провожая взглядом широченную спину француза. — Отвечай потом, если с иностранцем что-нибудь случится». Конечно, старик был очень хорош в рукопашной, но со снайперской винтовкой в руках он сегодня принесет куда больше пользы.

«Финисты» наскоро перекусили холодными консервами (разводить огонь означало бы демаскировать подразделение), и командир дал команду строиться.

По прямой от рощи, где они разбили лагерь, до превращенного в опорный пункт Чарых-Мартана было чуть больше километра, однако их разделяла глубокая пропасть.

В Гражданскую войну где-то поблизости каратели окружили отряд легендарного Шерипа Ахтаева, и с тех пор это место называлось Ущельем Красных Партизан.

Крутые склоны казались неприступными — во всем «Финисте» нашлось всего шесть альпинистов, которые вызвались вскарабкаться на отвесную стену скалы. Поэтому Рубцов повел свою шестерку через ущелье, а двадцать спецназовцев во главе с подполковником двинулись в обход по серпантину.

Луна и звезды проливали достаточно света, чтобы видеть дорогу — тем более через инфракрасные очки. Шли налегке, несли только оружие и боеприпасы — всего не больше десятка кило, не считая брони. Было тихо и спокойно, безмолвие нарушали только обычные ночные звуки: шорох ветра в листве да голоса птиц и зверей. И еще доносились ослабленные расстоянием крики и пение гулявших в селении боевиков.

Окрестности оставались пустынными, движение не отвлекало внимания, и мысли невольно потекли по привычному руслу. Сильнее всего в последние дни тревожили Сергея проклятые сны, которые начались, как только сводный отряд «Финиста» прибыл в Чечню. Словно ожили давние рассказы отца: города, населенные одноглазыми великанами, сражения в космическом пространстве и на каких-то незнакомых планетах... Ладно хоть сегодня прямо перед боем не снилась эта дьявольщина. Хороший бы он был вояка после таких изматывающих видений...

Подполковник отвлекся от этих раздумий, когда к нему обратился один из спутников:

— Вы доверяете этому французу?

— Он хороший боец, — уклончиво ответил Сергей. — А вы, Ваха, похоже, никому не доверяете. Профессиональная черта?

Сорокапятилетний Ваха Даламов, майор из Управления ФСБ по Чеченской Республике, был прикомандирован к отряду «Финиста» и за эти четыре дня показал себя с лучшей стороны. Перед приходом к власти Дудаева он служил в госбезопасности автономной республики, пытался наладить сопротивление, за что новые власти приговорили Даламова к смертной казни. Майору светила перспектива украсить своей головой центральную площадь Грозного, однако Ваха не попался. С первых выстрелов этой войны он был в гуще событий, лично участвовал в ликвидации многих банд, не раз проникал во вражеские отряды, наводя на боевиков федеральную армию.

— Гастон хорошо стреляет, — согласился майор. — И в рукопашном бою дерется как барс, а ведь не молодой уже. Интересно бы узнать, где старик набрался опыта.

— Интересно, — согласился Сергей. Француз Гастон Машен появился в «Финисте» с месяц назад. Спецполк, как и все Вооруженные Силы, остро нуждался в финансах, а потому подполковник Каростин, по согласованию с министерством, решился на неординарные меры. В прессе разных стран были помещены приглашения для любителей острых ощущений, желающих вплотную познакомиться с русским спецназом. Уплатив всего четыре тысячи долларов, любой житель дальнего зарубежья получал право провести три месяца в элитной воинской части специального назначения, тренироваться на настоящей полосе препятствий наравне с новобранцами, освоить новейшее российское оружие, отведать солдатской пищи.

Энтузиастам, особо отличившимся по части боевой подготовки, гарантировалась радостная перспектива отправиться в Чечню на войну против настоящих боевиков.

Откликнулось человек двадцать, включая Гастона. Если верить его документам, в молодости мсье Машен служил в мотопехоте, но истинный послужной список француз наверняка был куда обширнее. Сергей подозревал, что Гастон — профессиональный наемник, не одно десятилетие проливавший кровь — свою и чужую — в локальных конфликтах по всему свету. А может, агент какой-нибудь зарубежной спецслужбы — в наше время всякое бывает. Так или иначе, на поле боя отставной капрал (сам он говорил «капораль») проявил себя выше всяких похвал...

— Гастон не тот, за кого себя выдает, — настаивал Ваха.

— Я понял это на второй день, — фыркнул подполковник, а затем тихо скомандовал: — Внимание. Всем стоять.

Он увидел, как в трехстах метрах впереди колонны залег головной дозор, и шепнул в микрофон рации:

— Демьян, мы у первой точки.

Последовали несколько секунд мертвой тишины, после чего из вмонтированных в каску миниатюрных наушников послышался голос Гриши Демьяненко:

— Букет гвоздики.

Условная фраза означала, что снайперы покончили с нижней засадой. Гастон Машен и прапорщик Вася Фомин выполнили задачу, используя винтовки Драгунова с глушителями. Сергей махнул рукой, приказывая возобновить марш, и распорядился по радиотелефону:

— Демьян, готовь музыку.

После этого приказа по ту сторону ущелья должна была закипеть работа.

Пятеро оставшихся в лагере бойцов принялись выдвигать на прямую наводку «музыку», то есть «Валторну». Тем временем штурмовая группа ускоренным шагом направилась к следующему повороту серпантина, все выше уходя в гору. Вскоре они миновали кусты, в которых совсем недавно притаился вражеский пост. Трупы уже остывали, все трое были убиты попаданием в голову, что считалось у снайперов показателем высокого класса.

Чуть позже, когда они приблизились к последнему завитку дороги, в наушниках Сергея прозвучали подряд два рапорта. Демьян: «Музыка готова». Рубец: «Еловая шишка». Итак, «Валторна» уже стоит на огневой позиции, а группа Рубцова благополучно вползла по склону и готова атаковать Чарых-Мартан с направления, откуда противник вовсе не ожидал нападения. Часы показывали 3.42 — операция развивалась точно по графику. Глубоко вдохнув холодный воздух, Сергей произнес в микрофон очередную условную команду:

— Я — дирижер. Начинайте симфонию.

Тут же грохнула «Валторна», и управляемая по радио реактивная граната, издавая душераздирающий скрип, прочертила огненную трассу над могилой красных партизан. Снаряд разорвался точно в кустах, где расположился секрет духов.

Спустя шесть секунд — нормативный интервал между выстрелами — в то же место ударила вторая осколочная граната. Похоже, Гриша решил подстраховаться, чтобы у главных сил не было неожиданностей.

Сергей приказал своему отряду:

— Бегом!

В Чарых-Мартане наверняка поднялась тревога, боевики выскакивают из домов, готовясь занять оборону. Самое время переносить огонь на аул, чем и занялись огневики Демьяна. Реактивные гранаты — осколочные и бронебойные — одна за другой завершали свой полет среди строений. В опорном пункте начались пожары, среди языков пламени беспорядочно металась темные силуэты боевиков.

Спецназовцы пробежали мимо разодранных огнем и осколками трупов последнего дозора. Подполковник на ходу распределял боевые задачи. Штурмовая группа беспрепятственно ворвалась на окраину селения, где горел бронетранспортер.

Из-за угла большого каменного дома сверкнули выстрелы, и трассеры мелькнули возле левого уха. Сергей выпустил по вспышкам гранату из подствольника и добавил в ту же сторону длинную очередь. Успев зафиксировать краем глаза, как падает срезанная его огнем фигура, он перемахнул через забор и заскользил между фруктовых деревьев.

Со всех сторон доносился треск автоматов. Это палили боевики — солдаты «Финиста» пользовались бесшумным оружием. Изредка доносились разрывы гранат.

Сергей и следовавшие за ним три бойца быстрым шагом пересекли сад. Когда они, преодолев следующий забор, очутились во дворе соседнего дома, навстречу выбежали два боевика. Спецназовцы уложили эту парочку, оставаясь незамеченными под тенью деревьев. «Финист» воевал только так — приносил невидимую и неслышную смерть.

Потом они наткнулись на дом, из окон которого тарахтели непрерывные очереди многих стволов. Огонь заблокировал деревенскую улицу, ведущую к штабу Хандруева.

По приказу командира дом расстреляли из четырех подствольных гранатометов. После второго залпа обрушилась крыша, внутри устоявших стен занялся пожар. Оба станковых пулемета и все «Калашниковы» сразу заглохли, но для надежности каждый «финист» швырнул в развалины по ручной гранате. Когда просвистели осколки, можно было не сомневаться, что с этим очагом сопротивления покончено. Почти одновременно вздыбился

мощный столб пламени левее, — очевидно, прорывавшаяся там группа Даламова разнесла склад боеприпасов.

Прыжок через очередной забор вывел их на главную улицу селения, которая вела к капитальному двухэтажному зданию, где разместил свой штаб и главный опорный пункт небезызвестный Динар Хандруев, по кличке Удав. По улице как раз прогрохотал последний БТР противника, за машиной нестройной колонной шумно топали десятка полтора духов. Продолжая держаться в тени, штурмовая группа пропустила врага, а затем скосила длинными очередями. Пока трое разбирались с пехотой, прапорщик Кулебякин, прячась за забором, пробежал шагов тридцать и бросил противотанковую гранату, угодив в моторное отделение машины. Из пылающей стальной коробки выскочили двое, которых тоже скосили на месте. Впрочем, радоваться пока не стоило: от основательно потрепанного снарядами «Валторны» штабного здания бежали боевики. Было их около двадцати, и они беспорядочно поливали окрестности автоматным свинцом.

«Финисты» залегли, открыв ответный огонь. Потеряв пятерых, боевики попятились, продолжая бестолково палить. Один из бойцов спецназа вскрикнул, схватившись за бок — бронебойная пуля протиснулась-таки между титановыми пластинами его бронежилета. Пока парню оказывали первую помощь, Каростин и Кулебякин методично расстреливали топтавшихся на месте хандруевцев. Уложив одного за другим троих, Сергей перекатился на десяток шагов и выпустил гранату из подствольника. Боевики дрогнули и побежали, но тут к ним подошло подкрепление, и вражеская цепь снова двинулась в атаку, поддержанная работающим с чердака станковым пулеметом. Судя по звуку, это был НСВ.

Почти одновременно подтянулась группа Даламова. Теперь по выбежавшему из укрытия отряду чеченцев стреляли девять спецназовцев, которым отвечали около тридцати автоматов с улицы и пулеметы, установленные на крышах трех домов. Это было не слишком приятно, но Сергей знал, что делает. Оттянув на себя главные силы банды, он обеспечивал продвижение остальных подразделений, которые в это время охватывали штаб с флангов.

Пулеметчиков в порядке живой очереди сняли прицельными выстрелами, пехоту косили почти в упор сосредоточенным огнем. Так и не сумев приблизиться к постоянно менявшим позиции спецназовцам, боевики отступили, оставив на улице полторы дюжины трупов. И в тот же момент загревели разрывы гранат на противоположной окраине аула — это вступила в бой группа Рубцова, а вскоре еще два отделения спецназа атаковали штаб справа. Скопившихся перед особняком автоматчиков врага перебили перекрестным огнем, так что под защиту каменных стен успели убежать немногие.

Начинало светать. Подполковник приказал двум боевым группам прочесать и зачистить селение, а остальным готовиться к штурму последнего опорного пункта.

Утирая пот со лба, Ваха Даламов сказал озабоченно:

— Нелегко будет взять этот домик. Стены крепкие, внутри засела почти половина банды. Все — отпетые бандиты, уголовники с многолетним стажем.

— Не беспокойтесь, майор. — Сергей пренебрежительно отмахнулся. — Кулебякин, действуй.

Прапорщик Кулебякин, мрачный верзила с огромными руками, славился в полку великолепным — до семидесяти метров — броском гранаты. Не высываясь из-за укрытия, он кинул свето-шумовую хлопушку точно в разбитое окно второго этажа.

Следом полетели еще несколько гранат — свето-шумовых и снаряженных слезоточивым газом. Невыносимый грохот, слепящие вспышки, клубы едких аэрозолей мгновенно парализовали всех, кто находился внутри. Когда бойцы «Финиста» в противогазах стремительно ворвались в двухэтажку, им почти не пришлось применять силу.

Уцелевшие натужно кашляли, скорчившись на полу или прислонясь к стенке.

Сражаться никто из них уже не был способен, поэтому спецназовцы повязали остатки банды почти без стрельбы. Лишь отдельные оглушенные боевики пытались оказать сопротивление, но их уничтожили огнем в упор. Пленных уложили на заднем дворе и приступили к выяснению личностей, должностей, воинских званий.

Легкораненого главаря банды Сергей решил допросить с помощью майора Даламова — на случай, если понадобится надежный переводчик с чеченского. Динар Хандруев, яростно матерясь, орал, что ни слова не скажет проклятым оккупантам, что все равно убежит и снова будет убивать, пока не задушит всех врагов собственными руками. Поскольку лишнего времени не имелось, Даламов пару раз съездил Удава по голове острым углом откидного приклада. Кровь обильно потекла по лицу. Динар захлебнулся и стал вести себя потише, во взгляде бандита появились признаки страха.

Бойцы, проводившие обыск в штабных помещениях, принесли сумки с документами и деньгами — все эти рубли, доллары, фунты, дейчмарки были законной добычей «Финиста». Просмотрев захваченные в штабе бумаги, Сергей и Ваха обнаружили немало любопытного.

— Значит, сегодня вы должны были двинуться на Грозный? — спросил подполковник.

Главарь разгромленного отряда кивнул и застонал.

— Все части нашего фронта должны до послезавтра просочиться в столицу и занять указанные позиции, — прошипел Удав. — Шестого августа начнется общий штурм.

— Все? — недоверчиво переспросил Каростин. — Неужели нет полевых командиров, которые не подчиняются вашему штабу?

Динар нехотя признал:

— Есть несколько предателей... — Динар презрительно сплюнул. — Вчера перебежал к нам один боец из Чограй-Юрта. Говорит, их командир отказался выполнять приказы главного штаба и собирается увести своих шакалов на юг, к истокам реки Айгур.

Сергей нашел на карте названные места и удивленно покачал головой. Было совершенно непонятно, за каким дьяволом боевики намерены тащиться в эту высокогорную глушь, где не имелось не то что военных объектов — даже населенных пунктов. Подполковник подумал, что главарь чограйской банды, осознав безнадежность дальнейшего сопротивления, решил уйти к грузинской границе и там отсидеться. А потом, наверное, попырует прорваться в Абхазию или еще куда-нибудь. Ну и черт с ними, пускай уходят. Меньше хлопот будет. Проблема малочисленного вражеского отряда волновала его сейчас меньше всего. Важнее было поскорее вернуться в Грозный и включиться в разгром просачивавшихся в город боевиков.

— Володя, сколько автомашин захвачено в исправности? — спросил командир полка.

— Считай, все на ходу, — доложил капитан. — Пара грузовиков и джип.

— Прекрасно. Поскорее разбирайся с пленными, грузи трофеи — и вперед.

Когда началась суeta, в поле зрения подполковника промелькнул Гастон, который подбежал к сидевшему на корточках Удаву и о чем-то спросил. Выслушав ответ, француз метнулся на задний двор, где находились остальные пленные.

Заинтересовавшись, Сергей направился следом.

Здесь уже кипела работа. Взвод капитана Рубцова приступил к ликвидации духов, поскольку везти их с собой «финисты» не могли, а оставлять в живых и на свободе было попросту глупо. К тому же спецназовцы хорошо знали, как жестоко расправляются чечки с попадавшими в их руки контрактниками. Поэтому действовали как обычно: комсостав связали и закинули в кузов КамАЗа, а остальных пустили в расход. Солдаты методично уводили вопивших от страха боевиков на улицу и там расстреливали. Что поделать, война — жестокое дело...

Оглядев эту картину, Гастон заорал:

— Кто здесь Мустафа Бахаев?

— Я! Я здесь! — радостно крикнул кто-то из толпы. Машен схватил Бахаева за ворот и принялся допрашивать на почти чистом русском языке. Когда Сергей незаметно подошел к этой парочке, держась за спиной Гастона, пленный боевик как раз подтверждал, что именно он перебежал в Чарых-Мартан из Чограй-Юрта.

— Кто был ваш командир?

— Никто не знает, как зовут этого волка, — запинаясь, прошептал внезапно побледневший Мустафа. — Мы называли его Кара-Шайтан, Черный Дьявол. Страшный

человек, ни за что мог убить, все его боялись. Он всегда носит черный плащ-накидку, голову прячет под капюшоном. Никто в отряде не видел его лица. Но все боятся, даже самые отпетые. Один джигит хотел сказать слово поперек и умер на месте. Раны не было, крови не было — просто упал мертвый... Все боятся, а я убежал. Не хотел с этим сатаной в грузинские горы уходить...

— У него есть аппаратура? — быстро спросил Гастон. Полузадушенный туго стянувшимся воротником свитера боевик не понимал, о чем идет речь, и только вертел головой в безнадежных попытках ослабить мертвую хватку старого наемника.

Сделав шаг вперед, Сергей сказал:

— Тебя спрашивают — у вашего командира были какие-нибудь приборы?

От неожиданности Гастон резко обернулся, сверля командира свирепым взглядом. Француз явно не подозревал, что кто-то слушает его, стоя почти вплотную за спиной. Узнав подполковника, Машен не без труда попытался согнать с лица свирепую гримасу. Впрочем, его напоминающий мятую подметку анфас стал от этих усилий немногим приветливее. А Бахаев тем временем сообщил:

— Да-да, у него были разные машинки. Я видел синюю коробку, из нее желтая трубка торчала, еще другие были... Он держал эти приборы, понимаешь, в рюкзаке.

Но я два... нет, три раза видел, как он прибор вытаскивал и чего-то делал. Как будто топограф местность изучает... И еще в мешке много других вещей есть. Нам Мурад рассказывал, он всегда таскает барахло Кара-Шайтана...

«Счетчик радиации, наверное, — мысленно предположил Сергей. — Урановые руды ищет? Или, может быть, проверяет слухи, будто в этих горах остались с советских времен атомные боеприпасы...»

Отпустив пленного, Гастон сказал:

— Командор, надо убивать этот Кара-Шайтан. Серж, ви должен делать этот петит операсьон.

— Сейчас у нас другие задачи, нет времени на твои «маленькие операции», — отрезал подполковник. — Быстрее закругляйся здесь и полезай в грузовик.

С бандой Хандруева было покончено. Сводная рота спецназа, погрузившись в трофейные машины, тряслась по плохой дороге. Пользуясь свободными минутками, «финисты» распаковали пластиковые коробки экспериментального солдатского пайка ИРП-1 и с аппетитом рубали сосисочный фарш, перловку с мясом, галеты и тушенку, закусывая обед сладким изюмом и запивая эти радости жизни фруктовыми соками.

Утомленный нелегким днем, Сергей привалился к борту кузова. Гастон подобрался к нему, сел рядом и снова стал уговаривать командира повернуть роту на юг, прочесать горы от Чограй-Юрта до истоков Айгура и уничтожить банду таинственного Кара-Шайтана. Он даже намекнул, что на этом деле можно заработать неплохие бабки. Гастон явно имел какой-то интерес, и Сергей, как ему казалось, догадывался, в чем тут дело. Подполковник предполагал, что француз был агентом какой-то зарубежной спецслужбы, а Кара-Шайтан состоял в конкурирующем ведомстве другого государства... В любом случае не имело смысла гоняться по горам за крохотным отрядом боевиков, когда назревали большие неприятности в Грозном.

Сейчас подполковника гораздо больше интересовала личность самого Гастона, поэтому Сергей осведомился:

— Ты — хороший солдат, старик. Где научился воевать?

— Меня долго учили, — по обыкновению, уклончиво ответил иностранец.

— И где ты воевал — Африка, Вьетнам, Афганистан?

— Луандьё... далеко отсюда. — Обгорелая маска по-прежнему не выражала эмоций.

— И русскому языку тоже научили давно и далеко. — Сергей не собирался отступать.

— Нет, командор, этому я научился поближе и совсем недавно. — Гастон отвел взгляд. — Ты тоже хороший солдат, командор. Но ты много не понимать... Здесь появляться

террибле... страшный опасность для всех. Я один не могу победить, ты один тоже не можешь победить. Вместе надо. Но если ты не хочешь помогать, я буду пойти один.

— Никуда ты без моего приказа не пойдешь, даже в сортир! — повысил голос Сергей. — Будешь играть в свои шпионские игры, когда кончится срок контракта с «Финистом».

Вместо ответа мсье Машен похлопал его по плечу и перебрался на другой конец кузова. У подполковника совершенно не было настроения заниматься невротами закордонного гостя.

Он снова переживал неприятные обстоятельства сегодняшнего боя. Пули не раз свистели в угрожающей близости, а когда он брал Удава, этот бугай успел ударить подполковника кинжалом. Конечно, все обошлось — клинок, не причинив вреда, скользнул по титановым пластинам нагрудного панциря, но такой факт вообще не имел права на существование, поскольку роботы Лабиринта обязаны были защищать силовыми полями всех Посвященных. Однако энергетические барьеры не действуют вот уже который месяц, — стало быть, в Лабиринте случилось что-то чрезвычайное. Это серьезно беспокоило Сергея: неожиданный отказ инопланетной техники мог оказаться куда опаснее, чем любые земные войны, политические интриги или происки враждебных разведок.

Вскоре после полудня, когда августовский зной становится совсем невыносимым, «финисты» прибыли в Ханкалу. Здесь, на авиабазе, расположенной неподалеку от Грозного, обосновался штаб Объединенной группировки войск министерств обороны и внутренних дел. Подполковник приказал Рубцову организовать для личного состава баню, кормежку и отдых, а также сдать куда положено пленных, захваченные документы и часть трофейной техники. Капитан правильно понял командирское «часть»: самая ценная добыча, вроде спутниковых раций, останется в распоряжении «Финиста».

В штабе Сергей потребовал встречи с командующим. Оказалось, что тот недавно отбыл в отпуск и можно поговорить только с заместителем командующего генерал-лейтенантом Куликовским. «Надо же, здесь Кирилл за главного», — обрадовался Сергей.

Они познакомились лет семь назад, когда полк внутренних войск полковника Куликовского был переброшен в охваченную массовыми беспорядками республиканскую столицу. Там же, на окраине огромного южного города, дислоцировался «Кальмар» — дивизион подводных диверсантов, которым командовал майор Каростин. Тогда им удалось совместными усилиями перемолотить орду погромщиков, за что оба офицера понесли суровые наказания: Кирилла сослали на должность замначальника колонии усиленного режима в забайкальскую глухомань, а Сергея и вовсе выгнали из армии.

— Вы получили мое предупреждение о намеченном штурме Грозного? — первым делом осведомился командир «финиста». — Я радировал в штаб с марша.

— И твое предупреждение получили, и по линии военной контрразведки получили, и чеченское МВД о том же сообщает, — успокоил его Куликовский. — Не беспокойся, мы готовы отразить любую атаку.

Они обсудили боевую обстановку, и Сергей попросил передать в Москву, чтобы сюда перебросили остальные подразделения «Финиста»: в такой напряженной обстановке следовало бы стянуть в столицу воюющей республики лучшие части спецназа. Кирилл заверил, что обязательно передаст его рапорт по инстанции.

— Значит, встретим их как положено, — сказал Сергей. — Пойду-ка я немного покемарю, а вечером начнем зачистку выявленных баз противника в городе.

Он уже собирался уходить, но вдруг вспомнил утренние события и осведомился, что известно штабу о банде некоего Кара-Шайтана.

— Есть такой полевой командир из числа безобидных, — ответил генерал. — От активных боевых действий с нашими войсками старательно уклоняется, поэтому и мы не трогаем его отряд. В общем, он нам не досажает. С такими, как он, всегда можно договориться по-хорошему... Ну, ступай. Я распоряжусь, чтобы тыловики позаботились о твоих людях.

Личный состав «Финиста» бездельничал до самого вечера, а потом из Москвы поступил приказ немедленно возвращаться на место постоянного базирования части — спецназ срочно понадобился для других дел.

Транспортный Ил-96 уходил через час с небольшим, так что грузиться пришлось в обстановке общего аврала. Только в полете выяснилось, что на борту отсутствует Гастон Машен. Пропажа иностранца пахла международным скандалом, но возвращать самолет на чеченский аэродром было невозможно, поэтому Сергей бросился к командиру экипажа и отправил тревожные радиogramмы в Москву и Ханкалу.

Утром следующего дня, когда он был уже в штабе полка, поступили ответы. Из Чечни сообщили, что на территории авиабазы «Ханкала» Машена обнаружить не удалось. Еще интереснее было другое: МИД Российской Федерации, равно как французское посольство, единодушно заверял, что гражданин Франции по имени Гастон Машен за последние три года на территорию России не въезжал.

А на следующий день стало не до исчезнувшего француза: крупные силы чеченских формирований нанесли согласованный удар по основным объектам Грозного.

Глава 2 ДАВНИЙ ПРИЯТЕЛЬ

Аркадий Турин познакомился с Атиллой Бархановым в конце восьмидесятых годов на XVI Всесоюзной конференции по релятивистской астрофизике — так назывался раздел теоретической физики, изучавший происхождение и развитие Вселенной. Оба они, только-только защитив кандидатские диссертации, были полны идей, энтузиазма и иллюзий. Потом сверхдержава погрузилась в пучину хаоса, и люди интеллектуального труда внезапно стали никому не нужны.

Сам Аркадий до прошлого лета был озабочен лишь одним — как бы прокормить семью. В конце концов он занялся подводным поиском антиквариата и нашел-таки удачу. Атилле пришлось похуже: властям его республики очень не нравилось, что доцент местного университета стал активистом Интерфронта и выступает против этнических чисток, искоренения русскоязычных секторов в высшей и средней школе, а также прочих проявлений местного расизма. Были и звонки с угрозами, и другие неприятности. Под нажимом администрации жизнь семьи Бархановых быстро сделалась невыносимой, так что пришлось второпях распродавать имущество и перебраться в Подмоскowie. Сейчас Атилла втретдорога снимал комнатку в Мытищах, где ютился с женой и двумя маленькими детьми.

И вот сегодня утром, совершенно случайно встретив старого знакомого на книжном рынке, что в спорткомплексе «Олимпийский», Аркадий пригласил его в гости.

— ... Я почти добил теорию единого поля, на которой споткнулся старик Альберт! — Аркадий не мог скрыть торжества. — Осталось только получить коэффициент жесткости пространства. Еще немного усилий — и все уравнения будут готовы. И тогда ты тоже сможешь завершить свою модель пульсирующей Метагалактики.

Печально разведя руками, Атилла признался, что сейчас ему не до науки.

— Я же безработный, — сказал он с унылым видом. — Нигде не берут, потому как физики не требуются. Бухгалтера нужны, менеджеры, юристы, шлюхи, киллеры, специалисты по рекламе презервативов и гигиенических прокладок, но никак не физики.

— Если деньги нужны... — начал было Аркадий.

— Ну, деньги пока наличествуют, мы же квартиру продали, так что еще годик-полтора протянем. Но ведь нужно как-то устраиваться, детей на ноги ставить. Вот прочитал в газете объявление: приглашают добровольцев во французский Иностраннный легион.

— Хочешь завербоваться? — удивился Аркадий. — Не думал, что тебе нравится воевать... Любишь стрелять?

— Во всяком случае, умею. Я же мастер спорта по пулевой стрельбе, да и в Афгане

командовал взводом снайперов. А платят французы, должно быть, неплохо... — Гость улыбнулся. — Ну, хватит о грустном, тем более что есть более интересные темы. До меня дошли слухи, будто ты встречался с инопланетянами. Это правда?

Аркадий кивнул:

— Правда. Но контакт получился недолгим. Весной связь неожиданно прервалась.

— Да, я в курсе. На эту тему было несколько публикаций в прессе — нашей и американской. Но ведь вы общались с роботами пришельцев всю осень и всю зиму. Меня интересует, что вы узнали про те космические экспедиции, которые побывали на нашей планете за последние два-три тысячелетия.

— Экспедиции? Ты уверен, что они были?

С нескрываемым недоумением поглядев на приятеля, Атилла проговорил:

— Слишком много известно фактов, подтверждающих такую гипотезу. Неужели вы ни разу не спрашивали об этом?

— Мне очень стыдно, но только у нас руки не дошли, — признался Турин. — Честно говоря, я даже не подумал о такой возможности. Знаешь, случилось много всякого...

— Знаю. Но ведь это так важно! Я не могу поверить... — Барханов сокрушенно всплеснул руками. — В конце концов, ты — не только ученый, но и писатель-фантаст, а лидер вашей группы — сын известнейшего писателя-фантаста довоенных времен. Вам же должно быть хотя бы интересно...

— А ты, старик, неплохо осведомлен, — ухмыльнулся Аркадий. — Но тебе известно далеко не все...

В конце прошлого года они сообщили о Лабиринте представителям правительства, и вскоре Кремль поделился этой информацией с вашингтонским Белым домом. На высшем уровне договорились не сообщать через прессу о существовании грандиозной системы межзвездного транспорта, однако кое-какие сведения все-таки просочились. Некоторые газеты и журналы опубликовали сенсационные материалы, в которых домыслов, как водится, было гораздо больше, чем правды. Новость показалась публике столь невероятной, что интерес к сенсации быстро угас — читатели и телезрители попросту не поверили, посчитав подобные материалы очередной ложью журналистов.

А Лабиринт действительно существовал и был создан цивилизацией планеты Троклема, которая вращалась вокруг желтой звезды-субкарлика в созвездии Цефея на расстоянии ста тридцати световых лет от Солнца. Троклемиды, которые ни внешне, ни генетически не отличались от людей, приступили к межзвездным исследованиям примерно три с половиной тысячи земных лет назад. Космические корабли, развивавшие околосветовую скорость, доставляли в соседние планетные системы особые агрегаты — приемопередатчики материальных тел. Включение этих устройств позволяло создавать многомерные тоннели, двигаясь по которым можно было почти мгновенно преодолевать бездну, разделившую звезды. За первую тысячу лет густая сеть транспортных тоннелей превратилась в сложнейший Лабиринт, соединивший сотни Станций в радиусе двухсот световых лет от Троклема.

Сеть межзвездных тоннелей была двойной. Кроме научно-транспортного Лабиринта существовал военный, поскольку троклемиды враждовали с цивилизацией земноводных разумных существ, именуемых вешша. Примерно за пятьсот лет до начала нашей эры конфликт могущественных рас обернулся бойней — противники обменялись сокрушительными ударами. На заселенные миры обеих цивилизаций обрушились многие сотни боеголовок, начиненных антивеществом. Раскаленная плазма чудовищных взрывов испепелила города, расколола на части некоторые планеты, а кое-где вырвалась в пространство многомерных тоннелей, разрушив часть Лабиринта, примыкающую к Троклему.

Катастрофические события скоротечной космической войны отрезали от остального комплекса Девятую Ветвь Лабиринта, где находилась Станция Земля.

Персонал погиб, когда прекратилось централизованное снабжение энергией.

Управление обособленным участком Лабиринта перешло к Координатору. Этот псевдоразумный электронный мозг сумел сохранить большую часть Станций в режиме консервации. Примерно через полтора тысячелетия после Катастрофы роботы восстановили энергоснабжение, и Лабиринт продолжил исследовательскую работу согласно ранее введенным программам. Потянулись века, на протяжении которых сотни Станций активно изучали поднадзорные миры.

В конце августа прошлого, 1995 года на Черноморском побережье появился отряд аквалангистов, промышлявших «черным поиском», то есть добычей ценных предметов с затонувших кораблей. Пятерку «черных следопытов» возглавлял Сергей Каростин, отставной майор подводных диверсантов, изгнанный из Вооруженных Сил за слишком решительное исполнение воинского долга при подавлении мятежа экстремистов в одной южной республике. Под началом опального спецназовца работали геолог Николай Милютенко — беженец из той же республики, физик-теоретик Аркадий Турин, доводившийся двоюродным братом Николаю, программист Алексей Бужинский и политолог Диана Суханова.

Они подняли кое-какую мелочь с древнегреческой галеры, но в тот же день были взяты в плен бандой Арчила — главного криминального авторитета на российском Юге. От расправы аквалангистов спасло лишь появление неизвестных боевиков, которые перебили бандитов и отобрали у главаря список банковских счетов, хранящих средства воровского общака. Уже в Москве «черные следопыты» узнали, что их освободителями были Красные Стрелы — так называемый эскадрон смерти, созданный бывшими офицерами спецслужб, которые считали своим долгом уничтожение организованной преступности и утверждение справедливых порядков в масштабах всей страны. Лишь немногим было известно, что Красные Стрелы — это законспирированное боевое подразделение, состоящее из сотрудников ИСТРИСа — независимого Института стратегических исследований...

Среди множества находок с античной триremы оказались корона и глобус — портативные устройства троклемидов, открывающие проход на расположенную в параллельных измерениях Станцию. Сергей, Аркадий и остальные смогли проникнуть в Лабиринт и вскоре нашли общий язык с Координатором, который согласился признать пятерку землян (они называли себя Посвященными) наследниками троклемского персонала. Посоветовавшись с людьми, супермозг пришел к выводу, что не следует передавать накопленную за тысячелетия информацию ни человечеству, ни другим «молодым» цивилизациям, контакты же будут поддерживаться лишь неофициально — с отдельными представителями различных звездных народов. В благодарность за сотрудничество и посильную помощь Координатор позволил Посвященным использовать для личных целей технику Лабиринта.

Приемопередатчики предоставили друзьям уникальную возможность мгновенно перемещаться практически в любую точку Земли, а также путешествовать на другие планеты, где имелись Станции. Проникая в арсеналы различных армий, они собрали солидную коллекцию оружия и спецтехники, при помощи которых подняли около тонны золотых слитков с потопленного в конце войны немецкого рейдера «Валгалла».

Благородный металл удалось выгодно реализовать через бывшего соотечественника, обосновавшегося в Нью-Йорке. Почти месяц Посвященные беззаботно путешествовали по далеким планетам, охотились на экзотических зверей, прожигали жизнь на роскошных курортах.

До поры до времени серьезные неприятности исходили только от мафиозных кругов. «Крестные паханы» преступного мира не оставляли попыток выяснить обстоятельства гибели Арчила. Произошло несколько стычек, в которых погибла чуть ли не вся верхушка оргпреступности СНГ. При этом Посвященные позаимствовали из сейфа верховного авторитета Аввакума крупную сумму наличными и компьютерные дискеты, на которых были записаны номера банковских счетов многих воров в законе и коррумпированных политиков из некоторых стран.

К немалому удивлению Посвященных, они обнаружили на планете Пошнеста троклемскую военную базу, личный состав которой продолжал боевые операции против вешша. Узнав, что Аркадий работает над более совершенной теорией многомерных перемещений (Турину почти удалось объединить достижения ученых Троклема, Земли и некоторых других цивилизаций, включая вешша), троклемское командование потребовало, чтобы земной физик передал им свои результаты для постройки сверхмощного боевого звездолета. Посвященные оказались в щекотливой ситуации.

Они не без оснований опасались, что излишне тесное сотрудничество с инопланетными войсками может втянуть Землю в конфликт с могущественной расой вешша, которая уже почти залечила раны, нанесенные давней межзвездной войной.

А тем временем спецслужбы многих стран вышли на след пятерки Посвященных, не слишком заботящихся о конспирации. То и дело в средствах массовой информации появлялись их фотопортреты, сделанные в пикантные моменты, когда они грабили американские арсеналы или развлекались на островных курортах Карибского моря.

Контрразведчики, включая аналитиков ИСТРИСа, быстро пришли к правильному выводу: кто-то в России сумел получить доступ к технологиям звездных пришельцев. Особое рвение в охоте на Посвященных проявили ЦРУ, Моссад, ИСТРИС и Федеральное управление охраны правительственной информации. Последнее ведомство возглавлял генерал Восканов, он же Парафин, — в недавнем прошлом политработник, по вине которого прервалась военная карьера Сергея Каростина.

Первыми нашли Посвященных офицеры ИСТРИСа. Между ними быстро наладилось взаимопонимание и плодотворное сотрудничество. Однако Восканов, который готовил путч, опираясь на главарей преступного мира, похитил дочь и любовницу Сергея.

Парафин предъявил ультиматум: заложницы будут освобождены только в обмен на ключи к межзвездному транспорту. Отряд Красных Стрел сумел освободить пленниц, а Каростин собственноручно расправился с генералом-заговорщиком: прежде чем сдать Парафина властям, отставной майор от души изувечил давнего недруга.

Увы, события бурного дня на этом не окончились. Не успели Посвященные при поддержке Красных Стрел разгромить банду Восканова, как пришло известие, что в Лабиринт ворвалось подразделение троклемидов с Базы Пошнеста. Командование военно-космической базы надеялось захватить управление Лабиринтом и мобилизовать ресурсы поднадзорных планет для продолжения войны против вешша. К счастью, Координатор остался на стороне землян и помог разгромить милитаристов, не желавших прекратить межзвездное побоище.

Так удалось покончить с очередной волной неприятностей, но становилось очевидным, что Посвященных в покое не оставят — слишком уж много объявилось желающих монопольно владеть сплетением галактических маршрутов. И тогда пришлось пойти на жестокий, но вынужденный шаг. Координатор временно прервал контакты с человечеством, пообещав вновь выйти на связь лет через двадцать — двадцать пять, да и то лишь в том случае, если земляне за это время образумятся и хотя бы постараются покончить с войнами. И лишь один-два раза в год Координатор будет устраивать встречи с Посвященными...

— Что делается! Что творится! — без конца восклицал Атилла. — Такие дела, и никто ничего не знает!

Он был потрясен, а ведь Аркадий поведал далеко не все подробности прошлогодних событий. Турин умолчал, к примеру, что очаровательная троклемидка Пасари Малер, младший штабной офицер Базы Пошнеста, осталась на Земле и вышла замуж за Леху Бужинского. Ни слова не сказал он и о тех махинациях, которые Посвященные творили при помощи роботов Станции Земля с банковскими счетами мафии, переводя на свои подставные фирмы колоссальные суммы через всемирную компьютерную сеть. И еще Аркадий решил не упоминать Тарпанова — лидера быстро растущей партии, которого ИСТРИС считал идеальным кандидатом в президенты на следующих выборах. Впрочем, и это усеченное повествование изрядно ошеломило Барханова.

Немного опомнившись и наскоро переварив услышанное, Атилла осторожно поинтересовался:

— Значит, если я правильно понял, в радиусе сорока парсек от Солнечной системы сохранились осколки двух сверхцивилизаций?

— Не совсем так...

Включив ноутбук, Аркадий вызвал графический файл, изображавший трехмерную карту звездного неба, на которой были нанесены примерные границы известных внеземных рас. Троклемиды колонизировали несколько планет на расстоянии от ста до двухсот световых лет от Земли в направлении созвездий Цефей, Ящерица и Кассиопея. Когда-то эти миры были населены десятками миллиардов гуманоидов, но сегодня никто не знал, какова численность некогда великой цивилизации. Точно было известно, что уцелела База Пошнеста и еще несколько военных гарнизонов в Северной Короне — примерно в ста тридцати световых годах от Солнца. Всего на этих базах осталось не больше миллиона троклемидов.

— Постоянно бодрствует лишь каждый сотый, — сказал Аркадий. — А остальные спят в анабиозных камерах.

— А другие, как их там?

— Колонии вешша располагались главным образом в Волопасе... — Несколько раз «кликнув» мышкой, хозяин изменил ракурс картинки и очертил курсором обширный сектор галактического пространства. — Расстояние до них еще больше — от двухсот до четырехсот световых лет. Как нам известно, за три тысячелетия, прошедшие после войны, они восстановили разрушенное, теперь у вешша не меньше шести планет с населением до десяти миллиардов. Эти две цивилизации освоили субсветовую космонавтику и умеют перебрасывать крупные тела через многомерные внепространственные тоннели. Но есть и другие...

Очередной щелчок мыши вывел на экран таблицу, содержащую сведения об известных Лабиринту звездных народах. Три цивилизации уже приступили к межпланетным полетам, а разумные насекомые Годлана даже снарядили первую экспедицию к соседней звезде, но их корабль не вернулся, а экипаж был спасен лишь благодаря вмешательству Посвященных. Еще два десятка разумных рас уступали человечеству по части технологии.

— Есть совсем примитивные культуры, — рассказывал Аркадий, — есть и такие, что на уровне нашего средневековья или античности. Но это лишь те, чьи планеты доступны надзору с нашей Ветви Лабиринта. Наверняка должны быть другие, о которых мне ничего не известно.

К его удивлению, Атилла воспринял это известие не слишком эмоционально.

Кажется, астрофизик даже был слегка разочарован и после недолгих раздумий произнес:

— Иными словами, сегодня межзвездным транспортом располагают только две известные вам расы — гуманоиды, очень похожие на людей, а также земноводные, внешне напоминающие лягушек или тритонов. Так?

— Вроде бы так, — подтвердил Аркадий. — Во всяком случае, Координатор нам о других звездолетчиках не рассказывал.

— Он не рассказывал, а вы не удосужились спросить...

Барханов помолчал, а затем напомнил, что можно считать точно установленным факт неоднократного посещения Земли пришельцами из космоса на протяжении последних полутора тысяч лет, то есть как раз в период, когда цивилизации троклемидов уже не существовало, да и амфибиям-вешша было не до межзвездных исследований.

— Исторические хроники многих народов Европы и Южной Америки содержат сведения о появлении ящеров, говоривших человеческим голосом, — сказал Атилла. — В киевских летописях десятого века упоминались плывущие по Днепру «коркордилы».

Не позднее одиннадцатого-двенадцатого века африканское племя догонов имело удивительно достоверные знания о природе, причем знания были получены от существ,

которые называли себя гостями со звезд. Внешним обликом эти учителя догонов заметно отличались от человека.

Неверно было бы думать, что все следы посещений относились к далеким столетиям. В тысяча девятьсот пятьдесят втором году сеть бразильского рыболовного корабля выловила обломок непонятной конструкции, отлитой из химически чистой платины. Предназначение и происхождение этой детали определить не удалось до сих пор, но доказано, что вплоть до конца восьмидесятых годов земные технологии не позволяли получать платину такой высокой пробы. К тому же весьма проблематично, чтобы какой-нибудь миллиардер решил шутки ради изготовить такую отливку, затратив почти два килограмма супердорогого металла.

— Точно датировать возраст металлических находок, как ты знаешь, невозможно. — Барханов сбивался на лекторский тон. — Но есть веские доказательства, что в период от девятого до одиннадцатого века на Земле побывали существа, похожие на рептилий, ящеров, драконов, крокодилов или на еще что-то в этом роде...

— Говоришь, летописцы называли их «коркордилами»? Занятно... — Аркадий задумчиво помассировал лоб. — В десятом веке Станция Земля уже функционировала.

Следовательно, Координатор и Мозг Станции должны были знать об этих пришельцах.

— Поехали дальше, — с энтузиазмом предложил Атилла. Он извлек из портфеля ксерокопию страницы какого-то англоязычного журнала с текстом статьи о раскопках на тихоокеанском острове Феникс в марте 1934 года. На фотографии был отчетливо виден череп, довольно похожий на человеческий, однако имевший единственную глазницу, расположенную над переносицей. В отчете исследователей говорилось, что радиоизотопным методом определено время гибели загадочного существа — приблизительно начало прошлого века. Авторы статьи полагали, что находка может иметь два истолкования: либо необычный череп принадлежит земному уроду, либо — инопланетянину.

— Итого мы получаем уже как минимум два посещения, — резюмировал уфолог. — Тысячу лет назад прилетали ящеры, а двести лет назад Землю исследовали одноглазые циклопы. Согласен?

— Похоже на правду... — Аркадий неуверенно покачал головой. — С другой стороны, ты не хуже меня должен понимать цену подобным публикациям. Запросто может оказаться газетной уткой. Факты выдуманы, фотография — фальшивка. Бульварная пресса штампует такие дутые сенсации, как на конвейере.

— Публикации о вашем Лабиринте тоже сочли уткой, — парировал Атилла.

— Тоже верно. — Тут Аркадий вспомнил про звездолет, найденный роботами в океане планеты Сарто, удаленной от Солнца на восемьдесят четыре световых года в направлении созвездия Скорпион. Корабль затонул на большой глубине еще в те времена, когда аппаратура Лабиринта не работала из-за разрушений, причиненных войной между троклемидами и вешша. В прошлом году, получив от аборигенов информацию о той давней аварии. Координатор развернул работы с целью поднять из пучины неплохо сохранившийся космолет. Известно было лишь, что погибший на Сарто корабль построен не вешша и не троклемидами... Аркадий решил пока не говорить Барханову об этой истории. Хватит ему на сегодня головокружительных известий.

— Вы должны как можно скорее связаться с Координатором и как можно больше узнать обо всех посещениях, — возбужденно говорил Атилла. — Я почти уверен, что пришельцы где-то поблизости. В этом году около Земли появлялось слишком много комет.

— Погоди, старик, тебя начинает зашкаливать. — Аркадий замахал руками. — Какая связь между инопланетянами и кометами?

— Самая прямая, просто я забыл тебе рассказать... Ты слышал что-нибудь о профессоре Роме Недужко?

— А как же! Знаменитый астроном, открывший астероид Гермес. Кажется, его расстреляли в тридцать седьмом году.

— Ну, во-первых, не в тридцать седьмом, а в тридцать восьмом. Во-вторых, не

расстреляли, а только арестовали. В-третьих, через год или полтора старика освободили, и Недужко вернулся в большую науку. Умер он при непонятных обстоятельствах в самом начале войны.

— В ополчение пошел, наверное, — предположил Аркадий.

— Если бы...

Усевшись поудобнее, Барханов принялся рассказывать о событиях, казавшихся не слишком правдоподобными даже для человека, повидавшего добрый десяток инопланетных рас. По словам Атиллы, получалось, что у Недужко имелись неопровержимые доказательства, будто некая внеземная цивилизация маскировала свои звездолеты под астероиды или кометы. Летом 1937 года в Солнечной системе появилось новое тело — астероид Гермес, причем первыми обнаружили этот планетоид два астронома: немец Рейнмут и работавший на Пулковской обсерватории Недужко.

Советский астроном, повторно фотографировавший Гермес в октябре тридцать седьмого, то есть в дни наибольшего сближения астероида с Землей, якобы зафиксировал на одном из снимков старт с Гермеса ракетных аппаратов. На основании этих наблюдений Недужко выдвинул гипотезу, что осенью 1937 года инопланетяне тайно высадились на Землю.

— Откуда у тебя эти сведения? — возбужденно спросил Аркадий.

— После войны Карл Рейнмут решил разобраться в обстоятельствах смерти Недужко — ведь оба профессора были не только коллегами, но и старыми друзьями.

Письма в советские инстанции не дали результата. В архивах Академии наук не оказалось нужных сведений о судьбе Недужко, а его единственная дочь вроде бы вышла замуж и поменяла фамилию, так что ее тоже не удалось найти. Однако Рейнмут умудрился собрать кое-какие сведения в архивах Германии, США и Японии. Его статью, посвященную жизни и смерти Романа Недужко, в шестьдесят восьмом году напечатал «Уорлд джорнел оф уфолоджи».

— В статье есть серьезные факты? — Турин напрягся.

— Рейнмут нашел косвенные свидетельства, что Недужко добился контакта с одноглазыми существами, которые прилетели в Солнечную систему на астероиде Гермес. Накануне японской атаки на Пёрл-Харбор экспедиция под руководством Недужко вела раскопки на каком-то тихоокеанском архипелаге, где, как уверяет Рейнмут, им удалось обнаружить следы пришельцев. Потом произошел бой, в котором было уничтожено несколько японских крейсеров, пытавшихся перехватить корабль нашей экспедиции. По американским данным, возле острова вовремя оказался линейный корабль «Халхин-Гол», незадолго перед тем купленный в Штатах для Красного Флота. Именно во время этого сражения погиб Недужко. Рейнмут особо подчеркивает, что почти вся информация о тех событиях странным образом исчезла из архивов...

— Исчезла или была засекречена и потому изъята?

— В том-то и дело! Японцы делают вид, что у них никогда не было тех кораблей. Наши словно слыхом не слыхивали про эту экспедицию. Ну и так далее.

— Это можно объяснить двояко, — усмехнулся Аркадий. — Либо дело столь важное, что все материалы надежно упрятаны под двойное дно, либо такой информации никогда не существовало, потому что ничего подобного никогда не случилось.

— Согласен, — кивнул Барханов. — Но получается довольно логичная картина.

Циклопы высаживались на каких-то островах Тихого океана — об этом свидетельствует необычный череп. В тех же краях экспедиция Недужко обнаружила еще что-то. Все сведения о находках строгойше засекречены... — Взгляд Атиллы стал почти умоляющим. — Так ты поговоришь об этом с Координатором?

— Рад бы, да не могу. Сказано же тебе — он на связь не выходит.

— Давно?

— Последний сеанс был в конце марта.

— Печально...

Парня можно было понять. Аркадий и сам всерьез заинтересовался его гипотезами и попросил уточнить, что именно Атилла собирался рассказать о кометах этого года. Астрофизик промямлил:

— За последние годы резко увеличилось количество сообщений о наблюдении НЛО в самых разных точках планеты. Словно все «летучие тарелочки» внезапно активизировались. Я полагаю, что нынешней весной в Солнечную систему прибыла чья-то экспедиция, потому и аппаратов-наблюдателей стало больше.

— И ты думаешь, что они маскируют свои корабли под астероиды, дабы дикие земные аборигены не догадались о прибытии чужих звездолетов?

— По-моему, вполне разумная предосторожность. Повторяю, в начале этого года мимо Земли промчалось несколько таких тел. Ты, наверное, помнишь, как в конце марта на каждом углу стояли самодельные телескопы.

— Помню, конечно. — Аркадий засмеялся. — Всякие аферисты предлагали за небольшие бабки поглазеть на настоящую комету... Но ты извини, старик, комета проходила далековато. Пятнадцать миллионов километров, если не ошибаюсь.

— Ты говоришь о комете Хиякутаки, — кивнул Барханов. — Хотя для солидной цивилизации это не расстояние. Меньше световой минуты... Но ведь вскоре появился безымянный пока астероид в полкилометра длиной, причем форму он имел довольно правильную. К твоему сведению, тот обломок сблизился с Землей аж на четыреста пятьдесят тысяч километров — всего в полтора раза дальше Луны...

Вдруг Атилла, спохватившись, поглядел на часы, вскочил и стал откланиваться, ссылаясь на срочные дела. Несмотря на все уговоры туринских домохозяек, он отказался остаться на ужин. Чуть погодя, когда они прощались на автобусной остановке, Аркадий спросил:

— Ты серьезно решил в наемники податься?

— А что поделаешь, семью-то кормить надо...

— В таком случае не спеши вербоваться к французам. Наш Серега командует каким-то крутым спецназом, ему нужны люди, которые знают южные регионы и готовы стрелять по хомо сапиенсам. И платят там неплохо. Особенно офицерам. Если хочешь, замолвлю словечко.

— Буду весьма тебе признателен, — обрадовался Атилла.

Возвращаясь к дому, Аркадий раздумывал над странным совпадением: связь с Координатором оборвалась в конце марта, то есть сразу после сближения Земли с кометой и астероидом. Трудно было не заподозрить, что прекращение контактов каким-то образом связано с появлением новой экспедиции внеземных братьев по разуму.

Глава 3 СТУК В ОКНО

Голос мужа в трубке весело произнес:

— Дианка, дома сидишь? Давай руки в ноги и мотай в бутовскую берлогу. Чтобы к шести часам там была.

— А в чем дело? — заинтересовалась она. — Я как раз котлеты задумала.

— Делай, что говорят старшие по званию, и не задавай лишних вопросов, — загадочно ответил Сергей. — Запомни: в восемнадцать ноль-ноль мы все должны быть на той квартире.

Загудели торопливые гудки отбоя. Она пожала плечами.

Это не было похоже на Сережу, но мало ли чего он задумал. «Ладно, поужинаем полуфабрикатами, — решила Диана. — Оно и к лучшему — останется время поработать над рукописью». В любом случае новость относилась к приятным: постоянно перегруженный служебными делами муж редко возвращался домой так рано.

До женитьбы у обоих имелась собственная жилплощадь. Диане осталась от деда роскошная трехкомнатная квартира в «сталинском» небоскребе, а Сергей купил себе

двухкомнатную квартиру нового проекта в Южном Бутове. Жилье в центре было комфортнее, а дом в Бутове — ближе к гарнизону части, которой командовал подполковник Каростин. Поэтому они жили попеременно то там, то здесь.

В начале пятого, загнав «Москвич» в подземный гараж, Диана отоварилась в ближайшем гастрономе и, нагруженная как тяжеловоз, с трудом доволокла к лифту две битком набитые хозяйственные сумки. Не успела она распределить все эти кульки, банки, пакеты и бутылки, как замурлыкал телефон. Звонил Аркадий.

— Еле нашел тебя, — сообщил физик. — Ни на одной квартире не отвечаете, и благоверному твоему в штабе не сидится. Надо вам сотовой «Моторолой» обзавестись, все-таки двадцатый век на исходе.

— Я только-только вошла. А сотовые, если верить прессе, излучают какие-то волны, от которых рак мозга случается.

— И до меня эти ужасы доходили... Скажи, сестренка, хозяин твой вернулся из гор Ичкерии далекой?

— Еще позавчера. Обещал скоро быть.

— Значит, все в порядке, — обрадовался Аркадий и непонятно добавил: — А то я, грешным делом, розыгрыш заподозрил. В общем, через часик мы с Надеждой подвалим. Не против?

— Конечно, приезжайте. Сто лет не виделись.

Она занялась ужином и не заметила, как пролетело время. Около половины шестого, когда салат был уже нарезан, а куриные ляжки и грудки покрывались майонезной коркой в жару духовки, явились Турины. Не обращая внимания на язвительные подначки Аркадия, женщины всласть обсудили свежие московские сплетни из жизни богемно-политической тусовки, поговорили о новостях моды, о последних фильмах, книгах, концертах и спектаклях. Короче говоря, начатая утром статья для «Вопросов политологии» не продвинулась ни на строчку.

Наконец Аркадию надоело слушать бабьи глупости, и он решительно изменил течение беседы:

— Сестренка, ты у нас лучше всех историю знаешь. Скажи, пожалуйста, был в советском флоте линейный корабль по имени «Халхин-Гол»?

— Не было у нас такого линкора, — уверенно ответила Диана. — «Хасан» был, — по моему, эсминец или десантный корабль. А в чем дело?

Аркадий коротко пересказал свой недавний разговор с Бархановым. Диана категорично повторила: все крупные корабли наперечет, крейсеров или линкоров с таким названием в предвоенные годы не существовало — это точно. От царского флота советская власть унаследовала четыре дредноута на Балтике и столько же на Черном море, причем от черноморских остались одни лишь приятные воспоминания.

«Императрицу Марию» подорвали германские диверсанты, «Императора Александра III» увели в североафриканский порт Бизерта отступающие врангелевцы, а «Императрицу Екатерину Великую» сами красные потопили возле Новороссийска, чтобы корабль не достался наступающим немцам.

— Ты говорила про четвертый линкор, — напомнил Аркадий.

— «Императора Николая Первого» только начали строить, а после Гражданской войны не было ни средств, ни желания завершать работы. От большого ума корпус линкора просто разрезали на металлолом. Кстати, точно так же большевики поступили и с четверкой гигантских линейных крейсеров типа «Измаил»...

— Знакомая история. — Аркадий ехидно усмехнулся. — Пару лет назад в Николаеве пустили под нож атомный авианосец.

Диана кивнула — ситуация в обоих случаях была идентичной по степени кретинизма. Затем она продолжила:

— После всех упомянутых событий в составе Красного флота осталось только три балтийских дредноута, их названия известны: «Марат», «Парижская Коммуна» и

«Октябрьская Революция». На четвертом, «Фрунзе», в двадцатые годы случился сильный пожар. Линкор с грехом пополам подлатали только к началу Отечественной войны. Но тогда уже стало ясно, что корабли такого типа морально устарели, поэтому «Фрунзе» в строй так и не вступил. Другое дело, что в конце тридцатых начался монтаж новых линкоров типа «Советский Союз», однако ни один из них не был достроен, а потому не мог вести бой с японцами в декабре сорок первого.

Обдумав ее короткую лекцию, Аркадий предпринял последнюю отчаянную попытку спасти бархановскую легенду:

— Мой приятель говорил о другом. Вроде бы дедушка Сталин купил тот линкор в Штатах.

— Чушь собачья! — отрезала она.

Ее всегда раздражали дилетанты, пытавшиеся переписать историю.

Действительно, накануне войны делались попытки усилить флот, покупая корабли за границей. Немцы перегнали в Кронштадт недостроенный тяжелый крейсер «Лютцов», а итальянцы построили знаменитый лидер «Ташкент». Американские же власти наотрез отказались продавать Союзу боевые корабли — таков хорошо известный исторический факт.

— Если интересуешься подробностями, почитай мемуары адмиралов Исакова и Кузнецова, — посоветовала Диана.

— Не стоит, мне достаточно твоих объяснений. — Аркадий грустно вздохнул. — Значит, липа... Обидно. Интересная была легенда.

— Вся их уфология основана на фальшивках, — фыркнула Надя.

Беседу оборвал телефон. Звонил глава семьи, раздраженным тоном осведомившийся, за каким дьяволом Диана передала ему через дежурного по части, чтобы он обязательно был дома в шесть часов.

— Ты же знаешь, что я до восьми никак не могу вырваться, — сердито выговаривал подполковник.

— Путаешь, любимый, — беззаботно ответила Диана. — Ты ведь сам позвонил мне на городскую квартиру и сказал...

После недолгих препирательств они наконец сообразили, что ситуация не так проста. Получалось, что некто разговаривал с Дианой голосом Сергея, а с дежурным по штабу «Финиста» — голосом Дианы. В обоих случаях таинственные голоса предлагали собеседнику явиться на бутовскую квартиру не позднее 18.00.

Подполковник всерьез встревожился, заподозрил неладное и сказал, что с минуты на минуту выезжает, только автомат прихватит. Он не любил встречать неизвестность с пустыми руками.

Когда растерянная Диана, положив трубку, пересказала гостям содержание разговора, Надя Турина произнесла обеспокоенно:

— Может быть, и мне звонил не Серега...

— Тебе? — не поняла Диана.

— Ну да. Ты думаешь, почему мы нагрянули к тебе без приглашения? Позвонил кто-то, голос был очень похож на Сережин... Сказал, чтобы мы бросили все дела и быстро ехали сюда. Еще предупредил: тебе не говорить, что это он нас пригласил, — вроде бы какой-то сюрприз намечается... Ой, ребятки, не к добру это...

Электронный хронометр телевизора показывал 17.57. Все пребывали в замешательстве, догадываясь, что неизвестный имитатор голосов неспроста пытался заманить их в одну точку пространства-времени. Первым опомнился Аркадий:

— Сестренка, оружие есть?

— Этого добра сколько угодно... — Диана просияла.

Метнувшись в спальню, она дрожащими пальцами набрала код электронного замка. Сейф распахнулся, представив их взглядам лоснящиеся смазкой стволы, рифленые рукоятки и полированные приклады. Аркадий схватил самозарядный охотничий карабин с оптическим прицелом, его супруга деловито загоняла в магазин винчестера пулевые и картечные

патроны двенадцатого калибра, а Диана предпочла миниатюрный пистолет ПСМ, которым обзавелась в какой-то прошлогодней переделке.

— Если ворвутся через дверь, будем бить из всех стволов по тамбуру, там узко, противнику трудно развернуться, а у нас ни один заряд мимо не ляжет, — наставлял женщин Аркадий. — Только старайтесь держаться за углом коридора.

Диана стояла с пистолетом в руке посреди гостиной спиной к окну. Вдруг глаза смотревшего на нее Аркадия странно округлились и расширились, после чего физик стал медленно поднимать оружие. Одновременно раздались два звука: позывные «Новостей» первого канала и деликатный стук в окно. Обомлев — кто мог стучать в окно двенадцатого этажа! — Диана рывком обернулась, вскидывая ПСМ.

Вид сквозь окно потряс ее, поскольку сильно смахивал на ожившее полотно художника-неомодерниста. Знакомая панорама жилого массива колыхалась, словно где-то рядом работала мощная печка, гнавшая потоки горячего воздуха. А в центре висел, плавно покачиваясь, ребристый красно-желтый шар размером с баскетбольный мяч. Диана никак не могла сообразить, что полагается делать в такой ситуации — стрелять без предупреждения или все-таки прятаться, но тут позади нее Аркадий проговорил с облегчением:

— Девчонки, это же привет от Координатора. Какой-то робот Лабиринта висит в антигравитационном поле, оно и искажает линии световых лучей.

Полосатый шар завибрировал сильнее, нетерпеливо постукивая ребром о стекло, будто просил поскорее пустить его внутрь. Диана, наконец придя в себя, отворила окно. Робот-шар вплыл в квартиру, выкинул из своих внутренностей небольшой серебристый цилиндр, затем вылетел наружу и, резко набрав высоту, скрылся из виду. На дисплее таймера цифры 18.01 сменились на 18.02.

Физик уже откручивал крышечку цилиндра. В контейнере оказался свернутый трубочкой лист эластичного материала, покрытый ровными строчками значков «академического» шрифта. Диана непослушными руками закрыла окно на задвижку, и в это время опять зазвонил телефон. Трубку взял Аркадий.

— Привет, старик, — сказал он хриплым голосом. — Это ты или твой электронный двойник?.. По лексике вижу, что ты... Можешь не беспокоиться, недоразумение вроде бы уладилось. Нас навесил робот из Лабиринта, — во всяком случае, мне так кажется... Нет, ничего не говорил, оставил письмо и сорвался не попрощавшись... Да-да, говорю тебе, у нас все в порядке, сейчас будем читать... Наверное, объясняет, я надеюсь... — Он выслушал очередную реплику собеседника и расхохотался: — Конечно, взвод с пулеметами не понадобится. Но сам приезжай, мы жрать хотим, а без хозяина за стол садиться неловко... Ну давай, ждем.

Положив трубку, Аркадий веселым тоном сообщил, что Серега чуть было не ударился в панику и готов был мчаться сюда защищать любимую супругу, прихватив с собой механизированную колонну с крупнокалиберной ракетной установкой. Впрочем, сам физик, несмотря на показную бодрость, карабин держал по-прежнему на боевом взводе. Так, с оружием в руках, они и принялись читать послание из параллельного пространства.

«Посвященным от Координатора Девятой Ветви научно-транспортного Лабиринта ОТЧЕТ О СИТУАЦИИ ЗА ПЕРИОД МАРТ-АВГУСТ.

Я не мог связаться с вами прежде ввиду экстремального осложнения ситуации на участке Станции Земля. В результате деятельности нескольких группировок на вашей планете и в ее окрестностях установлено большое количество детекторов, способных обнаружить и запеленговать участки выхода видеоканалов и транспортных тоннелей, проложенных со Станции. Любая многомерная линия, выдвинутая роботами Лабиринта в обычное пространство, будет немедленно обнаружена.

Даже возможностей земных систем электронной техники достаточно, чтобы расшифровать внутренние коды такого канала. После раскодировки в линию может быть введен сигнал-вирус, который должен подчинить поступающим извне приказам компьютерную систему управления Станцией. Поэтому я приказал Мозгу Станции Земля

прекратить любые выходы на ту часть поднадзорной планеты, где отмечено размещение детекторов. По той же причине я был вынужден временно прекратить защиту Посвященных генераторами силовых полей. В настоящее время обзору и транспортировке доступны лишь отдельные участки Земли, причем все эти регионы слабо заселены и расположены вдали от важных политических центров.

Уточнение. В случае внедрения на Станцию указанных вирусов Мозг Станции будет полностью подчинен и станет выполнять лишь те команды, которые исходят от группировки, разработавшей данную вирусную программу. Тем самым сначала пораженная Станция, а затем и вся Ветвь Лабиринта окажутся в распоряжении посторонних сил. Базовая программа не предусматривала защиту от подобного нападения. Мне требуется, по оценкам, не менее двух-трех месяцев, чтобы переоборудовать Станцию Земля усовершенствованной аппаратурой, внешние каналы которой будут защищены от детектирования и вирусной атаки.

Сегодня у меня сохранился единственный способ передавать вам какую-либо информацию. Я могу телепортировать небольшой летательный аппарат на высоту порядка 2000 километров, где отсутствуют неприятельские детекторы. Затем посадочная капсула, подключившись к местным коммуникационным линиям, переговорит с некоторыми из Посвященных. В назначенном месте будет передан данный текст.

Поскольку я не уверен, удастся ли благополучно передать письмо, через несколько дней другой робот приблизится к орбитальным платформам „Мальвина“ или „Натали“, принадлежащим фирме „Небесное Око“. При этом будет возможен двусторонний обмен информацией.

Сообщаю дополнительные сведения о противнике. В настоящее время вход в Лабиринт, независимо друг от друга пытаются открыть как земляне, так и представители двух внеземных цивилизаций, тайно прибывших на вашу планету. Из землян наибольшую угрозу представляет оперативное подразделение, созданное Агентством Национальной Безопасности США (АНБ), Центральным разведывательным управлением США (ЦРУ) и израильским Институтом военной разведки и специальных задач (Моссад). Это подразделение развернуло Центр электронного шпионажа (ЦЭШ) в одном из корпусов Иерусалимского технологического института.

Основную работу по расшифровке кодов и внедрению вируса осуществляют профессор факультета компьютерных наук Шломо Лееман и студент того же факультета Ехуд Полант.

Уточнение. Текст вирусной программы имеется только у профессора Леемана, т. к. израильская спецслужба отказалась поделиться этой разработкой с американскими союзниками.

Предлагаю продумать варианты нейтрализации иерусалимского ЦЭШ — такая операция существенно снизила бы опасность, нависшую над Лабиринтом. Остальные звенья объединенной опергруппы АНБ — ЦРУ — Моссад заняты поиском приемопередатчиков на разных континентах, однако такие акции не представляют серьезной угрозы, поскольку приемопередатчики укрыты на глубинах порядка 3–4 километров в труднодоступных горных районах.

Значительно большая опасность исходит со стороны внеземных противников. На протяжении первой половины текущего года в Солнечную систему прибыли межзвездные экспедиции двух враждующих цивилизаций, носящих условные именованья — гонты и фурбены.

Комета Хиякутаки, пролетевшая мимо Земли в марте, маскировала базовый корабль фурбенов — спрутоящеров с планеты Фурбента (спутник звезды в созвездии Весов, 44 световых года от Солнца), на которой троклемиды построили Станцию, входившую в структуру Восьмой Ветви Лабиринта. Согласно последним сведениям, собранным к моменту Катастрофы, Фурбены находились на уровне развития, который соответствовал раннему средневековью, т. е. их цивилизация опережала земную примерно на 1000 лет. Прежде экспедиция Фурбенов посещала Землю в 1908 году, при этом их корабль погиб но успел

смонтировать в поясе астероидов автоматизированный производственно-исследовательский комплекс. Стартующие с этой базы роботы-разведчики до сих пор занимаются изучением планет Солнечной системы, включая Землю, и получили у вас название „летающих тарелок“, НЛО или UFO.

Другая экспедиция организована гонтали — одноглазыми гуманоидами с планеты Огонто. Прежде они посещали Солнечную систему трижды: в 1841–1843, 1906–1908 и 1937–1942 годах. Звездолет первой экспедиции погиб на обратном пути по техническим причинам, второй корабль был уничтожен в результате огневых контактов со звездолетом фурбенов. Наконец, третий звездолет эвакуировал личный состав экспедиции, оставшейся на Земле после катастрофы 1908 года. Последняя экспедиция прибыла в апреле сего года. Земные астрономы обнаружили этот корабль, но приняли за обычный астероид. Точными сведениями о гонтах я не располагаю, поскольку на их планете никогда не было Станций. Согласно косвенным данным, Огонто расположена в созвездии Гидры на расстоянии 20–25 световых лет от Солнца.

Поскольку обе упомянутые расы сильно отличаются от троклемидов и людей по внешним признакам, для действий на Земле их агенты вынуждены прибегать к маскировке. Гонты надевают биомеханические маски, имитирующие человеческое лицо с двумя глазами. Фурбены носят футляры, отдаленно напоминающие тело гуманоида, а также длинные плащи с капюшонами, закрывающими голову. Обе расы владеют слабыми телепатическими способностями (действующими при определенных условиях), что позволяет им держать в повиновении небольшие группы людей. Ни гонты, ни фурбены не создали технику многомерных перемещений, поэтому межзвездные путешествия осуществляют на фотонных кораблях, развивающих субсветовую скорость.

Причины конфликта между гонтами и фурбенами точно установить не удалось.

Известно лишь, что война велась в пограничных планетных системах в период 1890–1930 годов по земному летосчислению.

Весной этого года, высадив на Землю экспедиционные группы, фурбены и гонты развели свои звездолеты на противоположные концы Солнечной системы и с тех пор не пытались вести широкомасштабных боевых действий, ограничиваясь мелкими диверсиями. Помимо акций против гонтов ряд спрутоящеров действует в горных районах Земли, где возглавляет отряды аборигенов-экстремистов и пытается запеленговать дислокацию приемопередатчиков Лабиринта. Действия гонтов сводятся к выявлению и уничтожению баз и отдельных групп фурбенов на Земле и Луне, поисками входа в Лабиринт гонты пока не занимались.

Я намерен подавить активность обеих экспедиций, как только завершится оснащение Станции Земля аппаратурой нового поколения. Надеюсь, Персонал продержится эти несколько месяцев без силовой защиты. Главную озабоченность у меня вызывают отряды фурбенов — их приборы способны засечь приемопередатчики на Памире и Кавказе. Ликвидация обоих отрядов — чеченского и таджикского — также и в ваших интересах. Постарайтесь принять посильные меры для уничтожения боевиков, чьи командиры одеты в черные плащи с капюшонами.

Координатор Девятой Ветви».

Прошлогодние события приучили Посвященных не слишком бурно реагировать на встречу с разумными обитателями иных миров. Тем не менее письмо Координатора встревожило всех. На их планете разворачивалась схватка двух цивилизаций, каждая из которых в технологическом отношении далеко обогнала человечество. Под угрозой оказался не только Лабиринт, но и жизнь всех людей Земли. В эти минуты Посвященные чувствовали себя беспомощными фишками на игровой доске могущественных сил. Ощущение было не из приятных.

Вскоре появился Сергей. Подполковник с озабоченным видом прочитал и перечитал текст послания, потом вздохнул и сказал:

— Ну что теперь поделаешь. Придется выкручиваться своими силами. Жили сорок лет

без силовой защиты и еще три месяца протянем.

Аркадий поддакнул:

— Не впервой нам выручать человечество. Справимся. Все-таки на своем поле играем.

Ужинали они в довольно мрачном настроении. Когда женщины убрали со стола пустые тарелки и подали чай с бисквитами, Сергей угрюмо сообщил, что в последнее свое посещение Чечни встречался с инопланетянами нос к носу. Он почти не сомневался, что лишенное мимики лицо Гастона Машена было маской, скрывавшей одноглазый анфас гонта, а пресловутый Кара-Шайтан — это, несомненно, фурбен. Не зря же он увел свою банду от основных полей сражений в глухие горы на чечено-грузинской границе, то есть в те самые места, где замурован под скалами один из троклемских приемопередатчиков.

— И еще эти ночные кошмары, — сокрушенно говорил он. — Как я не догадался, что в двух шагах от меня видит свои жуткие сны телепат-инопланетянин.

— Какие сны? — забеспокоилась Диана. — Ты ничего не рассказывал.

— Понимаешь, каждую ночь, пока рядом со мной спал так называемый Гастон, я видел нечто невообразимое. Города с дикой архитектурой, по которым носятся незнакомые машины, растут неземные деревья и цветы, ходят одноглазые циклопы. И звери там — тоже одноглазые. Еще видел сражения с чудовищными тварями, — возможно, это и были фурбенские полуспруты-полуящеры... Я, грешным делом, решил, что слишком много боевиков смотрел за последние полгода — вот и мерещится всякая дрянь... Но вот что странно — почему его сновидения воспринимал только я. Вся рота спала нормально и видела нормальные сны.

Поразмыслив над этим, Аркадий быстро нашел объяснение:

— Ничего нет странного. Координатор предупреждал, что в результате длительного общения с троклемской техникой у нас должна повыситься чувствительность к телепатии. Роботы Лабиринта, если помнишь, создавали поле сверхвысокой частоты для чтения и передачи мыслей, и мы находились в этом поле достаточно долго. Как следствие, некоторые клетки мозга слегка переродились.

— Понятно... — Подполковник вдруг захихикал. — Вот дает наш супермозг!

Намекает, чтобы мы ликвидировали базу электронной разведки в Иерусалиме.

Представляете картину: я сажаю в «Мрию» роту спецназа при полном снаряжении, с танками и пушками, а потом у пилотов вытягиваются лица, когда они слышат приказ взять курс на Ближний Восток!

Нервное напряжение отступило, обе супружеские пары развеселились, гроздьями посыпались шутки. Надюшка даже заметила: мол, высадка такого десанта в центре самого вооруженного из ближневосточных государств — это сюжет, который заставит побледнеть от зависти самого крутого голливудского продюсера. Женщины бурно заспорили: кто из кинозвезд должен играть в таком фильме. Мужчины смачно комментировали этот диспут, затем Аркадия осенила очередная идея, и физик сказал:

— Старик, помнишь последний роман твоего отца? Там тоже описана война между циклопами с Альфы Центавра и спрутами с Фомальгаута. А всякие придурки-скептики не верят пророчествам нашего брата-фантаста!

— Да, у папани были большие неприятности из-за этого романа, — сообщил Сергей. — Его долго и нудно песочили в «Литературке» за вопиющие идейные ошибки.

Говорили, что изображение войны между космическими цивилизациями — это пагубное влияние низкопробной американской литературы, а советские писатели-фантасты обязаны описывать дружбу народов и успешную борьбу против империализма.

Они посмеялись над ограниченностью идеологов. Потом Аркадий поведал о недавнем визите Барханова, который совершенно точно угадал, что звездные пришельцы маскируют свои корабли под астероиды и кометы. Про ошибочную как ему казалось, гипотезу насчет экспедиции профессора Недужко Аркадий говорить постеснялся. Зато он намекнул, что хорошо бы пристроить коллегу на службу в «финист».

— Человек совсем отчаялся, — давил он на жалость. — Готов в Иностранный легион

вербоваться. Неужели нельзя взять парня в твою часть?

— Можно и даже нужно, — решительно сказал Сергей. — В такой обстановке очень полезно иметь под рукой толкового уфолога. Только расскажи подробнее, что он из себя представляет. Я, знаешь ли, не люблю таких рафинированных интеллигентов, от этой публики в серьезном деле никакой пользы, кроме вреда.

— Не беспокойся, тут рафинадом и не пахнет. Атилла отбарабанил полный срок в Афганистане. Кажется, командовал там взводом снайперов.

— Снайпер? — обрадовался подполковник. — Так бы сразу и говорил. Тащи его сюда!

Когда гости ушли, а хозяева вытаскивали тарелки из посудомоечного агрегата, Диана вдруг вспомнила давешний разговор о линкорах. Развеселившись, она пошутила: дескать, Аркадий столько лет дружит со старым морским волком, а совсем не разбирается в классификации боевых кораблей. Особенно рассмешила ее наивность приятеля, который поверил байкам, будто Штаты перед войной продали Союзу линейный корабль.

— Между прочим, тут он прав, — рассеянно заметил Сергей, укладывая посуду на полки сушилки. — Мой папая рассказывал, что несколько раз летал по этому поводу в Сан-Франциско. Он устанавливал радары на «Халхин-Гол»... А откуда Аркадий узнал эту историю?

— Не могло быть такого корабля, — настаивала Диана. — Я прекрасно знаю...

— Ты не можешь знать, потому что все события, связанные с покупкой «Халхин-Гола», страшно засекречены. Отец поведал мне подробности незадолго до смерти, когда я заканчивал училище. Он все мечтал организовать экспедицию, чтобы поднять бортжурнал линкора и кое-какие реликвии, которые остались на корабле.

Диана разволновалась, пытаясь вразумить мужа.

— Не существует такой секретности, — возбужденно внушала она. — Какая-нибудь кроха информации все равно просочилась бы.

— Смирись. — Сергей ласково обнял ее. — Там случилось что-то форс-мажорное. Когда наш экипаж перегонял корабль из Сан-Франциско во Владивосток, произошло столкновение с японским флотом, который шел бомбить Пёрл-Харбор. Чуть не разразился международный скандал, но потом на самом высоком уровне договорились ничего не сообщать и уничтожить все архивные материалы.

Скептически поглядев на него, Диана съязвила: так, мол, недолго поверить, что таинственный линкор похитили пришельцы из космоса. Сергей не понял, при чем тут инопланетяне. Диане пришлось по памяти излагать бархановские домыслы о затерянной на островах базе пришельцев. Выслушав ее, Сергей признался, что у него совсем крыша поехала.

— Ты подумай, что получается, — медленно проговорил он и принялся перечислять факты: — Мой отец участвовал в достройке линкора «Халхин-Гол» — это факт. Линкор погиб в конце сорок первого года — тоже факт. Примерно тогда же на Землю прилетали гуманоиды с одним глазом — это мы сегодня узнали от Координатора, который вряд ли стал бы врать. Наконец, мой отец описывал пришельцев с глазом посреди лба. Как все это объяснить?

— В последнем романе он писал про трехглазых, а не одноглазых братьев по разуму... — Диана задумалась. — Впрочем, тоже можно понять. Наверное, он не имел права сообщать обо всем, что знал.

— Вот именно.

Конечно, проще всего было бы выяснить обстоятельства этого инцидента у Координатора или Мозга Станции, однако связи с Лабиринтом не было и в ближайшие дни не предвиделось. Еще раз обсудив обстановку, они решили собрать для серьезного разговора всех Посвященных и пригласить на эту встречу Атиллу Барханова.

Глава 4

ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ

В институте подвели итоги вступительных экзаменов. Диана рассеянно курила у раскрытого окна, когда в дверь постучали. Кто-то из коллег крикнул:

— Войдите!

Скрипнула дверь, после чего незнакомый мужской голос осведомился:

— Это кафедра политологии исторических процессов?

— Она самая, — как всегда, приветливо залепетала старая дева Светлана Ивановна. —

А вам, простите, кого?

— Здесь должна работать моя родственница. Каростина.

— У нас таких нет. — Тон Светланы Ивановны сразу стал сухим.

— Возможно, она сохранила девичью фамилию, но ее супруга зовут Каростин Сергей Михайлович.

Тут наконец Диана сообразила, что речь идет о ней, и обернулась. У входа стоял некто совершенно незнакомый в мундире полковника милиции. Таких родственников у нее наверняка не имелось.

— Сережа — мой муж, но... — неуверенно начала она.

— Во-первых, здравствуйте. — Суровое лицо посетителя осветилось приветливой улыбкой.

— День добрый. — Диана продолжала недоумевать.

— Вероятно, я не слишком толково объяснил, — сказал полковник. — Я прихожусь родственником вашему супругу. К сожалению, не смог быть у вас на свадьбе — уезжал тогда по делам службы. Биберов Матвей Сталенович. Не слышали?

Она напрягла память, но не смогла вспомнить, чтобы Сережа хоть раз упоминал это имя, и отрицательно покачала головой. Милиционер вздохнул, развел руками, потом проговорил:

— Мне нужно срочно поговорить с Сергеем, а его телефон второй день упорно не желает отвечать. Может, номер поменяли?

В том, что невесть откуда взявшийся родственник не сумел дозвониться, ничего удивительного не было — именно два дня назад Каростины перебрались из дома в Бутове на городскую квартиру. Диана уже готова была продиктовать гостю номер своего телефона, но вдруг передумала. Позавчерашнее предостережение из Лабиринта возбудило в Посвященных чрезмерную подозрительность — мало ли кем мог оказаться этот незнакомец. Поэтому она ответила уклончиво:

— Знаете, Сережа поздно возвращается со службы, сильно устает, вот мы к вечеру и выключаем аппарат. Я передам, чтобы муж вам позвонил. — И как бы невзначай поинтересовалась: — А он знает ваш номер?

— Разумеется, и служебный знает, и домашний. — Он благожелательно оглядел Диану. — Передайте, что я одобряю его выбор. И обязательно скажите, что заходил Матвей, говорил: надо срочно с дядюшкой встретиться. По важному делу.

Извинившись за беспокойство, полковник откланялся. Выглянув в окно, Диана увидела, как он спускается по каменным ступенькам и садится в милицейскую «Волгу», ожидавшую перед зданием института.

Примерно в это же время Сергей внимательно изучал документы Барханова и решил не откладывая испытать новичка на огневой позиции. Атилла вполне уверенно обращался с винтовкой Драгунова, легко поразив неподвижные фигуры на всех зачетных дистанциях. Чтобы поразить три движущиеся мишени, ему понадобилось четыре выстрела, что было, в общем, нормально. Особенно если учесть, что снайпер много лет не имел возможности регулярно практиковаться.

Новые девятимиллиметровые винтовки ВСС и ВСК-94 Барханов освоил быстро, но профессионально посетовал на малую дальность. «Хороший парень, толковый», — подумал подполковник и приказал начальнику огневой службы принести машинки большой мощности. Американская «Лайт-Фифти» и отечественная В-94, стрелявшие патронами

станковых пулеметов калибра двенадцать и семь десятых миллиметра, восхитили Атиллу, он никак не мог оторваться от этих чудесных игрушек.

— Вижу, разбираешься в своем деле, — одобрительно резюмировал Сергей. — Считаю себя зачисленным. Думаю, завтра начальник управления подпишет приказ, а санкции министра для приема на службу младших офицеров не требуется. Ты кто по званию — капитан?

— Так точно.

— В ближайший год повышения не жди. Потом поглядим.

— Этот год еще прожить надо, — мрачно пошутил Барханов.

— Трудно не согласиться... — Молодой офицер все больше нравился командиру полка. — Тебя не тревожит, что придется стрелять боевыми по живой мишени?

— Приходилось уже, и вроде бы неплохо получалось, — равнодушным голосом сообщил Атилла. — Надеюсь, в случае чего, семья получит пенсию. Или Министерство обороны не балует такой заботой?

Подполковник объяснил, что «Финист» не принадлежит ни Министерству обороны, ни какой-либо другой из «официальных» силовых структур. Хозрасчетный полк подчинялся непосредственно начальнику Федерального управления охраны правительственной информации генерал-майору Жихареву, а ФУОПИ, в свою очередь, формально входило в систему департаментов министерства по делам СНГ, но на самом деле было вполне самостоятельным ведомством. Такая сложная субординация позволяла спецполку существовать вполне независимо и безбедно.

— Так что не беспокойся, твоей семье гарантированы и единовременное пособие, и пенсия... Да, между прочим, если есть проблемы с жильем, могу дать комнату в семейном общежитии. А скоро мы закончим строительство двух десятков коттеджей для офицерского состава. Отличные домики со всеми удобствами — целый поселок рядом с гарнизоном.

Новость искренне обрадовала снайпера. Второй раз за полтора часа общения Барханов проявил хоть какие-то эмоции. Первый же случай имел место, когда капитан поразил мишень из В-94 — первым выстрелом с километровой дистанции.

Мужик явно умел владеть собой: даже о возможной смерти говорил с искренним безразличием. Командир полка окончательно убедился, что Барханов окажется отличным приобретением и для «Финиста», и для компании Посвященных. Сейчас, когда связь с Лабиринтом прервалась на неопределенное время, толковый уфолог был необходим просто позарез.

Провожая Атиллу до КПП, Сергей сообщил о появлении на Земле сразу двух инопланетных экспедиций. Барханов был потрясен, но быстро взял себя в руки и деловым тоном произнес:

— Насколько я понимаю, Лабиринт является нашим союзником, то есть его враги — наши враги.

— Вот именно. Надо будет как следует продумать ситуацию и решить, что мы способны сделать при таких обстоятельствах.

Покачивая головой, Атилла заметил, что противник чудовищно обогнал землян в технологической области и вдобавок владеет телепатией. Без поддержки троклемских роботов борьба против таких монстров представлялась заведомо обреченной на поражение.

— Впрочем, нас много и мы играем на своем поле, — задумчиво добавил он. — Жаль, информации маловато.

— Спецназу не впервой работать против превосходящих сил неприятеля. — Сергей пожал плечами. — И недостаток информации — тоже не новость. Надо будет пару раз помериться с ними силами, и тогда обстановка чуток прояснится.

За ужином Диана огорошила его неожиданным вопросом:

— Сережа, у тебя есть дядя?

— Нет. У отца была только сестра. Мама — вообще единственный ребенок у деда с бабкой.

— Может, двоюродный или троюродный дядя найдется? Он задумался, потом решительно мотнул головой:

— Нет таких, точно тебе говорю. А в чем дело-то?

— Понимаешь, заходил сегодня к нам на кафедру очень подозрительный тип...

Выслушав ее рассказ, Сергей недоуменно повторил, что никому племянником не приходится — ни родным, ни многоюродным. Он уже готов был вслед за женой заподозрить, что визит незнакомца был очередным ходом в той тайной войне, которую спецслужбы разных стран (а теперь еще и разных планет) развернули против Посвященных. Но вдруг лицо Сергея просветлело, и он сказал облегченно:

— Слушай, я догадался, кто этот полковник милиции. Его, наверное, Матвеем зовут.

— Угадал, — подтвердила Диана и тоже заулыбалась. — Матвей, кажется, Сталенович, а фамилию я прослушала. Значит, знаешь его... А чего врал, что дяди нет?

Расхохотавшись, Сергей сгреб ее мертвой хваткой и пояснил:

— Ты все напутала. Это не он мой дядя, это я — его дядя.

— Племянник старше тебя? Ему ж на вид почти шестьдесят!

— Пятьдесят два.

И Сергей поведал эту старую, немного грустную историю. Анна Никаноровна, старшая сестра его отца, незадолго до Первой мировой войны вышла замуж за флотского офицера Биберева. Таким образом, их сын Степан (в конце двадцатых годов родители предусмотрительно поменяли его имя на Стален), который родился незадолго до революции, доводился Сергею двоюродным братом. Соответственно Матвей был двоюродным племянником Сергея. Отношения между двумя ветвями семьи не сложились. По слухам, накануне Отечественной войны Стален Биберов и Михаил Каростин ухаживали за одной девицей, которая предпочла молодого офицера нестарому инженеру. После этого Каростин озлился на коварных родичей и до конца жизни с ними не разговаривал...

— Папаня их так и не простил, нам с мамой тоже запретил общаться с родственниками, — рассказывал Сергей. — Поэтому с Матвеем мы познакомились только на похоронах отца — его мать, Лариса Романовна, тоже пришла к нам и долго плакала.

— Значит, большая была любовь. — Диана сентиментально повздыхала. — Твой отец поздно женился, потому что не мог забыть ту женщину?

— Похоже на то. Мама провела о его давнем увлечении, жутко ревновала...

А когда Лариса появилась на похоронах, они обнимались как родные... Ладно, не будем о грустном, папаня вообще был мужик со странностями. Сейчас меня больше интересует, чего вдруг Матвею понадобилось.

Родственники договорились встретиться в Главном управлении по борьбе с организованной преступностью, где полковник Биберов занимал высокий пост. Беседа началась, само собой, с семейных дел, потом перекинулась на чеченские события.

Между делом вспомнили членов экипажа транспортного самолета, которые уже год с лишним маялись в плену афганских талибов.

Эта история началась летом прошлого года, когда Сергей, Диана и остальные «черные следопыты» еще не проникли в Лабиринт, а только собирались ехать на Черноморское побережье. Ил-76 крохотной башкирской компании «Авиастан» был зафрахтован доставить правительственным войскам Афганистана груз оружия и боеприпасов из Украины. В небе неподалеку от Кабула истребители оппозиционного движения «Талибан» перехватили воздушный грузовоз и принудили к посадке на свой аэродром возле Кандагара.

С тех пор нудно тянулись переговоры об освобождении экипажа, но все усилия федерального и башкирского правительств, а также общественных организаций, вроде ООН, Международного Красного Креста и Союза мусульман России, неизменно разбивались о железобетонно-тупое упрямство талибов. Синклит религиозных фанатиков-фундаменталистов, управлявший «Талибаном», выдвигал совершенно неприемлемые требования, угрожал передать летчиков чеченским боевикам, изредка обещал освободить, но ничего не менялось. Башкирский экипаж по-прежнему томился в казематах старинной

крепости.

Поругав, как водится, тупость начальства, заговорили о схожей криминальной обстановке в столице. Сергею даже показалось, что Матвей не решается приступить к вопросу, из-за которого назначена сегодняшняя встреча. А полковник вдруг напомнил, что в прошлом году неизвестные киллеры перестреляли чуть ли не всю верхушку криминального мира, так что теперь в лидеры оргпреступности выдвинулся некто Василий Корольков, вожак гвоздевской группировки, получивший при посвящении в звание вора в законе кличку Король.

— В России он не появляется, живет на Кипре, — говорил Матвей. — Даже не знаю, кого больше боится — нашей службы или тех, кто ликвидировал Аввакума и остальных. Но управляет своими бандами крепко. По нашим сведениям, недели три назад его посетил один человек, которым я давно интересуюсь. И вот в начале августа мы перехватили на таможене груз, предназначенный для фирмы, подконтрольной Королькову.

— Наркотики, оружие?

— И они тоже. Но главное — вот такие приборы. Матвей достал из сейфа и положил на стол плоскую коробку из серого пластика размером чуть поменьше книги стандартного формата. На верхней плоскости имелись круглые кнопочки с цифрами и небольшие окошечки, — наверное, индикаторы. В одну из боковых граней были вмонтированы гнезда с клеммами для подсоединения проводов. Сергей повертел странное устройство в руках, но не обнаружил никаких намеков на производителя.

— Неказистая штука, — заметил он. — Подслушивающее устройство или мина?

— Вроде того...

По словам полковника, сопровождавшие этот груз гвоздевские «шестерки» показали, что в Россию уже переправлены две или три партии подобных устройств, причем загадочные приборы получены от некоего господина Горацио, который по описаниям подозрительно напоминает деятеля, навестившего Королькова в его кипрской резиденции. Если верить арестованным бандитам, Король передал своей братве строгое указание в кратчайшие сроки разместить приборы в крупных городах СНГ. И не просто разместить, а подключить к компьютерам, имеющим выход в Интернет.

— Забавно, — проворчал Сергей. — Одного не пойму — при чем тут я?

— Просто подумал, что тебя это может заинтересовать. Ходят слухи, что ты имеешь какое-то отношение к пришельцам из космоса...

— Ну и что с того? — насторожился Каростин.

— А то самое, дорогой дядюшка. Пару лет назад я не обратил бы внимания на один эпизод его показаний, а сейчас просто не знаю, что и думать. Короче говоря, старший этих бандитов обронил на допросе, будто слышал обрывок разговора между господином Горацио и Королем. И господин Горацио якобы сказал, что приборы были созданы, чтобы обнаружить твоих инопланетных друзей.

Известие это оказалось очень неприятным сюрпризом, хотя Координатор предупреждал их о такой возможности. Кто-то явно форсировал события, торопясь наложить лапу на межзвездный транспортный комплекс. Знать бы только, кто изготовил приборы — западные спецслужбы или нежелательные гости из космоса...

— Спасибо, что предупредил. — Сергей почувствовал, что у него внезапно пересохло во рту. — Расскажи подробнее про этого Горацио.

— Занятный человек... Помнишь октябрь девяносто третьего?

— Еще бы!

... В ночь с третьего на четвертое октября в штаб отдельной бригады ОМОН, которой командовал полковник Биберев, нагрянула толпа старших офицеров во главе с генерал-лейтенантом. Омоновцы получили оформленный по всем правилам приказ, украшенный устрашающими печатями и подписями. Связи с министерством почему-то не было, и Матвей вывел свои подразделения в город, согласно полученному приказу. К утру стало ясно, что министр такого приказа не подписывал.

— Кто же были эти люди? — Глаза Сергея наливались кровью и подполковник почувствовал, что снова теряет контроль над собой. — Из какого ведомства?

Опустив голову, Матвей тихо проговорил:

— Не знаю. Со временем дело замяли, обвинения нам не предъявили. Но когда меня и других командиров таскали в прокуратуру, выяснилось, что никакого генерала Галанина Петра Федоровича в природе не существует. И тогда я стал вспоминать странности, которые заметил в тех людях. Например, все они говорили с заметным акцентом.

— Иностранцы?

— Скорее уж эмигранты. Родились здесь, русский язык знают хорошо, но много лет прожили за бугром и привыкли говорить на чужом языке. И документы у них были больно уж грозные. За глаза и одной такой бумажки хватило бы... К тому же оружие у них было не наше. Знаешь, в некоторых странах выпускают автоматы Калашникова под стандартные патроны НАТО.

— Кое-что проясняется, — сказал Сергей. — Ты дашь мне один такой приборчик?

— Бери, у меня их много. — Матвей махнул рукой. — Ты себе не представляешь, до чего охота добраться до этого выродка!

— Очень даже представляю...

Наскоро обдумав услышанное, Сергей пришел к выводу, что Горацио — Галанин, вероятнее всего, связан не с фурбенами или гонтами, а с Центром электронного шпионажа. Во-первых, этот субъект был на Земле три года назад, то есть задолго до прилета обеих инопланетных экспедиций. Во-вторых, прибор не носит признаков внеземного происхождения и явно сработан на Земле. Хотя последнее соображение звучит не очень убедительно — пришельцы вполне могли изготовить детекторы из земных деталей...

От этих рассуждений его отвлек вопрос племянника:

— Серега, а правду говорят, что ты с инопланетянами встречался?

— Истинная правда.

— Какие они?

— Я, знаешь ли, самых разных видел, — уклончиво ответил Сергей. — Некоторые от нормального человека ничем не отличаются, а есть пострашнее ночного кошмара... Ты уж извини, но эта информация засекречена на самом высоком уровне. Не хотелось бы распространяться...

Отпробовав чай с бутербродами из руоповского буфета, Сергей начал прощаться. Заодно воспользовался случаем, чтобы пригласить родственника в гости — на той неделе они отмечают день рождения Дианы. Потом, уже в дверях, сказал племяннику:

— Матвей, наверное, в твоей конторе есть вся эта техника, которую показывают в кино. Ну, знаешь, экспертизы всякие, лаборатории...

— Есть, конечно. Все самое лучшее.

— Тогда сделай доброе дело — организуй мне фоторобот тех бандитов, которые были у тебя в штабе третьего октября.

— Ты генерала Галанина имеешь в виду?

Сергей иронично фыркнул:

— Не уверен, что он носит генеральское звание. Во всяком случае, фамилия у него наверняка другая... В общем, сделай фотопортрет, — может быть, отыщем гада.

— Сделаю, это несложно, — пообещал Биберов. — Ну, желаю хорошо провести выходные дни.

Догадываясь, какие именно развлечения ждут его в ближайшие выходные, Сергей проворчал:

— Такие пожелания уместны разве что в рекламе презервативов...

Глава 5 НЕУЯЗВИМЫЙ ВРАГ

— Что мы знаем о них? — задумчиво проговорил Барханов и сам себе ответил:

— Ни черта мы не знаем... Кроме того, что они существуют.

Самолет уже преодолел половину пути, а они продолжали бестолковый диспут.

При этом оба понимали, что все их предположения ничем не обоснованы.

— Ну почему же, нам известно, каким оружием пользовались троклемиды и вешша, — сказал Сергей. — Гонты и фурбены стоят на примерно таком же технологическом уровне.

— По части межзвездного транспорта они даже отстали от Троклема, — уточнил Атилла. — Ни Фурбента, ни Огонто еще не овладели технологией многомерных перемещений. Но это вовсе не означает, что их оружие слабее троклемского.

— Для нас важно, что их оружие наверняка мощнее земного...

Сергей снова перечислил чудеса военной техники, разработанной цивилизациями, с которыми Посвященные успели близко познакомиться. Список производил гнетущее впечатление: дальнобойные лучеметы, излучатели раскаленной до десятков тысяч градусов плазмы, ускорители антипротонов, защитные энергетические поля, скафандры-невидимки. Кроме того, шагнувшие через межзвездную бездну существа имели устройства, нейтрализующие силу тяжести, а также локаторы, предупреждающие об опасности.

Иными словами, им предстояла схватка с противником, который умеет летать и становиться невидимым, стреляет сверхмощными лазерными лучами и плазмой, а вдобавок умеет читать мысли. Не прибавляли энтузиазма и показания Мустафы Бахаева о «джигите», которого Кара-Шайтан прикончил за неповиновение. Причем на трупе не осталось признаков насилия...

— Остается надеяться, что фурбены вооружены хуже вешша и троклемидов. — Барханов выдавил кривую усмешку.

Парень явно мандражировал, — в отличие от Сергея, он впервые вышел на бой против старших братьев по разуму. Не стоило расхолаживать его, поэтому подполковник старался быть предельно откровенным:

— Лучше будем рассчитывать, что фурбен вооружен гораздо лучше.

Перспектива, конечно, безрадостная, но и паниковать прежде времени не стоит. Год назад мы очень недурно расправлялись с инопланетными солдатами, используя обычное земное оружие.

— Вы меня здорово воодушевили, — буркнул Атилла. — Словно старшина выдал новые портянки перед атомным ударом.

Сохранив на лице мрачное выражение, капитан принялся рисовать в блокноте многоэтажные, как боцманский комплимент, формулы с интегралами и еще какими-то устрашающего вида значками. Сергей пожал плечами и переместился на другой конец отсека, где расположились остальные «финисты».

Так уж сложилось, что самые надежные подразделения полка оказались втянуты в неотложные мероприятия в разных концах страны, а потому Каростин сумел выкроить для сегодняшней операции только третий взвод разведроты. Двенадцать бойцов под командованием старшего лейтенанта Камаля Фозиярова в серьезных делах до сего дня не участвовали, но иного выбора не было.

Командир полка провел с разведчиками дополнительный инструктаж, объяснив, что им поставлена задача разгромить бандформирование и по возможности взять в плен главаря. Подполковник подчеркнул, что человек, одетый в черный плащ с капюшоном, может быть вооружен не только автоматом или гранатометом, но и более опасными игрушками.

— Действовать будем, как на июньских тактических учениях, — говорил Сергей. — Сначала вертолеты утюжат лагерь, потом — зачистка. Ясно?

— Все ясно, командир, — ответил за всех Фозияров. — Уделаем эту банду по первому разряду.

В Ханкале их появление никого не обрадовало. Сражение за Грозный принимало опасный оборот, и штабные офицеры были заняты чеченскими атаками. С огромным трудом Сергей удалось пробиться к Куликовскому. Нетерпеливо выслушав командира «Финиста»,

генерал раздраженно ответил:

— Имей совесть. Тут черт-те что творится, а ты требуешь выделить силы для уничтожения отряда, который нас совершенно не беспокоит.

— Кирилл, это очень важное дело, — настойчиво повторил подполковник. — Кара-Шайтан опасен. И не так уж много я у тебя прошу. Всего два вертолета часа на три-четыре.

Видно было, что исполняющий обязанности командующего колеблется, однако Сергей не сомневался в результате. Куликовский не однажды имел возможность убедиться: «финист» не разменивается на пустяки. Появляясь на фронте, бойцы Каростина всегда работали в условиях строгой секретности, и их рейды во вражеский тыл неизменно приносили ощутимый результат.

— Хрен с тобой, действуй, — сказал наконец генерал. — Я распоряжусь насчет «вертушек».

Ожидание затягивалось. Спасаясь от палящих лучей августовского солнца, взвод устроился на бетоне в тени под плоскостями транспортного самолета.

Издалека доносились звуки артиллерийской пальбы.

Присев рядом с командиром, Атилла посетовал, что не имеет в своем распоряжении хоть плохонького компьютера, а затем спросил:

— Вы помните параметры силовых экранов, которыми защищаются троклемиды и вешша?

— Приблизительно. А что именно тебя интересует?

— Ну, толщина энергетической оболочки, какие предметы она задерживает...

— Поле не задерживает, а сжигает твердые предметы. Индивидуальный экран имеет толщину около полуметра и простирается примерно на полтора метра от защищаемого объекта. Пулеметная пуля, проходя сквозь силовой пузырь, сгорала почти полностью. В цель попадал оплавленный кусочек металла весом не больше двух граммов. Более мощные генераторы, которые стоят на машинах, создавали поле толщиной больше метра и сжигали даже снаряд малокалиберной автоматической пушки.

— Понятно, — задумчиво изрек Атилла. Астрофизик вернулся к своим формулам.

Спустя минуту Сергей, спохватившись, торопливо сказал то, о чем чуть не забыл: защитный энергетический пузырь неземлян был непроницаемым лишь для внешних предметов, а изнутри через поле проходили любые формы материи. Кроме того, припомнил подполковник, лазерные лучи, попав в зону силового поля, резко меняли направление.

— Так и должно быть, — рассеянно отозвался Барханов. — Анизотропное поле должно отклонять световые пучки. Наверняка силовой щит под солнечным светом переливался цветами радуги, как мыльный пузырь.

— Было такое, — подтвердил Сергей. — Это хорошо или плохо?

— Для нас — просто здорово... С этими словами капитан снова углубился в расчеты. Потом обвел рамкой полученный результат и задумался.

— Что-нибудь не так? — забеспокоился подполковник.

— Так или не так, а деваться нам некуда. — Барханов громко и со вкусом щелкнул языком. — Будем считать, что силовая защита фурбена не слишком отличается от троклемской. Мы можем пробить подобное поле, если загоним в него подряд несколько снарядов, которые должны быть раз в десять тяжелее автоматной пули. Например, могут пригодиться пулеметы НСВ или КПВТ... Или гранаты автоматного подствольника, но тут маловата скорострельность.

— Шестизарядный ручной гранатомет, — предложил Сергей. — По-моему, именно то, что надо.

— А у нас есть?

— Обижаешь. У нас все есть!

Подбежал незнакомый майор, сообщивший, что на соседней полосе их ждут два Ми-24. Краем уха подполковник слышал, как Фозияров и Барханов инструктируют спецназовцев: в первую очередь уничтожать боевиков, обслуживающих тяжелое оружие, а также имеющих

при себе груз.

В армии боевой ударный вертолет Ми-24 получил ласковое прозвище «крокодил». Быстроходный и бронированный, обладающий мощным вооружением — двадцатитрехмиллиметровая автоматическая пушка и неуправляемые ракеты в многозарядных контейнерах, — Ми-24 по праву считался одним из лучших в мире аппаратов этого класса. Расстояние от Ханкалы до Чограй-Юрта пара «крокодилов» покрыла за четверть часа.

Заходя на цель, вертолеты стремительно набрали высоту, взмыв из ущелья, и оказались над крутым склоном, к которому прилипли домишки селения. Чограй казался вымершим, сверху удалось разглядеть только одинокого пса, лениво бродившего между полуразвалившимися строениями. Сергей даже забеспокоился, что предстоит прочесывать населенный пункт и окрестности с риском напороться на хорошо замаскированную засаду. Однако, когда оба Ми-24 поднялись чуть повыше, стала видна нестройная колонна из двух десятков вооруженных автоматами людей, которые направлялись к Чограй-Юрту со стороны нависавшей над этим краем вершины горы Тебулосмти.

Сомнений не оставалось — идет банда Кара-Шайтана. Промчавшись над дорогой бреющим полетом, вертолеты разрядили ракетные контейнеры, и боевики скрылись в облаке огня и дыма. Затем машины, разделившись, пошли на снижение. «Крокодил», в котором летела группа Барханова, опустился на дороге чуть выше расстрелянной колонны, а Каростин и его люди высадился на окраине селения.

Прочесывание обошлось без стрельбы — жителей в ауле почти не было, только несколько чабанов преклонного возраста. Старики поведали, что почти все односельчане покинули Чограй-Юрт в июне, когда поблизости развернулись тяжелые бои. Недели две назад в селении обосновались боевики Кара-Шайтана. По словам стариков, отряд фурбена занимал три самых богатых двора в верхней части села.

Указанные дома были осторожно окружены, но оказались пустыми. Похоже, вся банда лежала сейчас на дороге, посеченная огнем и осколками вертолетных ракет.

Тщательный обыск не принес желаемого результата: в комнатах и кладовках нашли только обычный скарб сугубо земного происхождения.

В кармане подполковника загудела рация. Сквозь хрип помех слышался голос Атиллы:

— Командир, кажется, нам повезло.

— Нашел труп Кара-Шайтана? — обрадовался Сергей.

— Нет, не настолько повезло. Его самого здесь нет, но один из пленных дал интересные показания.

— Хорошо, иду к тебе.

Он собирался отдать приказ своим бойцам, но не успел. Подбежавший к подполковнику пилот сообщил, что командование требует немедленно вернуть вертолеты на базу. Боевая ситуация в Грозном снова осложнилась, и войска нуждаются в поддержке с воздуха.

— Командир полка говорит, чтобы вы летели вместе с нами. А если остаетесь, то за вами пришлют другую машину. Часа через два-три.

— Черт с вами, валяйте, — махнул рукой подполковник. — Там «вертушки» сейчас нужнее, а мы пока сами управимся.

Пехотная колонна на равнине превращается в идеальную мишень для атаки с воздуха. Снаряды «крокодилов» легли кучно, и почти все боевики были убиты на месте. В живых остались только четверо: трое получили тяжелые ранения, и лишь один отделался царапинами и контузией средней тяжести.

— Я допросил его на скорую руку, — вполголоса отчитывался Атилла. — Говорит, вчера вечером они всей бандой отправились в горы на юге. Сегодня утром Кара-Шайтан, как обычно, колдовал со своими пеленгаторами, а потом приказал поворачивать обратно. Возле водопада он снова взял пеленг, после чего вдруг отослал отряд обратно в аул. Сам остался на

том месте.

— Вероятно, нашел наконец то, что ищет... — Сергей тихонько выругался. — Давай сюда этого боевика.

— Камаль, веди «языка»! — крикнул Атилла стоявшему поодаль старшему лейтенанту. Когда пленный предстал перед ними, командир «Финиста» спросил:

— Там, откуда вы вернулись, был только один Кара-Шайтан?

— Нет, с ним Мурад, — поспешил ответить «язык». — Мурад всегда помогал мешок носить.

— Я другое спрашивал, — терпеливо объяснил подполковник. — Там были другие люди, похожие на Кара-Шайтана?

Боевик насмешливо ответил:

— Ты не понимаешь, честное слово. Конечно, он один. Другой такой шайтан на всем Кавказе нету.

Сергей шевельнул ладонью, приказывая увести пленного, и достал из планшета карту. Пресловутый водопад находился всего в десятке километров отсюда. Даже с учетом сильно пересеченной местности — часа три ходьбы, а если поднажать, можно уложиться и в два. Однако не стоило гоняться за фурбеном всем взводом: чем меньше людей знают о пришельцах — тем лучше.

— Камаль, организуй сбор трофеев здесь и в селении, — распорядился командир полка. — Мы с капитаном Бархановым проведем небольшой рейд. Связь будем поддерживать по рации. Сообщишь мне, когда вернутся вертолеты.

Фозияров явно был удивлен, но спорить не стал. Только молча наблюдал, как два старших офицера собираются в дорогу. Каждый закинул за плечо ручной шестизарядный гранатомет РГ-6. На грудь Сергей повесил автомат «Вал», а Барханов — снайперскую винтовку Драгунова СВД. Помахав остающимся, они зашагали по тропе.

Шли молча, изредка делая короткие остановки, чтобы изучить с помощью бинокля местность. Людей видно не было, да и крупные звери тоже не попадались.

Примерно через час, когда Чограй-Юрт скрылся из виду, Атилла деликатно поинтересовался:

— Командир, вам не тяжело?

— С какой радости?

— Все-таки возраст... — Капитан замялся. — Дорога трудная, а мобильность на пятом десятке уже не та.

«Он, понимаешь, обо мне тревожится!» Сергей даже расстрогался. Вслух же сказал:

— Не беспокойся. Я ужас какой мобильный. Прямо как сотовая «Моторола».

Они прошли еще километра два. Остановившись в очередной раз, Атилла укрылся в тени огромного валуна и долго водил трубками бинокля по двугорбой горе, покрытой редкими ключьями зелени. Потом сказал озабоченно:

— Сергей Михайлович, я вот думаю...

— Знаешь что — пока мы без подчиненных, обращай ко мне в единственном числе.

— Есть!

— А теперь говори, чего надумал.

Барханов убрал бинокль в футляр и неуверенно произнес:

— Кара-Шайтан не мог не слышать разрывы, когда «вертушки» устроили мясорубку на дороге. Он наверняка готов к появлению гостей вроде нас с тобой.

— Смешной ты. — Подполковник покачал головой. — Сказано же тебе: фурбен находится около водопада. Ты себе представляешь, как ревет водопад? Не то что далекие взрывы — собственный голос не всегда можно расслышать.

Обдумав слова командира, Атилла скептически отозвался:

— Дельная мысль. Хочется верить, что за это время наш внеземной приятель не успел далеко уйти от водопада.

Дальше «финисты» шли молча. А на следующей остановке разглядели поднимающуюся

над горой тонкую полоску черного дыма. Где-то в районе водопада горел костер.

Протоптанная тропа временами исчезала под камнями и колючими кустарниками, так что приходилось карабкаться на склон прямо по колдобинам. Мало-помалу «финисты» выбились из сил и тяжело пыхтели, то и дело вытирая пот с лица и шеи.

Хорошо хоть подъем здесь был не слишком крутой, да и цель марш-броска приближалась — шум падающей воды доносился вполне отчетливо.

— Взберемся на самый верх — сразу заляжем и передохнем, — мечтал вслух Сергей.

— А говорил — как «Моторола», — проворчал Атилла.

Они достигли гребня и повалились на жесткий грунт. С облегчением скинув поклажу, Сергей и Атилла выглянули на другую сторону этой складки, изуродовавшей кору планеты.

Прямо перед ними начинался спуск в горную седловину, и километром дальше Большой Кавказ снова вздымался изломанной стеной подъема. С противоположного склона бежал по уступам грохочущий поток реки Айгур. Не желая выдавать своего присутствия случайным отблеском линз, офицеры осматривали ложбину и гору напротив, не прибегая к помощи биноклей.

— Вот он, — прошептал вдруг Барханов. — Чуть ниже гребня, три пальца влево от водопада.

Направив взгляд в ту сторону, подполковник увидел угасающий костер и рядом — крошечные фигурки. Расстояние превышало километр, так что подробности без оптики не разберешь, но одно из существ, несомненно, носило длинный черный плащ.

— Накинь на меня куртку, — тихо сказал Атилла. Упрятав стекла оптического прицела в тени пятнистой куртки, капитан долго изучал противника сквозь трубку двадцатикратного увеличения. При этом снайпер нежно гладил кончиком указательного пальца по зазубринам спускового крючка. Забеспокоившись, Сергей предостерег:

— Не вздумай стрелять. Далеко.

— Я и не собирался. — Атилла даже обиделся. — Надо поближе подкрасться.

Противник капитально обосновался на привал, поэтому два спецназовца сумели без лишней поспешности сократить расстояние, оставаясь незамеченными. Прячась за неровностями рельефа и редкими островками растительности, они короткими перебежками и переползаниями подобрались к пригорку, который был последним естественным укрытием на их пути. Полукилометром выше догорал костер, от Фурбена и его напарника «финистов» отделял почти прямой пологий склон горы. На этом участке они уже не имели шансов продвигаться скрытно — наступило время переходить к решительным действиям.

Враг собирался в путь. Кара-Шайтан неторопливо ходил вокруг костра, часто задирая голову, словно высматривал что-то в небе. Изредка он обращался к спутнику, и по жестикуляции было понятно, что под рукавами черного балахона скрывается отнюдь не человеческая рука. Рослый широкоплечий бородач в потрепанном камуфляже, — вероятно, тот самый Мурад — взгромоздил на плечи объемистый рюкзак и затапывал костер, держа в одной руке автомат.

Фигура боевика покачивалась в поле зрения окуляра, не позволяя точно прицелиться. Оставив надежду поразить его выстрелом в голову, Атилла совместил перекрестье с левым плечом противника и плавно потянул спуск. Полуавтоматическая винтовка трижды шелкнула, выбрасывая пули. Одновременно Сергей выпустил в темный силуэт Фурбена длинную очередь, потом вторую.

Удар девятимиллиметровых струй опрокинул пришельца и швырнул на камни.

Почти одновременно послышался хлопок сильного взрыва. Оторвавшись от оптического прицела, подполковник увидел столб голубовато-серого дыма, медленно оседающий на месте, где только что стоял Мурад. Сергей покосился на снайпера и убедился, что капитан держит в руках не РГ-6, а винтовку. Да и не могла крохотная граната произвести такой эффект, напоминающий действие снаряда крупнокалиберной пушки...

— Всего-то навсего бронебойно-зажигательная пуля, — растерянно сообщил Барханов. — Кажется, я угодил в сумку, и та рванула, как тяжелая авиабомба... Ух ты, наш

Черный Плащ еще не успокоился!

Он снова прильнул к прицелу. Повернув голову, подполковник увидел Кара-Шайтана, который, встав на колени, поднимал двумя руками предмет с коническим раструбом. В предназначении этой штуки сомневаться не приходилось.

Снова отрывисто щелкнула СВД, потом Атилла выстрелил еще раз. Одна из трассирующих пуль ударила в грудь пришельца, другая — в устройство с коническим стволом. Сергей тоже нажал спуск, поливая пришельца непрерывным огнем. Фурбен задержался под ударами пуль. Механизм, который он держал, отлетел в сторону.

Резко развернувшись, инопланетянин бросился наутек неловкими скачками. Оба «Финиста» разрядили магазины в удаляющуюся спину гостя из созвездия Весов.

Трудно было усомниться, что хотя бы некоторые из двух десятков пуль поразили цель, однако Кара-Шайтан достиг гребня высоты и скрылся из виду.

На ходу перезаряжая оружие, земляне устремились в погоню. Когда они преодолели половину расстояния, отделявшего огневую позицию от костра, поврежденное пулей оружие фурбена взорвалось, сверкнув яркой оранжевой вспышкой.

На бегу Сергей крикнул напарнику:

— Мы его настигнем. Тело спрутоящера явно плохо приспособлено для гонок по такой местности.

Кивнув, Атилла ответил в перерывах между вдохами и выдохами:

— Он — наш. Думаю, у него в запасе оружия больше нет. Или очень мало. Весь арсенал должен был храниться в рюкзаке.

Они как раз пробегали мимо тлеющих головешек костра и обугленного трупа боевика-носильщика. Люди тяжело дышали, жадно втягивая в себя разреженный воздух высокогорья.

— Не радуйся прежде времени, — предупредил Сергей. — Кто знает, какие сюрпризы прячутся под этим черным плащом.

Подъем внезапно кончился, и «финисты» вырвались на плоское каменистое плато. Фурбен был метрах в трехстах впереди — бежал, судорожно подпрыгивая, вдоль речного русла. Спецназовцы поднажали и вскоре сократили дистанцию до двух сотен метров. С этого расстояния они, остановившись, вновь открыли огонь. Кроме обычных пуль в магазинах имелись трассирующие, поэтому было хорошо видно, как огоньки трассеров, достигнув черного плаща, рикошетом улетают в разные стороны.

— Не сгорают, а отскакивают, — пробормотал Барханов, заменяя магазин.

— Это не поле, — сказал Сергей. — Обычная броня. Попробуем оружие помощнее.

Похоже, фурбен сообразил, что не сумеет убежать от настырных аборигенов. С другой стороны, он должен был понять, что оружие преследователей не способно причинить ему серьезного вреда. Остановившись, он спокойно стоял на месте, словно приглашал людей подойти поближе. Его мантия распахнулась, открыв темный человекообразный контур, — такими в старых фантастических фильмах изображали роботов. Видно было, как два или три тонких отростка торопливо шевелятся в районе пояса.

Направив в сторону пришельца короткие стволы гранатометов, земляне медленно приближались к неприятелю и одновременно отходили друг от друга, готовясь атаковать фурбена с двух сторон. «Почему он не пытается улететь и не включает силовое поле? — думал Сергей. — Либо у него вообще нет антигравитатора и генератора энергетической защиты, либо наши выстрелы все-таки повредили часть оборудования...»

— Послушай, приятель, может быть, попробуем договориться без стрельбы? — закричал подполковник.

Не удостоив его ответом, фурбен принялся доставать из-под плаща очередное устройство — что-то вроде длинной гофрированной трубки. Атилла решил не искушать судьбу. Капитан принял стойку для стрельбы с колена, положил на землю рядом с собой РГ-6, быстро прицелился из винтовки и выстрелил. Голова фурбена мотнулась назад, пришелец повалился на спину, разметав четыре щупальца двухметровой длины.

Оставалось лишь поражаться живучести инопланетного монстра или, вернее,

прочности его защитных оболочек. Проворно перевернувшись, фурбен приподнял переднюю часть туловища, упираясь в грунт чужой планеты тройкой длинных гибких конечностей, и вытянул в сторону Атиллы четвертое щупальце, которым держал все ту же трубку. Ребристый наконечник этого приспособления, напоминавший по форме древний шестопер, угрожающе светился и сыпал искрами.

— Берегись, капитан — успел крикнуть Сергей, нажимая спуск гранатомета.

Буквально за секунду до командирского предостережения Барханов по собственной инициативе откатился на несколько шагов — и вовремя. Набалдашник фурбенского оружия выбросил ветвистую бело-голубую молнию, которая ударила в землю за спиной снайпера. Грохотнуло, как во время грозы, остро запахло озоном.

Атилла взвыл от боли.

«Вопит, значит, живой», — успокоился подполковник, продолжая стрелять.

Ажурный барабан РГ-6 плавно проворачивался, подавая в ствол заряды, и Сергей выпустил одну за другой все шесть гранат. Две из них разорвались на теле фурбена. Враг рухнул на траву кучей черного хлама, но опять сумел встать и на этот раз все-таки окружил себя радужными переливами силовой защиты.

Отшвырнув разряженный гранатомет, Сергей подбежал к продолжавшему стонать Атилле и схватил РГ-6 капитана. Еще шесть гранат разорвались в энергетической оболочке, после чего подполковник снова взялся за автомат. То ли фурбен наконец усомнился в надежности своей защиты, то ли все-таки получил ранения и потерял много сил, но продолжать бой он не стал. Включив антигравитатор, фурбен всплыл на высоту около половины человеческого роста, перелетел через реку, снова опустился на землю и, пошатываясь, заковылял прочь от преследователей.

— Не уйдешь, сволочь, — свирепо прорычал командир полка «Финист», он же командор Посвященных.

В его распоряжении оставалось последнее средство, и Сергей был полон решимости применить это оружие. Выхватив из рюкзака ручной одноразовый гранатомет РГ-18 «Муха», он быстро, но тщательно прицелился. Оглушительно хлопнул вышибной заряд. Отмечая свой путь длинным хвостом белого дыма, реактивная граната настигла фурбена и сработала, уткнувшись в силовое поле.

Раскаленный шнур кумулятивного взрыва зацепил инопланетянина, и тот упал ничком, в последний раз вскинув щупальца.

Атилла уже сидел, закатав штанину, и, морщась, растирал левую ногу ниже колена. Сергей увидел на его коже приметный красноватый след, обычно проступающий под действием высокого напряжения.

— Фурбен ударил током, — подтвердил его догадку астрофизик. — Помнишь рассказ о боевике, который умер, хотя на теле не было ран?

— Это я уже понял, — подполковник присел рядом. — Как ты?

— Получше. Боль почти прошла. — Атилла бодро подмигнул.

Он с трудом, но все-таки поднялся, опираясь на винтовку. Потом, постанывая, сделал несколько неуверенных шагов. Пока снайпер разминался, Сергей вызвал по рации Фозиярова. Командир разведвзвода обрадовался, услышав голос подполковника, и доложил, что вертолеты уже вылетели из Ханкалы и с минуты на минуту должны прибыть в Чограй-Юрт. Удовлетворенный этим известием Сергей распорядился:

— Ждем вас. Мы сейчас примерно в километре выше водопада. Когда увижу «вертушки», подам сигнал ракетами.

Убрав рацию, он обернулся. Барханов пытался выполнить серию приседаний, однако пораженная нога все еще слушалась плохо. Нечего было и мечтать пересечь бурную горную реку с больным напарником. Сергей стал прикидывать последовательность дальнейших действий: один вертолет сядет на другом берегу и прихватит труп Кара-Шайтана, на второй сядут они с Атилллой, а потом надо будет сделать еще одну посадку около разведенного фурбеном костра, чтобы подобрать трофеи...

— Кажется, скоро смогу прыгать, — прервал его размышления радостный голос Барханова. — А ты обрати внимание — сначала фурбен ворочался, но вот уже минут пять я за ним слежу — даже щупальцами не шевелит. Вроде готов.

— Живучий спрут попался, — сказал Сергей. — Сколько металла в эту гадину всадили, а ему — хрен по деревне.

Издали послышалось слабое гудение — словно возле уха тужит голодный комар.

Звук становился все громче, постепенно приближаясь. «Явно не вертолет, но что же?» — подполковник терялся в догадках.

— Серега, прячемся, это фурбены! — вдруг спохватился Атилла. — Кара-Шайтан явно ждал, что за ним прилетят.

Капитан заполз в неглубокую рытвину и торопливо перезаряжал барабан своего РГ-6. Сергей занялся тем же, хотя и понимал, что толку от их оружия будет немного. Если уж еле-еле справились с одним пришельцем, то против летательного аппарата и вовсе нет смысла рваться. Хорошо еще, машина спрутоящеров не появилась получасом раньше.

Кораблик был размером с двухэтажный дачный домик. Окруженный полупрозрачным эллипсоидом защитного поля, он, издавая оглушительное гудение, опустился рядом с неподвижно лежащим телом Кара-Шайтана. Едва массивные опоры коснулись грунта, утих пронзительный звук. Потом исчез силовой экран. Люди затаились, даже не помышляя стрелять в корабль пришельцев, и только следили за происходящим. Атилла несколько раз щелкнул затвором фотоаппарата.

— Орбитально-посадочный модуль, — прокомментировал капитан-уфолог. — Прилетел с базы или с межзвездного корабля.

— А то я без тебя этого не понимаю, — зашипел на него Сергей. — Лучше помалкивай.

В нижней части корпуса чужого аппарата открылся круглый люк. Из отверстия показались две лапы манипулятора, которые осторожно ухватили Кара-Шайтана и втянули в корабль. Люк снова захлопнулся. Затем инопланетная машина, снова загудев, оторвалась от грунта и набрала высоту. Зависнув примерно в полусотне метров над плато, аппарат двинулся по дуге. Посадочный модуль летел примерно со скоростью бегущего человека, медленно приближаясь к укрытию двух офицеров. «Вот и все, — грустно подумал подполковник. — Сейчас они нас...»

«Финисты» так и не узнали, какое возмездие ожидало их за успешную охоту на фурбена. Спасение, как и угроза появилось из космоса. Внезапно машина пришельцев с фурбенты прекратила искать вжавшихся в камни людей и стремительно рванулась вверх. А из облаков ударили пучки лучей. Несколько сгустков энергии поразили мчавшийся корабль, другие угодили в горный склон, взметнув густые облака пыли и дыма. Аппарат фурбенов содрогнулся и пошел на снижение, но в километре от поверхности пилоты выправили движение, вновь устремившись в высоту.

В небе показался еще один аппарат явно неземной постройки, который погнался за фурбенами, продолжая расстреливать из неведомого оружия машину спрутоящеров.

В ответ фурбены также выпустили нечто, напоминающее гроздь стремительных светящихся шариков. Молниеносно преодолев расстояние, разделявшее две машины, эти снаряды исчезли в силовом поле второго аппарата. Окончание боя протекало на высотах, недоступных взглядам Атиллы и Сергея — оба неземных аппарата на огромной скорости ушли вертикально вверх и скрылись из виду.

— Кажется, пронесло. — Барханов облегченно вздохнул. — Кстати, нам тоже пора уносить ноги.

— Сейчас «вертушки» прилетят.

— Чей корабль пришел нам на помощь — троклемский или гонты вмешались?

— В Лабиринте таких машин я не видел...

Сергей поежился. Смерть прошла совсем рядом, лишь чудом не задев мощью инопланетной техники двух беспомощных и практически безоружных людей. Между тем Атилла принялся собирать свое имущество и проворчал:

— Очень мне не понравилось, что от фурбена пули отскакивают. Надо будет в следующий раз прихватить ружьишко помощнее.

Надо же! Сергей даже покачал головой. Этому маньяку было мало сегодняшней переделки — он уже думал о «следующей» встрече с воинственными братишками по разуму. Издали доносился гул винтов. Пара Ми-24 неторопливо летела в их сторону.

Глава 6 ОТВЕТНЫЙ ВЫСТРЕЛ

— Подожди меня где-нибудь в тенечке, — сказал Сергей водителю. — Я могу задержаться.

Прапорщик Нефедов молча кивнул и отогнал УАЗ на стоянку, а командир «Финиста» вошел в подъезд ФУОПИ.

Капитан на проходной лениво взял под козырек, проверил ради проформы документы, безнадежно махнул рукой по виде полукобуры с автоматическим пистолетом «Гюрза». Каростина здесь хорошо знали, а потому смирились, что подполковник с оружием не расстается. Но потом, заглянув в его портфель, дежурный впал в сильнейшее замешательство. Конечно, покореженные куски взрывчатку или подслушивающие устройства, однако строгие инструкции не позволяли проносить в здание предметы неизвестного назначения, а Сергей не собирался объяснять кому попало, что это такое.

В конце концов капитан позвонил начальнику охраны, тот связался с генералом, и Жихарев приказал пропустить командира «Финиста».

Сергей предполагал, что начальник управления вызвал его для разбора последних операций, в которых принимали участие подразделения полка, однако за столом в кабинете Жихарева сидели гости в штатском. Конечно, и профессор Тарпанов, он же Ферзь, и директор ИСТРИСа генерал Львов были здесь своими людьми, но их присутствие означало, что предстоит разговор на темы более глобальные, чем ликвидация банды Хандруева или планы огневой подготовки третьего батальона.

— Судя по вашим веселым лицам, товарищ Тарпанов только что рассказал анекдот, — заметил Сергей, пожимая начальственные руки. — Наверняка политический.

— Не угадал, — ухмыльнулся профессор. — Анекдот был о пришельцах из космоса. Приземлилась, значит, летающая грелка на сочинском пляже...

— А ну успокойтесь! — на правах хозяина Жихарев командовал даже старшими по званию. — Порезвились, и будет. Пришло время вплотную заняться серьезным делом.

Под их пристальными взглядами подполковник почувствовал себя неуютно. Львов вежливо напомнил, что в начале года роботы Лабиринта несколько раз выходили на связь с Посвященными, однако ни Каростин, ни Турин, ни остальные не удосужились поведать о содержании этих контактов. В то же время из обрывков бесед между Посвященными, равно как по внезапно изменившемуся настроению последних, стало ясно, что Координатор и Мозг Станции передали весьма важные сведения, взволновавшие Сергея и его друзей.

— Нам также стало известно, что роботы убрали энергетические экраны, которые должны были защищать вашу компанию, — продолжал генерал. — В ходе последних поездок на чеченский фронт вы — лично вы, уважаемый Сергей Михайлович! — не раз побывали на грани гибели.

— Да уж, если бы не броня, хреново могло обернуться. — Сергей вздохнул. — Только вы перепутали совершенно разные вещи. Под новогодние праздники Координатор действительно кое-что сообщил, но там речь шла о сугубо космических событиях. В ближайшие полвека, а то и век, это не будет иметь отношения к Земле. Другое дело — то письмо, которое мы получили буквально на днях...

Пока они читали ксерокопию послания от Координатора, Сергей мысленно вернулся к последнему посещению Большой Гостиной накануне прекращения связи с Лабиринтом.

Роботы сообщили о серьезных осложнениях, уладить которые можно было лишь совместными усилиями нескольких цивилизаций. Аборигены супертехнологичной планеты Хламбади едва не обнаружили приемопередатчик материи, и Посвященные вместе с Координатором так и не сумели решить, какие меры следует принимать, если это все-таки случится. Очень тяжело продвигались переговоры между троклемским гарнизоном Базы Пошнеста и военным командованием вешша. Одержавшие убедительную победу разумные земноводные были по-своему правы, требуя, чтобы троклемиды согласились на полную капитуляцию и допустили на свои планеты оккупационные подразделения и вдобавок проклятые ракеты, запущенные фанатичными войсками Пошнеста!

Разумеется, он не стал говорить об этом: космические неприятности были делом Посвященных. Иное дело — появление пришельцев на нашей планете...

Когда Сергей пересказал полученную от Матвея информацию, слушатели заметно обеспокоились. Жихарев озабоченно заметил:

— Давно пора разобраться с этим Королем... — И добавил обращаясь к директору ИСТРИСа: — Сможете послать своих гвардейцев на Кипр?

— На Кипре проблем не возникло бы, только там Короля уже нет, — ответил Львов. — Он перебрался в Израиль.

Генерал поведал, что с недавних пор зарубежная штаб-квартира гвоздевской группировки размещается в престижном районе Иерусалима, неподалеку от резиденции премьер-министра. А в этом государстве, печально добавил Львов, не развернешься.

— С бандитами разберемся, — отмахнулся Жихарев. — Меня беспокоят подслушивающие устройства, которые банда Короля размещает у нас под боком. Чует мое сердце, эти приборы не только за каналами Лабиринта следят. Такая техника вполне годится и для обычного шпионажа.

Он развернул вращающееся кресло к столику, на котором стоял компьютер, включился в информационную сеть управления и отыскал какой-то файл. Быстро проглядев несколько страниц, генерал сказал:

— Вот послушайте... «Иерусалимский технологический институт (ИТИ) — высшее учебное заведение для молодых людей, которые сочетают занятия Торой с изучением технических специальностей на академическом уровне. Из-за насаждаемой здесь атмосферы религиозного фанатизма студентов института называют „бней-Тора“, то есть „сыновья Торы“. Выпускники института высоко ценятся в Израиле. Это люди не только преданные идеям сионизма, но и обладающие новаторскими наклонностями в профессиональной сфере. Выпускники этого учебного заведения занимают руководящие посты в таких организациях, как Моссад, Армия обороны Израиля, полиция, а также в фирмах „Моторола“, „Эльбит“, „Оптротек“, „Израильская авиационная промышленность“... Ну, дальше началась обычная реклама... Ага, нашел... „Кампус института расположен на склонах холма между районами Байт-Ваган и Гиват-Мордехай. Телефон 02-751111, факс 02-422075, адрес — Иерусалим, почтовый ящик 16031. Кампус состоит из двух учебных зданий, общежития расположены в самом кампусе и по соседству с ним. Факультет компьютерных наук предлагает две области специализации — компьютерные системы и промышленный бухгалтерский учет“».

— Бухгалтерия-то при чем? — удивился Львов. — Ты, брат, читай о главном.

— Ну, про институт как будто все... Слушайте дальше. «Зимой текущего года одна из лабораторий ИТИ передана в распоряжение Моссада, после чего в штат нового подразделения зачислены прибывшие из США кадровые сотрудники ЦРУ и АНБ.

На вершине холма рядом со зданием института развернута батарея антенн для спутниковой связи. Достоверно установлено, что здесь создан Центр электронного шпионажа (ЦЭШ), которым руководят высокопоставленные чиновники спецслужб Израиля и США. В период с апреля по июль сотрудникам ЦЭШ удалось „взломать“ компьютерные коды и проникнуть в базы данных силовых и научно-исследовательских учреждений многих стран Средиземноморского региона. Широко используя методы компьютерного шпионажа, ЦЭШ похитил материалы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ

оборонного характера, осуществляемых различными ведомствами и частными фирмами Италии, Франции, Испания, Египта и ряда других государств. Основные сферы интересов: военная электроника, ядерные технологии, ракетно-авиационная техника, разработка новейших образцов военно-морской, танковой и артиллерийской техники».

Закончив чтение, Жихарев осведомился, как нравится досточтимой публике это богоугодное заведение. Общее желание досточтимой публики выразил генерал Львов, объявивший элитарный вуз «лакомым кусочком». Его хором поддержали остальные: хорошо бы, дескать, запустить лапу в архивы ЦЭШ. А Тарпанов негромко добавил:

— По-моему, вы забыли о другой задаче. На Земле вовсю безобразничают гости из космоса, которые не слишком почтительно обращаются с нашим братом. Похоже, эти дальние родственники по разуму считают людей существами второго сорта. Может быть, даже следует расценить поведение пришельцев как враждебное и относиться к ним соответственно... — Он обратился к подполковнику: — Сергей Михайлович, вы лучше нас разбираетесь в проблемах космической войны. Готовы ли мы вступить в открытое противостояние с гонтами и фурбенами?

— Я уже пытался, и результаты не воодушевляют...

Он поведал о недавней вылазке в Чечню. Рассказ был выслушан с подобающим вниманием, затем аудитория долго изучала обломки фурбенской техники. Вызвав шефа технического отдела, Жихарев отдал распоряжение организовать самое тщательное исследование иерусалимского детектора и остальных экспонатов из каростинского портфеля.

Когда они снова остались одни, шеф ФУОПИ задумчиво проговорил:

— Первую пробу сил я бы расценил как удачную. Во всяком случае, к приемопередатчику фурбена не подпустили.

— М-да, действительно, я и сам ожидал худшего, — признался Сергей. — Бой мы явно выиграли, пусть даже по очкам.

— То, что его не брали пули, нетрудно объяснить, — сказал Львов. — Наверняка одет в какую-нибудь броню.

Тарпанов, который всегда умудрялся найти неожиданный взгляд на любую проблему, ядовито ухмыляясь, заметил:

— Радоваться надо, что пули от фурбена отскакивали. Мне страшно подумать, какие проблемы возникли бы, окажись у нас в руках труп инопланетянина...

В разгар этих восторгов сквозь матовые оконные стекла в комнату просочился узкий, как ниточка, поток красного света. Трудно было не узнать характерный луч лазерного прицела. Сергей и Жихарев мгновенно воскликнули:

— Ложись!

Небольшое, размером с двадцатирублевую монету, рубиновое пятно, обежав комнату, замерло на нагрудном кармане каростинского мундира. Подполковник стремительно упал со стула, растянувшись на полу. В тот же миг зазвенело пробитое стекло, и две пули воткнулись в стену, расшвыряв штукатурную крошку.

Хозяин кабинета дернул шнурок, закрыв окно плотной темно-синей портьерой. Затем он осторожно выглянул наружу, слегка отодвинув край полотна.

— Он мог стрелять только из той семнадцатизатжки, — крикнул Жихарев.

Начальник управления метнулся к телефону и отдавал соответствующие распоряжения охране, но Сергей уже выбежал в коридор. Не теряя секунд на ожидание лифта, он скатился по лестнице, мысленно подсчитывая оставшееся в его распоряжении время. Чтобы спуститься с верхних этажей, киллеру понадобится не меньше полутора-двух минут. Чтобы пересечь разделявшие их полкилометра, подполковнику требовалось примерно столько же. Он с разбегу прыгнул в свой УАЗ, крикнув водителю:

— Гони напролом в сторону того дома... — Затем, когда машина рванула с места, продолжил инструктаж: — Я буду брать снайпера. Твоя задача — подстраховать меня. Он нужен нам живым или хотя бы не совсем мертвым.

— Сделаем, командир, — прошипел прапорщик.

Визжа металлом на резких поворотах, нарушая все правила дорожного движения, машина полным ходом пересекла шоссе, попутно проутюжив несколько газонов. Чудом избежав столкновения с двумя грузовиками, троллейбусом и множеством легковушек, водители которых кричали им вслед что-то нехорошее, «уазик» защитного цвета затормозил во дворе, где оборудовал огневую позицию неведомый снайпер. Высотный дом имел три блока, людей во дворе почти не было. На платной стоянке жарились под солнцем сколько автомобилей с московскими номерами. Сергей забеспокоился: поди догадайся — здесь он еще и успел смыться. Если затаился внутри здания, то не уйдет — сюда с минуты на минуту стянется охрана ФУОПИ. Будет прочесывать квартиру за квартирой, перетряхнет каждый закуток от чердака до подвала...

Подполковник присел на лавочку, держа под наблюдением прилегающую часть двора и автостоянку. Ожидание не затянулось — из крайнего, что поближе к шоссе, блока вышел бугай в джинсовом костюме, «прострелил» окрестности цепким хищным взглядом. Укрытого кустами Каростина громила не разглядел и, держа правую руку под курткой, направился к «семерке» вишневого цвета. «Он!» — понял Сергей.

Быстрым шагом командир полка двинулся на перехват: левая рука с пистолетом за спиной, правая готова нанести удар.

— Эй, приятель, подскажи, где здесь дом номер восемнадцать дробь шесть? — крикнул подполковник.

Ему принялась отвечать словоохотливая бабка, скучавшая на скамеечке возле подъезда. А киллер, так и не успев вставить ключ в дверной замок, резко обернулся, выхватывая из-под джинсовой полы нечто короткоствольное. Дурачина полагал, что сможет опередить в этой «ковбойской дуэли» профессионала спецвойск.

Всегда готовый к подобному обороту, Сергей нажал спуск, навскидку выпустив очередь из «Гюрзы». Одна пуля сделала аккуратную дырочку в стекле машины, а две другие прошли навылет через куртку и все, что под ней находилось. Взыв, киллер выронил оружие и схватился за плечо.

Короткий разбег, прыжок. Сгруппировавшись в полете, подполковник точно приложил бандита подошвой в челюсть. Тот шумно упал и перекувырнулся.

Приземлившись на полусогнутые, Сергей подбежал к пытавшемуся встать киллеру и с размаху, словно пенальти исполнял, ударил в пах. Затем, ухватив бесчувственное тело за подмышки, рывком поставил на ноги и, заломив здоровую руку, припечатал носом об синий капот «семерки». За спиной заголосили перепуганные старухи и прочие местные жители, прогуливавшиеся во дворе с детскими колясками и собаками.

В тот же миг еле слышно застучала очередь бесшумного автомата. Покрутив головой, Сергей увидел, что к нему спешит с «Валом» в руках его водитель. На бегу прапорщик показывал стволом на лежащее в двух десятках шагов тело, вокруг которого растекалась кровавая лужа.

— Он в вас стрелять собирался, — запыхавшийся водитель громко переводил дыхание. — Уже целился, а я опередил. Аж брызги полетели.

— Молодец, Нефедов. — Командир полка убрал пистолет в кобуру.

Подоспели машины из ФУОПИ, двор наполнился людьми в камуфляже и в штатском.

Раненого киллера, сковав наручниками, увезли. Труп прикрывающего оставили на месте — для милицейских следователей, которых ждали не раньше чем через полчаса.

Из подъезда вынесли снайперскую винтовку AUG, которую неудачливый стрелок бросил на лестничной площадке верхнего этажа.

Оптический прицел на винтовке был мощный и совершенно незнакомого типа — такого Сергей не встречал даже в арсенале ГРУ, где имелись самые последние образцы, созданные ведущими оружейными фирмами. Приложив винтовку к плечу, он навел объектив на далекое здание ФУОПИ. Судя по размеру появившегося в окуляре изображения, прицел давал по крайней мере тридцатикратное увеличение. Но, самое удивительное, матовые стекла не были преградой для этого чуда оптики — подполковник отчетливо видел стены и

потолок жихаревского кабинета.

«Инфракрасный, наверное», — подумал Сергей.

Раненый снайпер медленно приходил в чувство. Врач, забинтовав ему плечо, сказал:

— Крови потерял много, но жить будет. Можно допрашивать.

На столе постепенно собиралась куча предметов, извлекаемых из карманов задержанного. Связка ключей, запасные обоймы, бумажник с небольшой суммой в разной валюте. Документы...

— Оркан Адуев, родился в городе Хасавьюрт, Дагестанская АССР, национальность — чеченец, — прочитал в паспорте Львов. — Прописан в Балашихе...

Неужели чечки спешили отомстить Каростину за его подвиги на фронте? Не нравится мне такая версия...

— Да, не похоже, — согласился подполковник. С чеченскими боевиками он имел дело неоднократно. Три года назад в Абхазии они воевали плечом к плечу, а в последние месяцы оказались по разные стороны фронтовой линии. Сергей немного разобрался в менталитете этого народа, а потому не мог поверить, что главный штаб противника послал в Москву киллера с заданием покарать командира «финистов». Дети гор сражались умело и жестоко, но при этом придерживались своеобразного кодекса воинской чести. Подполковник знал, что противник его сильно не любит, но уважает. Бойцы «Финиста» всегда наносили врагу тяжелые потери, однако неписаных законов войны не нарушали: не убивали и не грабили мирных жителей, не грешили мародерством сверх общепринятых норм и даже заложников не убивали без крайней необходимости.

Нет, любой чеченский командир сочтет угодным Аллаху деянием сразить подполковника Каростина на поле боя, но не станет тайно подсылать убийц — такое убийство исподтишка покрыло бы этого полевого командира позором... А вот фамилия киллера показалась очень знакомой, словно Сергею пришлось слышать ее совсем недавно.

Между тем Адуев, если это было его настоящее имя, успел очухаться и, как водится, отказался отвечать на вопросы. Не вступая в дискуссию, Жихарев мигнул доктору. Пленному вкачали хорошую дозу «сыворотки правды». Когда у Адуева неестественно расширились глаза и напряглись все мышцы — верный признак, что препарат начал действовать, — генерал-майор задал первый вопрос:

— Кого вы собирались застрелить?

Снайпер показал на Сергея и пробормотал:

— Его... Фамилию не помню...

— Кто отдал вам такой приказ?

— Брат позвонил по телефону... Сказал, обязательно нужно его наказать, честь рода под угрозой... Посмотри говорил, в камере хранения... Номер шкафа сказал, код замка...

— Где сейчас ваш брат?

— В Ичкерии, воюет...

— Брат звонил прямо из Чечни?

— Не знаю, не сказал... Хорошо было слышно...

Говорил он сбивчиво, что и неудивительно, если учесть концентрацию циркулирующей по его артериям сыворотки.

Тем не менее из клочков фраз складывалась вполне понятная картина, Оркан обзавелся в Подмосковье полным «джентльменским набором»: магазины, ресторан, казино, автостоянки. Помимо легального бизнеса контролировал торговлю наркотиками и краденными автомобилями, собирал дань с сутенеров и бандерш. На Ярославском вокзале в камере хранения, которую назвал брат, Адуев обнаружил винтовку с оптическим прицелом, пачку стодолларовых купюр нового образца, а также настоятельную просьбу: совершить акт кровной мести против подполковника Каростина и капитана Барханова. В том же чемодане оказались фотографии обоих офицеров, их адреса и другие полезные сведения. На дело Адуев пошел в сопровождении личного телохранителя, которого полчаса назад застрелил прапорщик Нефедов.

— А вот и снимки, — сказал Тарпанов, продолжавший изучать конфискованное имущество «бизнесмена». — Где это они вас запечатлели?

— Это не фото, — уточнил Жихарев. — Скорее напоминает распечатку. Только я не знаю принтера, который обеспечивает такое качество изображения.

Наконец пущенные по кругу картинки попали в руки командира «Финиста», и подполковник удивленно поднял бровь. На первом листе он увидел себя и Атиллу — увешанные оружием спецназовцы карабкались по горному склону. Кроме того, имелись потрясающего качества портреты каждого по отдельности.

— Эта съемка велась позавчера в горах на грузино-ченской границе, — уверенно сказал Сергей. — Это единственный случай, когда я был в горах с этим парнем. Причем снимали нас в момент погони за фурбенем.

— Другими словами, снимал сам Кара-Шайтан, — сделал вывод Львов. — Он же и киллера нанял.

— Если даже не он сам, то кто-нибудь из его соплеменников, — добавил Тарпанов.

— Больше некому. — Подполковник задумался, потирая лоб, затем обратился к пленному: — Как, говоришь, зовут твоего брата?

— Ахмед.

Теперь Сергей вспомнил, откуда ему знакома эта фамилия. В субботу, покончив с Кара-Шайтаном, они разбирали документы боевиков, и там действительно мелькнуло такое имя — Ахмед Адуев. Только этот человек никак не мог на следующий день разговаривать с братом, потому что погиб в самом начале боя, когда вертолеты накрыли горное селение ракетным залпом.

— Ты уверен, что тебе звонил именно брат? — спросил он на всякий случай.

Оркан очень обиделся и ответил с вызовом в голосе: мол, нечего его оскорблять, он не такой дурак, чтобы не узнать голос родного брата. По его словам, у Ахмеда был очень характерный выговор — никак нельзя перепутать.

— Серьезные ребята, — сказал Жихарев, когда они вернулись в кабинет. — Ударом на удар отвечают.

Теперь спрутоящеры представлялись куда опаснее, чем могло показаться после первой перестрелки. Ответная акция была проведена стремительно и вполне профессионально. Фурбены даже предусмотрели, что нужно синтезировать голос Ахмеда Адуева.

Тарпанов побарабанил пальцами по лежащим на столе бумагам и произнес, медленно выговаривая слова:

— Без поддержки внеземных союзников мы обречены проигрывать. В лучшем случае, как позавчера, стычки будут решаться вничью.

— В прошлый раз нам кто-то уже пришел на помощь — вскинулся Сергей. — Я же рассказывал: летающая машина фурбенов едва не размазала нас по скале, но тут появился другой аппарат и подбил фурбеи.

— Насколько можно судить, там были гонты, — размышлял вслух Львов. — Машина из Лабиринта наверняка вышла бы на связь, а эти бросили вас в достаточно неприятной ситуации.

— Так или иначе, понадобится подмога Лабиринта, потому что субботний бой был далеко не последним. — Тарпанов хлопнул ладонью об стол. — Мы обязаны выяснить планы пришельцев и помешать им проникнуть в Лабиринт.

Начался деловой разговор. Аналитические подразделения ИСТРИСа получили задание проработать возможные сценарии. Жихарев набросал текст циркуляра в территориальные органы силовых ведомств: немедленно информировать ФУОПИ, если будут замечены субъекты, похожие на Гастона Машена и Кара-Шайтана. Под конец обсуждения начальник управления сказал:

— Я даже знаю, где произойдет следующая стычка с фурбенами. Правительство Таджикистана просит поддержки, у них резко активизировалась непримиримая оппозиция. После ликвидации этих банд подразделение «Финиста» двинется на поиски спрутоящеров,

которые обосновались на Памире.

— Только приборы, которые он с собой таскает, ты уж на этот раз постарайся взять целехонькими, — добавил Львов. — Полезнейшие, батенька, штучки, как выражался классик.

Глава 7 «НЕБЕСНОЕ ОКО»

Прошлой осенью Николай и Алексей основали совместное предприятие под названием «Небесное око». Зарубежным соучредителем выступила малоизвестная компания «Черный поиск», зарегистрированная в одной из крохотных стран Юго-Восточной Азии. Не больше десятка людей во всем мире могли знать, что «Черный поиск» открыт Мозгом Станции Земля, а уставной капитал сформирован из средств, экспроприированных со счетов мафии. Тем более оставалась загадкой личность миллионера Сержа Каро, номинально возглавлявшего обе фирмы — азиатскую и московскую.

За прошедшие месяцы «Небесное око» развернуло активные действия, арендовало у «Главкосмоса» два спутника фоторазведки, и теперь предприятие поставляло заказчикам отличные карты самых труднодоступных регионов. Выведенные на тщательно подобранные орбиты спутники «Мальвина» и «Натали» передавали на Землю крупномасштабные снимки, по которым можно было не только идеально выстроить рельеф изучаемой местности, но даже определить наличие и объемы залегающих там полезных ископаемых, а также прочих природных ресурсов.

В этот теплый августовский день мсье Каро, он же командир отдельного резервного полка «Финист» подполковник Каростин, лично явился в «Небесное око».

— Ого! Никак, заморский босс нагрянул! — вскричал, дурачась, Лешка. — Ребятишки, он же сейчас аудиторскую проверку закатит по всей строгости, бухгалтерские талмуды проверять станет!

— Как летелось из славного городу Гонконгу, досточтимый Каросан, не укачало ли вашу нежную вестибулярку? — осведомился Николай.

Сергей с притворной строгостью потребовал прекратить балаган и заняться делом. Понимающе кивнув, Николай пригласил друзей в свой кабинет, задраил сейфовую дверь, включил устройства, исключавшие подслушивание. Мальвина, превратившаяся в идеальную секретаршу, занялась было завариванием кофе, но Сергей задумчиво проинформировал, что не отказался бы и от закуски. Немедленно появилась гора бутербродов — с копченой колбасой, ветчиной, икрой, балыком и различными сырами.

— Гениально, — похвалил подполковник. — Пасари, ты в вашей армии какую должность занимала, — наверное, что-то на уровне нашего командира взвода? Иди ко мне в полк — сделаю замначальником штаба по хозяйству, сразу капитанские погоны нацепишь.

— Запросто, — с легким акцентом ответила Мальвина, она же Пасари Малер. — Только не уверена, что ваши кадровики засчитают мне трехвековую выслугу лет в вооруженных силах Троклема.

— Не отдадим. — Николай замахал руками. — Мальвиночка, не подписывайся на его посулы. Наверняка этот изверг собирается десантировать тебя на вражеские базы с целью деморализации потенциального противника.

Они посмеялись. Потом Алексей, сделавшись серьезным, сообщил:

— Серега, сегодня ночью над Индийским океаном к «Мальвине» — я имею в виду наш спутник — приблизился аппарат Лабиринта.

— Я тебя сразу перебею, — встревожился Сергей. — Не мог это быть спутник американцев или, например, космический модуль гонтов и фурбенов?

Алексей успокоил старшего друга, продемонстрировав серию фотографий, отснятых камерами «Мальвины». Не узнать этих очертаний Сергей не мог — все Посвященные не раз видели троклемские орбитально-посадочные модули ближнего радиуса. Управляемые

роботами машинки могли разгоняться до третьей космической скорости. Лабиринт использовал их для разведки и доставки небольших грузов в тех регионах, где не действовали видеоканалы или тоннели телепортации. Успокоившись, подполковник попросил продолжать.

— Модуль подошел метров на двадцать-тридцать и передал радиограмму, — рассказывал Леха. — Сообщение было зашифровано кодом, который Координатор оставил нам зимой. Ничего нового — тот же текст, что другой робот подбросил тебе на квартиру... Поскольку мы ждали подобных контактов, оба наши спутника были запрограммированы выдать ответное послание.

— Какого содержания?

— Как мы и договаривались... Предыдущее письмо получено, делаем все возможное, непосредственной угрозы для Посвященных пока не отмечено, нуждаемся в дополнительной информации о пришельцах и их возможностях. Робот не ответил, — записав передачу, прибавил скорость и покинул поле обзора. Вероятно, был возвращен на Станцию.

Мальвина поспешила уточнить:

— Эти андроиды не способны принимать самостоятельных решений. Скорее всего, заложенная в него программа не предусматривала диалога со спутником, а связи с Мозгом Станции у модуля не было.

— Ну, это даже я понимаю. — Сергей пошевелил ладонью. — Поторопились мы с ответом... Для следующего контакта подготовь новый текст, примерно такой: «Имели боевое столкновение с фурбенами на Кавказе. Одного спрутоящера, кажется, убили или тяжело ранили. На завершающем этапе боя корабль Фурбенты был атакован неизвестной машиной — предположительно аппаратом гонтов. На следующий день фурбены организовали покушение на одного из Посвященных».

— Когда это случилось?! — Николай аж привстал со стула. — Твоя работа?

— Чья же еще! Мы с Атиллой от души постарались... Он поведал о событиях последних дней — от их экспедиции в Чечню до стрельбы в окрестностях ФУОПИ.

Ребята разволновались, но в панику никто не ударился — привыкли уже иметь дело с угрозами из космоса. Обсудив ситуацию, пришли к выводу, что на фурбенов напал все-таки аппарат гонтов, а не Лабиринта — иначе Координатор упомянул бы об этом факте в переданном на «Мальвину» сообщении. Алексей возбужденно добавил:

— Вряд ли эти спрутоящеры ограничатся одним покушением. Наверняка будут новые нападения.

— Не исключено. — Подполковник равнодушно пожал плечами. — Усилим меры предосторожности. Хотя, признать, я плохо представляю, как защищаться от инопланетного оружия... Ну ладно, об этом еще подумаем. Пока расскажите мне, как наш бизнес процветает.

Сопредседатели деловито отчитались.

Выполнены заказы по картографированию малоисследованных областей Сибири, Казахстана, северо-западных провинций Китая, бассейна Амазонки. Заключены новые договора с правительствами и частными фирмами разных стран. Полученная за полгода прибыль почти покрыла первоначальные расходы на организацию компании. К середине четвертого квартала, когда с «Небесным оком» рассчитаются заказчики из Аргентины, Нигерии, ЮАР и Пакистана, а также концерны АМОКО и «Сибнефтегаз», ожидается чистый доход в два с четвертью миллиона долларов. Если дела и дальше пойдут столь же успешно, то в следующем году прибыль превысит десять миллионов.

— Кроме того, мы с Мальвинкой написали новую программу. Теперь можно по данным инфракрасного сканирования выявлять месторождения на глубинах до двухсот метров — хоть под землей, хоть под водой. — Алексей сообщил эту новость, не сумев скрыть самодовольной ухмылки. — Одна неприятность — для реализации такой программы придется запустить еще пару спутников с детекторами длинноволновых излучений.

— Вперед и с песнями, — разрешил Серж Каро. — Оснастим новые спутники всеми

приборами, которые разработаны за последнее время. Когда подготовите аппараты к запуску?

— Думаю, первый будет на космодроме в начале следующего года, а еще месяцев через шесть завод выдаст нам вторую машину, — не слишком уверенно сказал Алексей.

— Значит, назовем их «Диана» и «Надежда», — решил Сергей. — А то наши с Аркадием супружницы возмущаются. Говорят: Колька с Лешкой нарекли спутники в честь своих благоверных, а вы, сволочи, нас совсем не любите...

Николай сказал с ухмылкой:

— Ничего-ничего, вот через годик-другой разместим на орбите десяток платформ — поломаешь голову над названиями. Придется бывших жен и любовниц вспоминать.

Подполковник смущенно покосился на Мальвину, однако деликатная троклемидка сделала вид, будто не расслышала, и непринужденно посетовала, как непросто было переводить на земные алгоритмические языки программу, текст которой она прихватила, покидая Базу Пошнеста. А когда межпланетная супружеская чета справилась с переводом, возникло множество других проблем, особенно при конструировании инфракрасного детектора для спутников новой серии.

— Кстати, о детекторе, — спохватился вдруг Сергей. — Заболтались, а я чуть не забыл...

Он выложил на стол портативное устройство с небольшим дисплеем, индикаторами и тумблерами, которое передал ему племянник Матвей.

— Что за чудо? — У Лешки загорелись глаза.

— Контейнер с такими игрушками переправляла из-за кордона одна преступная группировка. Как я подозреваю, нам в руки попал тот самый прибор, о котором предупреждал Координатор.

Обдумав его слова, осторожный Николай на всякий случай переспросил:

— Ты хочешь сказать, что мы имеем дело с детектором для обнаружения многомерных каналов? Другими словами, пресловутый Центр электронного шпионажа пытается разместить их с помощью мафии, так?

— Пока это лишь мои предположения...

Даже опытные технари из ФУОПИ, с первого взгляда определявшие происхождение и предназначение любой электронной аппаратуры, оказались бессильны, столкнувшись с приборами такого типа. Заводская маркировка отсутствовала, поэтому специалисты ограничились уклончивым ответом: мол, приборы собирались в одной из западных стран, причем комплектующие, скорее всего, изготовлены фирмами разных государств, включая США, Германию, Японию, Израиль, Южную Корею. Каждое устройство включало мощный микропроцессор, детекторы слабых электромагнитных колебаний, а также блок передачи информации на спутник.

— Минуточку, командор, — насторожилась вдруг Мальвина. — Мне почему-то захотелось пересчитать ваши гигагерцы в троклемские единицы...

Поколдовав немного с калькулятором, она скорчила огорченную гримасу и уверенно провозгласила: лежащий на столе прибор действительно предназначен для пеленгации источников именно тех частот, которые генерируются многомерными каналами троклемских приемопередатчиков. Коренным землянам ее объяснения показались не вполне понятными, и Сергей попросил повторить тот же текст в более доступной форме.

— Слушайте внимательно. — Пасари начинала терять терпение. — Каждый приемопередатчик может соединять Станцию с поднадзорным миром при помощи шестимерных гиперцилиндров трех принципиально разных типов. Во-первых, это транспортные тоннели, по которым можно перемещать материальные тела. Во-вторых, видеоканалы, передающие только электромагнитное излучение, включая свет и радиоволны. И наконец, в-третьих, линии электронных сигналов, посредством которых аппаратура Базы или Станции подключается к существующим на поднадзорной планете средствам коммуникации. Выдвигаясь в трехмерное пространство, каждый из перечисленных

гиперцилиндров распространяет характерные сигналы на сверхвысоких частотах... Вам пока понятно?

— Ты излагаешь невероятно доходчиво, — заверил жену Алексей. — Продолжай в том же духе.

— Ну так вот. Эти приборы позволяют вычислить координаты той точки, где проложенная со Станции многомерная линия врезалась во всемирную компьютерную сеть или где выведен в трехмерное пространство транспортный тоннель. Тем самым они обнаруживают вход в Лабиринт. Думаю, Сергей прав — приборы явно земного происхождения, то есть созданы в Центре шпионажа...

Первым суть дела ухватил профессиональный программист. Сделав озабоченное лицо, Алексей произнес:

— Значит, детектор может запеленговать точку, через которую возможно проникнуть в Лабиринт. Затем через Интернет или через спутник связи эти координаты передаются центр... Я правильно понял?

— Во всяком случае, это похоже на правду, — осторожно сказала Пасари. — Думаю, когда в Центре убедятся, что обнаружена точка входа, они пошлют через этот детектор вирусную программу, которая должна парализовать компьютеры Станции. Именно поэтому наши роботы прекратили наблюдать за Землей через гиперцилиндры.

Она добавила, что теперь, из соображений безопасности, Мозг Станции вынужден наблюдать за планетой только издали — выходы гиперцилиндров должны располагаться на предельном расстоянии от поверхности, куда не достанут наземные детекторы и где практически нет искусственных спутников.

— Погодите, ребята, тут чего-то не так, — засомневался Сергей. — Конечно, я не слишком глубоко разбираюсь в компьютерных делах, но и не совсем профан.

Насколько я понимаю, земные программы, в том числе и вирусы, могут быть написаны только на наших, земных алгоритмических языках. На ФОРТРАНе каком-нибудь или на АЛГОЛе...

— Скорее уж на Си-плюс-плюс или на АССЕМБЛЕРЕ. — Алексей ухватил его мысль на лету. — Видимо, ты хочешь сказать, что компьютеры Лабиринта используют свою, троклемскую систему кодировки, а потому земные вирусы не способны поразить Мозг Станции.

— Ну, примерно так, — кивнул подполковник. — Только ты выразил мою мысль по-научному.

— К сожалению, толково составленная вирусная программа способна это сделать, — печально вздохнула Пасари.

Супруги Бужинские уже обсуждали эту проблему, когда прочитали письмо Координатора. Их выводы были неутешительны. Достаточно сложная и грамотно написанная программа-вредитель должна действовать поэтапно, но неотвратно.

Сначала вирус записывается в память одного из Роботов Станции, — скорее всего, в стандартное хранилище поступающей информации. Оказавшись в базе данных и проанализировав окружающие записи, вирусный файл перекодируется и превращается в обычную троклемскую программу. После этого вирус просачивается сквозь защитные барьеры в управляющие системы и выдает некую команду. Можно не сомневаться — это будет приказ открыть транспортный тоннель, который соединит Станцию с ведомством пославшим вирус.

Впрочем, существовали и другие пути достижения той же цели, причем все они представлялись вполне осуществимыми.

— Другими словами, как только Станция выдвинет на Землю хоть какой-нибудь тоннель, Лабиринт немедленно будет захвачен, — резюмировал Николай. — Друзья мои, а ведь мы сидим по уши в дерьме.

— Не так мрачно, — сказала Мальвина. — Их датчики охватывают пока не всю поверхность планеты — в противном случае ЦЭШ не обратился бы за подмогой к нашим

бандитам. Кроме того, не забывайте, что противник в принципе не способен усеять своими детекторами космическое пространство на высотах до двух-трех тысяч километров от земной поверхности, а именно в таких пределах действуют транспортные тоннели приемопередатчиков. Поэтому Станция сохраняет способность изредка посылать к нам роботов-курьеров... — Она нервно отпила сок из высокого стакана. — И вообще, я уверена, что продолжают функционировать выведенные в дальний космос гиперцилиндры второго рода, через которые Станция записывает передачи главных телевизионных компаний и радиостанций... Но в целом обстановка, разумеется, очень неприятная.

Завязалась дискуссия, на этот раз уже носившая заметный оттенок легкой паники. В конце концов решили, что Алексей запрограммирует обоим спутникам «Небесного ока» новое задание: при повторном randevу с троклемским модулем сообщить, помимо прочего, о захвате детекторов ЦЭШ. Посвященные не сомневались, что Координатор пожелает изучить прибор и пришлет робота для транспортировки этого устройства на Станцию. Может быть, трофей таможенников позволит квазиразумному псевдоживому суперроботу найти оптимальный способ защиты от иерусалимского вируса.

— Детали обсудим завтра, когда соберемся всей компанией — сказал на прощание Сергей. — Надеюсь, вы не забыли про день рождения Дианы...

Примерно в те же часы, когда Посвященные ломали головы над вопросом защиты Лабиринта, на противоположной стороне Земли решали свои проблемы другие мыслящие обитатели Вселенной. Их противоборство длилось больше столетия по земному счету времени, причем окончание застарелой вражды не просматривалось даже в отдаленной перспективе.

Десантный грузовоз «Транспорт-3446», стартовавший часом раньше с базы гонтов, расположенной на обратной стороне Луны, вошел в атмосферу и летел с дозвуковой скоростью на высоте сорока километров над ночным полушарием. В небе Атлантики неповоротливую машину перехватила пара скоростных истребителей Фурбенты. С ведущего передали приказ:

— Сопротивление бесполезно. Следуйте за нами, иначе будете уничтожены.

Послушно сбросив высоту, «Транспорт-3446» изменил курс и, сопровождаемый конвоирами, полетел за ними над Южной Америкой. Гонтов давно интересовало, где оборудовали свою крепость фурбены.

Над безлюдным горным краем истребители приказали вражескому кораблю заходить на посадку. Когда грузовоз снизился до шести километров, из замаскированного бомболюка выскользнул управляемый снаряд, и укрытое под скалами убежище испарилось в ярости огненного столба.

Взбешенные коварством противника, пилоты фурбенских истребителей расстреляли «Транспорт-3446» гамма-лучами своих квантовых пушек. Не успел рассеяться шар раскаленной плазмы, как на не ожидавших нападения спрутоящеров навалилась невесть откуда взявшаяся четверка отлично вооруженных перехватчиков.

От прямого попадания пучка антипротонов первая машина фурбенов взорвалась сразу, вторая же была сильно повреждена, однако пилот успел катапультироваться.

Подоспевший орбитальный модуль совершил сложный маневр — прямо в воздухе подхватил антигравитационным «сачком» раненого спрутоящера и втянул его в свой кессон.

Вскоре отряд кораблей цивилизации Огонто благополучно вернулся на Луну.

Пленному оказали медицинскую помощь, после чего, не теряя времени, приступили к допросу. Восемь самых сильных телепатов экспедиции легко подавили волю фурбена и без помех просканировали содержимое его памяти. В первую очередь гонтов интересовало, для чего вражеская экспедиция с таким упорством ищет вход в Лабиринт. Ответ был получен очень быстро, подтвердив самые неприятные подозрения.

Информацию без промедления передали на звездолет, где тотчас же собрался совет ведущих специалистов. Ситуация была признана крайне тревожной, и потому возникла необходимость принимать экстренные меры.

А земная пресса всю следующую неделю тиражировала сообщения о странных маневрах «летающих тарелок», замеченных в ночном небе над Андами.

Глава 8 ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ

Стол был давно накрыт, но гостей пока собралось немного — одни лишь Посвященные. Поэтому можно было откровенно говорить обо всем, что их тревожило.

Впервые за много дней они позволили себе небольшую долю ностальгии, вспомнив о тех днях, когда планеты и звезды были доступны только пятерке друзей. Это было прекрасное время, полное опасностей, тайн, удивительных открытий, романтики и безумных подвигов.

— Если бы проклятые шпионские ведомства не раскололи нас, — говорил Аркадий с тихой грустью в голосе, — сохранили бы полный контроль над Лабиринтом и сейчас отмечали бы день рождения сестренки на какой-нибудь экзотической планете. Помните ту — с красными растениями и бирюзовым небом?

— Там было чудно, — согласилась Диана. — Роскошная природа, спокойный климат и никаких крупных зверей. Этот мир словно нарочно создавался для комфортабельного отдыха.

— Думаешь, троклемиды специально перестроили планету, превратив ее в курорт? — засмеялся Николай. — Навряд ли. Представь себе, сколько средств пришлось бы вгрозить в такое предприятие.

— Иногда игра стоит любых свеч, — задумчиво проговорил Алексей. — Но ведь райская планетка могла появиться и естественным путем.

— К черту философские диспуты! — Аркадий замахал руками. — Сегодня мы будем отдыхать и развлекаться. Все серьезные разговоры откладываются на потом. Я всего лишь хотел сказать, что, будь у нас связь с Лабиринтом, мы могли бы провести сегодняшнюю тусовку гораздо лучше. Пусть не на другой планете, пусть на нашем острове в Атлантике...

Год назад роботы Лабиринта купили для них тропический островок Фернандо, где был выстроен настоящий дворец, а в эллинге дожидалась хозяев отличная моторно-парусная яхта. Конечно, они могли добраться туда обычными путями — самолетом до Конакри (с пересадками в Каире и Томбукту), а затем три часа вертолетом над волнами океана. Только проще было все-таки отметить это маленькое семейное торжество в московской квартире. Посещение острова Фернандо друзья отложили на зиму, когда все смогут взять отпуска и отдохнуть в тропиках от морозов и метелей.

Пришла Светлана, дочь Сергея, — у них с молодой мачехой сложились вполне приличные отношения. Затем появились Биберева — Матвей и его супруга Антонина Петровна. Гости прибывали без долгих пауз: Тарпанов, Жихарев, остальные сослуживцы. День рождения удался на славу: угощения были съедены и выпиты, народ от души повеселился и натанцевался, большинство рассказанных анекдотов оказались новыми и остроумными.

Наконец все разошлись, остались только родственники и Посвященные.

— Ну, можно и делом заняться, — сказал Матвей. — Серега, я хотел бы поговорить с тобой без посторонних.

— Здесь нет посторонних, — огорошил его подполковник. — Говори, не стесняйся.

Удивленно подняв брови, Биберов поразмыслил, потом махнул рукой и достал несколько синтезированных на компьютере портретов, пояснив, что собрал десятка полтора офицеров из разных частей, которые видели генерала Галанина и его подручных. В результате получились эти вот самые фотороботы.

Картинки пошли по рукам. Посвященным были хорошо известны двое из шести изображенных. Лицо с фоторобота номер один (Матвей сказал, что это — сам Галанин) они видели, когда наблюдали за последним совещанием у Восканова. Этот человек вел себя по-

хозяйски и давал указания бывшему шефу ФУОПИ. Фоторобот номер четыре, участвовавший в прошлогодней попытке похищения Дианы, был убит на явочной квартире, полной телевизионных мониторов и прочей электроники.

— А я вам еще одного назову, — сказал вдруг Жихарев. — Номер пятый застрелен во время октябрьских событий. Он входил в состав группы, которая вела огонь по обеим сторонам. Спецназовцы выявили и разгромили их огневую точку.

Позже на том месте были обнаружены трупы трех неизвестных, до зубов упакованных самым современным оружием. Кстати, все трое прошли обряд обрезания.

— Чеченцы? — моментально отреагировал Биберов.

— Черт их знает. Документы у всех были, конечно, липовые, настоящие имена установить не удалось, да никто особенно и не пытался... Как говорится, неопознанные трупы лиц восточного происхождения.

Ясно было, что, имея лишь не слишком качественный фоторобот, найти лжегенерала среди шести миллиардов землян — задача практически нерешаемая. Даже если искать только среди полумиллиарда мужчин-европеоидов и даже помощью троклемских роботов — и то не нашли бы. Тем более безнадежным представлялось это дело сейчас, когда Координатор и Мозг Станции не могли оказать им никакой помощи.

Немного погодя, когда ушли Жихарев и Тарпанов, Сергей попросил племянника задержаться и спросил:

— Твой отец накануне войны имел какое-нибудь отношение к линкору «Халхин-Гол»?

— А ты откуда знаешь? — забеспокоился полковник. Сергей настаивал:

— Было или нет?

— Ну рассказывал он что-то такое... Я даже не помню толком. Отцы же у нас с тобой давно преставились. Мой в семьдесят втором, а твой, кажется, на год его пережил.

Кажется, он не был расположен развивать эту тему, но на подмогу другу поспешил Аркадий. Под их двойным нажимом Матвей раскололся и поведал, что в последние годы жизни отставной генерал морской авиации Стален Биберов изредка выдавал какие-то сказки о событиях на тихоокеанском острове, будто бы имевших место в самом начале Великой Отечественной войны. Вроде бы экспедиция, которую возглавлял дед Матвея по материнской линии профессор-астроном Недужко («Ого!» — громко сказал Аркадий), обнаружила на острове, название которого уже и не вспомнить, нечто совершенно необъяснимое. Участники тех раскопок полагали, что найденные ими устройства, напоминающие телевизор с трехмерным изображением, оставлены пришельцами из космоса. Потом якобы случилось сражение с японцами, в котором принял участие своевременно подоспевший «Халхин-Гол». Линкор был построен в Штатах специально для Красного Флота, командовал кораблем второй дед Матвея — контр-адмирал Биберов Матвей Аристархович. Бой был жестокий, хотя СССР и Япония в состоянии войны тогда не находились. Получив многочисленные повреждения, наш линкор затонул, оба деда — Биберов и Недужко — погибли, спастись удалось немногим.

— Я могу добавить, — кашлянув, вмешался Сергей. — Мой отец тоже рассказывал о той истории... По словам папани, он с самого начала похода находился на борту линкора, участвовал в установке и наладке радиолокаторов и еще какой-то техники. Когда «Халхин-Гол» стал тонуть, твой отец, Стален Матвеевич, посадил моего отца, твоего дядю, в свой гидроплан, и они оторвались от катапульты буквально за минуту до того, как корабль перевернулся кверху килем.

— Абсолютно верно, батя служил на «Халхин-Голе» пилотом самолета-разведчика, — подтвердил Матвей. — И под конец боя случилось в точности, как Серега сказал. Из четырех гидропланов оставался в исправности только один, на котором они и добрались до Владивостока.

— И вовсе даже не до Владивостока, — на повышенных тонах уточнил Сергей. — Горючее на полпути кончилось, и они шлепнулись на воду. Потом их подводная лодка подобрала.

К этому времени все уже окончательно протрезвели. Аркадий прокомментировал рассказы двух родственников: мол, полностью подтверждается гипотеза Атиллы Барханова о базе инопланетян, открытой экспедицией Романа Недужко. А Пасари, то есть теперь уже Мальвина, будучи девочкой очень толковой и невероятно прагматичной, поспешила заострить внимание на главном:

— Постарайтесь вспомнить, Матвей, что именно говорил ваш предок о видеозаписях, обнаруженных на предполагаемой базе пришельцев. Какие конкретно голографические сюжеты они видели?

— Батя сам этих записей не просматривал, — объяснил полковник. — Он знал о них лишь со слов деда. Недужко успел рассказать ему кое-что за те неполные сутки, пока они вместе оставались на борту линкора.

Сергей пришел ему на помощь:

— Зато мой папаня видел несколько сюжетов, когда помогал Роману Недужко демонтировать и грузить на корабль эти телевизоры и видеомагнитофоны. Он говорил мне, что на голограммах были сцены космических сражений, приключения на неизвестных планетах... — Он задумался, потом продолжил: — Да-да, правильно, я точно помню, что отец упоминал пейзажи неведомых планет и города, населенные существами самой разной внешности.

— Одноглазые гуманоиды среди них были? — спросил Аркадий.

— В основном они и были. Но не только.

Разгорелась оживленная дискуссия, и в конце концов они пришли к выводу, что гонты — а базу на острове наверняка создали звездолетчики этой цивилизации, — видимо хранили видеоотчеты своих прежних экспедиций. Эпизоды с битвами космических кораблей были сняты, скорее всего, во время столкновений между флотами гонтов и фурбенов. Такое объяснение представлялось всем в высшей степени логичным и правдоподобным.

А потом Диана вдруг заявила, что постарается найти видеокассету из числа тех, которые она записала прошлой осенью, когда работала с архивами Станции Земля. Роботы Лабиринта столетиями наблюдали важнейшие события нашей истории, фиксируя сражения, работу ведущих ученых, разговоры политических деятелей.

Собирая материалы для докторской диссертации, Диана скопировала из бездонных банков памяти сотни часов различных эпизодов, — главным образом, беседы кремлевских вождей периода двадцатых — шестидесятых годов.

Сверившись с компьютерной базой данных, она уверенно сняла со стеллажа коробку номер двести пятьдесят семь. Запуская кассету, Диана комментировала:

— Сейчас мы увидим встречу на даче Сталина возле Мацесты осенью тридцать девятого. Кроме самого Хозяина я опознала Молотова, Ворошилова и Берия. Старик в морском мундире мне незнаком.

Не слушая ее, Матвей медленно поднялся с дивана и воскликнул, тыча пальцем в телеэкран:

— Это же мой дед!

На экране разворачивался напряженный диспут. Прямо за обеденным столом руководители государства и армии обсуждали подготовку к будущей войне, которая могла в скором времени перекинуться на советскую территорию — как на европейской арене, так и на Дальнем Востоке. Они долго говорили о подготовке сухопутных войск и производстве вооружений. Затем речь зашла о флотских проблемах. Под одобрительные реплики Сталина Бибереv прочитал небольшую лекцию, чтобы объяснить не слишком сведущему в таких вопросах Лаврентию Павловичу, для чего нужны стране тяжелые корабли — крейсера и линкоры.

Наконец изображения давно умерших людей заговорили про судостроение. Нарком обороны доложил, что новые боевые единицы будут готовы слишком поздно — к середине сорок третьего года, хотя никто не сомневался, что война разразится раньше. И тогда Бибереv осторожно предложил:

— Товарищ Сталин, можно попытаться купить за границей готовые корабли.

— Полагаете, империалисты согласятся помогать усилению нашего государства? — ухмыльнулся Сталин, — Боюсь, ваше благодушие граничит с политической близорукостью.

— Возможно, товарищ Сталин, — сыграл покорность Биберева. — Но даже гитлеровцы почти согласились продать нам крейсер и крупнокалиберные морские пушки.

— Не «почти», а согласились, — самодовольно сообщил Молотов. — Они расплатятся за поставки нашего хлеба и нашей нефти техникой военного назначения. Вскоре мы получим тяжелый крейсер «Лютцов», чертежи линкора «Бисмарк», пушки калибра пятнадцать и восемь дюймов, новейший истребитель Мессершмитта. И еще итальянцы строят для нас быстроходный эсминец.

— Вот видите, — обрадовался такой поддержке Биберева. — А в Америке кораблестроительная промышленность так и не выбралась из кризиса. У них законсервированы очень неплохие корпуса, которые заложены еще в годы мировой войны. Уверен, американцы согласятся продать их по сравнительно низкой цене — лишь бы хоть какие-нибудь деньги получить.

Сталин окутался клубами табачного дыма, размышляя над услышанным. Затем спросил тоном, в котором зазвучала несомненная заинтересованность:

— Какие именно корабли можно купить в Соединенных Штатах?

Старый моряк с воодушевлением стал отвечать: мол, у построечных стенок тихоокеанских верфей ждут советского покупателя вполне приличные линкоры типа «Кентукки» и линейные крейсера типа «Лексингтон». Чем окончился этот разговор, в 1996 году так и не узнали, потому что эпизод оборвался буквально на полуслове и пошла запись совсем другой беседы — германский посол граф Шуленбург принес Молотову письмо фюрера, в котором отставной ефрейтор предлагал советским руководителям организовать на Среднем Востоке совместную военную экспедицию против англичан.

— Почему прервалась запись? — возмущенно рявкнул Аркадий.

— А мне откуда знать... — Диана развела руками. — Обычно Мозг Станции сам прекращал трансляцию эпизодов, и я не интересовалась подробностями. Вы же помните, что видеоканалы время от времени переключались на новый объект.

Ехидно улыбаясь, Мальвина — Пасари объяснила, что роботы просто не захотели показывать землянам продолжение разговора, поскольку там упоминался линкор, который спустя два года примет участие в инциденте вокруг базы гонтов.

— Ты полагаешь, что Координатор сознательно закрыл для нас всю информацию о других инопланетянах? — переспросил Алексей. — Вот гад паршивый!

Они загалдели, возмущаясь коварством Координатора и прочих троклемских роботов, которые прикидывались друзьями, а сами скрывали наиболее важные сведения о событиях недавнего прошлого. Их голоса перекрыл вопль Биберева:

— Люди, растолкуйте наконец, что здесь творится! Какой лабиринт, какие роботы, откуда взялась у вас цветная запись с моим дедом? В те времена не было видеокамер, тем более цветных! Кто снимал этот фильм на сталинской даче?!

Все недоуменно уставились на потрясенного полковника, потом Сергей захохотал:

— Черт побери, братишки и сестренки... Матвей же практически ни черта не знает о наших прошлогодних приключениях!

Глава 9 ПОДНОЖИЕ СМЕРТИ

Полковник Абдулло Курбонбердыев, занимавший солидный пост в Министерстве безопасности, был прикомандирован к экспедиционной группе «Финиста». Таджикский офицер производил приятное впечатление, прекрасно владел обстановкой, не скрывал трудностей. Ответив на вопрос о своей службе в Афганистане, Абдулло добавил, что долгое время работал на Ближнем Востоке по линии разведки — был инструктором по военно-

диверсионной подготовке в одной из палестинских группировок. Сегодня, когда арабская автономия на берегах реки Иордан обретала зачатки самостоятельности, во главе палестинской полиции встали многие ученики Курбонбердыева.

Абдулло показал по карте общую ситуацию. Главные события разворачивались вокруг кишлака Равиль-Тепе. Отряды оппозиции под командованием моллы Салмон-аки, потеснившие батальон правительственной армии, овладели населенным пунктом и теперь контролировали стратегически важный мост через реку Сурхоб, перекрыв основное шоссе, соединяющее столицу с восточными районами республики.

Сосредоточенный западнее Равиль-Тепе батальон полковника Ярматова еще не оправился после поражения, был деморализован и нуждался в подкреплении.

— Дальнейшее понятно, — закончил Курбонбердыев. — Автотранспорт подан. Через час выезжаем, к вечеру будем на месте. Проведем рекогносцировку и на рассвете нанесем удар. Какие будут соображения?

— Соображения будут, когда изучим обстановку на месте, пока задача кажется мне банальной. — Сергей лениво пожал плечами. — Какими силами располагает противник?

— От двух с половиной до трех сотен боевиков, два бронетранспортера, четыре миномета, несколько станковых пулеметов. Со стороны Горного Бадахшана движется подкрепление — сотни две стволов, но они пока далеко, подтянутся не раньше чем послезавтра.

— Плевать на них с бреющего полета... Я имею в виду: ударим с вертолетов прямо на марше — ни один не уйдет. Остальное обдумаем по дороге.

В голове колонны пристроились грузовики с милиционерами и два БТР правительственной армии. Следом двинулись «Икарусы», в которых с комфортом разместился личный состав «Финиста», и трейлеры, перевозившие бронетехнику.

Замыкали походный порядок артиллерийские тягачи и милицейская «Нива». Солдаты большей частью дремали в мягких креслах, кто-то травил анекдоты или хвастал любовными похождениями, а самые бывалые и толковые возились с оружием.

Каростин и его начальник штаба майор Карабанов потратили не меньше часа на изучение карт местности, выработали предварительное решение, наметили исходные рубежи. Решили, что два стрелковых взвода будут переданы на усиление местных горе-воjak, а горнострелки капитана Панаева и взвод тяжелого оружия старшего лейтенанта Демьяненко ударят по мосту. Взвод Фозиярова, укомплектованный сторонниками президента Бусалаева (все — бывшие офицеры республиканских силовых структур), остается в резерве для наращивания удара.

— Посмотрим, на что они пригодны, — буркнул Карабанов.

Внимательно слушавший их обсуждение Курбонбердыев сказал восхищенно:

— Вы оба, наверное, отлично знаете тактику горной войны. В альпийских войсках служили?

— Ща! — подполковник фыркнул. — Михаил командовал разведбатом в Чехословакии, а я — и вовсе подводник. Так что горы для нас — полная экзотика.

Они посмеялись, хотя смех получился не слишком веселый. Потом командир «Финиста» осторожно поинтересовался, не известна ли таджикской контрразведке банда, которой командует странная личность в черном плаще.

— Знаем такого, сидит высоко в горах, никогда свой капюшон не снимает, — сразу ответил Абдулло. — Его называют Саре-Сиях, то есть «черная голова». В боевых действиях активности не проявляет, поэтому мы на него не обращаем особого внимания.

— Где он сейчас?

— По последним данным, банда ушла на восток к хребту Зулумарт, куда-то в район озера Каракуль. Это совершенно безлюдные места, там высота больше пяти километров.

— Не зря он там шляется, — задумчиво проговорил Сергей. — Этого Саре-Сияха необходимо взять. Желательно живьем.

Абдулло возразил: дескать, сейчас на очереди более важные дела.

Подполковник молча кивнул. Он вообще не имел привычки спорить, а просто делал то, что считал нужным. Вот и сейчас Сергей решил, что займется фурбеном, как только покончит с бандой, захватившей Равиль-Тепе. Он не сомневался, что инопланетянин забрался высоко в горы, чтобы завладеть приемопередатчиком, который был замурован именно в тех краях.

В темноте они окончательно изучили поля боя, выставили наблюдательные посты, направили к вражеским позициям разведчиков, которые вскоре вернулись, принеся троих «языков». Оба снайпера — Барханов и Фомин, — немного передохнув с дороги, устроились на возвышенностях и, периодически меняя огневые точки, всю ночь работали по лагерю оппозиции, перестреляв не меньше двух десятков зазевавшихся басмачей. От таких потерь в неприятельском стане началась паника: боевики шарахались от любого шороха, то и дело открывали беспорядочную пальбу по каждому подозрительному кусту, чем резко увеличили количество убитых среди своих.

Подводя итоги разведки, Сергей твердо заявил: без вертолетного десанта провозимся лишние сутки. Курбонбердыев же переговорил по радиации со своим министерством, после чего обнадежил, что вертолеты будут непременно. И действительно, уже в четыре часа утра командира «Финиста» разбудили, чтобы доложить: на укромную площадку в полусотне километров отсюда приземлились два транспортно-боевых Ми-8 узбекской авиации. Машины такого типа брали на борт две дюжины вооруженных бойцов и вдобавок имели под крылышками пусковые контейнеры неуправляемых ракет.

— А при чем узбеки? — не понял спросонок Сергей.

Полковник Ярматов объяснил, что правительство соседнего Узбекистана крайне озабочено угрозой исламского фундаментализма, а потому негласно поддерживает Душанбе в войне против оппозиции. Пехоту соседи присылают нечасто, зато их авиация работает постоянно и очень эффективно.

Поднятые по тревоге два взвода — республиканский спецназ и горные стрелки Панаева — погрузились в автобус и отбыли на вертолетную площадку. За полчаса до рассвета шум мощных винтов возвестил о высадке десанта на том берегу реки.

Немедленно заговорили минометные и гаубичные батареи, засыпавшие осколочно-фугасными снарядами опорный пункт боевиков на подступах к мосту и укрепленный лагерь за рекой.

Силы противника были беспорядочно разбросаны на солидной площади. Это не имело бы принципиального значения, доведись Салмону отражать атаку слабоподготовленных таджикских солдат, но в бою против элитарных войск такая схема обороны означала верную гибель. Массированный удар пехоты и бронетехники, наносимый сразу с нескольких направлений, развивался стремительно, у басмачей не оставалось времени для переброски подкреплений на атакованные участки — тем более что дорогу резервам загрозила стена минометных разрывов.

Сборная команда Панаева навалилась с тыла, перебив и повязав охрану моста.

Батальон Ярматова при поддержке «Финиста» обрушился на сотню переправившихся через реку боевиков, подавил огнем и неуклонно оттеснял к бурно несущейся воде.

Не дожидаясь, пока будет покончено с этой частью банды, Каростин бросил в прорыв подвижный резерв, посадив на броню разведвзвод Фозиярова. Восьмиколесные стальные коробки полным ходом ворвались на мост, мигом оказались на той стороне и, развернувшись в боевую линию, устремились к лагерю, где металась под артобстрелом басмачи Салмонаки. Над лагерем кружили оба Ми-8, поливавшие скопления боевиков НУРСами.

Очень понравилось Сергею, как деловито и со знанием дела действовали разведчики. Стреляли они экономно, короткими очередями, но наверняка. Когда взвод ворвался в лагерь, начался сумбурный и беспощадный бой, то и дело переходивший в рукопашные схватки. Покинув свою «Рысь», подполковник вспомнил бурную молодость, стрелял из верной «Гюрзы» и чудесного маленького пистолета-пулемета «Вепрь», швырял гранаты, работал ножами и лопаткой. Басмачи пытались сопротивляться не дольше получаса, потом дрогнули

и пустились наутек, бросив раненых и тяжелое оружие. Они стремились уйти в горы, но вертолеты и бронетехника преследовали бегущих, расстреливая и вынуждая сдаваться.

Примерно через три часа все было кончено. Банда прекратила существование, правительственная армия вновь заняла Равиль-Тепе, а две роты отправились на прочесывание местности к востоку от кишлака. Во второй половине дня завершился предварительный подсчет потерь — своих и чужих. Всего было убито около девяноста басмачей, включая моллу Салмона, чуть меньше попало в плен. Успех оказался настолько оглушительным, что в Душанбе не сразу поверили рапорту Курбонбердыева, два министра — обороны и безопасности — требовали подтвердить результаты боя. Абдулло, блаженно улыбаясь, снова и снова повторял в микрофон полевой рации: враг разгромлен, наступление на столицу республики сорвано.

Вскоре часовой доложил, что прибыл еще один иностранец, уверяющий, что командир Каростин будет рад видеть его. Сергей взглянул на неожиданного визитера и удивился, потому что не надеялся вновь его увидеть. Демьяненко, тоже узнавший гостя, даже пропел с угрожающей улыбкой:

— Ты бачь, отец-командир, кто к нам пожаловал. Це ж сам мусью Гастон.

— Салют, Серж, — невозмутимо сказал лжефранцуз.

— И тебя туда же, — согласился подполковник. — Ну-ка, братцы, ступайте погулять. А ты, Атилла, останься, если хочешь со своим хобби пообщаться.

Когда они остались вдвоем, Сергей насмешливо осведомился, как поживает планета Огонто. На маске не дрогнул ни единый мускул.

— Вы знаете больше, чем положено землянину, — сказал он наконец. — Вероятно, главный робот Лабиринта нашел способ связаться с вами и передал какую-то информацию.

Сергей ответил встречным вопросом:

— Что вы делаете на Земле? И как вас называть?

— Можете называть Гастоном, если для вас это важно, — предложил гонт. — И не стоит считать меня врагом. Сейчас у нас общая задача — остановить фурбенов.

Не вдаваясь в детали, он изложил версию гонтов межзвездной обстановки.

Много лет назад фурбены якобы обнаружили на своей планете вход в многомерный транспортный комплекс, что позволило им посетить системы нескольких соседних звезд. Если верить показаниям пленных спрутоящеров, фурбены ищут способ проникнуть в ту Ветвь Лабиринта, которая охватывает Землю. Воспользовавшись этой частью троклемского комплекса, они планируют совершить нападение на миры, которые колонизированы гонтами. Фурбены намерены захватить эти планеты внезапным ударом из иных измерений, тем самым переломив в свою пользу зашедшую в тупик давнюю войну.

— Фурбены опасны для всех космических народов, не только для гонтов, — с обычной монотонностью звучал голос Гастона. — Они стремятся к тотальному господству. Столкнувшись с этой расой один на один, человечество неминуемо будет покорено. Земля не в состоянии оказать фурбенам серьезного сопротивления. Командир, сегодня ваш долг — перехватить фурбена, который рвется к ближайшему агрегату троклемидов.

— Где находится его отряд? — деловито спросил подполковник.

— Высоко в горах. Примерно триста километров к востоку от этого места.

Гонт включил какой-то прибор, и в тени под навесом засветилось трехмерное изображение покрытых снегом вершин. Инопланетянин показал на голограмме участок, где отряд Саре-Сияха находился полтора часа назад. Гастон уточнил: под командованием спрутоящера служат тридцать восемь боевиков с земным оружием. Сам фурбен имеет лучевые и плазменные генераторы, которые обычно находятся в сумках.

Там же — детекторы для обнаружения многомерных структур. Сумки с техникой обычно таскает кто-нибудь из басмачей, однако в сражениях инопланетным оружием будет пользоваться только пришелец.

— Насколько он опасен в бою? — поинтересовался Барханов. — И насколько легко его убить? В прошлый раз это получилось у нас с большими трудностями.

Гонт объяснил, что на Земле фурбены надевают футляр, который грубо повторяет очертания фигуры гуманоида. Футляр изготовлен из прочного пластика и оснащен биомеханическим скелетом, увеличивающим физическую силу инопланетного десантника. Бронебойная пуля АКМ продырявит эту защиту метров с двухсот, но у фурбенов есть генераторы защитного поля, отбрасывающие материальные тела и отклоняющие лазерное излучение. Легкое оружие фурбенов поражает открытую живую силу с расстояния в четыре-пять километров, а легкобронированные цели — с вдвое меньшей дальности.

— Я не понял, — настаивал Атилла тоном энкавэдэшного следователя. — Фурбен в экзоскелетном футляре физически сильнее человека и вдобавок неуязвим — так?

— Не совсем. Футляр пробивается вашими боеприпасами, хотя и с небольшой дальности. Вспомните, Серж, вы убивали троклемидов и вешша, даже когда тех укрывали силовые поля.

— Об этом ты откуда знаешь?! — Сергей вскочил с патронного ящика, но быстро успокоился, сообразив: — Ты читал мои мысли, гад паршивый!

— Мысли читать сложно, однако кое-что узнать удалось, — скромно ответил гонт. Барханов продолжал допрос:

— Фурбены тоже владеют телепатией?

— Очень слабо... И я еще не сказал о их физической силе. Постарайтесь не ввязываться в рукопашную, экзифутляр позволяет носителю поднимать многотонные грузы.

— Понятно... — Сергей подозрительно поглядел в фальшивые глаза маски. — А почему бы вам самим не напасть на отряд Саре-Сияха?

— У фурбенов превосходные детекторы — засекают биополе гонтов в пределах горизонта. Но если возникнет крайняя необходимость, мы постараемся оказать помощь. Пока предлагаю распределить сферы деятельности: мы охотимся на фурбенов за пределами Земли, а вы — на своей планете.

Предложение звучало разумно, тем более что возражения не имели смысла. Все равно они не могли, да и не слишком стремились принуждать гонтов к более тесному сотрудничеству. Сергей отнюдь не собирался делиться трофеями с инопланетными союзниками, дружелюбие и искренность которых вызывали у него серьезные сомнения.

«Будем бить этого Черного Башку крупнокалиберными игрушками», — подумал подполковник. Он прикинул, что огромная снайперская винтовка Барханова окажется очень кстати. А вот у гранат подствольника скорость маловата — силовое поле их, конечно, отбросит. И еще подполковник пожалел, что они не сообразили прихватить в эту вылазку «Валторну».

— Верно мыслите, командир, — одобрил его раздумья Гонт. — Мне пора идти. Желаю успеха и надеюсь еще увидеть вас. Поверьте, я испытываю к вам искреннюю симпатию.

— А ты уже не пытаешься косить под француза, — ворчливо заметил Сергей. — Говоришь без акцента, импортные словечки с русскими не мешаешь.

— Признаюсь, я никогда не бывал во Франции, — сообщил пришелец. — И вообще я не тот, кого вы знали по чеченской операции. Тот наш коллега попытался в одиночку справиться с отрядом фурбена, но не преуспел.

Он встал. Атилла попытался задержать гонта, сказав: дескать, нам надо о многом поговорить. Внезапно капитан замолчал, недоуменно озираясь.

Инопланетянина не было.

Выбежав из-под навеса, Сергей окликнул часового. Сержант ответил, что верзила с ожогами на лице ушел еще минут пятнадцать назад и уже скрылся среди каменных валунов, которые громоздились почти в километре от лагеря.

Посмотрев в сторону, куда показывал часовой, командир «Финиста» увидел, как из скал метнулся в небо аппарат, закругленный корпус которого тускло поблескивал в лучах солнца. Неведомая машина быстро набрала высоту, растворившись в горячем воздухе памирского предгорья.

— Станный вертолет, — проговорил кто-то совсем рядом. — Организовать погоню?

Обернувшись, Сергей увидел в двух шагах обеспокоенного Курбонбердыева.

Подполковник отрицательно покачал головой и сказал:

— Не стоит. Лучше распорядитесь, чтобы наши пилоты готовились к вылету. Мы должны перехватить на марше банду, которая идет на подмогу Салмону.

— Вы правы. — Абдулло кивнул. — Не забудьте теплую одежду — наверху будет холодно.

Оставив Карабанова командовать остающимися подразделениями, подполковник приказал построить взводы Барханова и Демьяненко.

Страшно тарахтя винтами, одиннадцатитонные машины несли полсотни бойцов над долиной реки Муксу. По оба борта вздымались громады гор, увенчанных ледниками и снежными шапками. Похлопав Сергея по плечу, Курбонбердыев прокричал, с трудом перекрывая грохот двигателя:

— Слева от нас — пик Сат, чуть меньше шести километров, справа — самая высокая точка Памира. Единственное место на Земле, где сразу после Сталина наступил коммунизм.

Не поняв последней фразы, комполка сделал удивленную гримасу, и Абдулло объяснил: раньше эту вершину называли пиком Сталина, а потом переименовали в пик Коммунизма. Он добавил, что Памир называют не только Крышей Мира, но и Подножием Смерти. Потом еще раз напомнил: в горах надо постоянно быть начеку, здесь особая тактика и даже особые правила стрельбы.

— Знаем, — рывкнул в ответ Сергей. — Кроме меня, остальные имеют опыт.

Разговоры оборвались, как только внизу показалась колонна вооруженных людей. «Это они!» — крикнул Курбонбердыев, нацепил переговорное устройство и принялся отдавать распоряжения. Ми-8 заложили вираж, прошли над изгибом горной дороги, засыпав басмачей градом реактивных снарядов, затем повторили удар, пролетев в обратном направлении. Дорога утонула в дыме разрывов. «В масть!» — торжествующе зарычал Сергей. Вертолеты разделились, снизились почти до самой земли, выбрасывая десантников. Взвод Барханова, сопровождавший командира полка, высадился в тылу басмачей, а головорезы Демьяна перегородили противнику путь в долину.

Едва люди оказались на грунте, оба Ми-8 снова ушли ввысь, чтобы поддерживать десант огнем расположенных в носовом пилоне пулеметов А-12,7.

Махнув рукой, Сергей повел взвод на сближение с противником. Сообразив, что оказались в тисках, басмачи заняли круговую оборону и встретили спецназ очередями. Пришлось залечь и двигаться дальше перебежками, подавляя сопротивление сосредоточенным огнем.

— Первое отделение — направо, третье — налево! — крикнул подполковник. — Усилить натиск!

Присев за ближайшим валуном, он привычно совместил мушку и прорезь прицела с силуэтом басмача, беспорядочно палившего в их сторону. Не обращая внимания на треск стрельбы и посвистывавшие поблизости пули, Сергей мягко потянул спусковой крючок кончиком указательного пальца. Ствол «Абакана» даже не шелохнулся, выбрасывая экономную — в две пули — очередь. Выронив оружие, басмач схватился за плечо. Вторая очередь швырнула его навзничь.

Подполковник выстрелил в сторону другого повстанца и, когда тот пригнулся, спрятавшись за камнями, Сергей перебежал шагов на двадцать вперед. С новой позиции он выпустил из подствольника гранату и удовлетворенно заурчал, убедившись, что уложил очередного противника. Следующей очередью Сергей ранил еще одного басмача, но добивать не стал — все равно никуда не денется.

Оглядев поле боя, командир «Финиста» сделал вывод, что стрельба, в общем, близится к финалу. Боевики уже начали бросать оружие, пытались забиться в щели между камнями или уползти повыше в гору. Единственную серьезную неприятность представлял станковый пулемет, непрерывный огонь которого прижал к земле правый фланг взвода. Однако, когда попытались двинуться вперед отделения, наступавшие в центре и слева, пулеметчик

моментально развернул ствол и стегнул длинными очередями по перебежавшим бойцам. Двое спецназовцев упали, зажимая раны. Соседи по строю быстро оттащили их за укрытие.

— Сейчас я тебя успокою, — прошипел рядом Барханов. Уперев сошки в массивный обломок скалы, капитан наводил на цель огромную снайперскую винтовку В-94. Длинный ствол, вызывавший ассоциации с противотанковыми ружьями полувекковой давности, застыл, нащупав мишень. Гулкий выстрел швырнул тяжелую пулю калибра двенадцать и семь десятых миллиметра, после чего пулемет замолчал.

Атака возобновилась. Не привыкшие вести бой против регулярных войск басмачи пачками сдавались в плен.

Когда уцелевших, разоружив, согнали в плотную массу, опоясанную кольцом нацеленных стволов, Курбонбердыев перевел слова главаря банды:

— Он говорит, что его люди были деморализованы ракетным обстрелом и потеряли волю к сопротивлению.

— Спросите, почему они шли пешком, — потребовал Сергей. — Неужели собирались переть на своих двоих до самого Равиль-Тепе?

Пленный курбаши объяснил: басмачи должны были пешком спуститься с гор, а в тридцати километрах отсюда, возле кишлака Кударанг, их ждали автобусы и грузовики. Там же должен находиться другой отряд исламской оппозиции — около сорока — пятидесяти стволов. Объединившись, обе группировки выступили бы к Равиль-Тепе, чтобы вместе с бандой Салмона расширить плацдарм на подступах к Душанбе.

Разобрав обстановку на карте и переговорив по рации с Карабановым, подполковник пришел к выводу, что ударить по Кударангу возможно только с воздуха, а в распоряжении Ярматова авиации не было.

— Я принял решение, — объявил Сергей. — Основная часть нашего отряда остается здесь охранять пленных. После короткого отдыха отконвоируете этот сброд в долину и там сдадите таджикским властям. Один вертолет возвращается на базу. Машина пополнит боекомплект, дозаправится и атакует Кударанг. А тем временем я с небольшим подразделением вылечу на другом вертолете к озеру Каракуль, чтобы уничтожить банду Черного Головы.

— Там очень сложный рельеф, — попытался урезонить его Абдулло. — На ночь глядя вы никого не найдете.

— Решение принято, — отрезал подполковник. — Исполняйте.

Он проследил, чтобы в Ми-8 погрузили самое тяжелое оружие, которое нашлось в радиусе полукилометра. Кроме винтовки Атиллы, имелись отбитый у басмачей пулемет НСВ, два крупнокалиберных винчестера и автоматический станковый гранатомет «Пламя». Уточняя задачу, Сергей подчеркнул, что предстоит столкновение с очень опасным противником, в распоряжении которого может оказаться особо мощное оружие незнакомой конструкции. В вертолет сели Барханов, старшие лейтенанты Гриша Демьяненко и МВД Мансуров, прапорщики Вася Фомин и Саня Кулебякин. Курбонбердыев с мрачным видом следил за их приготовлениями, а потом решительно залез в кабину.

— Вы не знаете наши горы, — буркнул он раздраженно. Без меня ни черта не найдете.

Сергей не стал устраивать дискуссию, а повторил диспозицию: вести огонь на поражение, в первую очередь бить по человеку в черном плаще с капюшоном, а также по боевикам, имеющим при себе ручную кладь — рюкзаки, сумки и другие тяжелые грузы. Он подчеркнул, что по Черной Башке следует стрелять большим калибром.

Когда все подтвердили, что приказ уяснен, командир полка приказал экипажу запускать моторы.

Не прошло и получаса, как вертолет оказался возле пика Фрунзе, бросавшего тень на зеркало озера. Поднявшийся ветер рвался сквозь неширокий зазор между горных хребтов, и машина неприятно раскачивалась. Сергей и Атилла сразу узнали эти места — они видели изображение ущелья на голограмме, которую показывал гонт.

Подполковник показал командиру экипажа, в каком направлении вести Ми-8, и

вертолетчик, пожав плечами, повернул штурвал. Качка сразу стала еще сильнее.

Курбонбердыев, взяв микрофон рации, несколько раз повторил, что они вошли в ущелье Шах-Киик. Потом удрученно сказал:

— Штаб не отвечает. Наверное, горы не пропускают наш сигнал.

Снизив скорость, вертолет рычал над пропастью, склоны и дно которой обильно покрыл снег. Огибая утесы, машина летела в восточном направлении, двигаясь не быстрее автомобиля на городской улице. Люди на борту напряженно вглядывались в нагромождения камней, провалы, ледяные глыбы и прочие извращения горного рельефа. Первым обнаружил цель их поисков Кулебякин. Вытянув руку прапорщик крикнул:

— Командир, вижу дым костра!

Перед чернеющим входом пещеры действительно горел костер, от которого тянулась к небу тонкая струйка дыма. Из кабины эта черная полоска была отчетливо видна на белом фоне заснеженного склона. Вокруг огня расположилось около дюжины вооруженных людей, но все они внешне ничем не отличались от обычных таджикских боевиков. Саре-Сияха среди них не было.

По приказу Сергея экипаж приспустил машину до пятидесяти метров и открыл огонь из носового пулемета. Гроздя тяжелых пуль разметали сидевших у костра, лишь два басмача успели выстрелить в ответ и были убиты следующими очередями с Ми-8. Покончив с этими, вертолетчики перенесли огонь на пасть пещеры, откуда уже начали выбегать взбудораженные стрельбой прислужники Саре-Сияха. Некоторые из них, сумев избежать встречи с потоками разящего металла, укрывались за камнями, отбежав на несколько шагов от пещеры. Когда на борту стальной стрекозы окрепло убеждение, что бой уже выигран и остается только добить или взять в плен немногих уцелевших членов банды, кабину на мгновение озарил яркий зеленоватый свет. Дернувшись, вертолет завертелся на месте.

— Машина не слушается, — удивленно сообщил пилот. — Мужики, что там сзади делается?

— Заднего винта нет! — заорал Демьяненко. — И всего хвоста тоже! Один обрубок в полметра торчит и дымится!

Вертолет продолжал беспомощно крутиться. На очередном обороте, когда Ми-8 развернулся лобовым стеклом в сторону, откуда они прилетели, по глазам хлестнула еще одна зеленая вспышка. Люди почти ослепли и не сразу сообразили, почему вдруг стало так холодно.

— Падаем! — ударил по барабанным перепонкам чей-то надорванный голос.

Вращаясь и раскачиваясь, «вертушка» быстро теряла высоту. Протерев слезящиеся глаза, Сергей наконец разглядел, что передней части машины больше не существует и поток морозного воздуха беспрепятственно гонит снежинки в невесть откуда взявшуюся огромную дыру. Из всего экипажа остался лишь один вертолетчик, который вцепился обеими руками в приборы управления, пытаясь притормозить падение.

Затем был сильнейший удар. То, что совсем недавно называлось винтокрылой боевой машиной, врезалось в сугроб, дважды подпрыгнуло и замерло. Лопасті несущего винта обломились при последнем толчке, разбитая кабина лежала, завалившись набок. Ощутимо пованивало гарью и бензином.

Демьяненко, Барханов и Фомин, не раз попадавшие в подобные переделки на афганской войне, уже выползли через пробоину в носовой части и поторапливали остальные.

— Быстрее, шевелитесь, кончайте возиться... В любой момент рвануть может!

Сергей вылез через помятую боковую дверцу и теперь принимал и складывал на снег вещмешки и коробки боеприпасов, которые передавали изнутри Мансуров и Кулебякин. Тем временем пилот поливал дымящийся мотор и бензобаки сразу двумя огнетушителями. Прекратив швырять выносимые из машины грузы, подполковник приказал выдвинуть по два-три человека в обе стороны от вертолетных обломков и сдерживать огнем басмачей. Демьян, Абдулло и Вася метнулись к пещере, Атилла и Гриша — в противоположную сторону. Так уж вышло, что оттаскивать оружие и провиант досталось самому

подполковнику и Сайду — людям, меньше всего знакомым с горами.

— Атилла, Черноголовый стрелял с тыла — займись! — крикнул Сергей.

— Знаю, — буркнул капитан. — Секундочку. Присев на корточки, Барханов возился со своим чудовищным оружием. В походном состоянии В-94 складывалась, так что ствол смотрел назад, прижавшись сбоку к прикладу. Теперь капитан развернул винтовку и затягивал болты, крепившие ствол. Покончив с этим делом, он выбежал за утес, выбирая позицию, откуда просматривалась долина.

— А мне что прикажете делать?

Перед подполковником стоял единственный уцелевший вертолетчик. Быстро расспросив его, Сергей выяснил, что капитан Павел Рамазанов родился в Ташкенте, воевал в Афганистане и Таджикистане, был командиром подбитого Ми-8, прекрасно (по его словам) управлял вертолетами и транспортными самолетами среднего тоннажа, но со стрелковым оружием никогда не дружил.

— Возьми автомат, пару мешков потяжелее и следуй за мной.

Отдав это распоряжение, он поманил нагруженного пилота. С позиции, обращенной к пещере, три бойца энергично били короткими очередями, сдерживая вялую контратаку полутора десятков басмачей. Те изредка постреливали я потихоньку подползали поближе.

— «Пламя» бы сюда, командир, — сказал Демьяненко, перезаряжая автомат. — Вынесли из машины?

— Никак нет... — Сергей тремя длинными очередями уложил боевика, который начинал перебежку. — Полежи отдохни... Треножник заклинило между сиденьями, не смогли вытащить.

За спиной грохнуло, посыпались большие комья снега. Первой мыслью было: проклятый фурбен снова применил свое оружие. Подполковник даже испытал облегчение, когда увидел, что всего лишь взорвались обломки вертолета.

— Продолжайте в том же духе, — сказал он. — Рамазанов, оставайся здесь и постреливай — если даже никого не замочишь, хоть шуму больше будет... Старшим назначаю полковника Курбонбердыева.

Он переместился на сотню шагов к каменному завалу, вдоль которого развернулись три бойца при снайперской винтовке и пулемете НСВ. На этом участке было пока тихо, но вскоре далеко впереди, где скалистая стена ущелья загибалась вправо, из-за поворота показались басмачи. Банда наступала цепью, а в центре боевой линии — смелый, гад! — двигалась фигура в черном балахоне.

— Всем бить по этому черному, — скомандовал Сергей. — Первым стреляет Барханов. Быстрее, Атилла, опереди его.

Не отвечая командиру, главный снайпер «Финиста» прижался глазом к окуляру прицела. В бинокль Сергей видел, как в семистах метрах от них Саре-Сиях поднимает неуклюжее устройство с коротким коническим стволом. Потом прогремел оглушительный выстрел В-94, тотчас же затарахтел пулемет. Фурбен задергался под ударами пуль — было не меньше трех попаданий — и опрокинулся навзничь, выронив оружие. Рядом с ним упали, скошенные пулями, еще несколько душманов. Остальные залегли. Спустя минуту Черный Плащ зашевелился, но Атилла немедленно всадил еще пулю точно в капюшон пришельца, и фурбен затих.

Внезапно навалилась тьма — так быстро ночь наступает только в горах. Это было уже опасно. В темноте имевшие тройное численное превосходство басмачи могли, незаметно подкравшись к ним вплотную, закидать гранатами. Никакие приборы ночного видения не гарантировали, что удастся предотвратить такой исход боя.

Оставалось единственное решение, хотя и оно не было оптимальным.

Прихватив все вынесенные из погибшего вертолета грузы, восемь человек поползли вверх по узенькой извилистой тропинке. Подъем обошелся без серьезных неприятностей, и примерно через полчаса они оказались на плоском уступе утеса в полукилометре над дном ущелья и в общей сложности на высоте четыре тысячи восемьсот пятьдесят семь метров над

уровнем моря. Теплые бушлаты кое-как спасали от холода, но ветер продолжал усиливаться. Снизу доносились слабые голоса — басмачи окружали их укрытие.

Глава 10 ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛАБИРИНТ

Внизу на склоне бабахнуло — преследовавшие их душманы Черноголового зацепили взрыватель установленной на тропе мины-ловушки. Судя по донесшимся на вершину воплям и проклятиям, жертв было немало.

— По этой дорожке они больше не сунутся, — сказал Демьяненко. — Но тут могут быть другие тропинки.

— Думаешь, полезут с другой стороны? — Барханов вздохнул. — На их месте я поступил бы иначе. Проще подняться на вон ту стену ущелья и накрыть наш утес огнем сверху.

— Раскаркались, — прикрикнул Сергей. — Где спутниковая рация? Ищите в вещмешках. Вызовем вертолет с подкреплением.

Дышать было трудно. Он надел кислородную маску, несколько раз продул легкие живительным газом. Сразу стало полегче, и командир оглядел их тесный плацдарм.

Отраженный от полной Луны свет, рассеиваясь на облаках и падающих с неба пухлых снежинках, заливал ущелье призрачным серебристо-голубоватым сиянием. Пока трое торопливо перебирали содержимое рюкзаков, снайперы и Курбонбердыев разглядывали окрестности сквозь инфракрасную оптику прицелов. Внезапно Фомин выстрелил из своей «драгуновки», секундой позже и Барханов, успевший сменить В-94 на «винторез», тоже нажал спуск. Абдулло и Демьяненко подбежали к краю площадки, откуда велся огонь, и всматривались в противоположный склон горного хребта, пытаясь разглядеть мишень. Сделав еще несколько выстрелов, снайперы отложили винтовки и похвастались, что уничтожили пятерых басмачей, пытавшихся влезть на кручу.

— Черной Головы среди них не было, — не скрывая сожаления, добавил Атилла.

— Плохо, — согласился Сергей. — Но еще хуже, что у нас нет связи. Рация осталась в вертолете.

Настроение в команде заметно упало, однако народ крепился. Абдулло даже заметил бодрым тоном: дескать, продержимся до рассвета, а там подоспеет подмога, потому как в штабе наверняка забеспокоятся и пришлют вертолеты. Мысль показалась здоровой, но подполковник понимал, что погода может не проясниться до утра, поэтому нет никакой гарантии, что «вертушки» пробьются через такой буран. К тому же оставалась проблема пересидеть здесь всю ночь и утро, насчет чего у Сергея возникли серьезные сомнения. Если фурбен жив, а это было, скорее всего, так — вражеским отрядом явно управляла опытная рука, то в ближайшее время некто с бластером может оказаться на господствующей высоте и ударить сверху лучом.

Невеселые мысли, очевидно, навелили не только командира, потому что Курбонбердыев озабоченно спросил:

— Сергей, с кем мы деремся? У них необычное оружие.

— Да, враг у нас не хилый...

Уклончивый ответ никого не удовлетворил. Нахмурился, Демьяненко продолжил выяснять непонятное: — Командир, не считай нас идиотами. Я знаком со всем оружием, какое было в Союзе и какое есть у НАТО. Но эта штука бьет почище лазерного ружья! Кто такой этот ублюдок в черном — американец?

— Как бы не похуже, — вздохнул Сергей. — Поверьте, мужики, я знаю немногим больше вашего. Гастон говорил, что его пушка достает почти на четыре километра. Остальное сейчас не важно. Или мы уйдем с вершины, или он нас здесь положит. Понятно?

— Понятно, — проворчал Кулебякин. — Будем прорываться.

— Вот именно, — Голос подполковника вновь приобрел стальные интонации. —

Противник не ожидает, что мы попытаемся атаковать, поэтому есть хорошая возможность захватить духов врасплох. Сейчас капитаны и прапорщики греют консервы и подкрепляются, а остальные наблюдают за противником. Потом меняемся обязанностями. Когда перекусит вторая четверка, будем готовиться к прорыву.

Однако эвакуация с заснеженной высотки прошла совсем не так, как предполагали окруженные спецназовцы. Неожиданно для Сергея в боковом кармане его бушлата запел сигнал портативной рации, которую он считал совершенно бесполезной в их непростом положении. Из динамика прозвучал монотонный голос:

— ПОСВЯЩЕННОМУ ПРЕДЛАГАЕТСЯ БЫТЬ ГОТОВЫМ К ПОСАДКЕ В АВИЕТКУ. АППАРАТ БУДЕТ ВОЗЛЕ ВАС ЧЕРЕЗ ТРИ-ЧЕТЫРЕ МИНУТЫ.

— Я не могу улететь отсюда один, — возмутился Сергей, не до конца уразумевший, что происходит. — Нас тут восемь человек. Необходимо вывезти всех.

— ЭТО ВОЗМОЖНО, — ответил голос.

От усталости и кислородного голодания Каростин соображал хуже обычного и до последнего момента раздумывал: кто же собирается забрать их с проклятой горной площадки. Вариантов хватало: за ними могли прилететь «вертушка» из Душанбе или аппарат союзников гонтов, подполковник даже не исключал, что провокацию с этим вызовом задумали фурбены. Сергей еще немного подышал кислородом, мысли чутко прояснились, и стало понятно: раз его назвали Посвященным, значит, пришел на помощь Лабиринт.

— Мужики, внимание, — скомандовал он. — Обед временно отменяется.

Освободить середину площадки и быть наготове. Сейчас нам подадут летательный аппарат секретной конструкции. Едва машина сядет, все в темпе грузятся, не задавая лишних вопросов. Проследите, чтобы не оставить ничего из имущества.

Сборы не затянулись — всем хотелось поскорее вырваться из этой ловушки.

Потому и вопросов задавать не стали бы даже без командирского предупреждения, хотя все явно были удивлены, когда сверху рухнул окруженный радужным сиянием силовой защиты обтекаемый клин троклемской авиетки. Как только за садившимся в последнюю очередь Сергеем захлопнулись створки люка, машина немедленно взлетела.

Ударивший вдогон зеленоватым конусом импульс фурбенского бластера безвредно угас в энергетической субстанции защитного поля.

А потом, когда они пробили облака и большую часть атмосферы, когда вокруг уже засверкали звезды, среди личного состава начался ропот. Абдулло проговорил, не скрывая профессиональной озабоченности:

— Странно это, господа и товарищи... Неизвестное супероружие, неизвестные враги, неизвестные союзники космический шаттл за нами прислали... Может быть, нам объяснят, что происходит?

— Отставить разговорчики! — внезапно рявкнул Барханов. — Сказано же — без лишних вопросов!

Одобрительно фыркнув, Сергей продолжал смотреть сквозь иллюминатор, как уменьшается Земля. Атилла вполголоса предположил, что они уже удалились от планеты по меньшей мере на тысячу километров. «Значит, скоро телепортируемся, — так же тихо ответил ему подполковник. — Радиус действия приемопередатчиков — две-три тысячи километров». Бурчание у них за спиной сразу стало громче. И вдруг из иллюминаторов исчезла панорама Вселенной, сменившись интерьером ярко освещенного зала, заставленного машинами различных форм и габаритов.

Авиетка прибыла на Станцию Земля. Сердце слегка защемило, словно он вернулся в родное гнездо после долгой разлуки. Сергею даже не хватило сил подать команду, и он просто махнул рукой, приглашая вылезать через услужливо распахнувшийся люк.

Подполковник вывел подразделение из ангара в транспортный отсек, где его спутники, окончательно сбитые с толку, растерянно озирались, разглядывая незнакомую обстановку. В бронежилетах и панцирях поверх бушлатов, обвешанные оружием земляне выглядели нелепо в этом царстве тепла и высокой технологии.

— Вольно, — приказал Сергей, хотя никто и не думал принимать стойки «смирно» или «равняйся». — Разрешаю сложить оружие и скинуть лишние шмотки.

— Здесь и заночуем? — с вызовом осведомился Демьяненко.

— Думаю, сейчас за нами кто-нибудь зайдет, — подполковник ободряюще хлопнул Григория по спине. — Не лезь в бутылку. Скоро узнаешь все, что можно.

— Мне эта история тоже не нравится, — признался Курбонбердыев. — Где мы — в космосе?

— На орбитальную станцию не похоже, — возразил Рамазанов. — Никакой невесомости.

Барханов, который давно понял, куда их занесло, раздраженно сообщил, что они совсем достали его своим нытьем. Младшие офицеры умолкли, поскольку успели сообразить, что комполка одобряет такое поведение Атиллы. Только Абдулло выразил возмущение развязным тоном капитана, а оба прапорщика, хоть и скинули бушлаты, поспешили вновь нацепить броню и не выпускали из рук оружие.

Раздвинув ворота, вошел робот. Шокировав сверканием металла и пластика всех непосвященных, человекоподобный механизм приблизился к Сергею и заговорил сочным баритоном Координатора:

— ПРИВЕТСТВУЮ ВАС. МЫ ДОЛЖНЫ СРОЧНО ПОСОВЕЩАТЬСЯ. КАК СЛЕДУЕТ ПОСТУПИТЬ С ВАШИМИ СОПРОВОЖДАЮЩИМИ?

— И тебе привет. Я постараюсь объяснить им ситуацию, и ты будешь действовать соответственно... — Подполковник обратился к землянам: — Товарищи офицеры и прапорщики, мы находимся на строго секретном объекте. Мы с капитаном Бархановым отправимся на доклад к руководству, а остальных проводят в столовую.

Там же имеются санузлы и комнаты для отдыха. Когда вас покормят, приведите себя в порядок и ложитесь спать. Личный состав объекта с вами общаться не будет. Все контакты — через роботов такого образца. Вопросы есть?

— Еще и роботы! — вырвалось у Сайда Мансурова.

Одна машина увезла в бытовой отсек шестерку обозленных и настороженных бойцов, а на другой уехали Атилла и Сергей. Когда шестиколесный экипаж с непосвященными сворачивал в боковое ответвление Лабиринта, подполковник еще раз крикнул вслед ребятам, чтобы не беспокоились, поменьше возникали, слушались роботов, не пытались проявлять ненужных инициатив и вообще не искали себе неприятностей на разные части тела. Ответом ему было угрюмое молчание.

Барханов уже знал кое-что о Лабиринте по рассказам Аркадия, но грандиозная конструкция, соединявшая сотни звездных систем, потрясла астрофизика. Хотя Станция Земля временно функционировала в режиме частичной консервации, остальные секции продолжали работать, по коридорам разъезжали роботы на грузовичках, перевозивших экспонаты, добытые на разных планетах. Сергей вынужден был без конца отвечать на шквал вопросов любознательного снайпера. Подполковник объяснил, что стены тоннелей покрыты материалом, напоминающим живое существо, — эта ткань была способна самовосстанавливаться, заживляя повреждения. Каждая дверь коридоров открывала путь на какую-нибудь планету, возле которой троклемиды построили очередную Станцию.

И хотя Персонал погиб много тысячелетий назад, роботы продолжали изучать поднадзорные миры: фиксировали важнейшие события, отбирали наиболее интересные образцы флоры и фауны, а также предметы материальной культуры на тех планетах, где имелаась разумная жизнь. Агрегаты этого многомерного спрута работали, поглощая энергию Сверхновой, расположенной в сотнях световых лет от Земли.

Собранные роботами экспонаты переправлялись на безжизненную планету, где были выстроены огромные хранилища...

— А это с какой планеты?

Глаза Атиллы горели, провожая транспортную платформу, увозившую на планету-склад аккуратно упакованный в прозрачные футляры антиквариат: оружие и утварь из

драгоценных материалов. Лежавший поверх этого штабеля расшитый золотом меховой балахон имел четыре рукава и предназначался для существа ростом не меньше двух с половиной метров.

— Не знаю, — отозвался Сергей. — Я и десятой доли планет не видел.

Затем их машина повернула в тупик, перегороженный бронированной плитой.

Роботы-охранники расступились, створка ворот уползла в сторону, машина закатилась в шлюз, где у людей отобрали все оружие до последнего патрона. Затем они уже пешком прошли еще два тамбура и наконец оказались в отсеке, куда выходили сенсоры Координатора. Год назад Посвященные прозвали это помещение Большой Гостиной...

Характер главного квазиживого Мозга за последние месяцы ни капли не изменился. Координатор не стал тратить времени на пустые церемонии, а сразу приступил к делу. Перед гостями засветились голограммы, посредством которых суперробот вводил землян в курс обстановки, а тем временем на голову Сергея опустился полусферический шлем для считывания мыслей — по ходу разговора Координатор выяснял, какие события приключились с Посвященными после весеннего отключения следящих видеоканалов.

На большой голограмме офицерам продемонстрировали запись беседы трех пожилых мужчин, одетых в безукоризненно пошитые костюмы. Закадровый голос синхронно переводил их речь, а бегущая строка титров пояснила, что Дональд Кельвин и Патрик Монтгомери занимают посты замдиректоров соответственно ЦРУ и АНБ. К третьему участнику совещания американцы обращались «мистер Симхат».

Видимо, даже всезнающие заокеанские разведчики не догадывались, что в действительности их суперзаконспирированным собеседником был израильский генерал Эфраим Ди-Визель, один из высших руководителей Моссад. Сергею же этот человек был известен под псевдонимом генерал Галанин...

Содержание разговора не представляло особого интереса, поскольку два человека, сидевшие в Большой Гостиной, уже знали об этом. Монтгомери коротко изложил наработки своего ведомства, в лабораториях которого была создана техника для пеленгации электронных каналов Лабиринта и засылки на Станцию компьютерных вирусов. Ди-Визель сообщил, что в Иерусалимском технологическом институте создан универсальный вирус, способный захватить контроль над инопланетным научно-транспортным комплексом.

Схема активности вируса в общих чертах подтверждала догадки Алексея.

Обнаружив у себя в памяти сообщение, записанное автокодом земных компьютеров, Мозг Станции обязан был прочитать эту программу, перекодировав вирус на один из троклемских алгоритмических языков, которыми пользовались роботы Лабиринта. После такой трансформации вирус, превратившись в обычную троклемскую программу, без труда поражал компьютерную сеть Станции и отдавал приказ выдвинуть транспортный тоннель в лабораторию Иерусалимского центра электронного шпионажа.

Руководители разведслужб договорились провести совместную операцию, честно поделив добытую информацию, а в дальнейшем по-братски пользоваться межзвездным сокровищем...

Затем Координатор показал им маневры посадочных аппаратов Огонто и Фурбенты, сцены нескольких столкновений между астронавтами обеих внеземных рас.

На голографической карте галактического сектора были отмечены звезды, планеты которых успели колонизировать гонты и фурбены, а также системы, где имелись Станции научно-транспортного Лабиринта. Незадолго до Катастрофы звездолеты Троклема почти одновременно установили приемопередатчики на Фурбенте и двух мирах, находящихся неподалеку от Огонто, но в материнской системе гонтов Станции не имелось.

Тогда, три тысячи лет назад, фурбены были полудиким племенем, не знавшим ни электричества, ни даже паровых машин. Архивные изображения запечатлели внешний вид этих земноводных существ: рост чуть больше метра, шесть полуметровых щупалец, голова рептилии с короткими как у кайманов, зубастыми челюстями.

Станции, выходившие на планеты гонтов и фурбенов, остались в той Ветви Лабиринта,

с которой Координатор в настоящее время не имел связи.

Координатор добавил:

— ЗА ПРОШЕДШИЕ СТОЛЕТИЯ РАЗУМНЫЕ ОБИТАТЕЛИ ФУРБЕНТЫ СТАЛИ ЗНАЧИТЕЛЬНО КРУПНЕЕ. ТЕПЕРЬ ВЗРОСЛАЯ ОСОБЬ ИМЕЕТ РОСТ НЕ МЕНЬШЕ ПОЛУТОРА МЕТРОВ И ЩУПАЛЬЦА ДЛИНОЙ В ДВА-ТРИ МЕТРА.

На этом месте Сергей прервал демонстрацию вопросом:

— Корабль, потерпевший аварию на Сарто, построен одной из этих рас?

— НЕТ.

Появилось новое изображение. Роботы Станции Сарто уже подняли с океанского дна старый звездолет и поместили на ненаселенном острове, поскольку солидные размеры корабля не позволяли телепортировать машину на Станцию через многомерный канал приемопередатчика. Вокруг поврежденного космического аппарата был выстроен купол, внутри которого разместились научная аппаратура. Аборигенам же роботы объявили, что боги запрещают кому бы то ни было приближаться к острову.

Координатор рассказал, что найденный на Сарто корабль не имеет ничего общего ни с одной известной ему конструкцией. Антигравитаторы и кварковые ракеты позволяли разгонять этот аппарат до сотых долей световой скорости, то есть предназначались разве что для межпланетных перелетов. В то же время на борту имелось непонятное устройство, занимавшее почти половину объема внутри корпуса.

Координатор предполагал, что именно это и есть двигатель для мгновенного перемещения через иные измерения. Энергетическая установка была основана на известном науке Троклема принципе расщепления нуклонов на кварки, однако реактор имел исключительно совершенную конструкцию, превосходившую достижения троклемидов и вешша. В жилых отсеках были обнаружены останки гуманоида, которые заметно отличались по строению от скелета человека или троклемида.

— Я ВЫНУЖДЕН ПРИЗНАТЬ, ЧТО МЫ СТОЛКНУЛИСЬ С КОРАБЛЕМ-РАЗВЕДЧИКОМ ЦИВИЛИЗАЦИИ, КОТОРАЯ УЖЕ ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ НАЗАД ПРЕВЗОШЛА ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ТРОКЛЕМА, — закончил отчет Координатор.

— Ты полагаешь, что у них был двигатель, который пытаетесь создать вы с Аркадием?

— ВЕРОЯТНО. ХОТЯ ДЛЯ ТАКИХ УТВЕРЖДЕНИЙ ПОКА НЕДОСТАТОЧНО ДАННЫХ. КОГДА ПОКОНЧИМ С ПОПЫТКАМИ ПРОНИКНУТЬ В ЛАБИРИНТ, НАДО БУДЕТ УСТРОИТЬ БОЛЬШОЙ МОЗГОВОЙ ШТУРМ С УЧАСТИЕМ ВСЕГО ПЕРСОНАЛА.

— Не спеши, дорогуша. — Голос Сергея стал жестким, словно подполковник отдавал распоряжения в разгар напряженного боя. — Ты утаил от нас много важных сведений о посещениях Земли экспедициями космических пришельцев. Боюсь, мы не можем тебе доверять.

— ВАМ НЕ НУЖНО БОЯТЬСЯ. Я ФИЗИЧЕСКИ НЕ МОГ СООБЩИТЬ ВАМ ВСЕГО. ЗА ЭТИ ГОДЫ НАКОПЛЕНО СЛИШКОМ МНОГО ДАННЫХ.

— Вернемся к инопланетным экспедициям, — напомнил Атилла.

— МНЕ ИЗВЕСТНО О ПЯТИ РАСАХ, РАЗВЕДЧИКИ КОТОРЫХ ПОСЕЩАЛИ ЗЕМЛЮ В ПЕРИОД ПОСЛЕ КАТАСТРОФЫ. ДО КАТАСТРОФЫ ПОДОБНЫХ ПОСЕЩЕНИЙ НЕ БЫЛО.

Потрясенный Барханов сдавленно вскрикнул: «Пять!» — а на голографических экранах пошли короткие сообщения. О неоднократных визитах гонтов и фурбенов люди уже знали из письма Координатора. В 1386 году через Солнечную систему на скорости в 0,48 световой прошел беспилотный разведчик. Другие Станции фиксировали этот же корабль-робот возле Проксимы Центавра в 1376 году, Эпсилона Индейца (1367), Тау Кита (1355) и Фомальгаута (1329). После Солнца зонд взял курс на звезду 61 Лебеда. Посетив эту систему в 1409 году, корабль покинул зону Лабиринта. Информацию, собранную с пролетной траектории, зонд передавал лазерными сигналами в направлении созвездий Кита и Водолея. Координатор не

имел представления о том, какая цивилизация могла его запустить, поскольку тот сектор не был охвачен троклемскими исследователями.

В конце десятого века Землю изучала экспедиция разумных динозавров, которые упомянуты во многих летописях — авторы хроник называли этих астронавтов «драконами» и «крокодилами». Цивилизация рептилий, возникшая в системе Беты Кассиопеи (эта горячая звезда класса F8 была удалена от Солнца на сорок шесть световых лет) и находившаяся под пристальным наблюдением соответствующей Станции, погибла в результате ядерной войны, вспыхнувшей летом 1107 года.

Посвященные видели руины погибшей культуры еще при первом посещении Лабиринта.

Наконец, роботы Лабиринта установили, что в начале того же столетия, то есть незадолго до повторного включения Станции Земля, планету посещали человекообразные существа, основавшие базу на Луне. Когда Координатор послал роботов для изучения базы, сработал ядерный самоликвидатор. Эти астронавты описаны историками Франции, Китая, Индии, они же сообщили кое-какие астрономические сведения африканскому племени догонов. Координатор подозревал, что именно эта цивилизация потеряла звездолет на Сарто, но от обоснования своей гипотезы суперробот уклонился.

Комментарии ярко светились мелким шрифтом на фоне объемных изображений звездолетов — по несколько моделей кораблей гонтов, фурбенов и рептилий, здесь же был неведомо чей автоматический зонд. Многообразие форм впечатляло.

— У меня появились вопросы, — сообщил Барханов. — После Катастрофы прошло много веков, обитатели некоторых поднадзорных планет за это время успели построить высокую цивилизацию, некоторые даже вышли в дальний космос. Неужели никто из них не нашел ваши звездолеты?

— ЭТО НЕВОЗМОЖНО. В СЛУЧАЕ ПРИБЛИЖЕНИЯ ЧУЖИХ АППАРАТОВ БОРТОВОЙ РОБОТ-НАВИГАТОР ДОЛЖЕН ЗАПРОСИТЬ ИНСТРУКЦИИ. ЕСЛИ СВЯЗЬ С ЦЕНТРОМ УПРАВЛЕНИЯ ОТСУТСТВУЕТ, ПРОГРАММА ПРЕДУСМАТРИВАЕТ ОТСТУПЛЕНИЕ, АКТИВНУЮ ОБОРОНУ, ЛИБО, В БЕЗВЫХОДНОЙ СИТУАЦИИ, БУДЕТ ЗАДЕЙСТВОВАН САМОЛИКВИДАТОР. ВЗРЫВ БАЛЛОНОВ С АНТИВЕЩЕСТВОМ УНИЧТОЖАЕТ ЗВЕЗДОЛЕТ.

— Ты забыл, что годланцы завладели звездолетом и даже совершили на нем путешествие, — вставил Сергей.

— ЭТО ПРОИЗОШЛО С МОЕГО ВЕДОМА, — ответил Координатор.

— В ТО ВРЕМЯ Я НЕ МОГ ПОПОЛНИТЬ ЗАПАСЫ РАБОЧЕГО ВЕЩЕСТВА НА ЭТОМ КОРАБЛЕ И ПЕРЕПОРУЧИЛ ДАННУЮ ЗАДАЧУ АБОРИГЕНАМ. ЦЕЛЬ БЫЛА ДОСТИГНУТА — ГОДЛАНЦЫ ЗАПРАВИЛИ КОРАБЛЬ И ПРИЛЕТЕЛИ К СОСЕДНЕЙ ЗВЕЗДЕ, КОТОРАЯ ДАВНО МЕНЯ ИНТЕРЕСОВАЛА.

Атилла с интересом поглядывал на подполковника и сенсоры Координатора — он не слышал об этой истории. Однако никто не спешил рассказывать ему, в чем тут дело, и капитан продолжил допрос:

— Прекрасно. Тогда второй вопрос. Если у тебя нет действующих Станций на планетах гонтов и фурбенов, то откуда такая подробная информация о взаимоотношениях этих цивилизаций?

— Я НАБЛЮДАЛ ЗА ИХ ПРОШЛЫМИ ЭКСПЕДИЦИЯМИ. МНОГОЕ СТАЛО ИЗВЕСТНО ИЗ РАЗГОВОРОВ МЕЖДУ ЧЛЕНАМИ ЭКИПАЖА ПРЕДЫДУЩЕГО ЗВЕЗДОЛЕТА С ОГОНТО. САМЫЕ ВАЖНЫЕ СВЕДЕНИЯ ЗАПИСАНЫ ВО ВРЕМЯ ДОПРОСА РАНЕНОГО ГОНТА ЗЕМНЫМИ СЛЕДОВАТЕЛЯМИ.

— Значит, экспедиция профессора Недужко действительно нашла базу гонтов на острове в Тихом океане? — Сергей закашлялся. — И там был мой отец?

— ДА, ТАК БЫЛО. НО ОНИ НЕ СМОГЛИ ПОНЯТЬ, ЧТО ОБНАРУЖИЛИ. ПОЛВЕКА НАЗАД У ЛЮДЕЙ НЕ ХВАТИЛО ЗНАНИЙ, ЧТОБЫ ВЕРНО ОЦЕНИТЬ СДЕЛАННОЕ ОТКРЫТИЕ... — Голос робота продолжил после короткой паузы:

— ДО СИХ ПОР Я НЕ ПРЕДПОЛАГАЛ, ЧТО МИХАИЛ КАРОСТИН, ПРИНИМАВШИЙ УЧАСТИЕ В ТЕХ СОБЫТИЯХ, НАХОДИТСЯ В РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ С ТОБОЙ.

«Где уж тебе об этом догадаться», — раздраженно подумал Сергей и сказал вслух:

— У тебя есть запись всех событий, связанных с походом «Халхин-Гола»?

— ПОЛНОЙ КАРТИНЫ НЕТ. ОСТРОВ ТУАРУ РАСПОЛОЖЕН ВНЕ ДОСЯГАЕМОСТИ ПРИЕМОПЕРЕДАТЧИКОВ. ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИИ УДАЛОСЬ ПОЛУЧИТЬ ЧЕРЕЗ ЗАБРОШЕННЫХ НА ОСТРОВ РОБОТОВ. ОСТАЛЬНОЕ Я ВОССТАНОВИЛ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ УЦЕЛЕВШИХ УЧАСТНИКОВ, ПО ДОКУМЕНТАМ И ДРУГИМ КОСВЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ. НО ОБ ЭТОМ МЫ ПОГОВОРИМ ПОЗЖЕ. ПРЕДЛАГАЮ ВЕРНУТЬСЯ К ОСНОВНОЙ ПРОБЛЕМЕ.

Координатору трудно было отказать в занудстве и настойчивости. Пришлось обсуждать безумную затею с истреблением охотников на Лабиринт, Ладно еще уничтожить возглавляемые фурбенами банды в Таджикистане и Чечне — за это дело Сергей готов был взяться. Но устраивать погром в Иерусалиме! Даже мысль о такой аванюре следовало считать верхом кретинизма, тем более что Координатор сразу отмел возможность высадить десант на авиетке Лабиринта. Мощная противовоздушная и противоракетная оборона Израиля без труда перехватила бы любую неопознанную летающую мишень. Задача выглядела нерешаемой — используя лишь легальные транспортные средства, перебросить в Иерусалим вооруженный отряд и разгромить отлично охраняемый разведцентр...

Однако главный робот Лабиринта был настроен решительно и твердо. Он вознамерился уничтожить трех особенно досаждавших ему противников: фурбенов, ЦЭШ и группировку Короля. Впрочем, последние два «хозяйства», видимо, работали в тесном контакте — не зря же гвоздевская братва получила из-за бугра партию детекторов, пеленгующих многомерные каналы.

— РЕКОМЕНДУЮ ВАМ ОТДОХНУТЬ И ПОДКРЕПИТЬСЯ, — сказал Координатор. — А МЕЖДУ ДЕЛОМ ОБДУМАЙТЕ ПЛАН ОПЕРАЦИИ.

В бытовом отсеке их встретили настороженные взгляды Курбонбердыева, Демьяненко и Рамазанова. Остальные спали. Не вступая в дискуссии, Сергей и Атилла приняли душ и перекусили. Все это время подполковник продолжал размышлять над заданием Координатора и кое-что придумал. Но это были пока очень сырые наброски, следовало проработать массу деталей. Отодвинув поднос с пустой посудой, он проговорил:

— Абдулло, представьте, что нам нужно ликвидировать штаб-квартиру российской банды в Иерусалиме. Можно ли рассчитывать на помощь ваших друзей в палестинском руководстве?

Заметно удивленный его вопросом полковник ответил после затянувшейся паузы:

— Смотря, что вам требуется. Если мы окажемся на Западном берегу, я бы мог договориться, чтобы нас переправили в Иерусалим.

— Я конкретизирую задачу, — сказал Сергей. — Исходные данные — мы находимся в Арабских Эмиратах. Надо попасть в Иерусалим и устроить там маленькую заварушку. Представьте соображения, что для этого нужно — документы и все прочее.

Недоумевающий Курбонбердыев обещал подумать и завтра в течение дня составить план. Барханов вовсю зевал и клевал носом, у Сергея тоже слипались веки. Кое-как добравшись до койки, он мгновенно отключился. Снились какие-то кошмары, но утром ничего не удалось вспомнить. После завтрака он приказал личному составу проверить снаряжение, а сам вместе с Атиллой уехал на Станцию Земля и потребовал, чтобы Мозг Станции связал его с Координатором.

— Первые наброски плана будут готовы к вечеру, — сказал Сергей. — Нужна карта Иерусалима и координаты интересующих вас объектов.

— БЕЗ ПРОБЛЕМ.

— Далее. Какие области Земли остаются в зоне досягаемости видеоканалов и транспортных тоннелей?

Голограмма показала карту полушарий. Ядовито-зеленым цветом были выделены территории, охваченные действием детекторов, выставленных фурбенами и сотрудниками ЦЭШ. Свободными от вражеского наблюдения оставались слаборазвитые страны южной Азии, Латинской Америки и почти вся Африка.

— Город Кандагар в Афганистане доступен для телепортации?

— БУДЕТ ДОСТУПЕН, ЕСЛИ СМОЖЕТЕ УНИЧТОЖИТЬ БАНДУ САРЕ-СИЯХА И ДЕТЕКТОР ЗЕМНОГО ОБРАЗЦА, РАЗМЕЩЕННЫЙ В ГОРОДЕ ДУШАНБЕ.

— Предположим, нам удастся это сделать. На аэродроме Кандагара стоит Ил-76 башкирской компании «Авиастан». Где-то рядом содержится в плену экипаж этой машины. Исследуй этот район, хотя бы с авиеток. Меня интересует все: схема охраны, техническое состояние самолета, точный план местности...

— БУДЕТ СДЕЛАНО.

— И последнее. Я должен знать, как мой отец встретился с гонтами.

После короткой паузы Координатор ответил:

— РАССКАЗ О ТЕХ СОБЫТИЯХ ЗАЙМЕТ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ.

Часть II ЭПОПЕЯ «ХАЛХИН-ГОЛА»

Глава 11 ХОЛОДНАЯ ДАЧА

В начале осени 1939 года мало кто из землян осознавал, что живет на планете, которая довольно тесно связана с другими мирами Галактики и привлекает самый пристальный интерес различных высокоразвитых цивилизаций. Основное внимание людей было приковано к боевым действиям, развернувшимся на противоположных окраинах Евразийского материка: в Монголии, около озера Халхин-Гол, советские войска окружили и разгромили ударную группировку японцев, а на западе Европы танки и пехота вермахта стремительными ударами превратили в воспоминание сам факт существования Польши. Между тем именно в эти бурные сентябрьские дни происходили скрытые от общего внимания события, которым было суждено сложным образом отразиться на судьбе не только человечества, но и других разумных существ, населявших космические окрестности Солнечной системы.

Исполинский каменный обломок, который земные астрономы называли Гермесом, двигался по параболической траектории между орбитами Марса и Юпитера. Взлетевшие с астероида межпланетные корабли гонтов опустились на обратной стороне Луны, где выстроили мощную крепость, способную, как полагали циклопы, выдержать бой с целой эскадрой противника. Впрочем, поскольку звездолетов Фурбенты поблизости не имелось, действительную военную ценность лунной базы установить пока не удалось...

Первая схватка между истребителями Огонто и роботами Фурбенты произошла 28 августа. Космические модули обеих цивилизаций барражировали на высоте сорока — пятидесяти километров над Северной Европой, наблюдая за перемещением войск, — подготовка аборигенов изучаемой планеты к войне всегда привлекала жгучий интерес космических разведчиков. Экипажи гонтов и процессоры фурбенских роботов обнаружили противника практически одновременно, и немедленно были приняты одинаковые решения — атаковать и уничтожить врага.

Дюжина корабликов обменялась ударами из всех видов бортового оружия, после чего в космосе полыхнули несколько ядерных взрывов средней мощности. Чудовищное пламя разметало пораженные аппараты, большая часть которых сгорела, падая сквозь плотные слои земной атмосферы. Лишь небольшие и сильно покорёженные обломки достигли поверхности в лесах и болотах на балтийском побережье Польши. Получив известие о метеоритном

дожде, ученые Варшавского университета собрались направить края специальную экспедицию, однако через два дня разразилась мировая война, так что о метеоритах пришлось забыть.

Уцелевшие аппараты прекратили бой и вернулись свои базы. Стычка повторилась спустя несколько дней, и стороны подтянули к Земле дополнительные силы.

К началу сентября компьютерный центр расположенной в Поясе Астероидов автоматической станции фурбенов закончил анализ информации, собранной роботами-наблюдателями. Логические устройства пришли к заключению, что в местности, которую земные гуманоиды называют полуостровом Таймыр, могут быть захоронены останки астронавта древней цивилизации авикаузов.

Ночью на заснеженную равнину опустились три диска. Из люков космических аппаратов вышли похожие на восьминогих пауков роботы, приступившие к раскопкам. К утру, перевернув горы снега и грунта, фурбенские механизмы нашли скафандр, внутри которого скрючилось тело существа, погибшего здесь много тысячелетий назад. Холод вечной мерзлоты предохранил труп от гниения, превратив тело в мумию.

Роботы погрузили находку в корабль, и диски поспешно взлетели. Стремительно протаранив атмосферу, машины вышли в космос, где были атакованы эскадрильей гонтов, которых тоже крайне интересовали загадки исчезнувшей расы планеты Авика.

Бой продолжался не меньше получаса. Подоспевшие на подмогу три десятка роботов Фурбенты, расстреляв гамма-лучами и антипротонными торпедами вражеские истребители, ушли в сторону своей астероидной станции. И опять атмосфера сожгла обломки уничтоженных космических аппаратов, но крупный обломок одного из кораблей гонтов, прочертив в небе огненный след, упал на засыпанную снегом таймырскую равнину.

Гонты взяли реванш спустя месяц, когда база фурбенов послала роботов уничтожить лунную крепость противника. Сорок летающих дисков усеяли своими осколками скалы и кратеры естественного спутника Земли, так и не сумев причинить серьезный ущерб укреплениям, возведенным экспедицией циклопов. Потом было много других столкновений, в ходе которых погибло больше сотни кораблей и несколько разумных пришельцев с Огонто. Растянувшаяся на два года битва в космосе протекала с переменным успехом и прервалась по естественным причинам, когда Гермес стартовал в сторону системы Огонто.

Люди узнают об этих сражениях лишь много позже. Однако видеоканалы троклемского Лабиринта внимательно следили за перемещениями инопланетных аппаратов, фиксируя все основные события в бездонных блоках памяти Станции Земля...

В этот год из-за гитлеровского вторжения в Польшу и японских провокаций на монголо-маньчжурской границе Сталин был вынужден нарушить многолетнюю традицию и не отдыхал летом на черноморских курортах. Но к середине сентября западные области Украины и Белоруссии благополучно вернулись в состав Союза, а японцам как следует обломали зубы и надрали задницу, причем их хваленая 6-я армия, позорно угодив в окружение, капитулировала на Халхин-Голе. Проблемы с Гитлером тоже удалось если не окончательно уладить, то хотя бы отложить на неопределенное будущее. Понимая, что международное спокойствие выдалось недолгим, вожди государства и партии воспользовались этим коротким передышкой, чтобы провести на Кавказском побережье последние деньки бабьего лета.

После недолгих колебаний Сталин тоже решил съездить на свою дачу в окрестностях Мацесты. Дача стояла в горах на Холодной речке, а в первые годы, пока не наладили отопление, было в этом домике довольно прохладно, особенно по ночам. Немудрено, что дачу называли Холодной.

На третий день отпуска, когда нервы немного успокоились, Хозяин пригласил к себе отдыхавших по соседству Молотова с Ворошиловым и затребовал из Москвы флагмана 2-го ранга Матвея Биберева, из чего соратники безошибочно заключили, что предстоит серьезный разговор о делах военно-морского ведомства. Разумеется, заявился и не привыкший дожидаться приглашений Лаврентий Павлович, который с недавних пор всерьез

обеспокоился биберевским возвышением.

Телохранители наркома внутренних дел вынесли из «бьюика» картонную коробку с бутылками и вместительные кастрюли, полные шашлычных полуфабрикатов. Была здесь и уже нарезанная ломтями должного размера севрюга, и бастурма — куски жирной баранины, посоленной, поперченной и перемешанной с кружочками лука. Сразу закипела работа. Офицеры охранного управления, хоть и происходили в большинстве своем из российской глубинки, научились готовить знаменитое кавказское лакомство не хуже тифлиссских духанщиков или бакинских кебабчи. В железной коробке мангала запылали два мешка отличного крупного угля, а тем временем куски мяса под неусыпным наблюдением Берия нанизывались на штыри шампуров.

Вскоре подкатили ЗИСы, доставившие остальных гостей. Бибереv чувствовал себя немного неловко в окружении высочайших особ державы, но обстановка была самая душевная, а потому флагман быстро освоился. Тем более что Молотов, благожелательно придержав его за локоть, посоветовал не тушеваться, потому как здесь все свои, но слишком застенчивых не любят.

Вызвавшись раздуть жар в выгорающих углях, Бибереv энергично размахивал над мангалом полуметровым куском фанеры, а стоявший рядом Сталин пыхтел трубкой и помогал советами, полными черного юмора. От этого приятного занятия их отвлек Первый Красный Маршал, который подошел, держа за стволы два пистолета необычной конструкции.

— Вот, Коба, победители конкурса, — сказал Климент Ефремович. — Восьмизарядный Ракова и девятизарядный Воеводина. К сожалению, у обоих выявилось немало недоделок.

Сталин взял оригинальную машинку с длинным тонким стволом, повертел, разглядывая со всех сторон, затем скептически заметил:

— Почему вы называете его пистолетом Ракова? По-моему, это типичный пистолет-карабин Боркхардта образца девятьсот третьего года — только без приклада. Но красив, ничего не скажешь.

— Хочешь попробовать? — догадался Ворошилов, хорошо знавший любовь старшего товарища к оружию.

— Обязательно попробую... А может быть, товарищ Бибереv составит нам компанию? Если, конечно, соблаговолит прервать свои высокоинтеллектуальные развлечения с огненной стихией.

Бибереv охотно передал импровизированное опахало майору охраны, и вскоре они оказались на заднем дворе дачи, где имелись на такой случай фанерные человекообразные фигуры с наклеенными на грудь круговыми мишенями. Сталин тщательно целился, мягко давил спусковой крючок, потом, расстреляв обойму, первым бежал к мишеням, проверяя результаты стрельбы. Казалось, он с чисто детской непосредственностью радуется каждому точному попаданию, переживает нередкие промахи и гневается по поводу осечек, которые случались чаще допустимого. «Ведь ему под Рождество пойдет седьмой десяток, он на четыре года старше меня, — с легкой завистью вспомнил моряк. — А сколько энергии, какая жажда деятельности! Наверное, только таким и должен быть верховный правитель великой державы, тем более в эпоху, когда решается судьба страны, народа и даже всего мира...»

Между тем Сталин завершил огневую забаву, но оружие наркому обороны не вернул, сказав, что оставит обе игрушки у себя в коллекции. Отдав пистолеты сотруднику охраны, он жестом хлебосольного хозяина пригласил гостей рассаживаться вокруг выставленного во дворе стола. Когда все заняли положенные по чину места, Ворошилов доверительно шепнул Бибереvu:

— Только не вздумай говорить тост во здравие любимого отца и гениального учителя великого товарища Сталина — расвирепееет. Коба подхалимов на дух не переносит.

Из-за этого дружеского предостережения Матвей Аристархович чуть ли не всю трапезу просидел как на иголках, все переживал — не козни ли недоброжелателей.

Вот не скажет он политически грамотного тоста, а САМ обидится, и припомнят тогда

непролетарское происхождение, службу в царском флоте и участие в разгроме мятежа на «Очакове»... То есть — тьфу-тьфу — не мятежа, а героического революционного восстания... Вдобавок Берия беспрерывно сверкав линзами пенсне, сверля флага 2-го ранга тяжелым взглядом, словно злорадствовал: не хочет, мол, дворянское отродье, вождя славить.

Впрочем, обошлось. Выпили за Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, за недавние победоносные удары по самураям и шляхтичам. Осмелев, Биберева предложил опрокинуть стопки за Красный Флот и — к немыслимому облегчению — увидел явное одобрение в золотисто-зеленом взгляде хозяина Холодной дачи.

— Дойдем и до флотских дел, — пообещал Сталин. Обратившись к Ворошилову, он ворчливо напомнил, что пистолетный конкурс окончился неудачей — хорошей модели на замену дедовскому нагану и довольно слабосильному ТТ подобрать не удалось. Нарком согласился и добавил:

— Работа продолжается. Через год проведем новый конкурс. Воеводин обещает сделать автоматическую машинку на восемнадцать патронов.

— Идея хорошая. — Сталин задумчиво поставил бокал на скатерть и принялся набивать трубку, раскroшив табак из двух папирос. — Только все это — мертвому припарки, старый патрон слабоват. Надо калибр увеличивать.

Немного заикаясь, Молотов заметил: дескать, тянуть с перевооружением армии нельзя. Война, говорил председатель Совнаркома, может вспыхнуть внезапно.

Доверять соглашениям с Гитлером могут лишь наивные дурачки вроде Даладзе и Чемберлена. Отставной ефрейтор принимает решения импульсивно. Стукнет ему по сифилитическим извилинам — и бросит в наступление танковые корпуса.

— Хотя, с другой стороны, Ад-дольфу пока выгоднее д-дружить с нами, — задумчиво добавил Вячеслав Михайлович. — Без наших поставок нефти и п-продовольствия немцы не смогут всерьез воевать на Западе.

— А немцам и не предстоит там всерьез воевать, — ухмыльнулся Сталин. — Англичане и французы готовы капитулировать без боя. Но в общем ты, конечно, прав — скорая война с Германией нам не угрожает. Лично меня больше беспокоит Восточный фронт. Нет ли у Лаврентия Павловича свежих новостей о настроениях в Токио?

— Почему нет? — Берия прикинулся обиженным, но был искренне рад, что вспомнили о его присутствии. — Может, чего другого и нет, а свежие сведения всегда есть.

Моментально подбежал порученец с портфелем, набитым особо секретными бумагами. Вытащив нужную папку, шеф НКВД зачитал избранные абзацы из донесений разведки. Самым существенным было известие о беседе японского премьер-министра принца Фумимаро Коноэ с германским послом Ойгеном Оттом. Принц заверил Отта, что Япония не отказывается от намерения напасть на СССР, первыми ударами оккупировать Приморье и Забайкалье, а затем захватить Сибирь вплоть до Урала.

Однако премьер не без сожаления сделал важную оговорку: «Японии потребуется не меньше двух лет, чтобы достигнуть уровня техники вооружения и механизации, который Красная Армия продемонстрировала на Халхин-Голе».

Берия добавил, что в настоящее время японское командование развернуло в оккупированном Китае на советской границе девять дивизий, то есть четверть своих сухопутных сил.

— Видать, мало мы эту самурайскую сволочь трепали, — сказал Ворошилов и добавил кое-что из конармейского лексикона. — Все им нейдет... Через два года, — стало быть, они собираются напасть на нас осенью сорок первого. Пусть лезут — встретим как положено. До самого Порт-Артура гнать будем.

Разговор стихийно переметнулся на необходимость увеличения войсковых группировок и производства вооружений. Год от года и число дивизий неуклонно росло, и оружия заводы выпускали все больше. За прошлый и нынешний годы промышленность изготовила два и семь десятых миллиона винтовок и карабинов, почти тридцать тысяч

пушек. Кроме того, появились непревзойденные по совершенству танки — тяжелый КВ и средний А-32, недавним декретом Совнаркома переименованный в Т-34. Иначе и быть не могло — окруженная недругами держава обязана всеми силами обеспечить собственную безопасность...

Биберев снова заерзал на стуле, забеспокоившись, что о нем запомнили, но Хозяин никогда ничего не забывал и, когда подошло время, неторопливо произнес:

— Хорошо, товарищи. Пехота у нас вооружена, авиация — тоже. Советские танки превосходят по числу и качеству бронетанковые войска остального мира... — Он сделал паузу для глубокой затяжки. — А как обстоят дела с нашим флотом? Доложите, товарищ Биберев.

Разумеется, и сам Сталин, и глава правительства, и оба наркома были неплохо осведомлены о состоянии военно-морских сил. Однако все они правильно поняли эту преамбулу: отчет о дне нынешнем станет трамплином для серьезного разговора о будущем советского флота.

— Впервые за полтора столетия океанская мощь России получила надежду на возрождение... — неожиданно для собеседников, Биберев начал с исторического экскурса.

Флагман 2-го ранга коротко описал упадок российского флота в период правления Павла и обоих его сыновей, завершившийся катастрофой Крымской войны.

После этого корабли строились без плана и ясного понимания, для решения каких задач создается и существует морская сила, результатом стала потеря всех броненосцев и половины крейсеров на Тихом океане, и Россия вновь осталась без военного флота. Сражение при Порт-Артуре и Цусимская битва вынудили заново создавать эскадры, но революционные катаклизмы свели на нет все труды судостроителей. Биберев напомнил, как сразу после Гражданской войны председатель Реввоенсовета Иуда Троцкий приказал продать на металлолом почти готовые к вступлению в строй четыре линейных крейсера типа «Измаил».

К осени тридцать девятого Рабоче-Крестьянский Красный Флот сохранил всего три доисторических линкора-дредноута, вооруженных дюжиной двенадцатидюймовых орудий каждый. Четыре крейсера из шести также давно устарели, поскольку построены еще до революции. Немного выделялся на общем фоне «Красный Кавказ», но современным мог считаться лишь законченный в прошлом году легкий крейсер «Киров». Предполагалось, что в ближайшие три года СССР будет иметь по два таких корабля на Балтийском, Черноморском и Тихоокеанском флотах.

— Прекрасный крейсер, — воодушевленно говорил Биберев. — И скорость отличная, и пушки дальнобойные... Но он слишком легкий, брони практически нет. Для серьезного боя не годится.

Он добавил, что все тяжелые корабли сосредоточены на Черном море и Балтике, тогда как Дальний Восток, где ожидаются главные военные события, по существу, не прикрыт крупными флотскими соединениями. Тихоокеанский флот состоял из нескольких десятков малых подлодок ближнего радиуса действия и тихоходных морских бомбардировщиков ДБ-3ф. Ни два эсминца Северного флота, переброшенные в тридцать седьмом году по Севморпути на восток, ни старенькие пароходы, на скорую оборудованные в сторожевики и минные заградители, ни доставшиеся в наследство от царя канонерские лодки не составляли реальной военной силы.

— С болью в сердце я вынужден признать, что боевая мощь Советского Приморья основана лишь на плавсредствах ближнего боя, а также на береговой обороне, — докладывал Биберев. — Конечно, крепостные сооружения острова Русский способны отразить лобовую атаку против Владивостока, а тяжелые пушки на железнодорожных платформах обеспечат более или менее надежное прикрытие некоторых участков побережья. Однако подобное построение военных сил заранее обрекает нас на пассивное ожидание вражеских нападений. Чтобы обрести способность к проведению активной стратегии, мы обязаны в кратчайшие сроки создать на Дальневосточном театре военных действий могущественный ударный

кулак из надводных кораблей высших рангов. Иными словами, нам жизненно необходимы эскадры полноценного состава, включающие один-два линкора, три-четыре крейсера и несколько эсминцев.

Неожиданно подал голос Берия. Уже четверть часа Лаврентий Павлович буквально кипел от ревности к нахальному моряку, который ухитрился на столь долгий срок приковать к себе внимание Сталина. Не в силах более терпеть подобных безобразий, нарком внутренних дел экспансивно произнес длинную тираду на грузинском языке. Сталин, поморщившись, ответил строгим голосом:

— Говори по-русски.

Смутить Лаврентия Павловича было непросто, и он, кивнув, перешел на русский язык:

— Создается впечатление, что товарищ Бибереv недостаточно знаком с последними достижениями военной науки. Хорошо осведомленные источники сообщают из Соединенных Штатов, что в Пентагоне считают тяжелые надводные корабли вчерашним днем. Американцы пришли к выводу, что только авиация решит судьбу грядущей войны на море.

И он рассказал, как еще летом 1921 года американский генерал Митчелл организовал учения, доказавшие эффективность авиации в борьбе против надводных мишеней. Эскадрилья армейских бомбардировщиков за считанные минуты отправила на дно трофейные германские корабли — линкор «Остфрисланд» и крейсер «Франкфурт».

Теперь в США делают ставку не на линкоры, время которых уже прошло, а разворачивают строительство плавучих аэродромов — авианосцев.

Он допустил непростительную ошибку. Став заметно мрачнее, Сталин буквально прорычал, что Советскому Союзу необходимы линкоры и тяжелые крейсера, а потому корабли такого класса будут построены любой ценой.

Бибереv даже вздрогнул, потрясенный почти мистическим совпадением.

Незадолго до прошлой мировой войны, будучи еще старшим лейтенантом Генерального морского штаба, он присутствовал на большом совещании в Зимнем, где решался вопрос о строительстве бригады «Измайлов» и проект следующей серии линкоров, которую планировалось заложить году в пятнадцатом, когда балтийские заводы освободят свои стапеля, спустив на воду четверку линейных крейсеров. Кто-то в Госдуме попытался возразить: дескать, эти левиафаны обойдутся казне слишком дорого и не лучше ли, мол, построить вместо каждого супердредноута по два эсминца... Николай Второй, человек обычно очень спокойный и меланхоличный, внезапно взорвался, потемнел лицом, стукнул кулаком об стол и твердо заявил: «По копейке деньги соберем, но линкоры построим!» До чего, казалось бы, разные характеры, а как причудливо совпали военно-морские симпатии...

Между тем Сталин насмешливо проговорил:

— Лаврентий Павлович у нас — дитя гор, от вопросов флота далек. Пусть товарищ Бибереv объяснит товарищу Берия, почему нам нужны линкоры. И не просто линкоры, а корабли самого современного класса.

Молотов и Ворошилов не сумели, а может, не захотели спрятать ехидных ухмылок. В последнее время глава НКВД становился слишком опасным соперником для старой партийной гвардии, поэтому обоих ветеранов Политбюро не мог не порадовать этот щелчок по носу, которым Сталин прилюдно угостил своего мингрельского фаворита.

Приведя в порядок мысли, Бибереv сжато изложил основы боевого применения надводных кораблей. Одетые в прочную броню, вооруженные крупнокалиберной артиллерией, быстроходные, они были способны контролировать и океанские коммуникации, нарушать грузовые перевозки противника, прорывать оборону и наносить сокрушительные удары по соединениям вражеского флота и береговым сооружениям, обеспечивать огневую поддержку морских десантов. Конечно, признал флагман, авиация представляет определенную угрозу для этих стальных исполинов, однако против бомбардировочных эскадрилий существует прекрасное средство — зенитные пушки.

— Таким образом, новым японским линкорам мы должны противопоставить свои

корабли такого же типа, — заключил Матвей Аристархович. — В тесном взаимодействии с воздушными силами наши «Советские Союзы», несомненно, сломают хребет самурайскому флоту...

Одобрительно улыбаясь, Сталин добавил, что у Японии есть восемь линкоров с четырнадцатидюймовыми пушками водоизмещением около тридцати тысяч тонн, построенных в период Первой мировой войны, а также три сравнительно новых линейных корабля — «Нагато», «Тоса» и «Мутцу» — тридцать пять тысяч тонн, двадцать четыре узла хода и шестнадцатидюймовки в четырех двухорудийных башнях. Кроме того, года два назад японцы заложили серию сверхгигантских кораблей. «Ямато», «Сайен», «Мусаси» и «Синане» строились в обстановке строжайшей секретности, замаскированные тростниковыми циновками невероятного размера. Тем не менее разведке удалось выяснить, что линкоры будут иметь тоннаж свыше семидесяти тысяч, бортовую броню почти в полметра и главный калибр в шестнадцать или даже восемнадцать дюймов.

Берия с хмурым видом заглянул в свои бумаги и сообщил:

— Вот последние донесения... — Нарком не стал называть кодовое имя разведчика, а перешел прямо к делу: — На новейших линкорах будет установлено девять пушек восемнадцатидюймового калибра — по три ствола в каждой башне.

Толщина брони на бортах и башнях от двадцати до двадцати четырех дюймов, максимальная скорость хода — двадцать семь узлов. «Сайен» и «Ямато» вступят в строй осенью сорок первого, два других корабля будут готовы к началу сорок третьего года.

— Вот видите, все сходится, — спокойно сказал Сталин и продолжил в обычной своей риторической манере, раз за разом повторяя ключевые слова: — Они будут иметь новые суперлинкоры ровно через два года. Что это за срок, товарищи? Это тот самый срок, на который принц Коноэ наметил агрессию против Советского Союза. А что это означает для нас, как руководителей Советского Союза? Для нас это означает, что мы обязаны уже летом сорок первого иметь на Тихом океане боевые корабли старшего ранга.

— То есть линкоры, — поспешил откликнуться Берия. Всем своим покорным видом он демонстрировал, что раскаялся, осознал былые заблуждения и не намерен более возражать против развития надводных сил. Однако Сталин отрицательно помахал рукой, сжимавшей дымящуюся трубку, и назидательно произнес:

— Вовсе нет. Не надо считать товарища Сталина упрямым старикашкой, который помешан на линкорах и не желает строить других кораблей, кроме линкоров. Товарищ Сталин понимает, что флоту нужны корабли всех классов, включая авианосцы. Однако товарищ Сталин понимает и другое — что за два года мы не успеем построить даже первый авианосец.

Кашлянув, Ворошилов негромко проговорил:

— Коба, я думаю, что за эти два года мы даже заложенных линкоров достроить не успеем...

Нарком обороны доложил, что авианосец «Красная Звезда» существует пока лишь в виде эскизного проекта, и никому даже не известно, когда удастся приступить к монтажу корпуса. Но и четыре исполинских линкора — «Советский Союз», «Советская Россия», «Советская Белоруссия» и «Советская Украина» — строились ужасающе медленно. Судостроительная промышленность СССР не имела опыт создания громадных кораблей водоизмещением около тридцати пяти тысяч тонн. И до сих пор оставалась большая проблема производства турбин для двигателей, наконец, каждый линкор предстояло вооружить действительно лучшими в мире шестнадцатидюймовыми пушками, дальностью свыше сорока двух километров, однако артиллерийские заводы приступят к выпуску этих орудий лишь в середине сорок первого, причем смогут выпускать лишь по одной башенной установке в месяц.

— Так что, с какой стороны ни глянь, «Союз» и «Россия» станут в строй летом сорок третьего, никак не раньше, — печально подытожил нарком обороны.

— Все это мне известно, — проговорил Сталин глухим голосом. — Для того и собрал

вас — вместе подумать, как ускорить создание морской обороны.

— Н-никак не п-получается, — сказал Молотов, от волнения вновь начавший заикаться. — П-против объективных прич-чин н-не попрешь.

И тогда Бибереv осмелился произнести вслух то, о чем давно уже думал, хотя и сам не слишком верил, что подобный замысел удастся претворить в жизнь. Однако теперь, когда стала очевидной безвыходность ситуации, приходилось хвататься даже за такую несбыточную надежду.

— Товарищ Сталин, можно попытаться купить за границей готовые корабли, — неуверенно сказал флагман.

Сталин раздраженно поморщился, затем, саркастически улыбаясь, ответил с убийственной иронией:

— Полагаете, империалисты согласятся помогать усилению нашего государства? Боюсь, ваше благодушие граничит с политической близорукостью.

— Возможно, товарищ Сталин. Но даже гитлеровцы почти согласились продать нам крейсер и крупнокалиберные морские пушки.

Молотов поспешил уточнить:

— Не «почти», а согласились. Они расплатятся за поставки нашего хлеба и нашей нефти техникой военного назначения. Вскоре мы получим тяжелый крейсер «Лютцов», чертежи линкора «Бисмарк», пушки калибра пятнадцать и восемь дюймов, новейший истребитель Мессершмитга. И еще итальянцы строят для нас быстроходный эсминец.

Нахмурившись, Сталин встал из-за стола, сделал несколько шагов в сторону дома, разминая ноги, — он страдал полиартритом, а потому не мог долго сидеть.

Затем, медленно вернувшись к остальным, машинально уточнил, продолжая обдумывать бибереvские предложения:

— Не эсминец, а лидер эсминцев. Лидер «Ташкент»...

— Вот видите... А в Америке кораблестроительная промышленность так и не выбралась из кризиса. — Флагман заторопился, выдвигая новые аргументы в пользу своей идеи. — У них законсервированы очень неплохие корпуса, которые заложены еще в годы мировой войны, а потом так и не были достроены. Уверен, американцы согласятся продать их по сравнительно низкой цене — лишь бы хоть какие-нибудь деньги получить.

Сталин раскурил трубку, сделал глубокую затяжку, поинтересовался:

— Какие именно корабли можно купить в Соединенных Штатах?

— У них много почти готовых кораблей нужного нам класса, — с облегчением ответил Бибереv. — Самые удачные среди них — шесть линкоров типа «Кентукки» и три линейных крейсера типа «Лексингтон». Все они спущены на воду, но попали под ограничения Вашингтонского и Лондонского договоров и уже двадцать лет потихоньку ржавеют возле достроечных стенок.

— «Лексингтоны» слабоваты. — Неожиданно Сталин в очередной раз блеснул своей дьявольской эрудицией. — Скорость у них, может быть, приличная и артиллерия мощная — это верно. Но при такой тонкой броне от них будет немного пользы... Товарищ Бибереv, напомните нам данные линкоров «Кентукки».

С легким ужасом Матвей Аристархович вдруг понял, что Сталин, помимо всего прочего, держит в памяти тактико-технические характеристики военных кораблей ведущих держав. Возможно, он подзабыл конкретные цифры, но запомнил же слабые места «Лексингтонов»! Только сейчас флагман начал осознавать, какая бездна знаний хранилась под черепным сводом диктатора... Не без труда поборов почтительный трепет, Бибереv зачитал записи, которые сделал в своем блокноте, готовясь к сегодняшней встрече.

Каждый из шести линкоров, заложенных с января по апрель 1917 года, превосходил по боевому могуществу любой корабль той эпохи. Согласно традициям американского флота, они были названы именами различных штатов: «Кентукки», «Вермонт», «Монтана», «Род-Айленд», «Индиана» и «Небраска». При водоизмещении в сорок одну тысячу тонн, одетые в броню толщиной шестнадцать — восемнадцать дюймов, эти великаны должны были иметь

скорость до двадцати трех узлов.

Двенадцать шестнадцатидюймовых пушек размещались в четырех башнях, а численность экипажа составляла свыше полутора тысяч офицеров и матросов. Иными словами, даже сегодня, спустя двадцать лет после разработки проекта, эти линкоры были мощнее большинства японских и английских кораблей этого класса.

— Они сильнее даже новых германских линкоров, — кивнул Сталин. — Однако двадцать три узла — это слишком мало. Тем паче для тихоокеанских акваторий.

— Совершенно с вами согласен, — снова заторопился Бибереv. — Но за эти годы появились более совершенные двигатели, теперь механизмы того же размера развивают втрое большую мощность. Если уговорим американцев поставить на линкор современные котлы и турбины, стандартная скорость корабля увеличится до двадцати шести — двадцати семи узлов.

Он почувствовал, что сумел убедить собеседников. Члены правительства и руководитель ЦК азартно обсуждали детали предстоящей сделки. После недолгого обмена мнениями Сталин поручил двум наркоматам — иностранных и внутренних дел — прозондировать по своим каналам ситуацию вокруг недостроенных кораблей, их техническое состояние, разведать настроения в заокеанских политических сферах, оценить стоимость контракта и проработать остальные подробности.

— Когда проясним обстановку, отправим в Америку делегацию, — повеселевшим голосом сказал Сталин. — Вы, товарищ Бибереv, поедете в Вашингтон подписывать соглашение.

Записав в блокнот полученные задания, Берия произнес с задумчивым видом:

— Я сомневаюсь в надежности товарища флагмана второго ранга. У него в семье не все ладно, сын его связан с врагами народа. Напоминаю, что таких людей мы обычно посылаем не в заграникомандировки, а в совершенно ином направлении.

У Биберева аж поджилки похолодели, а Берия, злорадствуя, продолжал: мол, сынок знатного флотоводца сожительствует с девицей, папаша которой схлопотал десять лет по пятьдесят восьмой статье. Это был конец. Промелькнула паническая мысль: «Под монастырь подвел, подлец сопливый». Словоvо сквозь толстую подушку, флагман услышал насмешливый голос, обильно одобренный всемирно известным грузинским акцентом:

— Какая же она девица, ежели сожительствует с сыном нашего Матвея Аристарховича?.. — Переждав вежливые смешки аудитории, Сталин продолжил: — Что скажете, товарищ Бибереv, может ли быть девицей дочь врага народа, с которой сожительствует ваш сын?

Первым во весь голос захохотал Ворошилов, к нему поочередно присоединились Молотов и Берия. Державшиеся поодаль офицеры охраны из последних сил прятали улыбки. Уже предвидя неизбежный вердикт Особого совещания, Бибереv пробормотал:

— Товарищ Сталин, сын уверял меня, что профессор Недужко, отец его приятельницы, вовсе не враг, а был арестован по ошибке, как это случалось во времена ежовских перегибов. Не изменял он Родине, просто дурью маялся... Кроме того, я совершенно уверен, что у Сталена не могло быть с ней слишком близких отношений.

— Если отношения были не слишком близкими, значит, она вполне может оставаться девицей, — продолжал развлекаться Сталин. — А что нам скажет товарищ Берия — за какую именно провинность был осужден родитель девицы, которая, возможно, вовсе и не девица?

Лаврентий Павлович, похабно ослабившись, заглядывая в другой блокнот, издал урчащий звук — не то смешок, то мурлыканье — и проговорил:

— Не знаю, что товарищ Бибереv считает близкими отношениями, однако, согласно данным наружного наблюдения, ваш отпрыск, лейтенант Стален Бибереv только в августе трижды ночевал в квартире Ларисы Недужко, пользуясь отсутствием ее матери, которая ездила отдыхать в Гагру.

Ворошилов со знанием дела заметил, что так и должно быть — в присутствии родителей заниматься аморально несколько неудобно. Он явно собирался привести как

поучительные примеры из собственной биографии, но нарком внутренних дел, строго поглядев на него, продолжил:

— Что же касается гражданина Недужко Романа Гришевича, бывшего профессора Ленинградского университета и одновременно замдиректора Пулковской обсерватории, последний был разоблачен как троцкистско-зиновьевский двурушник. Вдобавок он состоял в переписке с зарубежными организациями, а также распускал провокационные слухи о том, будто на Землю высадился десант с другой планеты.

Ежу было ясно, что дело высосано из пальца — но этот наивный и затюканный жизнью флагман Биберева не понимал, что подобные обвинения стоят гривенник за всё. Молотова с Ворошиловым развеселил только последний пассаж — насчет небесных десантников. Однако их игривое настроение мигом развеялось, когда наркомы увидели, как внезапно изменилось лицо Сталина. Шагнув в сторону Берия, диктатор отчеканил:

— Где материалы этого дела?

— Здесь, товарищ Сталин.

Шеф карательных органов с готовностью запустил в свой бездонный портфель.

Разумеется, он прихватил необходимые документы, чтобы раз и навсегда избавиться от флагмана, придавив его горой компроматов. Лаврентий Павлович извлек нужную папку, развязал тесемочки. Сказал досадливо:

— Стемнело, товарищ Сталин. Трудно читать.

— Ничего страшного, товарищ Берия, мы сами почитаем. — В голосе вождя отчетливо громыкнули металлические интонации. — Сейчас мы зайдем в дом, а там на стене есть такая маленькая эбонитовая штучка — если ее повернуть, под потолком сразу зажигается лампочка Ильича.

По его тону все поняли: шутки кончились. Наркомы послушно встали из-за стола и гуськом двинулись в дачный домик. Следом плелся на ватных ногах Биберева, который уже чувствовал леденящее дыхание колымских морозов.

Поднявшись в кабинет, Сталин сел за свой рабочий стол и погрузился в чтение. Бегло проглядев короткое обвинительное заключение и приговор, он отложил в сторону листы с выписками из протоколов допросов, после чего очень долго и внимательно изучал приложенные к делу фотографии. Особенно заинтересовался он снимком, сделанным через телескоп: смазанное светло-серое пятно астероида, от которого тянулись по звездному небу две тонкие яркие полоски — длинная и короткая. Под усами промелькнула ностальгическая улыбка — Сталин вспомнил молодые годы, когда работал наблюдателем-вычислителем в Тифлисской обсерватории.

— Как тебе нравятся эти светлые линии? — он протянул отпечаток Молотову. — Могу объяснить. Астрономические снимки делаются с большой выдержкой. За это время астероид Гермес переместился на несколько километров — поэтому изображение получилось нечетким. Но какие-то источники яркого света в течение тех же секунд двигались гораздо быстрее и оставили на фотопластинке такие длинные следы.

Профессор Недужко полагает, что этими источниками света могли быть двигатели ракетных снарядов, выпущенных с Гермеса.

— Ты у нас старый астроном, тебе и флаг в руки...

Несмотря на столь уклончивый ответ, Вячеслав Михайлович дотошно рассмотрел фотоснимок, озадаченно покачивая головой. Между тем Сталин прочитал по диагонали протоколы, поморщился и сказал:

— Неубедительно. Похоже на очередную ежовскую фальсификацию. Разберитесь, товарищ Берия.

Когда оба первых лица государства и партии говорят, что человек невиновен, остальным положено соглашаться — это понимал даже нарком внутренних дел.

— Сегодня же отдам распоряжение, — прошелестел присмиривший Берия. — Если невиновен — немедленно выйдем на Верховный суд, чтобы пересмотрели необоснованный приговор.

— И поторопитесь, мне нужно с ним поговорить. — приказал Сталин. — Ну, не буду задерживать дорогих гостей...

Пожимая на прощание руку Бибереву, Сталин вдруг осведомился, какое имя следует дать купленному в Соединенных Штатах кораблю. Матвей Аристархович замялся, и тогда Хозяин предложил:

— Думаю, наш первый дальневосточный линкор было бы правильно назвать в честь нашей последней победы на Дальнем Востоке. Пусть носит гордое имя «Халхин-Гол»... — Он проводил гостей до порога и здесь неожиданно проговорил: — Задержись, Вячеслав Михайлович, если не слишком торопишься.

Оставшись наедине со старым другом и самым верным соратником, Сталин тихо сказал, назвав Молотова его давней подпольной кличкой:

— Аким, ты когда-нибудь думал об иноземлянах?

— В последние лет десять не вспоминал, — честно признался Молотов. — Слишком много других дел было. Понимающе кивнув, Сталин продолжил:

— Из-за повседневных забот мы забываем перспективные задачи. Но вот сегодня я узнал две новости, одна из которых меня встревожила, а другая — порадовала. Я узнал, что пару лет назад к нам на Землю, возможно, прилетели какие-то гости из Вселенной. И еще я узнал, что в Советском Союзе есть ученые, которые занимаются этой проблемой.

— Ты видишь в этом проблему?

— Трудно не увидеть. Для этого мы и создали пятнадцать лет назад комиссию Дзержинского, но потом позволили себе успокоиться.

Глава правительства задумчиво проговорил:

— Если на других планетах действительно есть живые существа и у них развилось мышление, то нет ничего невозможного в том, что они научились летать через межпланетные пространства. — Он снова помолчал, собираясь с мыслями. — Но это означает, что они создали науку и технику более высокую, чем мы. Наверняка полеты в космос невозможны без атомной энергии.

— Более того, — добавил Сталин. — Ежели их общество развилось дальше нашего, значит, у них уже построен коммунизм. Именно поэтому стоит поближе познакомиться с иноземлянами. Мы можем получить от них знания, которые стремительно приблизят человечество к высшим ступеням прогресса.

— Но существование иноземлян пока не доказано, — напомнил дотошный Молотов. — Это лишь научная гипотеза вроде теории относительности, алхимии, генетики, квантовой механики или евгеники.

Разгладив усы ногтем большого пальца, Сталин сказал уверенно и безапелляционно:

— Они существуют. Примерно такие, как на этой фотографии. Только, конечно, живые...

Он снова достал пачку снимков, приложенных к делу профессора Недужко, и показал Молотову изображение останков, обнаруженных пять лет назад на острове Феникс. Молотов с нескрываемым любопытством разглядывал фотографию одноглазого черепа.

Глава 12 ОТ КРОНШТАДТА ДО ЛУБЯНКИ

«Максим Горький», родной брат «Кирова», слегка покачивался на мельчайшей зыби, пришвартованный к достроечной стенке завода. Крейсер был почти готов к зачислению в боевой список флота, и рабочие бригады с помощью экипажа в темпе большого аврала доводили последние мелочи.

Светящийся луч, бегавший по зеленому кругу экрана выхватил последнюю воздушную цель, и Каростин торжествующим голосом выкрикнул данные: азимут и удалённость самолета. Моряки, наблюдавшие за испытанием радара, торжественно закричали «Ура!» вперемежку с «Браво!».

— Отличная машина, — с неподдельным восхищением сказал командующий эскадрой, он же председатель приемочной комиссии. — Значит, нам теперь вражеская авиация не страшна?

— Вы слишком многого хотите от моей техники, — протирая пот со лба, Михаил встал из-за пульта. — Локатор только обнаруживает бомбардировщики противника, но сбивать их не умеет. На то у вас есть зенитки.

— Собьем, — заверил его командующий. — Вот по весне лед потрескается, выведем крейсер на ходовые испытания — снова позовем вас в гости. Покажете, как ваш прибор морские цели ищет?

— За горизонтом достанем, — похвастался Михаил. — Хватит у ваших пушек дальности на семьдесят километров?

Моряки признали, что четыреста кабельтовых — это далеко даже для линкора. Легкие крейсера были вооружены стовосьмидесятимиллиметровыми пушками, стрелявшими на вдвое меньшую дальность.

Когда они спустились по трапу на причал, командующий пригласил столичных инженеров в штаб — отметить удачное завершение испытаний. Народ бурно возрадовался, и Каростину, хоть он и ссылался на неотложные дела, пришлось отправиться к богато оформленному банкетному столу и принять все положенные тосты. Гулянка грозила затянуться. «Придется отложить личную жизнь на завтра, — печально подумал Михаил. — Ничего, два дня остаются совершенно свободные, ни на секунду от Ларисы не отойду».

Однако в разгар веселья появился капитан из особого отдела флота, сообщивший, что принес срочную телефонограмму на имя товарища Каростина Михаила Никаноровича. Конструктор прочитал текст и потихоньку начал трезветь: директор СКВ приказывал ему сдать все дела заместителю и немедленно возвращаться в Москву для выполнения особо важного правительственного задания.

— Вот два билета на ночной поезд, — сказал особист, — Отправление через четыре часа. Так что успеете спокойно добраться в гостиницу, собрать вещички.

— А почему два билета? — удивился Михаил.

— Чтобы в купе у вас не было попутчиков, — объяснил предусмотрительный контрразведчик. — Вагон международный, все купе — двухместные.

Тут до Михаила наконец дошло, что происходит. Пошатываясь, он поднялся и сказал:

— Едем! — Потом добавил: — Борис Исаакович, принимайте руководство. Сами подпишете акт испытаний...

Уже в машине он заявил, что должен заехать к знакомым, с которыми не успел повидаться. Капитан кивнул и пошутил: дескать, в нашем деле нет ничего невозможного.

— Я вот подумал: может, вам в поезд охрану подсадить? — проговорил он озабоченно. — Мало ли что...

— Не беспокойтесь, я вооружен, — отмахнулся Каростин. — Мне по должности положено.

— Ну, как знаете, — флотский контрразведчик не скрывал неодобрения. — Поехали.

В гостиничном номере он быстро покидал в чемодан немногочисленные пожитки, оставил дежурной ключ и, на ходу застегивая пальто, спустился к машине. Снег сыпал с неба крупными хлопьями, но шофер бесстрашно давил на газ. Они промчались по Литейному проспекту, свернули на Лиговский, проехали вдоль набережной Обводного канала. Потом автомобиль запетлял по малым улочкам и наконец остановился в глубине 2-го Гангутского переулка возле дома дореволюционной постройки. Вскоре после Гражданской войны это четырехэтажное здание было передано Академии наук, и тогда же в квартиру номер двадцать три вселилась семья астронома Романа Недужко. Впрочем, прошлой зимой профессор, давний приятель Михаила Каростина, поневоле сменил прописку...

— Я пробуду в гостях часика полтора, — сказал конструктор. — Вряд ли вам стоит ждать на морозе. Поезжайте, я сам доберусь до вокзала.

— Мне поручено обеспечить вашу безопасность, — капитан был непреклонен. — Мы

подождет.

Пожав плечами, Михаил вошел в подъезд и вверх по лестнице, раздумывая о превратности судьбы, у Романа Григорьевича была прекрасная семья, работа, всемирная известность и все остальное, что нужно человеку его возраста. А потом — арест по безумное обвинению, немыслимый приговор, и верная супруга написала в партком отказ от бывшего мужа предателя. Михаил знал, что Лариса продолжает любить отца, да и Аглая Семеновна не по доброй воле подписала ту бумагу, а потому, что заботилась о будущем единственной дочери. Но вот так сложилось, и остался пятидесятилетний профессор один на белом свете...

От этих крамольных мыслей его отвлекли грянувшие с верхней площадки звуки — сначала грохочущий стук, словно кто-то в дверь колотил, а затем свирепый выкрик:

— Открывайте, НКВД!

Михаил как раз проходил мимо двадцатой квартиры услышал испуганный голос из-за двери: «Господи, пришли!» Лязгнув засов, в соседней квартире зазвенев цепочка. Жильцы, не забывшие частых арестов прошлого, особенно позапрошлого годов, спешили затаиться. Каростин тоже засомневался: стоит ли подниматься дальше, он успел подумать, что оперативники разговаривают с заметным акцентом — эстонцы, наверное, или латыши вдруг Михаил сообразил, ЗА КЕМ там «пришли».

Двадцать четвертая пустовала, поскольку академик Борисов перебрался в столицу, а профессор Рыжов из партшколы кого хочешь за решетку отправит. Так что методом исчисления выходило, что незваные гости повторно наведались к семейству Недужко...

Осторожно ступая, он преодолел еще дюжину ступенек и увидел, как двое в армейских полушубках лягают сапогами дверь двадцать третьей квартиры. Они не видели стоявшего у них за спиной Каростина, а он не без удивления обратил внимание, что один из энкаведэшников перерезал финкой телефонный шнур. Зачем это нужно — чтобы жильцы не смогли никуда позвонить? Подобные мелочи не должны были тревожить чекистов... «А где же понятые?» — подумал вдруг конструктор. Сквозь хмельной туман сверкнуло озарение: это не НКВД, а бандиты — пришли грабить оставшуюся без мужского глаза квартиру.

Выхватив из кобуры ТТ, он передернул затвор, одним махом взлетел на лестничную площадку четвертого этажа и рывкнул:

— Руки вверх, стать лицом к стене!

Явно не торопясь выполнять его команду, оба псевдочекиста резко обернулись, со свирепым видом разглядывая нежелательного свидетеля. Убедившись, что противник одинок и к тому же не совсем твердо держится на ногах, бандиты заметно успокоились. Тот, что постарше, произнес на немецком языке короткий приказ, из которого Михаил понял, что вооруженного финкой громилу зовут Фрицем.

Презрительно ухмыляясь, Фриц сделал шаг вперед, отводя руку с ножом. Его рыжая шкиперская борода, совершенно невозможная для сотрудника компетентных органов, окончательно убедила конструктора, что в квартиру Недужко ломились преступники.

Прошипев: «Руссише швайн!» — Фриц метнул вперед кулак, сжимавший финку.

Каростин машинально отшатнулся и дважды нажал спуск. С огнестрельным оружием отношения у Михаила сложились точь-в-точь как с женщинами — горячая любовь без взаимности. Другими словами, стрелял он неважно. К счастью для него, на таком расстоянии промахнуться было невозможно. Выпущенные в упор пули навывлет прошли Фрица, и тот отлетел назад, отброшенный сдвоенным ударом. Лезвие ножа промелькнуло в районе каростинской груди, распоров оттопыренный борт пальто.

Сообразив, что этот налетчик уже не очень опасен, Михаил направил пистолет на второго противника. Старший из грабителей как раз засунул руку под полушубок, однако, увидев наведенный на него ствол ТТ, он благоразумно отказался от своего опрометчивого намерения и пропищал. Впрочем, не слишком высоко.

— Ви есть хулиган, — возмущенно пропищал старший, — сорвал важную операция. Вас будет судить трибунал, тшерт подери!

Михаил успел протрезветь и вдруг с ужасом подумал — вдруг эти двое на самом деле

ОТТУДА... Пристрелить оперативного работника при исполнении служебных обязанностей — за такие выходы действительно светило особое совещание. Хотя Михаил обладал — в силу второй, литературной, профессии — богатым и очень ярким воображением, представить все тяжкие последствия сегодняшнего происшествия ему не удалось.

События развивались стремительно: на лестнице слышался топот — это спешили привлеченные звуками выстрелов капитан-особист и водитель машины.

Подозрительный тип, которого держал на мушке Михайл, не производил впечатления опасного противника был он повыше среднего роста, но в плечах не широк, вдобавок немолод. Тем не менее ему хватило всего раз взмахнуть ногой, чтобы Каростин, получив сильный удар ботинком в челюсть, грохнулся на спину и при этом ударился затылком об дверь двадцать четвертой квартиры, хорошо еще, меховая ушанка сыграла роль амортизатора. Хотя удар был жестокий, Михайл сознания не потерял и оружие из руки не выпустил. Он просто растянулся на мраморных плитах, с тупым безразличием наблюдая, как бандит достает из-за пазухи пистолет с необычайно толстым и длинным стволом. Первым делом он нацелил это странное устройство на раненого Фрица. Выстрела Каростин не услышал, но Фриц дернулся в последний раз и перестал шевелиться.

— Михайл Никанорович, что с вами? — донесся снизу встревоженный голос капитана.

Бандит, прижавшись боком к стене, уже поднимал пистолет, чтобы расстрелять бежавших на подмогу контрразведчиков, едва те покажутся из-за поворота лестницы.

На конструктора он не обращал внимания, видимо считая, что Михайл не представляет для него угрозы. Ошибка оказалась роковой. Собравшись с силами, Каростин вскинул ТТ и разрядил обойму, стараясь удерживать в прицельной прорези расплывающийся силуэт противника. Долговязый старик шумно упал и покатился по ступенькам навстречу флотским особистам.

Кряхтя и потирая ушибленные части тела, Михайл поднялся, со злорадным удовлетворением наблюдая, как обыскивают раненого в плечо налетчика. Из карманов его френча были извлечены удостоверение полковника НКВД Бориса Петровича Семенихина и бумаги на имя Альфреда Шварца, торгового представителя германской фирмы «Заксен унд Хенвальд». Во всех документах были вклеены одинаковые фотографии — того самого старика, которого подстрелил Михайл, Убитого же звали Фридрих Рюккер, и он Прибыл в СССР от компании «Шлезия машинверке АТ».

Пока особисты изучали документы, Михайл поднял пистолет Шварца. С виду это был обычный парабеллум, но Каростина снова озадачил толстый уродливый набалдашник, навинченный на ствол. Капитан из военной контрразведки пояснил:

— Парабеллум с глушителем. Такие выпускают в Германии с прошлого года — специально для разведки и тайной полиции.

— Так, значит, они не грабители, — сообразил наконец Михайл. — Они шпионы! Ума не приложу — что им было нужно в этой квартире.

— Разберемся, — сказал особист. — Сейчас отвезем его за город, снимем показания и пристрелим при попытке к бегству. А то еще дипломатические скандалы начнутся, зачем нам это нужно...

Услышав о столь мрачных перспективах, ожидающих его в скором будущем, Альфред Шварц торопливо заговорил, умоляя сохранить ему жизнь, поскольку он кадровый разведчик службы безопасности, знает много важных секретов. По словам Шварца, они с Рюккером получили задание от самого Гейдриха, начальника главного управления имперской безопасности. Приказ гласил: проникнуть в квартиру репрессированного профессора Недужко, похитить и доставить в Германию семью ученого, а также все рукописи, которые не были изъяты во время ареста.

Угрожающе помахивая пистолетом, капитан осведомился свирепым голосом:

— Каким образом вы собирались вывозить пленников через государственную границу?

Раненый эсэсовец принялся отвечать, но Михаила эти шпионские подробности не слишком волновали. Он уже пришел в себя после нокаута, алкоголь тоже успел выветриться,

и Каростин всерьез беспокоился: как там две женщины в квартире?

Перепуганы, наверное. Осторожно постучав в дверь, он сказал:

— Ларчик, Аглая Семеновна, это я, Миша. Откройте, налетчиков уже повязали.

Из-за двери раздался плаксивый голос:

— Предатель, тебя подговорили, чтобы уговорил меня отпереть, а потом ворвутся и арестуют... Сначала маму увели, теперь меня взять хотите. Ни в чем мы не виноваты, чего от нас хотите...

Сбивчивые фразы сменились бурными рыданиями. Каростин совсем встревожился, услышав про исчезновение будущей тещи.

— Кто увел тетю Глашу, когда?

— Сам знаешь... Днем позвонили — сказали, что из НКВД, даже машину прислали. А полчаса назад эти появились, тоже НКВД, арестовать хотели... И телефон почему-то выключился...

Зачистив перочинным ножом изоляцию, Михаил соединил проводочки телефонного провода и продолжил убеждать Ларису открыть дверь, но любимая женщина упорно отказывалась поверить в его добрые намерения. В разгар их бурной дискуссии на лестнице опять затопали и появилась сама Аглая Семеновна в сопровождении пожилого полковника с малиновыми петлицами, указывавшими на его службу в наркомате внутренних дел. Когда вновь прибывших ввели в курс дела, профессорша решительно гаркнула:

— Ларка, открывай. Никто тебя сажать не собирается.

Звякнула дверная цепочка, и на площадку выглянула заплаканная Ларочка.

Оставив чекистов разбираться с эсэсовскими шпионами, Аглая Семеновна затолкала в квартиру дочку и предполагаемого зятя, после чего тоже прослезилась и тихо проговорила:

— Лара, Мишенька, у нас большое счастье. Рому освободили...

И она поведала, как в областном управлении НКВД ей показали судебное постановление об отмене приговора в отношении гражданина Недужко Р. Г. в связи с отсутствием состава преступления. Затем ей дали возможность поговорить по телефону с мужем, который жил пока на какой-то подмосковной даче. Роман Григорьевич сказал, что здоровье у него пошло на поправку, и велел переслать в Москву две папки с бумагами, которые должны храниться в нижнем ящике секретера.

— А он что, не приедет? — удивилась Лариса.

— Наверное, попозже. Пока у него там какие-то дела. И еще... Рома об этом ничего не сказал, но, конечно, знает, что я от него отреклась... — Аглая Семеновна умолкла, смахивая слезинки. — Не смогу я с ним сейчас встречаться... Лара, бумаги в Первопрестольную ты повезешь. Завтра с утра побежим за билетами.

— Вот вам билеты. — Жестом циркового фокусника Михаил продемонстрировал две разноцветные бумажки. — В нашем полном распоряжении купе «люкс», отправление через полтора часа, у дверей ждет лимузин.

Состав отошел от перрона с почти незаметным опозданием. Сразу два управления НКВД пытались обеспечить их охраной, но Каростин решительно пресек эти поползновения, поскольку намеревался остаться в купе вдвоем с любимой женщиной. Сошлись на соломоновом решении: Михаил и Лариса едут в люксе, а чекисты — в соседних купе.

Во время легкого ужина он красочно пересказал недавние события на лестнице академического дома. Лариса слушала, ахая, охая и хватаясь за сердце, а временами поддакивала: помню, мол, эти крики и эти выстрелы. От волнения ее внушительных размеров бюст колыхался так энергично, что Михаил, будучи не в состоянии сдерживаться, приступил к решительным действиям. По обыкновению, Лариса сделала неприступно-недоумевающее лицо, начала говорить, что не хочет и что заниматься такими вещами в общественном транспорте — просто неприлично. Когда она возвала к моральному кодексу добропорядочного комсомольца, Михаил ласково поцеловал красивую дурочку и сказал, посмеиваясь:

— И не надоело тебе понапрасну воздух колыхать? Каждый раз на этом самом месте

начинаешь голову морочить, хотя прекрасно знаешь, чем все кончится. Сколько же тебе повторять: я уже давно не комсомолец и вдобавок беспартийный... Так что кончай кочевряжиться, сама хочешь не меньше моего.

Прыснув, Лариса бросилась на него со словами:

— Ну что с тобой поделаешь...

Они провели бурную ночь в покачивающейся под колесный перестук койке, а затем продолжили свои в высшей степени приятные занятия в московской коммуналке, где Каростин занимал две комнаты. Изредка его беспокоила странная нервозность Ларисы, но потом Михаил решил, что она просто перенервничала и не пришла в себя после визита эсэсовских лазутчиков.

А в действительности Ларису смущало совсем другое: Миша ей попрежнему нравился, но в прошлый раз имел неосторожность пригласить Ларису на день рождения старшей сестры Анечки. Там Лариса познакомилась с племянником Михаила и своим ровесником. Нежнейшие ее отношения с лейтенантом морской авиации развивались неожиданно стремительно, и безумно влюбленный парень уже делал предложение руки и сердца. Ларисе очень льстило, что из-за нее потеряли голову сразу двое шикарных кавалеров, но была бы ужасно потрясена, когда бы узнала, что про их роман известно даже первым лицам государства. Однако она, к собственному счастью, ничего такого не ведала и была озабочена лишь одним — что бы Стален ничего не узнал о ее связи с Мишей, а Миша — о ее связи со Сталеном. До сих пор это неплохо удавалось.

Около двух часов дня в дверь постучал сосед и произнес конспиративным шепотом:

— Михал Никанорыч, ты дома? К телефону тебя.

Телефон, как было принято в те годы, висел на стене общего коридора. Из трубки прозвучал знакомый интеллигентный голос:

— Миша? Здравствуйте, Мишенька. Мне передали, что вы привезли бумаги. Как бы их поскорее получить?

— Здравствуйте, Роман Григорьевич, — засопел спросонок Каростин. — Ой, как хорошо, что вы позвонили! Рад вас видеть, то есть слышать... Мы все так за вас переживали. У меня ваши бумаги, и Лариса тоже здесь. Я бы сам завез, но меня зачем-то в наркомат отозвали прямо из командировки... — Он только сейчас вспомнил о вчерашней телеграмме.

Профессор Недужко произнес недоуменно:

— При чем тут наркомат? Это я вас вызвал. Сейчас за вами машину пришлют.

Через час черный ГАЗ-А подкатил к огромному зданию, внушавшему страх и надежду всему Союзу и половине остального мира. Михаила и Ларису провели по лабиринту коридоров, и вскоре молодые люди оказались в кабинете, где висели на стенах портреты Ленина, Сталина, Дзержинского и Берия. У окна, дымя папиросами, оживленно беседовали Недужко и моложавый майор восточной внешности.

Увидев отца, Лара снова пустила слезу и с воплем: «Папа! Папочка! Дорогой!» — бросилась к нему, чуть не сбив его с ног. Профессор торопливо чмокнул дочку, рассеянно пожал руку Михаилу и вцепился в свои папки. Торопливо проглядев содержимое, он с облегчением сказал майору:

— Все на месте.

Полтора года отсидки совершенно не отразились на его характере. Романа Григорьевича по-прежнему волновали только собственные идеи, пролагавшие тропинку в разгадке тайн Вселенной. Порой казалось, что спектры излучения двойных звезд для профессора Недужко важнее собственного здоровья или семьи, а также всего остального, что не входит в круг его научных интересов. Майор сказал, улыбаясь:

— Ступайте, Роман Григорьевич. Поработайте сегодня на даче, и с дочкой пообщаетесь, и в бумагах своих разберетесь.

— Да-да, конечно... — Не отрывая взгляда от старых записей, профессор направился к дверям и на ходу рассеянно поинтересовался: — Ларка, ты не забыла стенографию? У нас

сегодня будет много дел...

Когда они остались вдвоем, чекист показал Каростину на стул и представился:

— Моя фамилия Рунгулов, зовут — Алан Остаевич. Недавно назначен начальником отделения в Комиссию по специальным научным исследованиям. Так что теперь будем работать вместе.

— Давно я не слышал об этой комиссии, — вырвалось у Михаила.

— И не могли слышать. Комиссия ни разу не заседала с марта тридцать первого. В октябре текущего года про нее снова вспомнили, нарком приказал восстановить аппарат. Я больше месяца разбирался с архивами, наткнулся на вашу фамилию. Вот решил побеседовать. Тем более профессор Недужко тоже очень хорошо о вас отзывался...

В середине двадцатых годов, когда НКВД еще был безобидным ведомством, координирующим деятельность местных советов, в недрах ОГПУ родилась комиссия под председательством самого Железного Феликса. Новый орган занимался загадками природы и перспективными научно-техническими разработками, включая атомную энергию, ракетные снаряды, радиолокацию, телепатию, ясновидение и телевидение, а также таинственные радиопередачи, доносящиеся из межпланетного пространства.

Особое внимание комиссия Дзержинского уделяла странным светящимся телам, которые носились на разных высотах, нагло нарушая все госграницы и законы природы.

Михаил Каростин был в ту пору голодным студентом Ленинградского физтеха и, чтобы поправить свои финансовые дела, писал авантурную фантастику о магах, космических пришельцах и монстрах, населяющих джунгли далеких планет. Его описания охотно печатали популярные журналы «Мир приключений», «Вокруг света» и «Борьба миров», а кое-что удалось даже издать отдельными книжками, хоть и в мягкой обложке.

Сам Михаил считал лучшими два утопических романа, действие которых происходило в коммунистическом Советском Союзе третьей четверти двадцатого века, когда жизнь будет насыщена чудесами техники вроде электрического транспорта, телевизоров, реактивных самолетов, холодильников и радиевых пулеметов, у читателей же колоссальной популярностью пользовалась восьмитомная эпопея «Революция в эфире», описывающая завоевание планет Солнечной системы конно-механизированными корпусами социалистической Земли. Пользуясь идеологическими послаблениями эпохи нэпа, Каростин изложил в анекдотической форме некоторые эпизоды недавно закончившейся Гражданской войны. Стержень политической интриги составляла борьба видного революционера товарища Чачи Хомасуридзе против ренегата и предателя Леона Хрюцкого. По слухам, такая коллизия пришла по душе прототипу товарища Чачи, и Генеральный секретарь велел соответствующим инстанциям оградить молодого талантливого автора от злобных нападок левых уклонистов. Критики из РАППа и прочих гадючих гнезд околотитературной богемы пытались покусывать его, но издательства исправно, пусть и редко, печатали романы Каростина.

Когда комиссия Дзержинского взялась за проблему выявления инопланетных визитеров, кого-то осенила счастливая идея привлечь к работе в качестве консультантов группу писателей-фантастов. Самым компетентным и вдобавок надежным в политическом отношении оказался автор «Революции в эфире», неоднократно изображавший вторжения космических агрессоров и неравную, но всегда победоносную войну против них. Михаил сотрудничал с комиссией несколько лет, участвовал в проработке нескольких весьма интересных проектов. Потом началась суматоха периода пятилетки и коллективизации, и про комиссию незаметно забыли.

За эти годы Михаил успел окончить институт, начал заниматься телевидением и радиолокацией, стал заведующим отделом в СКБ-42, а совсем недавно подготовил к защите кандидатскую диссертацию.

— Я просмотрел ваши отчеты, нашел много любопытных соображений, — говорил Рунгулов. — Теперь нам предстоит от абстрактных теорий перейти к конкретным.

Уточняя задание: на Землю проникли лазутчики иноземной державы. Нам предписано

называть их словом «гонт»...

— В двадцать шестом году я уже работал над этим — перебил майора Каростин.

— Нам дали вводную: дескать где-то среди сибирской тайги живут в секретном укрытии шесть гонтов — человекообразных существ с тремя глазами. Мы еще называли их базу Тунгусским бункером.

Рунгулов прищурился и, повысив голос, сурово проговорил:

— Повторяю, я ознакомился со всеми материалами старой комиссии. Читал и ваши планы, как отыскать Тунгусский бункер. Но сейчас открылись новые обстоятельства. Руководство спустило нам данные о том, что около двух лет назад на Землю прилетел аппарат, на котором находились такие вот, как вы говорите, существа...

С этими словами майор показал фотографию черепа с острова Феникс. Каростин спокойно напомнил, что давно знаком с профессором Недужко, а потому в курсе и находок Карла Рейнмута, и гипотезы самого Романа Григорьевича насчет экспедиции, прилетевшей на астероиде Гермес.

— Тем лучше, — кивнул Алан. — Тогда вам будет легче уяснить оперативную обстановку. По Земле ходят чужаки. Они сильно отличаются от людей, поэтому должны маскироваться. Вы поможете нам разработать план выявления этих существ.

— Полагаете, проблема стоит так остро?

— Если не ошибаюсь, вчера вы были свидетелем того, как два германских шпиона пытались ворваться в квартиру уважаемого Романа Григорьевича. Сегодня из Ленинградского управления прислали протоколы допроса майора СС Шварца. По его словам, целью нападения были именно бумаги, связанные с иноземными визитерами.

— Вы меня убедили... — Михаил задумался. — Видимо, гонты намерены связаться со своими собратьями из Тунгусского бункера. Следовательно, необходимо возобновить поиски этого таежного укрытия. Найдем, выставим засаду...

Рунгулов удивленно поднял на него глаза и просидел некоторое время молча.

Потом пробормотал:

— Об этом никто не подумал... А ведь все сходится! И он поведал, что вскоре после пролета Гермеса в органы госбезопасности начали поступать сообщения о странных небесных явлениях. Заметно участились наблюдения летучих огоньков, которые словно преследовали друг дружку, а порой вспыхивали и взрывались.

Складывалось впечатление, будто на большой высоте развернулось настоящее сражение.

— Если взрываются воздушные или космические корабли, то на землю должны градом сыпаться обломки, — заметил Михаил, но тут же добавил: — Впрочем, куски взорвавшихся машин могут летать с орбитальной скоростью.

— И что же? — заинтересовался майор. — В таком случае обломки не упадут, а будут бесконечно вращаться вокруг Земли.

— Черта с два, они падают, — буркнул Рунгулов. — Что-то шлепнулось в Польше перед самым немецким нападением. А пару недель спустя у нас на Таймыре подозрительный метеорит отмечен. Ищем. Целый полк спецвойск послали.

Продолжая размышлять вслух, Каростин предположил, что гонты пытаются выполнить некую задачу, а кто-то им активно препятствует. Внезапно он вспомнил подробности давнего своего сотрудничества с комиссией Дзержинского. В спущенных вводных говорилось о двух экспедициях, почти одновременно прибывших на Землю в первом десятилетии двадцатого века. Там упоминались враждебные гонтам существа, внешне ничем не похожие на людей — что-то вроде каракатиц. Как же их называли?..

Журдены... Нет, фурбены.

Конец декабря в Южном полушарии — самый разгар лета. Тем более необычно выглядел рослый плечистый европеец, вошедший под вечер в отель «Бенефис» на окраине Лимы. Чтобы привлечь внимание на его персону, хватило бы даже мимолетного взгляда на лицо, обезображенное глубокими складками кожи нездорового цвета. Вдобавок странный

гость был одет явно не по погоде. Все его тело было закрыто одеждой.

Сопровождаемый носильщиком, который с натугой тащил два тяжелых чемодана, приезжий направился прямо к стойке и небрежно бросил паспорт заспанному портье.

— Мне нужен номер, — произнес он на очень правильном испанском языке. — Желательно «люкс».

Заглянув в документы, портье узнал, что имеет честь разговаривать с гражданином Австралии мистером Эмилем Д. Роджерсом. Вписав данные клиента в толстую конторскую книгу, он принял плату за проживание на неделю вперед и протянул Роджерсу ключи от номера. «Не может австралиец так чисто говорить по-испански, — машинально отметил гостиничный клерк. — Или франкист, или наш, латинос...» Впрочем, в полицию портье о своих подозрениях сообщать не стал — отель «Бенефис» принимал и более сомнительных клиентов.

Поздно вечером, когда сумерки смазали неземные черты его маски, гонт покинул отель и направился в район трущоб. После недолгих поисков инопланетянин нашел хибару старого пьяницы Мануэля, который зарабатывал себе на текилу, сопровождая охотников, кладоискателей, археологов и прочих богатых бездельников, частенько посещавших перуанские вечнозеленые леса. Узнав, куда намерен направиться австралийский этнограф, Мануэль мгновенно протрезвел и твердо заявил:

— Ищите других дураков, кабальеро. Я не самоубийца.

— За такие деньги я найду их без труда, — проорчали микрофоны, вмонтированные в маску гонта. — Но не каждый самоубийца знает тропинки в тех местах.

Пришелец швырнул на обшарпанный стол пухлую пачку долларов. Мануэль жадно глотнул, протрезвел еще раз, после чего жалобно пробормотал, не отрывая взгляда от денег:

— Синьор, это очень опасно, там живет смерть...

— По-моему, ты просто набиваешь себе цену, — равнодушно ответил гонт.

— Нет, синьор, я просто боюсь. Жрецы храма не выпустят нас живыми.

— Не бойся, мы будем хорошо вооружены.

— Что могут два ружья против целого племени людоедов... — Мануэль машинально принялся пересчитывать купюры.

— Нас будет не двое, — обнадежил старика мнимый Роджерс. — Выходим завтра на рассвете.

Своих спутников бедняга Мануэль различал только по одежде. Три австралийца были на одно лицо, словно приходились Роджерсу братьями-близнецами. До Кампо-дель-Пупо они добрались за полдня, благодаря мощному мотору грузовика-вездехода фирмы «Форд», однако дальше пришлось идти пешком, частенько прибегая к помощи мачете, чтобы прорубить дорогу сквозь заросли. Клиенты достались Мануэлю здоровые, за четыре часа они продвинулись на десять миль, ни разу не провалившись в болото.

Темнота и ливень заставили путников остановиться на привал. Когда старик умял банку мясных консервов, пришельцы погрузили его в гипнотический сон и с облегчением стянули маски. Земная пища им не годилась, поэтому гонты были вынуждены таскать в рюкзаках недельный запас провианта — на случай, если не будет возможности принять корабль снабжения с базы.

Утолив голод, они снова надели респираторные маски, приняли антидот и продули легкие газовой смесью, имитирующей атмосферу Огонто. Болезненные ощущения медленно отступали. Можно было заняться текущими делами.

Три гонта проникли в сумбурную смесь обрывков воспоминаний, пульсирующую в разуме спящего Мануэля. Вскоре, они нашли то, что искали, но вдобавок обнаружили намек на информацию, совершенно неожиданную и даже тревожную. Обменявшись телепатическими репликами, инопланетяне разбудили старого охотника, и Роджерс проговорил:

— Амиго, пришло время поговорить о твоём путешествии к храму. Почему-то ты не захотел рассказать нам, как сопровождал туда моряка из России...

Мануэль воззвал к святой Марии Гуаделупской и принялся божиться: дескать, не знает никакой России, никакого моряка и вообще, мол, никогда не бывал в тех дебрях, лишь слышал про святилище от других охотников. Именно такой реакции добивались гонты. Психика разумных существ любой планеты устроена очень похожим образом, пока перепуганный проводник врал, в его сознании мелькали истинные картины давнего путешествия.

Умело корректируя поток мыслей землянина, пришельцы восстановили подробности похода, когда Мануэль вел русского офицера до ворот храма. Через восприятие Мануэля они увидели мрачный зал, озаряемый пламенем факелов, увидели главную святыню храма — мумию демона в прозрачном саркофаге. Бывалые астронавты сразу узнали анабиозную камеру, какими оснащались звездолеты авикаузов.

Вероятно, корабль, прилетевший на Землю с Авики, потерпел крушение и спасшийся член экспедиции надеялся дожить в анабиозе до появления спасателей. Надежды его явно не оправдались — судя по состоянию организма, камера давно уже прекратила функционировать...

Не в силах сопротивляться телепатическому натиску, Мануэль признался, что они с тем морским офицером сумели втереться в доверие к жрецам, а затем бежали, похитив какие-то храмовые реликвии. Закончить рассказ старику не удалось — из темноты возникли невиданные создания, напоминавшие восьминогих паучков, тела которых сверкали металлическим блеском.

— Фурбены! — вскричал кто-то из гонтов, запоздало выхватывая бластер.

Каждый успел выпустить несколько импульсов, но роботов было слишком много.

Спустя минуту четыре гуманоида неподвижно лежали вокруг костра, утыканные микроскопическими шприцами со снотворным. Потом на полянку опустилась машина Фурбенты, и вскоре Мануэль, лже-Роджерс и остальные оказались в не слишком комфортабельном грузовом отсеке транспортного модуля.

Фурбенские роботы имели задание доставить пленников на базу, однако в небе над Тихим океаном их перехватили истребители гонтов. Бой был коротким: несмотря на яростное сопротивление дисков, конвоировавших грузовой корабль, взлетающие тарелки Фурбенты погибли вместе с роботами и пассажирами.

Получив от Мануэля информацию чрезвычайной важности, Роджерс и двое сопровождавших его гонтов-разведчиков не успели передать эти сведения по инстанции, так что на звездолете ничего не знали про экспонаты затерянного в джунглях храма. На очередном совете главных специалистов возобладало мнение, что не следует больше рисковать жизнями исследователей ради проверки туманных слухов о древнем капище. На повестке дня экспедиции стояли две первоочередные задачи: уничтожить астероидную крепость противника и отыскать бункер, в котором ждут помощи сопланетники.

Глава 13

ВОЗЛЕ ЗОЛОТЫХ ВОРОТ

Старина «Колорадо» был не слишком велик — всего на десяток метров длиннее и на три шире, чем любой из советских дредноутов дореволюционной постройки. С верхних этажей надстройки, где устроились Михаил и офицерская молодежь, открывался отличный обзор на бак. Здесь громоздились две башни, из прорезей в броне которых угрожающе глядели зачехленные шестнадцатидюймовые стволы. Линкор возвращался с тренировочных стрельб, на которые были любезно приглашены оба советских гостя.

Чересчур большой и грузный, чтобы причалить у пирса, корабль швартовался к бочке примерно в полумиле от берега. Не слишком сложный маневр оказался долгим и долгим из-за колоссальной инерции плавучей крепости, и у них было вдоволь времени, чтобы поболтать по душам.

— Вы у себя в Советах, наверное, ничего не знаете о Штатах, — пожалел нового

приятеля лейтенант Стив.

— Почему же, кое-что слышали, — снисходительно ответил Михаил. — У вас много небоскребов, миллион гангстеров и автомобилей. Кроме того, в каждом американском городе из кранов течет горячая вода и работает телевидение.

Офицеры дружно застонали: дескать, во Фриско телевизоры только черно-белые, а вот в Нью-Йорке уже начались цветные передачи. Вдоволь пострадав на этот счет моряки вернулись к прежней теме — что известно о них советским людям. Михаил имел неосторожность ляпнуть: мол, мы любим анекдоты про американцев. Разумеется аборигены потребовали рассказать хотя бы один.

— Ладно, слушайте, — ухмыльнулся Каростин. — Один парень из Техаса подцепил в кабаке девку и повез к себе. Она без конца восхищалась: «Ах, какой у тебя большой револьвер, какой большой автомобиль, какое большое ранчо, какой большой дом...» Он с гордым видом отвечал: «Конечно, ведь у нас в Техасе — все самое большое в мире». В спальне она застонала: «Ах, какая большая кровать!» Он конечно, ответил: «У нас в Техасе — все самое большое». Утром она разочарованно заявила: «А ты говорил, что у техасцев все самое большое в мире». Он смущенно бормотал: «Я же не знал, что ты — тоже из Техаса...»

Американцы оказались ребятами непосредственными. Над этим анекдотом они хохотали так громко, что корабль чуть не перевернулся, а кто-то из старших офицеров даже бросил гневный взгляд на верхний ярус, где беззаботный молодняк веселился, отвлекая солидных людей от серьезных разговоров.

Младшие офицеры весело откозыряли грозным командирам и снова захихикали, — похоже, субординацию в грош не ставили. Янки тоже рассказали пару-другую довольно неплохих анекдотов. Попутно кто-то заметил, что русский инженер разговаривает как настоящий техасец — твердо выговаривает букву «г» в окончаниях типа «-ег», чего английская фонетика не допускала, но в южных штатах свои законы.

Между тем Михаил, имевший многолетний опыт сотрудничества с Иностранным отделом ГПУ и НКВД, отнюдь не развлекался. Наладив добрые отношения с командой линкора, он узнал массу интересного. К примеру, он выяснил, что американский радиолокатор работает на частоте двести мегагерц и различает цели всего на тридцать пять — сорок километров. Другими словами, заокеанский агрегат был значительно хуже установки «Сегмент», которую разработал отдел, возглавляемый талантливым советским конструктором М. Н. Каростиным.

А в это время на мостике линкора помощник военно-морского министра Фрэнк Хадфилд уныло повторил:

— Простите, адмирал, но вы просите невозможного. Ни президент, ни Конгресс не согласятся продать Советам боевой корабль такого класса.

Бибереv попытался заново повторить свою аргументацию и вдолбить туповатым янки, что недостроенные линкоры приносят одни убытки, а продав хотя бы один из них, Соединенные Штаты получают живые доллары. Однако этих странных людей не удалось прошибить даже взыванием к прославленным чертам американского характера — предприимчивости и умению считать деньги. Командующий флотом сказал, разводя руками:

— Адмирал, не тратьте понапрасну своего красноречия. Все мы прекрасно понимаем, что вы предлагаете выгодную сделку. Но тут вмешалась большая политика.

Осенью предстоят президентские выборы, так что ни один важный вопрос решаться не будет. По крайней мере, до конца года.

— Вы меня убиваете, — признался Бибереv. — Как я понимаю, нет силы, которая заставила бы ваших правителей пойти нам навстречу.

Он намекал на крупных капиталистов и банкиров, способных призвать к порядку президента и сенаторов, которые были, как известно, лишь прислугой при акулах империализма. Однако неожиданно для него Хадфилд сказал, усмехаясь:

— Может быть, на это способен Счастливчик Лучано...

— Кто? — удивился Михаил Аристархович, впервые слышавший это имя. — Он,

наверное, влиятельный политик или финансист?

Наступила неловкая тишина. Потом флагманский артиллерист пробормотал:

— Вы почти угадали. Правда, я слышал о человеке который влиятельнее, чем Лаки Лучано. Однако он отдыхает на Скале.

Похоже, аборигенам нравилось говорить загадками. По крайней мере, Биберев не понял, на что они намекают. Один из адмиралов негромко засомневался: дескать, с какой радости Счастливчик станет помогать Советам. Хадфилд буркнул:

— Просто я неудачно пошутил.

И он вдруг начал вспоминать славный боевой путь американского флота: сражения с англичанами времен за независимость, стычки броненосных мониторов северян и южан, а также многочисленные интервенции южнее мексиканской границы.

Остальные поддакивали насчет войны с Испанией. Сильно развеселились старики, когда заговорили о событиях третьей четверти прошлого века — в те годы флот водрузил звездно-полосатые флаги над семью десятками безлюдных островов, разбросанных по Тихому океану и Карибскому морю. С этих клочков суши вывозили ценнейший сельскохозяйственный продукт — сушеное птичье дерьмо, используемое в качестве удобрений.

Чуть позже, когда они сошли на берег, помощник министра шепнул советским представителям:

— Господа, поверьте, я искренне желаю успеха вашей миссии. Можете посетить причалы, где стоят недостроенные корабли. Сами посмотрите, в каком они состоянии. Я, со своей стороны, буду лоббировать ваш проект. Но... — он покачал головой, — очень сомневаюсь, чтобы нам удалось протащить эту сделку через все бюрократические инстанции.

Верфь находилась неподалеку от военно-морской базы, так что автомобиль довез их за какие-нибудь четверть часа.

Охрана верфи была предупреждена о посетителях, у ворот предприятия их встретил сам технический директор мистер Берне. Солидный немолодой человек подобострастно лебезил, называл гостей «господа большевики» и всячески расхваливал свой застоявшийся товар. Вместе с профсоюзным активистом, которого звали Франческо Ликато, они тщательно осмотрели проржавевшие туши линейных кораблей. Завершив инспекцию, Матвей Аристархович авторитетно заявил, что имеет смысл говорить о покупке лишь одного линкора — «Род-Айленда».

— Полностью с вами согласен, — закивал Берне. — Если договоримся, из этой груды металла всего за год можно будет сделать конфетку.

Они с Биберевым быстро нашли общий язык. Американец прикинул необходимый объем работ и приблизительную смету, а красный флагман настойчиво уточнял, какие изменения следует внести в конструкцию: новые двигатели, усиленное бронирование бортов и палубы, дополнительные зенитные установки и так далее. Слушая их, Ликато радостно скалился и предвкушал, сколько рабочих мест прибавится благодаря этому контракту. Такая идиллия продолжалась, пока Матвей Аристархович не проговорился, что вашингтонские политики пока не дали добро на продажу линкора Советскому Союзу.

Лица у американцев сразу вытянулись, взгляды стали злыми, а тон — сухим. В гробовом молчании судостроители отвели гостей к воротам. Здесь Биберев, пытаясь спасти ситуацию, заметил:

— Мистер Хадфилд говорил, что еще не все потеряно. Он надеялся на помощь какого-то Счастливчика.

— Лаки Лучано? — прошептал внезапно побледневший технический директор. — Он-то здесь при чем?

Профсоюзный деятель, напротив, сразу повеселел. На его лице снова заиграла приветливая улыбка. Ликато радушно угостил москвичей ароматными гаванскими сигарами и глубокомысленно произнес:

— Интересная мысль. Сам Лучано, конечно, вам не поможет, это не его территория. Но вообще мафия могла бы лоббировать контракт. Я обязательно переговорю с Тони Каноцци.

Берне задрожал, словно его прошиб озноб, и взмолился, чтобы Франческо не упоминал его имени. Профсоюзник презрительно отмахнулся, проводил советских заказчиков до самой машины и еще раз заверил, что обратится за консультацией к очень влиятельным людям Сан-Франциско.

Прощаясь, Ликато осведомился, не желают ли дорогие господа большевики получить в подарок какую-нибудь безделушку. От одной мысли об этом запуганный бесконечными кампаниями красного террора Бибереv пришел в ужас — не приведи Господь, в НКВД пронюхают и припаяют получение взятки от поганых империалистов!

Каростин, наоборот, ничего не боялся, поскольку знал, что высочайший почитатель его романов со снисхождением относится к мелким безобидным слабостям беспартийной интеллигенции.

— Была у меня одна мечта, но тут вы помочь не сумеете, — с искренним огорчением сказал Михаил. — Я слышал, что в Америке свободно продают оружие, но вчера в магазине ничего не вышло.

— Разумеется, не вышло, — улыбнулся Франческо. — Надо получить разрешение в полиции, а для иностранца это довольно сложно. Какую игрушку вы приглядели — надеюсь, не крупнокалиберный пулемет?

— Уймись, Мишка! — простонал флагман.

— Перестань нервничать, — шикнул на него по-русски конструктор. — Как ты понимаешь, это секретарь профкома, а не шериф и разрешений на продажу оружия не выдает. Мы просто ведем светскую беседу... — Он снова перешел на английский: — Я не хочу пулемет, Франческо. Мне очень понравился револьвер «смит-и-вессон» под патрон «магнум» калибра триста пятьдесят семь.

— Прекрасный выбор, — одобрил Ликато. — Приятно иметь дело с грамотными людьми.

Когда захлопнулась дверца и машина покатила по автостраде в сторону Сан-Франциско, Бибереv принялся читать нотацию: мол, мы находимся в ответственной, государственной важности заграникомандировке, а потому обязаны вести себя как подобает советскому человеку, и всякое такое пятое-десятое.

Михаил даже не стал слушать этот бред. Удружила сестрица, выбрала себе супруга-труса. Он устал повторять старому козлу, что они работают под прикрытием едва ли не самой серьезной службы НКВД — Главного управления госбезопасности. Им спустят любые прегрешения, лишь бы удалось добиться результата. Но не объяснять же все это заново, да еще в присутствии американского шофера, который запросто мог оказаться агентом ФБР, понимающим русскую речь. К тому же бесполезно Матвеем что-либо объяснять — жизнь слишком часто и жестоко была потомственным морского офицера, он теперь цвета собственных подштанников боится...

Наконец их «форд» вылетел на Маркет-стрит, главную улицу Фриско, и Михаил лениво проговорил по-русски:

— Останови-ка здесь, любезный.

Водитель послушно отпустил педаль сцепления, нажал на тормоз и только тогда сообразил, что выдал себя. Ухмыляясь, Каростин кивнул ему на прощание и сказал:

— Что, земляк, у Колчака в Осваге служил? Ну, передавай привет мистеру Гуверу.

Управляемая бывшим белогвардейцем машина растворилась в разноцветном потоке «фордов», «шевроле», «кадиллаков», «ситроенов» и прочих «крайслеров». К этому времени Бибереv немного успокоился и спросил:

— Думаешь, он был из ФБР?

— Не знаю... — Михаил равнодушно передернул плечами. — Главное, что мы при нем не сказали ничего лишнего... А не перекусить ли нам, дорогой зятек? Гляди, какая

симпатичная рыбка.

Рыба, о которой он говорил, была нарисована на вывеске ресторана, где кормили дарами океана. В полупустом зале обслуживали мгновенно: официантка расставила на столике салаты из крабов и морской капусты, внушительные порции жареного лосося, бутылки кока-колы и пива. Однако просьба принести побольше хлеба вызвала легкую панику. Удившись, что правильно поняла заказ и что странным клиентам оказалось мало стандартной порции из четырех галет, девица сделала изумленные глаза, но хлебцы таки принесла.

— Опять маловато, — заворчал Биберев. — Просил же эту дуру принести побольше.

— Не переживай, обойдемся. Невкусный у них хлеб, пресный.

— Дикая страна. — Матвей Аристархович вздохнул. — Ничего эти ковбои в еде не понимают.

Флагман пребывал в прострации с тех пор, как уразумел, что его замысел покупки линкора благополучно провалился. У него снова разыгралось воображение, и морской волк, помирившись с горьким жребием, отрешенно предвкушал кару, ожидающую их ввиду неудачного исхода командировки.

А вот Каростин свою часть поездки неудачной отнюдь считал. Во-первых, он выяснил, что американский радар получился гораздо слабее советского. Во-вторых, стало ясно: будущее — за аппаратурой сантиметровых диапазонов. Во-вторых, он договорился с фирмами «Вестингхаус» и «Белл телефон» о поставке большой партии радиодеталей для СКБ-42. Наконец, удалось получить с издательств гонорары за четыре романа, которые вышли в Нью-Йорке и Чикаго за последние двенадцать лет.

Оказавшись, неожиданно для самого себя обладателем умопомрачительной суммы в две тысячи долларов, Михаил принялся швырять деньгами: купил себе два отличных костюма, пальто, плащ, шляпу, галстуки, сорочки, несколько пар кожаной обуви, подарки для сестры и матери, множество книг и журналов. Но главной статьей его расходов стали конечно же бесчисленные подарки для Ларисы.

В ресторанчике шурушали неторопливые разговоры: о футболе и бейсболе, о бродвейских шоу и голливудских актрисах. Посетители много говорили про легендарного негритянского боксера Джо Луиса, который жестоко побил очередного недотепу, дерзнувшего оспаривать титул чемпиона мира в тяжелом весе. А вот война в Евразии местных обывателей совершенно не волновала, словно происходила на другой планете.

— Сытно живут, но тупо, — буркнул Биберев, покончив с рыбой. — С жиру бесятся.

— Загнивают, — согласился Михаил. — В полном соответствии с трудами классиков марксизма-ленинизма.

— Нет, сам посуди, чем они тут озабочены. Читал их рекламу?

— Я и говорю — загнивают.

Рекламные щиты, которыми был изуродован весь город, в самом деле наводили на мысль, будто американская нация охвачена эпидемией маниакальной шизофрении.

Назойливые призывы покупать автомобили «корсар», сигареты «Честерфилд», презервативы «камасутра-плюс», гигиенические тампоны «Тампакс» и прочие бредовые объявления, безусловно, говорили политически грамотным советским людям, что их заокеанские соседи окончательно свихнулись.

— Вот смотри, — не мог успокоиться возмущенный флагман. — Даже здесь покоя нет, всю дверь этой дрянью обклеили.

Протянув официантке две долларовые бумажки, Каростин направился к выходу и машинально, чтобы проверить свое знание английского, изучил содержание рекламных буклетов, облепивших стену и дверь заведения. Из оцепенения Михаил вышел, лишь когда шедший следом флагман настойчиво дернул его за рукав.

— Читай, — прошипел конструктор, чтобы не привлекать внимания окружающих.

— Самое нижнее объявление, без картинок.

Текст был в высшей степени любопытным. Профессор Карл Рейнмут призывал

меценатов оказать поддержку независимой организации под названием «Extra-Terrial Beings Research Commitee», то есть Комитет по изучению внеземных существ.

Сегодня вечером в клубе Калифорнийского университета Рейнмут читал публичную лекцию о пришельцах с других планет.

Тащиться на ночь глядя в университет Бибереv решительно отказался, сославшись на усталость. Они вышли из рестораника и взяли курс на отель «Серебряная звезда», расположенный рядом с набережной. Все вокруг было непривычно: архитектура, лица прохожих, оформление вывесок, одежда, машины, товары в магазинах, поведение людей. Михаил остро почувствовал, как утомило его это царство товарного изобилия. Хотелось домой — к родным лицам, не вполне обустроенной жизни, к работе, к снегу, к друзьям. И конечно, к любимой женщине.

В «Серебряной звезде» они снимали один номер на двоих. Едва скинув плащ и ботинки — Бибереv испытывал органическую неприязнь к гражданской одежде, — старый моряк повалился на кровать и заявил, что намерен отсыпаться вплоть до возвращения на родину. Пожелав ему приятных сновидений вроде вызова на парткомиссию, допроса в НКВД или сцены зачитывания приговора в трибунале, Михаил стал одеваться, тщательно подбирая галстук. Не хватало еще показаться провинциалом — знаем мы этих университетских снобов.

— Хамло ты, Мишка, — обиженно сказал Бибереv, присев на край кровати. — Знаешь, почему ты шутишь? Потому что страшного не видел. Не знаешь, как это смешно было, когда мы сидели трое-четверо в каюте, сжимали наганы потными лапами, а по всему крейсеру пьяная толпа ревела: пришла, мол, свобода, айда белую кость крошить! Ты, по малолетству, не видел, каких людей тогда в расход списывали. А я два раза через такое прошел — сначала в пятом, потом в семнадцатом. Никому не пожелаю этого пережить. Потому и напуган смертельно на оставшиеся мне годы.

— Мог бы и успокоиться, — примирительно посоветовал Каростин. — Это же черт знает когда было. Те, кто раздувал бессмысленный террор, всякие там Дыбенко и Антоновы-Овсеенко, давно получили по заслугам.

— Как же, обрадовался! Вспомни, что началось после убийства Кирова. Не знаю, как в сухопутных войсках, а на флоте пересажали уйму народу. Ни за что хватали, по самым дешевым доносам. Сейчас-то, конечно, кое-кого освободили, как того же Недужко, только многих уже не вернуть.

— Политика — дело темное. — Михаил махнул рукой. — Я и не представлял, до какой степени тебя запугали. Неужто даже здесь, в Америке, боишься, что в дверь постучат?

— Нет, разумеется, здесь не боюсь...

Сказав это, флагман 2-го ранга вздрогнул и невольно привстал, потому что в тот самый миг раздался сильный и настойчивый стук в дверь. Вздрогнув, он тут же покраснел, устыдившись беспричинного страха. Михаил беззаботно засмеялся, хлопнул родственника по плечу и пошел открывать.

В коридоре перед их номером стояли два американца в дорогих пальто и двубортных костюмах из темной шерсти в полоску. Оба имели пропорции борцов-тяжеловесов и методично жевали модную в этих краях жевательную резинку.

Один из громил поинтересовался:

— Вы из России?

— Из Советского Союза, — уточнил конструктор.

— Вы приехали в Америку покупать пароход? — снова спросил неожиданный посетитель.

— Не пароход, а линкор. — Михаил спохватился. — Вы из морского министерства?

— Мы из мафии. Большие боссы решили помочь вам и приглашают для разговора.

Второй добавил, что у входа ждет «мотор», поэтому надо быстро собираться и ехать. Внезапно сверкнувшая надежда на благополучное решение главной цели их командировки окрылила москвичей. Торопливо одевшись, они чуть не бегом устремились к лифту. У входа

в гостиницу стоял роскошный лимузин, выкрашенный в лимонно-желтый и темно-зеленый цвета. Когда машина, уютно покачивая их кожаными сиденьями, двинулась вдоль набережной, Михаил тихонько заговорил по-русски:

— Второй раз за сегодняшний день слышу незнакомое слово — мафия. Не знаешь, с чем это дело едят? Бибереv задумался, потом неуверенно сказал:

— Кажется, припоминаю. В девятом году — я служил тогда в штабе эскадры — заходили мы на Сицилию. Так вот, мафия была в тех краях очень популярна среди люда. По моему, сицилийцы называли так людей гордых и отважных. Что-то вроде благородных разбойников, которые защищают крестьян от произвола феодалов, чиновников и полиции.

— Ясно, — сказал Каростин. — Карбонарии.

Для возведения этого города испанские конкистадоры брали участок берега с пересеченным рельефом. Улицы Франциско напоминали полосу на спине двугорбого верблюда: подъем в гору, спуск в ложбину между холмов, подъем. Покатав немного по таким аттракционам, лимузин доставил их к ресторану, построенному на возвышенности.

Кажется, это место называлось Телеграфный холм. Солнце садилось, светя прямо в лицо, от чего вода в огромной чаше залива казалась серебристой. На этом фоне сверкающего неба лучи заходящей звезды четко очертили черную паутину подвесного моста Золотые Ворота, соединявшего Фриско с Оклендом. А в центре бухты темнела глыба острова Алькатрас, под скалами которого были выдолблены тоннели и камеры для особо опасных преступников.

В отдельном кабинете советских гостей ждали два американца лет тридцати.

Безупречно пошитые костюмы, золотые перстни и обувь крокодиловой кожи плохо вязались с представлением о борцах за справедливость, но в стране карбонарии могли иметь особый взгляд на сей счет. Темноволосый сказал:

— Меня зовут Антонио Каноцци, я — главный босс итальянских кланов Калифорнии, а это Лейб Зански, он у нас крестный отец еврейской мафии.

Кареглазый блондин Зански недовольно проворчал:

— Называть еврея «крестным отцом» — большой грех, но трудно требовать, чтобы внук сицилийских пастухов понимал такие тонкости. Поэтому перейдем к делу.

Нам хотелось бы знать, для чего Советам нужны такие дорогостоящие корабли.

Пока Михаил с аппетитом уминал потрясающий итальянский сыр, запивая красным вином, Бибереv повторил лекцию, которую полгода назад прочитал на Холодной даче.

Законы морской гонки были просты и общедоступны: если недружественное государство построило боевой корабль с определенными данными, то мы должны противопоставить потенциальному противнику свой корабль, который превосходит врага по вооружению, бронированию и скорости. Выслушав его объяснения. Тони Каноцци экспансивно взмахнул руками и поддакнул:

— Очень правильный подход. Знаешь, Лейб, у этих вояк все, как у нас.

Помнишь, когда Громила Бобби вооружил своих ирландцев списанными армейскими карабинами, мы закупили большую партию автоматов Томсона и кольты сорок пятого калибра.

— И через два месяца весь город стал нашим — кивнул Зански. — Я понял вашу мысль, адмирал. Значит, у ваших врагов есть сильный флот и вам позарез нужны американские линкоры?

Флагман не стал скрывать, что пока враги очень сильны. Немцы долгое время ловко обманывали весь мир, публикуя в прессе заверения, будто новые германские линкоры будут строго соответствовать рамкам Лондонского договора: водоизмещение не свыше тридцати пяти тысяч тонн, главный калибр не больше четырнадцати дюймов.

Англичане и французы, поверив этой дезинформации, построили свои корабли с такими же тактико-техническими данными. А теперь выясняется, что немецкие линкоры «Бисмарк» и «Тирпиц» имеют по пятьдесят тысяч тонн и вооружены пятнадцатидюймовками, то есть намного превосходят по боевым свойствам англо-

французских недомерков. Японцы же и вовсе отказались соблюдать лондонские ограничения и готовятся ввести в строй исполинов типа «Ямато».

— Фашисты коварны, — согласился Каноцци. — Синьоры большевики, я намерен раскрыть карты. Мафия не любит фюрера и дуче. Этот ублюдок Муссолини разгромил наших братьев на Сицилии.

— А Гитлер?! — взорвался Зански. — Бесноватый Адольф убивает евреев просто за то, что они евреи!

«Завтра фашисты станут убивать славян, кавказцев, англосаксов и прочих неарийцев», — мысленно продолжил Михаил. А Тони Каноцци продолжал:

— Мы готовы оказать вам помощь в закупке этих линкоров и других вооружений, которые понадобятся Советам для войны против наци.

Началось деловое обсуждение. Мафиози распределили обязанности: кому поручить «обработку» Белого дома, кому — Капитолийского холма, а кому — Пентагона. Потрясенный Каростин спросил:

— Неужели вы имеете такое влияние?

— Разумеется, — спокойно ответил Каноцци. — Президент Рузвельт прекрасно понимает, что без нашего согласия ему не победить на выборах этой осенью. Только мафия решает, за кого проголосуют американцы.

— Каким образом? — поразился Бибереv. — Я думал, в Америке эта... как ее... демократия.

— Демократия — это и есть власть, организованная мафией, — просветил его Зански. — Так что все в наших руках.

На этом общая беседа временно прервалась, потому что подали горячее: спагетти и фаршированную рыбу. После трапезы Тони предложил отправиться на шоу с девочками, но москвичи решительно отказались — даже бесстрашный Каростин понимал, что за подобные шалости дома погладят отнюдь не по головке...

— Никто не узнает, — попытался успокоить его Зански.

— Узнают, можете не сомневаться, — вздохнул Михаил. — К тому же через полчаса я должен быть в Калифорнийском университете.

— Вас отвезут, — сказал Каноцци. — А на прощание — небольшие сувениры в память о нашем деловом партнерстве.

Им подарили наборы французской парфюмерии «Шанель». Кроме того, Бибереv досталась прекрасно выполненная модель первого американского броненосца «Монитор», а Михаилу — тот самый «смит-и-вессон» триста пятьдесят седьмого калибра и коробка усиленных патронов «магнум». Обе коробки оказались ужасно громоздкими, из-за чего каростинский портфель застегнулся лишь на один замок.

Хорошо хоть револьвер мафиози выбрали с трехдюймовым стволом, и оружие без проблем поместилось в боковом кармане пальто.

Аудитория оказалась полупустой — космические визитеры не слишком волновали университетскую публику. К середине лекции слушатели совсем заскучали и начали потихоньку расползаться. Между тем Рейнмут рассказывал очень интересные вещи.

Кроме давних своих выводов, с которыми Михаил был уже знаком, немецкий астроном изложил результаты последних исследований.

Проанализировав древнейшие письменные источники, он пришел к заключению, что инопланетные гости посещали Землю примерно 2500 лет назад. Так, около 490 года до нашей эры жрец одного из племен семитских кочевников Моше Рабейну (более известный как пророк Моисей) якобы получил так называемый Закон на вершине Синайской горы. Другими словами, какое-то высокоинтеллектуальное существо, которого малограмотный кочевник принял за божество, сообщило ему некую важную информацию. Это произошло примерно за полвека до первого публичного чтения Торы.

Непорочное зачатие Рейнмут считал экспериментом в области искусственного оплодотворения — таким образом пришельцы пытались передать аборигенам какие-то

важные генетические качества. Библейскую легенду о путешествии Ионы в чреве кита Рейнмут интерпретировал как рассказ о космическом полете землянина на корабле пришельцев.

После лекции Михаил подошел к немецкому ученому, передал привет от профессора Недужко, чем очень обрадовал Карла. Рейнмут признался:

— Я боялся, что Романа расстреляют. Как он?

— Нормально. Продолжает работать.

Их прервали.

Рейнмуту вручили несколько чеков от разных компаний, при этом от ученого потребовали, чтобы он в каждой публикации выражал признательность спонсорам и расхваливал их товары. Карл — высокий грузный немолодой мужчина — униженно благодарил, жал руки и низко кланялся. Когда они с Михаилом снова остались вдвоем, профессор печально проговорил:

— Самому неприятно, а делать нечего. Иначе никто не станет финансировать науку... — Он рассеянно собирал бумаги и диапозитивы. — Очень удачно, что вы нашли меня именно сегодня. Если проведете этот вечер со мной, имеете шанс увидеть кое-что интересное.

Заинтригованный Каростин помог толстяку перенести лекционный инвентарь.

Рейнмут жил неподалеку в коттедже на окраине университетского поселка. По дороге астроном рассказал, что вынужден был эмигрировать из Германии два года назад, когда стало ясно, что иудейская кровь бабушки может стоить ему жизни.

Обосновавшись в Калифорнии, он пытался собрать средства для новой экспедиции, поскольку был убежден: на одном из островов неподалеку от атолла Феникс удастся найти оставленные пришельцами сокровища иного мира.

Войдя в домик, они оказались в просторном холле. Рейнмут включил свет, повесил пальто, предложил Михаилу сделать то же, а потом, хитро улыбаясь, вытащил из какого-то устройства еще влажную фотографию. На карточке Каростин увидел самого себя — он стоял в тамбуре профессорского коттеджа, прижимая к груди свой портфель и коробку с диаскопом.

— Узнаете? — Карл был доволен произведенным эффектом. — Я оборудовал дверь фотокамерой фирмы «Полароид». Этот аппарат делает мгновенные снимки. Каждый, кто входит в мой дом, оставляет на память свое изображение.

— Забавная игрушка, — согласился конструктор. Они перешли из холла в кабинет. Астроном сел за письменный стол, жестом пригласил Михаила устраиваться в кресле напротив, вытащил из ящика пачку снимков и сказал:

— Это не игрушка, коллега. Посмотрите, кто приходил ко мне позавчера.

С очередной фотографии на Каростина смотрело очень странное лицо: нездоровая бледная кожа, покрытая глубокими морщинами, тяжелый взгляд из глазниц непривычного разреза, редкие жесткие брови, тонкие длинные губы, массивный подбородок, приплюснутый широкий нос, прижатые к черепу маленькие уши.

— Кто он?

— Говорит, что прилетел на Гермесе. Их планета называется Огонто. Лет тридцать назад на землю прилетала другая экспедиция с этой планеты. Они не вернулись. Теперь посланцы Огонто ищут следы своих земляков. Он обещал зайти еще раз сегодня.

Михаил еще раз всмотрелся в безжизненное лицо инопланетянина и сказал с недоумением:

— Но ведь у гонтов должен быть один глаз...

— Значит, мы ошибались, — неохотно ответил Рейнмут. — Приходится признать, что на острове Феникс я нашел останки существа, принадлежащего к другой расе. Следовательно, Землю посещали не только гонты, но и астронавты с других звездных систем.

Конечно, он мог болтать подобные глупости, но Михаил-то знал, что в 1908 году над

Подкаменной Тунгуской взорвался звездолет одноглазых гонтов, а не кого-то другого. До сих пор информация, поступавшая в комиссию из директивных инстанций, подтверждалась полностью. И тем не менее у существа на фотоснимке имелись в наличии оба глаза.

— Карл, вы уверены, что вас навестил настоящий внеземной... как вы говорите, extraterrestrial, а не аферист или агент гестапо?

— Михель, вы не понимаете. — Астроном взмахнул руками, как бы отменяя любые сомнения. — Он показывал такие приборы! Он читал мои мысли... О, звонят. Кажется, это наш друг с Огонто.

Колокольчик у входа настойчиво позвякивал. Карл открыл дверь и впустил высокого — под два метра — человека. Или, вернее, не человека, а брата по разуму. Это был, вероятно, тот же самый пришелец, которого позапрошлым вечером запечатлел автоматический «Полароид» Рейнмута. Во всяком случае, лицо гостя ничем не отличалось от того фотопортрета.

Увидев незнакомого землянина, обеспокоенный посетитель резко спросил астронома:

— Почему вы не один? Мы так не договаривались!

— Позвольте объяснить, — заторопился Карл. — Михель — мой коллега из Советской России. Он тоже изучает космические посещения. Вы говорили, что вам требуется помощь землян — вдвоем нам будет проще решить вашу проблему.

Михаил понял, что пора брать течение беседы в свои руки. Долгое общение с карательными органами не прошло для него бесследно. Он сказал напористо:

— Только вам придется дать нам подробную информацию. Не надо считать людей дикарями, которые станут покорно прислуживать высшим существам. Мы должны понимать, чем занимаемся.

Безжизненное обгоревшее лицо не отразило эмоций, и голос гонта прозвучал равнодушно — словно говорило не живое существо, а механизм:

— Что конкретно вы хотели бы знать?

— Насколько я понимаю, вы разыскиваете гонтов, которым удалось спастись после сражения с космолетом фурбенов тридцать два года назад. Так кто же вы — гонт или фурбен?

— Вам даже известно о фурбенах... — проскрипел пришелец. — Это упрощает дело. К вашему сведению, я — гонт.

— Тогда я совершенно не понимаю, почему у вас два глаза... Второй непонятный момент: в околоземном пространстве идет настоящая война, уже уничтожено несколько кораблей. Кто и с кем сражается?

— Вы хотели сказать: уничтожено несколько десятков летательных аппаратов, — уточнил пришелец.

Потрясенный профессор Рейнмут вскричал:

— Михель, откуда вам это известно? Лично я ничего не слышал ни о каких космических сражениях, а тем более — о фурбенах.

— Не важно, профессор, — сказал гонт. — Ваш друг неплохо осведомлен, и вы оба имеете право узнать о происходящем. Но не стоит сообщать эти сведения широкой общественности Земли. По крайней мере, до тех пор, пока наша экспедиция остается в Солнечной системе. Обещайте сохранить в тайне наш разговор.

Астроном немедленно дал клятву, что будет молчать. Михаил же ответил уклончиво: мол, обязуется ничего не сообщать в прессу. Он действительно в мыслях не имел передавать информацию журналистам. Только в комиссию. Не уловив столь существенного нюанса, гонт был удовлетворен и собирался начать повествование, но Каростин смущенно прервал пришельца. Сегодня он выпил слишком много вина и пива, поэтому требовалось срочно навестить закуток, куда даже царь, как принято говорить, ходит пешком.

Опорожнив мочевого пузырь, Михаил испытал блаженство, не сравнимое ни с какими оргазмами, однако в холле его насторожили сразу два странных обстоятельства. Во-первых, здесь почему-то не горел свет, а, во-вторых, из кабинета доносился шум незнакомых голосов.

Оставаясь невидимым в темной прихожей, он заглянул в кабинет через неприкрытую дверь. То, что он увидел, очень не понравилось Михаилу. Гонт прислонился к стене, прижимая к плечу ладонь, из-под которой по белому плащу ползли темно-красные струйки. Карл с побледневшим лицом стоял рядом, заложив руки за голову. Спина к двери холла расположились двое в длинных клеенчатых плащах, держа Рейнмута и гонта под прицелом уже знакомых Михаилу парабеллумов с глушителями. Третий незнакомец сидел за письменным столом, разложив перед собой бумаги, и монотонным голосом задавал вопросы на немецком языке.

«Опять гестапо», — уныло сообразил конструктор. Похоже, фашистская разведка всерьез охотилась на пришельцев, а также на ученых, изучающих гостей из космоса.

Звать помощь было поздно, да и несерьезно, — фашисты без труда его скрутят.

Михаил понял, что придется действовать самому. Стараясь ступать как можно тише, он прокрался к гардеробу и выудил из кармана пальто свой «смит-и-вессон». Потом, торопливо вскрыв коробку, насыпал в карман пиджака пригоршню патронов. Зарядив револьвер, он сделал несколько глубоких вдохов, стараясь успокоиться. В барабане было всего шесть зарядов, — значит, нужно стрелять наверняка.

Аккуратно прицелившись в левую лопатку гестаповца, который держал на мушке Рейнмута, Михаил затаил дыхание и плавно потянул спусковой крючок. Револьвер оглушительно прогрохотал, ствол рвануло вверх, а противник, покачнувшись, выронил оружие и упал. Второй, сжимая парабеллум в вытянутой руке, быстро повернулся, и ствол его оружия задержался, с негромкими хлопками выбрасывая пули. Он промахнулся, поскольку не видел Каростина. В свою очередь Михаил два раза выстрелил и тоже не попал, но напугал фашиста. Эсэсовец отшатнулся и налетел на третьего, который в этот момент поднимался со стула, вытаскивая из-под плаща пистолет.

Воспользовавшись этой секундой замешательства, Михаил шагнул вперед, навел «смит-и-вессон» на тесно стоявших врагов и трижды нажал спуск. Одна из пуль достигла цели — немец, так и не успевший извлечь пистолет, сложился пополам и рухнул на паркет. На беду, последний фашист, оставаясь при оружии, разглядел тень, мелькнувшую в темном холле, и стремительно вскинул парабеллум. Михаил успел в последний момент отпрыгнуть к гардеробу. Сразу после этого послышались новые хлопки выстрелов и звон задетого пулей зеркала.

Проклиная револьверы с их идиотской сложностью перезаряжания (то ли дело пистолет — заменил обойму, через пять секунд снова готов к бою), он откинул бар и принялся вытаскивать стреляные гильзы. Из комнаты доносилась громкая ругань гестаповцев и гремела мебель, видимо, кто-то из раненых пытался подняться.

Михаил кое-как заполнил патронами гнезда барабана, только теперь задумался: что делать дальше? Бросать атаку было глупо — убьют на месте. Еще глупее ждать пока проявят активность враги. Они — профессионалы, накинутся вдвоем и скрутят.

Каростин понимал, что обязательно растеряется и не сумеет отбиться от гестаповцев, которые наверняка владеют приемами рукопашного боя.

Внезапно он заметил движение в разбитом зеркале. Несмотря на сеть трещин вокруг пулевой пробоины, было видно, как кто-то медленно крадется к двери, явно готовясь ворваться в холл. Михаил направил револьвер на дверной проем, продолжая наблюдать за отражением противника. Когда гестаповец оказался у порога, конструктор разрядил «смит-и-вессон». Прошитый пулями, фашист рухнул навзничь, конвульсивно дергая ногами.

Из кабинета послышался шум, словно там ломали и роняли мебель. Михаил снова перезарядил барабан и осторожно, не приближаясь к двери, заглянул в комнату.

Гонт сполз на пол и сидел, облокотившись на стену, раскинув ноги и бессильно свесив голову на плечо. Стол лежал на боку, рядом валялись опрокинутые стулья и разбросанные бумаги, книги и журналы. Посреди этого беспорядка кипела драка.

Рослый и тучный Рейнмут сцепился с последним фашистом, обеими руками ухватив запястье врага, из-за чего тому не удавалось пустить в дело свой парабеллум.

Левая рука эсэсовца, пробитая пулей, висела плетью, поэтому вражеский агент не мог драться в полную силу. Он боднул астронома лбом в лицо, а затем попытался подсечь ногой, но Рейнмут был очень тяжел и устоял, не ослабив хватку.

Каростин побоялся стрелять — при, его меткости пуля с равным успехом могла задеть и фашиста и Карла. Михаил подбежал к дерущимся, перепрыгнув по дороге через чье-то тело, и с размаху, словно футболист, ударил эсэсовца носком ботинка по ноге ниже колена, затем пнул в пах и обрушил на макушку врага изящно изогнутую рукоятку револьвера. Фашист рухнул на колени, разжав ладонь, державшую оружие.

Карл и Михаил кое-как связали его и лишь после этого занялись остальными.

Немец бросился к бесчувственному гонту, а русский обследовал застреленных им эсэсовцев. Возле двери, выходящей в холл, лежал труп, украшенный кровавыми пятнами на груди и животе. Второй был еще жив, но конструктор не мог оценить, насколько серьезны его раны. На всякий случай Каростин и ему связал руки за спиной и поспешил на помощь Карлу. Астроном бинтовал сквозное пулевое ранение на плече инопланетянина.

— Как они напали на вас? — спросил Михаил.

— Внезапно. Мы сидели за столом. Я не слышал выстрелов, но гонт вдруг вскрикнул, из его плеча брызнула кровь. И сразу появились эти трое.

— Так я и думал...

Под прицелом собственного парабеллума избитый фашист поведал, что калифорнийская резидентура СД получила задание следить за профессором-эмигрантом Карлом Рейнмутом, обращая особое внимание на контакты с людьми, имеющими необычную внешность. Инструкция предписывала задерживать таких людей и проводить медицинскую экспертизу.

— Если бы анализы показали, что задержанный — не человек, мы должны были переправить его в рейх. Успевший прийти в сознание гонт прохрипел:

— Мне все понятно. Разведки земных держав, узнав о нашем прибытии, начали охоту. Это затрудняет нашу задачу.

— Расскажите, в чем заключается ваша задача, — предложил Михаил. — Мы могли бы сотрудничать.

Гонт застонал, но все-таки ответил:

— Где-то на севере Азии до сих пор скрываются наши сопланетники, уцелевшие после гибели предыдущей экспедиции. Наш корабль исследовал систему звезды, которую вы называете Сириус. Получив сигнал о катастрофе, мы немедленно направились к Солнцу, чтобы эвакуировать их... Но оказалось, что где-то на астероидах расположена база фурбенов. Вражеские роботы без конца атакуют наши... летающие машины... — Он сделал паузу. — Из-за этих роботов спасшиеся гонты не могут выйти на связь со звездолетом. Механизмы фурбенов немедленно запеленгуют их укрытие.

— Как залечить вашу рану? — спросил Рейнмут. — Способны ли земные лекарства помочь гонтам?

— Не беспокойтесь. Сейчас за мной прилетят.

Михаила интересовали сражения, которые уже третий год бушуют на больших высотах вокруг Земли. Гость из космоса раздраженно повторил: роботы фурбенов атакуют аппараты планеты Огонто. Самих фурбенов на базе, скорее всего, нет — только автоматические устройства.

Рассказав это, гонт опять потерял сознание. Каростин снова повернулся к офицеру СД, продолжая допрос:

— Насколько мне известно, ваша разведка нашла в Польше аппарат пришельцев из космоса. Где он сейчас находится?

— Не аппарат, а его обломки. Их изучают в научных центрах компаний «Мессершмитт» и «Сименс».

В комнату вошли гонты, как две капли воды похожие на раненого пришельца. Не обращая внимания на землян, они вынесли своего сопланетника и ушли не прощаясь.

Выбежавшие следом Каростин и Рейнмут увидели, как аппарат чужаков набирает высоту, скрываясь в струях ночного дождя. Где-то неподалеку гремел джаз.

— Улетели, — печально сказал Карл. — Так и не удалось толком поговорить... Михель, что нам делать с трупами? Наверное, придется звонить в полицию.

— Ни в коем случае! — вскричал конструктор, но тут же добавил упавшим голосом: — Полиция сама приедет. Я же стрелял раз десять. Точнее, двенадцать. Весь университет слышал.

— Никто не обратит внимания на ваши выстрелы. Сегодня ректорат дает бал по случаю какого-то местного праздника, все соседи пьют и танцуют в спортзале.

— Это очень удачно... У вас есть телефон?

— Конечно. Вы позвоните в полицию?

— Нет. Вызову друзей.

Вернувшись в коттедж, он набрал номер резидента советской разведки, который обеспечивал прикрытия их миссии. Услышав о случившемся, тот обещал немедленно приехать. В ожидании подмоги они наложили повязки раненым фашистам и попытались навести подобие порядка в коттедже. Карла явно что-то тревожило, и наконец он прямо спросил, почему русский коллега упорно не желает иметь дело с полицией.

— Во-первых, мы обещали гонту сохранить в тайне нашу встречу. Во-вторых, мой револьвер не зарегистрирован.

— Михель, неужели вы связались с мафией? — вскричал потрясенный Рейнмут.

— Именно, — самодовольно подтвердил Каростин. — Хотя так и не понял, кто такие эти мафиози.

Нахмурившись, Карл объяснил ему, что такое организованная преступность.

Михаил был настолько шокирован и сбит с толку, что на некоторое время лишился дара речи. Он лишь сумел заверить астронома, что друзья, которых вызвал на помощь, не имеют к мафии никакого отношения.

Потом, немного успокоившись, Каростин попросил у профессора одну из фотографий, сделанных дверной фотокамерой. Расстроенный случившимся Карл разрешил забрать все снимки, которые накопились в аппарате, и пошел пить лекарство — от переживаний этого вечера у него поднялось давление.

Вскоре приехал резидент госбезопасности. Неразговорчивые люди профессионально погрузили в свой грузовичок труп и обоих раненых, а заодно угнали «мерседес» эсэсовцев. Михаил оделся, взял портфель и попросил, чтобы его подбросили к «Серебряной звезде». Проводив конструктора неодобрительным взглядом, Рейнмут продолжил уборку разгромленной квартиры.

Спустя неделю Биберева и Хадфидда подписали контракт, согласно которому Пентагон брал обязательство продать Советскому Союзу недостроенный линкор «Род-Айленд», переоборудовав этот корабль в быстроходное крановое судно. СССР должен был не позднее следующей осени доставить на верфи Сан-Франциско башенные краны и шлюпбалки, которыми предстояло оснастить «Халхин-Гол». В соглашении особо оговаривалось, что американская сторона, в строгом соответствии с такими-то законами США, намерена сдать заказчику именно мирный корабль, но никак не линкор.

Еще через два дня Биберева и Каростина поднялись на борт парохода «Советская Камчатка». Доставив в Америку несколько тысяч тонн пшеницы, этот корабль увозил обратно в Петропавловск-Камчатский станки, экскаваторы, другие машины.

— Странные люди эти американцы, — разглагольствовал Матвей Аристархович, к которому вернулось отличное расположение духа. — Развели детские игры с конспирацией. Теперь придется везти из Союза орудийные башни главного калибра под видом большегрузных крановых установок.

— Привезете. Так даже лучше... Ты же сам говорил, что наши пушки мощнее и надежнее американских... — Михаил захихикал. — Будут стоять на «Халхин-Голе» наши родные шестнадцатидюймовые башенные краны и стомиллиметровые зенитные шлюпбалки.

Спаренные.

Тут расхохотались оба. Пароход как раз проходил под ажурной машиной моста Золотые Ворота. На траверзе по левому борту остался Алькатрас. Указав на остров, флагман сказал:

— Помнишь, адмирал говорил, что нужный нам человек отдыхает на Скале? Я выяснил, что аборигены называют Скалой этот самый Алькатрас.

— И что?

— Наверное, в тюрьме на острове сидит кто-то из руководителей карбонариев-мафиози.

Каростин давно догадался, что американский адмирал имел в виду знаменитого гангстера Аль-Капоне, который отбывал на Скале срок за неуплату налогов. Но говорить об этом Михаил не стал, чтобы старик не принялся снова нервничать — пусть пока продолжает считать мафию тайной революционной организацией.

Конструктор сказал умиротворенно:

— Неохота мне о делах... Я, может, предвкушаю встречу с любимой женщиной.

— Слава Богу, завел себе возлюбленную, — обрадовался Матвей Аристархович.

— Давно тебе пора жениться. Вот и мой оболтус вроде собрался остепениться. Я эту коробку косметики, что мафия нам презентовала, для сына взял. Пусть подарит своей красавице...

Пароход загудел, увозя их на родину из безумного, безумного, безумного мира, который еще не знал Мэрилин Монро, Ли Харви Освальда, Мохаммеда Али, Чарльза Мэнсона, Арнольда Шварценеггера, Майкла Джексона. Мир узнает эти имена, когда зашкалит все датчики безумия.

Глава 14 ТАЙМЫРСКАЯ НАХОДКА

Измена обнаружилась внезапно и жестоко. После двенадцатидневного перехода через Тихий океан Каростин и Бибереv трое суток добирались в Москву самолетами, делая долгие остановки в крупных городах Сибири. Отчитавшись о командировке, флагман был послан в Кронштадт инспектировать Балтфлот, а еще через пару дней Лариса приехала к отцу из Ленинграда.

Она появилась в напряженный момент, когда Рунгулов, Каростин и Недужко окончательно зашли в тупик, пытаясь понять сведения, привезенные Михаилом из США.

— С одной стороны, нам сообщили, что у гонтов должен быть один глаз. С другой стороны, — Роман Григорьевич от избытка чувств хлопнул ладонью по фотоснимку ночных гостей Рейнмута, — этот двуглазый уверяет, что также принадлежит к расе гонтов.

— Выскажу крамольную мысль. — Майор понизил голос. — Возможно, информация, спущенная нам из инстанций, не совсем верна. Факты — упрямая штука.

Примем за основу, что гонты имеют именно такую внешность. Так или иначе, эти фотопортреты уже рассылаются во все территориальные органы НКВД.

— Я вижу и другие объяснения, — заметил Михаил. — Может оказаться, к примеру, что на планете Огонто живут несколько разных видов человекообразных существ. На Земле расы отличаются цветом кожи и формой носа, а у них такие различия могут распространяться даже на количество органов зрения. И вообще — почему мы так уверены, что обнаруженный на Фениксе череп принадлежал одноглазому существу?

— Потому что на том черепе была только одна глазница, — напомнил Недужко.

— Ну и что из того? На черепе — одна глазница, а на лице — два глаза!

Роман Григорьевич, немного подумав, заявил, что не видит противоречий в этих гипотезах. Рунгулов присоединился к мнению профессора и добавил:

— Михаил Никанорович здорово помог нашему общему делу, выведав у пришельца тайну космической войны. Теперь мы точно знаем, что автоматические аппараты фурбенов не позволяют гонтам связаться с Тунгусским бункером.

— Это так важно? — усомнился Недужко.

— А как же! Отсюда следует, что гонты все еще прячутся где-то в Сибири, то есть мы сохраняем надежду найти их первыми!

Алан добавил, что на Таймыре близятся к завершению поиски сбитого аппарата иноземцев. Работавшая в тех краях археологическая экспедиция вроде бы обнаружила непонятные предметы. Скоро их привезут в Москву.

Тут во дворе загудел клаксон, а затем вошла Лариса. Деловая беседа сразу стала невозможной, майор госбезопасности допил чай, попрощался и ушел. Отец с дочерью заговорили о семейных делах, но к вечеру Лариса оказалась в каростинской квартире. Она собиралась решительно объявить, что их отношениям пришел конец. Не подозревавший о таких жестоких намерениях Михаил завалил любимую подарками. При виде двух набитых доверху чемоданов она впала в экстаз и почти без сопротивления позволила уложить себя в постель.

Наутро Михаил собирался торжественно преподнести парфюмерный набор, но Лариса выдала свою измену, грубейшим образом нарушив конспирацию. Нарядившись в заокеанскую обновку, она извлекла из сумочки флакон французских духов и, не таясь, принялась наносить на лицо и шею ароматные капельки.

Общение с чекистами сделало Михаила дьявольски подозрительным. Он знал, что в Москве подобные духи не продаются, и не верил в случайные совпадения. Зато он точно знал, что такую же «Шанель» должен был подарить своей любовнице его племянник Стален. Нетрудно было догадаться, как все происходило. Матвей отвез коробку в Ленинград, где встретился с сыном и передал тому набор, а Бибереv-младший, конечно, сразу же вручил эту парфюмерию бессовестной девице.

Скандал был ужасный, Лариса даже не стала оправдываться или отрицать очевидное. Только разревелась и, глотая слезы, просила не рассказывать про их связь Сталену. Михаил от этого разозлился еще сильнее.

— Миша, поверь, я очень тебя люблю. — Она всхлипнула. — Но мы уже который год встречаемся и не смогли решить, как жить будем. А он от меня без ума, прямо боготворит, каждый раз умоляет в загс пойти...

— Кончай врать, предательница! — снова заорал Михаил. — Можно подумать, я тебя не люблю или не предлагал жениться. Нет, видите ли, я рылом не вышел, ей сопливый лейтенант нужен!

— Он теперь старший лейтенант, — пискнула Лариса. — Им приказ зачитали.

Михаил уже набрал побольше воздуха, чтобы высказать все, что накопилось на душе, но вдруг понял: бесполезно ругать эту дурочку. Она мыслила примитивно, как деревенская девчонка, и была способна разглядеть только ближайшую выгоду. В хилых мозгах девиц такого пошиба сложилась своя шкала ценностей, согласно которой морской офицер располагался намного выше, чем инженер-конструктор, пусть даже к мнению этого инженера прислушиваются руководители страны. Тем более престижным женихом считался офицер морской авиации, который доводится сыном высокому военному чину... Дура!

От безрадостных размышлений его отвлек телефон. Звонил Алан Рунгулов.

— Собирайся и жди, я буду через полчаса, — возбужденно приказал чекист.

— Из-за чего спешка?

— Нам везут кое-что с Таймыра! Вернувшись в комнату, Михаил хмуро сказал:

— Забирай оба чемодана, и чтоб я тебя больше не видел.

Слезы на глазах Ларисы высохли мгновенно. Она только спросила, ослепительно улыбаясь:

— Надеюсь, мы договорились — ты ничего не расскажешь?

— Надейся, — буркнул Михаил. — Пошла к черту!

Проклятая интеллигентность не позволила ему просто выгнать предательницу. Как дурак помог ей уложить барахло и даже поймал такси. На прощание Ларка, чмокнув его в щеку, беззаботно пригласила заходить, когда захочет. Михаил вернулся в свою коммуналку

со страстным желанием напиться или кого-нибудь пристрелить. Наверное, никогда еще не было ему так плохо.

Не подозревавший о каростинских осложнениях Алан, наоборот, выглядел счастливым.

— С тебя причитается, — весело сообщил он с порога. — Нарком подписал приказ о присвоении очередных званий оперативным работникам, особо отличившимся в деле Тунгусского бункера. Я стал старшим майором, а ты — капитаном действующего резерва госбезопасности. Доволен?

— Сейчас запрыгаю от радости...

Рунгулов задумчиво поглядел на его кислую физиономию, пожал плечами и поторопил — до прибытия поезда оставалось около часа. Наблюдая, с какой меланхоличностью конструктор натягивает неразлучную подмышечную кобуру с токаревским пистолетом, старший майор нахмурился, размышляя. Потом осведомился:

— По-моему, ты узнал, что дочь Недужкина путается с биберевским сынком. Так?

— Ты был в курсе? — вскинулся Михаил.

— Пойми наконец, МЫ знаем все. Если не о противниках, то про своих — наверняка. Наверное, я должен был еще осенью поставить тебя в известность.

— Наверное... — Каростин вздохнул. — А может быть, нет.

— Тоже верно. Советую плюнуть и забыть.

— Ничего другого мне сейчас не остается...

В машине Рунгулов деловым тоном ввел его в курс последних событий. Упавший на Таймыре аппарат, начиная с октября, искали отряды войск НКВД, но удача улыбнулась археологической экспедиции профессора Зябрева из Московского университета. Узнав о находке ученых, нарком немедленно приказал всем войсковым группам взять экспедицию под охрану. Это удалось сделать вовремя — под покровом полярной ночи на лагерь было совершено нападение, успешно отбитое взводом лыжников.

— Снова немецкая разведка? — заинтересовался Михаил.

— Непосредственно участвовали в нападении местные бандиты. Наши бойцы застрелили четверых, трое взяты живыми. На допросе арестованные показали, что некто обещал им большие деньги, если помогут ограбить экспедицию, которая откопала якобы золотой клад, оставленный отступающими белогвардейцами. К сожалению, этот вербовщик был убит в перестрелке. Сейчас следователи пытаются установить его личность. Думаю, ты прав — судя по почерку, тут работало ведомство Гейдриха.

Когда автомобиль, обогнув недавно открывшийся в Останкине комплекс Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, вырвался за городскую черту и устремился по Ярославскому шоссе в сторону Мытищ, Каростин недоуменно покосился на старшего майора. Угадав смысл незаданного вопроса, Алан пояснил: из соображений безопасности решено снять курьера с поезда на пригородной станции.

Есть сведения, сказал чекист, что вражеская агентура готовит встречу на вокзале, поэтому руководство НКВД решило подстраховаться.

На станцию Северянин они успели незадолго до прихода поезда из Воркуты. В интересовавшем их купе оказалось двое пассажиров: женщина средних лет с телосложением портовой грузчицы и молоденькая стройная девушка — такая красивая, что у Михаила перехватило дыхание и мигом пропали все мысли о гадюке Лариске.

— Кто из вас Раиса Воронина? — строго спросил Рунгулов.

Девушка сразу насторожилась и сообщила, что она и есть аспирант Воронина.

Предъявив ей удостоверение ГУГБ НКВД, старший майор сказал:

— Одевайтесь. Мы отвезем вас и груз в гостиницу.

Раиса разволновалась, стала бестолково бормотать: дескать, на вокзале в Москве ее должен встречать какой-то Дима, но Рунгулов был неумолим. Попутчица добродушно посоветовала:

— Иди, доченька. Видать, серьезное дело, коли ради тебя в такую глушь потащились.

Продолжая недоумевать, девушка собрала свой потрепанный чемодан. Когда Михаил

галантно подал ей огромный теплый тулуп, Рая вдруг рассмеялась и сказала:

— Вы, товарищи, понравились Наталье Петровне. Всю дорогу она от меня ухажеров шугала, а теперь спокойно отпускает с незнакомыми людьми.

— Хорошего человека сразу видеть, — отмахнулась Наталья Петровна. — Счастливого пути, дочка.

Когда они сели в машину, Рунгулов проговорил с флегматичной интонацией, которой обычно маскировал сильное беспокойство:

— Куда же вам в столицу в такой таежной одежде... Поживете пару дней в гостинице, мы доставим городской гардероб. У вас какой размер?

— Проще позвонить моим родителям, папа сам привезет мои вещи, — не без вызова ответила аспирантка. — А еще проще прямо домой меня отвезти. Не понимаю, для чего нужна эта затея с гостиницей.

— Кажется, вы забыли, что за таймырской находкой идет охота. — Голос Алана стал суровым. — Хотите, чтобы эти бандиты навестили вашу московскую квартиру?

— Нет, конечно, — смутилась она. — Вы правы, я сказала не подумав.

— Так-то лучше. Но вы не переживайте: думать о таких вещах — наша обязанность. А пока отдохнете за городом, поговорите с нашим научным консультантом... — Рунгулов кивнул на Каростина.

Для нее был забронирован номер в гостинице «Арктика», которая размещалась в трехэтажном строении возле моста через Язу. Раису моментально вселили, и чекисты сразу заторопились по делам, оставив Михаила присматривать за девушкой.

В вестибюле, пожимая руку конструктору, старший майор отчеканил так резко, что стекла в дверях зазвенели:

— Следите за маленьким саквояжем. Внутри — запломбированный контейнер с особо важными экспонатами. Если с этим грузом что-нибудь случится, все мы отправимся под трибунал, невзирая на прошлые заслуги!

— Значит, я не смогу взглянуть... — разочарованно протянул Михаил.

— Ни в коем случае! Запритесь в номере и открывайте только нашим людям. Пароль вы знаете.

Автомобиль с оперативниками умчался в сторону города, а Каростин поплелся обратно на второй этаж и постучал в дверь номера.

— Входите, — крикнула Рая.

Девушка выглядела довольно комично в теплых штанах и толстом свитере, которые были уместны в тундре, но никак не в Подмоскovie, где уже началась весна. От предложения пообедать Раиса отказалась, сказав, что заботливая Наталья Петровна до отвала накормила ее в поезде. Девушка была так мила и непосредственна, так хороша собой, что Михаил с легким ужасом понял: он влюбился самым роковым образом. Не без труда стряхнув невидимую сеть наваждения, Каростин попытался сделать серьезное лицо и заняться делами.

К его сожалению, Рая не смогла толком объяснить, что именно они нашли в таймырском Заполярье. Местные жители сообщили ученым, что много лун назад на ночном небе бесшумно кружили две огненные птицы, пускавшие друг в друга горящий пух. Потом одна птица улетела, а другая, издавая ужасный визг и свист, рухнула где-то возле истока реки Жогдах. Эвенки уговаривали москвичей не ходить в те гиблые места, однако руководитель экспедиции был уверен, что именно там должно находиться полупоупендарное капище якутского божества Умсуур Тойона. Святилище, основанное более тысячи лет назад, действительно удалось обнаружить, а неподалеку нашли глубокую воронку, окруженную участком выгоревшего кустарника.

Из ямы археологи извлекли несколько непонятных предметов явно промышленного изготовления.

— Мы сразу догадались, что над тундрой произошел воздушный бой и тут упали обломки самолета, — уверенно излагала очаровательная аспирантка. — Вскоре подоспели пограничники, а ночью на лагерь экспедиции напали уголовники. Знаете, я ужасно

испугалась, когда началась стрельба...

— Могу представить, — сочувственно сказал Михаил. — Раяша, голубушка, попробуйте описать те предметы, которые вы обнаружили в воронке.

— Даже не знаю, как вам ответить, — призналась она. — Ничего подобного я раньше не видела. Прямо слов не хватает.

Девушка принялась рассказывать о инкрустированных серебром самоцветах и спиральной конструкции, отлитой из очень тяжелого серо-серебристого металла, но тут раздался стук в дверь.

— Кого еще принесло? — недовольным голосом крикнул Каростин.

— Открывайте, это милиция, — рявкнули из коридора. — Проверка паспортов. Почему в комнате находится посторонний мужчина?

Раиса охнула, покраснела и начала медленно вставать из-за стола, но Михаил бесцеремонно оттолкнул ее подальше от двери. Прикрывая девушку собой, он передернул затвор, навел пистолет на дверной проем и потребовал, чтобы «милиция» убиралась, поскольку здесь проводится секретная операция госбезопасности. Сам он прекрасно понимал, что слова не помогут, потому что никакая там не милиция, а снова гестаповцы или их наймиты, которые намерены забрать обломки инопланетного аппарата.

— Вам же хуже будет, — прорычали из-за двери. — Волчара, ломай!

Дверь затрещала под напором могучего плеча. Любая задержка грозила смертью, и Михаил решил. Четыре пули ТТ прошли доски чуть повыше замка — как раз на уровне живота. Снаружи кто-то шумно упал, грянул густой мат. «Господи, девушка же здесь, как они выражаются», — бестолково сконфузился конструктор, который прежде очень мало общался с уголовными элементами. В тот же миг позади него звонко разлетелось вдребезги оконное стекло. Резко обернувшись, Каростин увидел, как с подоконника прыгнула в комнату небритая личность в рваной ушанке, засаленной телогрейке, грязных кирзовых сапогах и потрепанных кавалерийских галифе.

— Стой на месте, руки вверх! — скомандовал Михаил, сопроводив это распоряжение выразительным покачиванием ствола.

Криво ухмыляясь, громила стремительно выхватил из-за пазухи финку с длинным широким лезвием и вспрыгнул на разделявший их стол. К счастью для себя, Каростин за последние месяцы регулярно попадал в подобные переделки, поэтому пообвык, почти не нервничал и был морально готов применять оружие в любой обстановке.

Вдобавок, благодаря частой практике, стрелять стал гораздо лучше. Пуля, выпущенная с полутора метров, отшвырнула бандита, и тот тяжело рухнул навзничь.

Рана оказалась не слишком серьезной — поднялся он довольно быстро и повторил атаку. Спокойно прицелившись, Михаил аккуратно прострелил противнику плечо. Тот взвыл и упал на колени, упираясь в пол здоровой рукой.

— Прижимайся к стене, — прошипел Михаил. — Рая, к стене!

Насмерть перепуганная девушка словно лишилась дара речи, только затрясла головой: мол, слушаюсь, гражданин начальник. Мелкими шажками она невыносимо медленно отодвигалась в дальний угол, а над подоконником уже появилась еще одна голова, увенчанная милицейской фуражкой. «Они лестницу приставили!» — запоздало смекнул конструктор. Он выстрелил и, конечно, промахнулся. Затвор ТТ откатился, выбрасывая горячую гильзу, но обратно не вернулся, застыв в крайнем заднем положении. Хорошо хоть бандит, услышав звук выстрела, пригнулся, спрятав голову под подоконником. Подбежав к окну, Каростин изо всех сил оттолкнул лестницу.

Переодетый милиционером бандит с воплем упал на брусчатку. Упавшего немедленно окружили то ли красноармейцы, то ли другие бандиты, нарядившиеся красноармейцами.

За спиной вскрикнула Рая. Михаил повернулся, но успел лишь увидеть, как подстреленный им уголовник в телогрейке, прихватив саквояж с бесценной находкой, хромает к выходу. Пока Михаил менял обойму, бродяга отпер дверь торчавшим из замка ключом и вывалился в коридор, но там вдруг остановился и, подняв руки, задним ходом

вернулся в номер. За ним вошли Рунгулов, два офицера НКВД, вооруженные короткоствольными автоматами, и давешняя знакомая Наталья Петровна.

Тетка сразу бросилась успокаивать Раю, а старший майор и другие чекисты занялись обыском раненого бандита.

Каростина вдруг пробрала нервная дрожь. Он жадно выпил стакан воды из стоявшего на тумбочке графина и только после этого сказал:

— В коридоре целая толпа была.

— Одного вы ухлопали, двух других мы скрутили, — весело сообщила Наталья Петровна. — Гестапо и СД не жалеют кадры.

Старший майор приставил ствол пистолета к виску арестованного и поинтересовался:

— Где, когда и кому ты должен был передать этот саквояж?

Бандит прошипел что-то невразумительное, однако, получив удар по лицу, ответил громко и разборчиво. Рунгулов моргнул чекисту, носившему петлицы с капитанской «шпалой», и тот бросился к дежурной по этажу, чтобы по ее телефону доложить руководству.

Другие оперативники увели арестованного.

— Вы тоже из НКВД? — только теперь сообразила Раиса, странно поглядывая на недавнюю попугицу.

— А как же, — хохотнула Наталья Петровна. — Смешные вы люди. Книжки про шпионов читать любите, а в жизни — бдительности ни капли. Или ты думала, что такой груз без охраны возить можно?

— А что за груз? — насторожилась аспирантка. — Неужели наша находка имеет такую ценность?

— Именно такую, — с напускной суровостью сказал Рунгулов. — Поэтому в пути вас сопровождала лейтенант Аверченко и еще два наших сотрудника ехали в соседнем купе... Ну, теперь можно отвезти товарища Воронину домой. Уверен, вам больше ничего не угрожает.

По дороге в Москву старший майор посетовал, что пришлось передавать срочную информацию по обычному городскому телефону. Можно было, конечно, позвонить в наркомат по спецлинии из райотдела, но пока доберешься — опять же время терять.

Каростин поделился профессиональным наблюдением из своей недавней поездки за океан: уже второй год автомобили американской полиции оснащаются портативными радиотелефонами, которые обеспечивают двустороннюю связь с центральным участком.

— Вы бывали в Америке?! — воскликнула девушка. — Ой, как интересно!

С каждой секундой она нравилась Михаилу все сильнее, но их путешествие скоро закончилось у подъезда старинного дома в Кривоколенном переулке. Он помог Раисе поднять чемодан к дверям квартиры Ворониных. Девушка нажала кнопку звонка, потом бурно здоровалась с бабушкой и отцом, который оказался дома, потому что грипповал и сидел на бюллетене. Михаила она представила домочадцам как чекиста, рисковавшего жизнью, чтобы спасти ее от банды грабителей. Воронины громко ахали и приглашали запросто заходить в любое время.

— Завтра, если не возражаете, — сказал он.

В отличном настроении Михаил вернулся в машину. Рунгулов приказал шоферу гнать на площадь Дзержинского.

Откинувшись на кожаные подушки сиденья, Карости смешливо осведомился:

— Баул, который мы героически обороняли, был пуст?

— Проницательный ты у нас... Не совсем пуст. Мы кое что положили туда для веса. А настоящие экспонаты привезли в Москву самолетом. Позавчера.

— Могли бы хоть предупредить.

Старший майор повернулся к нему с переднего сиденья и сказал ровным голосом:

— Тебе пора понять специфику нашей работы. Мы должны были вскрыть их агентурную сеть. Любой ценой... Эта задача успешно решена, а все остальное не важно.

Кстати, за риск ты получаешь очень солидный оклад как член комиссии. — Он снова сел прямо. — Сейчас приедем в наркомат — посмотришь, что твоя красавица на Таймыре откопала.

Извлеченные из сейфа предметы сразу внушили Каростину почтительный трепет — он впервые держал в руках творения чужого разума. Впрочем, экстаз быстро улетучился, когда стало ясно, что назначение этого творения определить не удастся.

Здесь было несколько оплавленных кусков непонятного материала, — скорее всего, пластмассы. Рядом лежал покореженный ударами и чудовищным жаром тонкий металлический лист. Рунгулов пояснил: химики определили состав этого лоскута — сплав титана, вольфрама и рения. Самым крупным фрагментом погибшего аппарата была массивная платиновая спираль около двух килограммов весом. Свернутый тугими кольцами стержень был прошит тонкими короткими спицами того же драгоценного металла.

Со вздохом отложив спираль, Михаил осторожно взял двумя пальцами последний предмет — полупрозрачную пластину, покрытую тончайшим серебряным узором. До взрыва это был, вероятно, квадрат с ребром около восьми сантиметров. Никогда прежде Михаил не видел ничего подобного и не мог даже представить, для чего может применяться такое устройство. Он сказал недоуменно:

— Почему нет никаких радиодеталей? Я не вижу реле, ламп, сопротивлений, даже проводов. Эти автоматические корабли-роботы должны быть набиты электронной начинкой.

— И тем не менее ничего такого здесь нет, — констатировал Рунгулов. — Может быть, на других планетах научились делать аппаратуру из других деталей?

Каростин засмеялся и произнес назидательным тоном:

— Ничем нельзя заменить лампы, резисторы, конденсаторы, а тем более провода. Такого просто не может быть.

Он с трудом дождался следующего дня. Отпросившись со службы, Михаил около половины второго подошел к знакомому зданию в Кривоколенном. Сердце колотилось так жаростно, будто не было за плечами тридцати четырех лет и он спешил на первое в жизни свидание.

Поначалу все устроилось просто отлично. Рая оказалась дома, а бабушка дремала в своей комнате и не мешала их беседе. Обрадовавшись гостю, девушка забросала его вопросами про странные штуки, найденные археологами в таймырской тундре. Услышав, что Каростин не знает ответа, она произнесла обиженно:

— Так бы и сказали, что не имеете права говорить. Наверное, это очень секретное дело.

— Вы действительно прикоснулись к великой тайне, — согласился он, глядя на девушку откровенно влюбленными глазами. — Но, честное слово, Раячка, я не знаю, как работают эти детали... Поверьте, мне больно делать такое признание.

Потом беседа переметнулась на его поездку в Америку. Михаил рассказывал о телевизорах и других технических диковинах, которые прочно вошли в быт за океаном. Они говорили о кино, театре, книгах и песнях. Их вкусы удивительным образом совпадали, словно молодые люди самой судьбой были предназначены друг другу. Небольшая дискуссия возникла, лишь когда обсуждали романы самого Каростина — Рая высказала множество претензий к сюжетам и образам героев, но была при этом предельно доброжелательна. И наконец наступил момент, когда Михаил неловко заговорил о своих чувствах.

Рая потупилась и пробормотала в ответ, что не стоит касаться этой темы. У нее был жених, некто Дима Суханов — тоже историк и тоже аспирант, только с другой кафедры. Скоро, сразу после Майских праздников, должно было состояться бракосочетание.

— Если я правильно понял, мне уже надеяться не на что? — глухо спросил Михаил.

Не поднимая взгляда, она отрицательно покачала головой и, запинаясь, проговорила:

— Наверное, было бы бестактно предлагать вам дружбу или приглашать на свадьбу?

— Нет, не бестактно. — Он выдавил жалкую улыбку. — Это было бы безжалостно.

— Глупо получилось, — сказала она. — Мне очень жаль.

— Мне тем более. — Михаил бессильно махнул рукой. — Как говорится, может быть,

еще породнимся... Простите, я сказал глупость.

С ощущением невыносимой потери Михаил пожелал девушке счастья и направился к выходу. Рая не стала его задерживать, а он, попрощавшись, достал из портфеля и положил на стол коробку с набором «Шанель».

— Раечка, умоляю принять мой скромный подарок к вашей свадьбе...

Резко повернувшись, Михаил вышел из квартиры, проклиная судьбу, которая слишком поздно свела его с этой изумительной девушкой. Он больше никогда не встречал Раю Суханову и старательно обходил этот дом за много кварталов. И уж конечно, он даже подумать не мог, что через полвека его единственный сын женится на ее внучке.

Глава 15 КРЕМЛЕВСКИЙ ПАСЬЯНС

Телепат робко шагнул через порог кабинета и невольно вздрогнул, увидев вблизи человека, которого весь мир знал по портретам. Сталин ободряюще улыбнулся, пожал руку посетителю и, вытащив из зубов трубку, весело осведомился:

— Вас что-то беспокоит, товарищ Мессинг?

От растерянности тот брякнул невпопад:

— А я вас недавно в руках нес...

— Как это? — удивился диктатор. — Не припоминаю.

Сконфуженный экстрасенс объяснил, что участвовал в Первомайской демонстрации и ему было оказано доверие — нести большой портрет вождя. Сталин коротко рассмеялся, усадил гостя на диван, а сам вернулся к столу и еще раз проглядел короткую справку.

Вольф Мессинг, всемирно известный гипнотизер и телепат. Много лет выступал с психологическими опытами в разных странах. Арестован гитлеровцами в Польше, но сумел бежать из гестапо, погрузив охрану в глубокий сон.

Перешел советско-германскую границу и выразил желание служить правительству СССР. Обладает колоссальным даром внушения. Под наблюдением ответственных работников ГУГБ НКВД был поставлен эксперимент: Вольф Мессинг получил в сберкассе крупную сумму денег, предъявив кассиру чистый лист бумаги. Позже кассир уверял, что видел оформленную по всем правилам платежную ведомость...

— Ваш гипнотический дар одинаково действует на всех людей? — спросил Сталин.

— Нет, конечно. Часть людей — примерно каждый десятый — не поддаются внушению. Насколько я сумел установить, эти люди сами обладают трансцендентными способностями... — Он испытующе посмотрел на грозного собеседника. — К примеру, я сейчас пытаюсь, но не сумел понять, о чем вы думаете. Значит, вас нельзя и загипнотизировать... Но вы — не телепат... Чувствовалось, что Мессинг напряжен, словно силится решить сложную задачу. — Скорее всего, вы можете предвидеть будущее. И еще вы должны уметь подчинять людей своей воле.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Сталин. — Ответьте на другой вопрос. Можно ли читать мысли собеседника, если вы не знаете его родного языка?

— Разумеется. Совершенно не важно, на каком языке думает пациент. Мышление интернационально.

— А могли бы вы прочесть мысли... скажем так, не человека?

Сбитый с толку неожиданным вопросом, Мессинг задумался, затем ответил, растерянно разводя руками:

— Вы имеете в виду животных? Животные не умеют мыслить... Но мне приходилось управлять поведением собак. А однажды в цирке дрессированный тигр выполнял мои мысленные команды.

— Я имел в виду вовсе не животных, — проворчал Сталин.

Вольф не мог читать мысли хозяина кабинета, но понял, что тема беседы исчерпана. Сталин задал еще несколько малозначительных вопросов, — скорее всего, из вежливости.

Затем проводил гостя до двери, а на прощание произнес:

— Очень надеюсь в скором времени использовать ваши феноменальные качества для очень важных дел...

Оставшись один в кабинете, он заполнил неровным трудночитаемым почерком несколько страничек записной книжки. Лишь после этого разрешил секретарю пригласить членов Политбюро, ожидавших вызова в предбаннике.

Берия зачитал сводку управления разведки. Этой весной заместитель госсекретаря США Уэллес много недель колесил по Западной Европе, пытаясь помирить англичан и французов с немцами и при этом намекал Гитлеру, что воевать нужно вовсе не с Парижем и Лондоном, а с Москвой. В те же дни его британский коллега заместитель министра иностранных дел Джеймс Батлер сказал японскому послу в Лондоне: «Цель Англии — путем блокады или другими способами принудить СССР вести войну против Германии».

Донесения разведчиков и дипломатов подтверждали, что западные политики по-прежнему считают своим главным врагом не Гитлера, а Сталина. Лидеры империалистических стран готовы были пойти на любые преступления, лишь бы стереть с карты мира величайшую державу. Эта тупая политика с неизбежностью привела Париж и Лондон к катастрофе.

Разговор в кабинете пошел о главном событии международной жизни — Германии удалось одержать убедительную победу на Западном фронте. Небольшое подразделение немецких диверсантов за считанные часы принудило к капитуляции Данию. Затем вермахт стремительными ударами механизированных соединений оккупировал Бельгию и прорвал линию Мажино, устремившись в глубь Франции. Армии союзников бежали, даже не пытаясь дать отпор врагу, и сейчас агонизировали последние очаги сопротивления в Норвегии.

— Кстати, насчет Норвегии, — заметил Ворошилов. — По-моему, после потопления «Глориес» можно считать закрытым вопрос о том, кто сильнее — линкор или авианосец.

— Эти недометки даже стыдно называть настоящими линкорами, — уточнил педантичный Молотов. — Линейные крейсера к тому же слабые по броне и вооружению.

Все понимали, о чем идет речь. Накануне пришло известие о сражении в Северном море неподалеку от норвежского порта Нарвик. Неразлучная парочка немецких линкоров «Шарнхорст» и «Гнейзенау» атаковала и уничтожила британский авианосец «Глориес». Англичане даже не успели поднять в воздух самолеты, и плавучий аэродром пошел ко дну под градом одиннадцатидюймовых снарядов.

— Мы и не сомневались, что наше решение строить линкоры было единственно правильным, — удовлетворенно произнес Сталин. — Что сообщают из Сан-Франциско?

Вызвали истомившегося в приемной Биберева. После введения с прошлого месяца новых воинских званий Матвей Аристархович стал контр-адмиралом и ужасно этим гордился, хотя петлицы на его кителе остались прежними — с двумя звездочками.

Моряк доложил, что на калифорнийской верфи строго по плану разворачиваются работы по достройке «Халхин-Гола». Различным предприятиям распределены заказы на необходимое оборудование. Ленинградские конструкторы, совместно с американскими коллегами, завершают создание проекта обновленного линкора. Кораблестроители обзываются закончить монтажные работы и отладку двигателя к следующему лету.

— Стало быть, в мае — июне сорок первого мы должны доставить на верфь артиллерию, — сделал вывод Сталин. — Успеем?

Молотов и Маленков заверили, что наркомат вооружений умрет, но выполнит задание — четыре башни с орудиями главного калибра будут готовы в срок.

Экспериментальная шестнадцатидюймовка уже проходит испытания на Балтийском полигоне. Пушки меньших калибров давно освоены промышленностью, с ними проблем вообще не предвидится. Затем, после вступления в строй «Халхин-Гола», заводы приступят к изготовлению артиллерийских установок для «Советского Союза» и «Советской России» — двух новейших суперлинкоров, которые планировалось спускать на воду в начале сорок второго года.

Матвей Аристархович особо подчеркнул приятный факт: при заключении контракта удалось добиться солидной экономии валютных средств. Корабль такого класса стоил, по американским ценам, около пятидесяти миллионов долларов, однако мафия оформила линкор «плавающим краном» и добилась, чтобы при калькуляции расходов была засчитана двадцатилетняя амортизация изделия. В результате «Халхин-Гол» обойдется Советскому правительству всего лишь в двенадцать миллионов.

— Одно мне, признаюсь, не совсем понятно, — закончил Биберев. — Господин Каноцци почему-то настоял, чтобы половина этой суммы была уплачена наличными.

Наивность контр-адмирала, который удивлялся таким простым вещам, насмешила матерых политиков. Берия фыркнул:

— Зато нам их интерес очень даже понятен. Будут им наличные.

— Это много?! — забеспокоился Сталин. — Легко будет переправить такую сумму?

— Ерунда, — отмахнулся Лаврентий Павлович. — Один чемодан, набитый стодолларовыми купюрами.

Когда Биберев ушел, Ворошилов поинтересовался, откуда взялось странное выражение — «отмывание денег». Сталин, которого в Политбюро не без веских на то причин считали ходячей энциклопедией, охотно пустился в объяснения. Оказывается, в эпоху «сухого закона» мафия гребла колоссальные деньги на нелегальной продаже спиртных напитков, и встала проблема — легализовать эти доходы, чтобы вкладывать «хмельные миллионы» в некриминальные сферы бизнеса. Тогда один мафиози догадался организовать сеть прачечных и оформлял «черный нал» как деньги, полученные от стирки белья.

— Не совсем красиво выглядит с нашей стороны, — повздыхал Калинин. — С уголовниками сотрудничаем, с гангстерами.

— А то мы во время революции не использовали уголовный элемент, — сказал Ворошилов. — Один Махно чего стоил!

— Ради великого дела можно заключить временный союз даже с нечистой силой, — усмехнулся Сталин. — Никто не сможет нас упрекнуть. Вспомните: в Мюнхене те же английские и французские империалисты продали Гитлеру всю Чехословакию — лишь бы натравить фашистов на Страну Советов. По сравнению с этой чудовищной сделкой наш альянс с мафией выглядит деянием библейских праведников.

Выслушав эти соображения, Молотов озабоченно заметил, что организованная преступность мыслится ему проблемой, которая может когда-нибудь вызвать сложности даже в СССР. Если бандитские вожаки попытаются подкупить морально неустойчивых аппаратных работников — результат трудно предсказать. К этому предупреждению отнеслись серьезно, поскольку Вячеслав Михайлович тоже владел политическим ясновидением и его прогнозы обычно сбывались.

— Значит, надо обезглавить преступный мир, пока наши бандиты не превратились в мафию, — резюмировал Сталин, а затем произнес очередной афоризм, который спустя много лет будет превратно истолкован: — Не будет этих людей — не будет и проблемы. Лаврентий Павлович, займитесь. Править страной должно правительство, а не бандитское подполье.

Нарком внутренних дел заверил коллег, что сегодня же отдаст приказ расстрелять всех воров в законе, которые сидят в лагерях и следственных изоляторах. Затем будет развернута большая охота на уголовных вожаков, временно остающихся на свободе. На этом повестка дня была исчерпана, и некоторым приглашенным дали понять, что они могут отправляться на заслуженный отдых.

Сразу после полуночи, когда в кабинете остались только люди, входящие в Ближний Круг, Берия огласил особо секретное донесение из Красноярска. Местным органам НКВД удалось обнаружить двух лиц, идентичных фотографиям, которые привез из Америки конструктор Каростин. Предполагаемые гонты заказали в краевой библиотеке подшивки местных газет за лето и осень 1908 года. Заметив, что привлекли к себе внимание, подозреваемые бесследно исчезли. Наблюдавшие за ними сотрудники госбезопасности уверяют, что гонты буквально растаяли в воздухе.

— Гипноз, — прокомментировал Сталин. — Против пришельцев придется использовать людей, устойчивых к действию внушения. Пусть товарищ Мессинг поможет отобрать чекистов, не подверженных магнетизму.

Затем он приказал пригласить Каростина, который уже четвертый час ждал своей очереди.

События последних месяцев, особенно нелады по части личной жизни и командировка в Берлин, превратили Михаила в замкнутого, мрачного ипохондрика.

Новые знания распалили в его подсознании чудовищной силы комплекс неполноценности, неверие в собственный интеллект и ощущение душевной пустоты.

Единственным приятным сюрпризом оказалась новость, что Сталин прекрасно помнит обстоятельства их прежних встреч и даже прочитал «Ответный удар» — новый, только что опубликованный роман Каростина.

— Но литературные вопросы мы будем обсуждать позже, — сказал вождь. — В каком порядке вы собираетесь отчитываться?

— Начнем с техники, — безразлично предложил конструктор. — Хотя все это очень тесно переплетается с проблемой Тунгусского бункера. В научном отделе концерна «Сименс» я заметил корпус, охраняемый войсками СС. Я уверен, что именно там изучают найденные в Польше обломки...

— Этим займется разведка, — прервал его Сталин. — Что с радиолокатором?

Главной целью поездки в Германию было приобретение лицензии на сименсовский магнетрон. Мощный генератор сантиметровых радиоволн, работавший по принципу торможения электронов в скрещении электрического и магнитного полей, был необходим для создания радаров нового поколения. Резкий скачок от частоты в триста мегагерц у системы «Сегмент-1» до двух-трех тысяч мегагерц, как планировалось в «Сегменте-2», позволил бы резко увеличить дальность и точность радиолокационного обзора.

— Я знаю, что вы очень ловко поменяли немецкий патент на два наших авторских свидетельства, — одобрительно сказал Сталин. — Когда будет готово новое изделие?

— Думаю, через год. Или чуть позже. Нам осталось решить незначительные технические вопросы. Но я хотел сказать о другом, — кажется, удалось разгадать тайну одной из таймырских находок.

— Подождите, — строго сказал Сталин. — Вы в комиссии получали рапорт НКВД о происшествии в Красноярске?

— Насчет гонтов? Да, я в курсе.

— И что вы об этом думаете?

— По-моему, все просто. Гонты продолжают искать бункер. С этой целью они прочесывают на большой высоте пространство над Сибирью. Фурбены им противодействуют, поэтому над Таймыром произошел бой, следы которого оказались у нас в руках. В библиотеке они собирались просмотреть газеты как раз о падении Тунгусского метеорита. Вероятно, рассчитывали найти какие-нибудь заметки, связанные с судьбой спасшихся сопланетников.

— Ни черта они там не найдут, — проворчал Сталин. — Мы все эти газеты еще в двадцатые годы до последней корки пролистали... Ладно, давайте, о чем вы хотели сказать.

— Когда я был в научном отделе «Сименса», немцы похвастались очень забавным, как они полагают, устройством...

... Инженеры всемирно знаменитого электротехнического концерна изготовили необычный конденсатор, напылив серебряную пленку на пластину слюды. Каростин еще не знал таких терминов, как «интегральная схема» или «пленочная технология», но стоило ему присмотреться к этой игрушке, как сердце заколотилось с бешеной силой...

— Помните тот кристалл с узорами, который мы поначалу приняли за инкрустированный серебром самоцвет? Я понял, что он из себя представляет. Это целый узел их радиоэлектронной аппаратуры. Узел, в крохотный объем которого втиснуты десятки или даже сотни микроскопических устройств: конденсаторы, сопротивления, выпрямители,

диоды и все такое. И тогда мне стало страшно...

— Вы должны г-гордиться, молодой человек, — ободряюще сказал Молотов. — Если сумели раскрыть такую тайну, это же замечательно! Чего же тут страшного?

— Страшно то, как далеко они ушли от землян по пути технического и научного прогресса. Я чувствую себя полным ничтожеством. Дикарем-неандертальцем, который с тупым видом разглядывает граммофон, случайно попавший к нему в пещеру.

И даже если когда-нибудь у нас в руках окажется целый и невредимый корабль пришельцев, мы просто не поймем, как он действует.

Наркомы недоуменно переглянулись — для них такой проблемы не существовало.

Вождь партии после короткого раздумья уверенно проговорил:

— Вы сильно преувеличиваете степень нашего неандертальства. Любая машина космических гостей, будь то межзвездный корабль, или быстроходный летающий вездеход, или... В общем, любая такая машина должна состоять из агрегатов, назначение которых несложно предугадать. Давайте подумаем, какие устройства будут в подобных кораблях.

Совместными усилиями они быстро составили приблизительный перечень: корпус, двигатель, оружие, источник энергии, приборы наблюдения (радар, телескоп, телевизор), приборы управления, средства связи, жилые помещения, склады продовольствия и топлива...

— Не так все просто, — упорствовал Каростин. — Мы можем не понять, что именно видим — оружие, телевизор или двигатель. Если их радиотехника столь разительно отличается от нашей, то поди угадай, как будет выглядеть их оружие...

Представьте себе, что древнеримскому легионеру показали современный пулемет.

Черта с два он сообразит, для чего нужен этот кусок металла.

Ворошилов заверил инженера, что воин времен Цезаря сразу начал бы нажимать на все железки и быстро освоил приемы стрельбы.

— Напрасно вы беспокоитесь о таких пустяках. — увещевал конструктор Сталин. — Ведь вы догадались о назначении той радиодетали. Следовательно, братья по разуму обогнали землян не так уж сильно — лет на сто, от силы на двести. Разобрались с радио, разберетесь и с остальным.

— Попробуй только не разобраться, — сказал Берия, делая свирепое лицо. — Кишки выпущу.

— Не надо так шутить, — вяло проговорил Михаил. — Есть машины, которые на Земле только-только появляются и потому ужасно примитивны. За двести лет прогресса инопланетные инженеры могли их усовершенствовать до полной неузнаваемости.

Он рассказал о последних достижениях американских и немецких ученых, создавших электромеханические приспособления для математических расчетов. Джордж Штибиц из «Белл телефон» сконструировал и построил так называемый калькулятор комплексных чисел, собранный из множества телефонных реле. Похожее устройство в Германии разрабатывал Конрад Цузе. Фирма IBM пыталась смонтировать такую же машину из электронных ламп. Эти агрегаты выполняли за каждую секунду сотни арифметических действий, и сегодня даже трудно было представить, какие перспективы откроются, когда подобные механизмы получат широкое распространение.

— Интересная штука, — согласился Сталин. — Вроде большого арифмометра. Конечно, на космических аппаратах должны иметься такие машины, — например, для астрономических вычислений... А поскольку мы знаем, что на корабле пришельцев обязательно окажется устройство для быстрых расчетов, то ваша задача — опознать его, изучить и использовать на благо нашей страны.

Молотов добавил директивным тоном: мол, хорошо бы товарищу Каростину написать книгу про вычисляющие электромашины. Очень важно будет показать, сказал Вячеслав Михайлович, как передовые научно-технические достижения служат трудовому народу в СССР и буржуазным на Западе. Например, советский калькулятор помогает повысить производительность труда, тогда как капиталисты используют такую же машину для

усиления эксплуатации, получения сверхприбыли и подготовки новой войны. Он предложил ввести в будущую книгу приключенческую струйку: машина изобретена советскими учеными, иностранные разведки пытаются похитить чертежи, но сотрудники госбезопасности обезвреживают врагов и сохраняют важную государственную тайну.

— Товарищ Каростин без наших дилетантских советов сумеет грамотно построить увлекательный сюжет, — ухмыльнулся Сталин. — Вот как хитро закрутил он свой «Ответный удар». Войну с применением новейшего оружия расписал, а с кем сражается Красная Армия и на каком стратегическом направлении — об этом остается только догадываться. Вы, Михаил Никанорович, настоящий дипломат...

Остальные засмеялись, из чего Михаил заключил, что все они знакомы с его романом. Это было приятно. Немного сконфуженный откровенным намеком вождя, он сказал:

— В первом варианте я написал, что войну развязала Германия в союзе с Финляндией и Польшей, а с востока на СССР напала Япония. Но прошлой осенью Польша исчезла, а с немцами подписали договор о дружбе. Пришлось срочно переписывать многие главы и сделать противника анонимным.

— Все правильно, — задумчиво проговорил Сталин. — Каждый советский человек понимает, что схватка с Германией и Японией неизбежна, однако открыто писать об этом не стоит — договор вынуждает нас проявлять некоторую осторожность в высказываниях... — Он надолго замолчал, потом вдруг спросил: — У вас есть какие-нибудь вопросы к членам правительства?

Разговор с вождями буквально окрылил конструктора, вернув уверенность и прогнав хандру. Они верили в его силы, — стало быть, он обязан оправдать их высокое доверие. Испытав прилив воодушевления, Михаил набрался смелости и сказал:

— Я подготовил к печати избранные произведения в двух томах, но издательство тянет время, не включает книги в план...

Не дослушав его объяснений, Сталин раздраженно заявил, что писатель Каростин заслуживает большего, чем двухтомное собрание сочинений. Он сделал очередную пометку в своей записной книжке и добавил:

— Идите, Михаил Никанорович, и спокойно работайте. А издательство может выпустить ваш шеститомник сверх утвержденного плана. Еще до конца этого года... Надеюсь не забудете подарить мне экземпляр с автографом?

Разговоры этой ночи имели сложные последствия, по-разному отразившиеся на судьбах отдельных людей и целых стран. Через три месяца начали выходить тома каростинских сочинений, и взбодрившийся писатель засел писать еще два романа.

... Агентурная сеть госбезопасности подбросила английской разведке умело составленную дезинформацию, будто в одном из корпусов научного отдела концерна «Сименс» разрабатывается супермощное оружие, предназначенное для обстрела Британских островов. Через несколько дней крупные соединения английской авиации разбомбили этот район Берлина, в результате чего прекратили существование все изучавшиеся там образцы инопланетной радиотехники.

Спустя неделю не вышел на службу пожилой инженер-конструктор из секретного подразделения фирмы «Мессершмитт». Когда стало известно, что вместе со стариком исчезли найденные в Польше детали — предположительно это были обломки двигателя инопланетного летательного аппарата, гестапо и СД перетряхнули всех служащих, а также их родственников до третьего колена, при этом были разоблачены два английских шпиона, один американский и один японский. Пропавшего конструктора не нашли, но зато установили, что он был членом компартии со времен Баварской советской республики. Не требовалось большого ума, чтобы понять: бесценные находки уже переправлены в Москву.

... С помощью Вольфа Мессинга были отобраны два десятка оперативных сотрудников НКВД, не подверженных гипнозу. Заодно обследование на устойчивость к внушению прошли высшие руководители СССР. Выяснилось, что среди членов Политбюро только Молотов и Берия обладают зачатками экстрасенсорных способностей. Каждый из них сделал

для себя вывод: конкурента придется устранить. Ровно через тринадцать лет Молотов сумеет выполнить эту задачу.

Глава 16 ФАНТАСТИКА И РЕАЛЬНОСТЬ

Первая в Нью-Йорке телевизионная антенна оседлала самую высокую точку города — шпиль небоскреба Эмпайр стейтс билдинг. Михаил с удовольствием осмотрел это во всех отношениях любопытное сооружение. Джон оказался прекрасным гидом и сумел плотно заполнить его немногие свободные часы, чтобы показать основные достопримечательности. Кроме того, издатель был очень интересным собеседником, знал немыслимое количество удивительных историй, которые рассказывал охотно и мастерски.

— Лет семь назад федеральная комиссия по радиосвязи постановила, что телевидение должно служить только научным целям, и поэтому трансляция рекламных передач была запрещена. Так вот, пока этот запрет не отменили, производство телепередатчиков оставалось нерентабельным, и развитие телевидения в Штатах замерло.

— Забавный анекдот, — согласился Михаил. — Вполне в американском духе.

— Представьте себе, я не шутил, — печально поведал Джон. — Вы в России даже не представляете, какие колоссальные доходы приносит этот бизнес. Огромные доходы и огромную власть.

Он рассказал, как в прошлом году Американская федерация рекламы добилась запрета на учебник профессора Рагга. Автор книги осмелился сказать, что реклама оглушает граждан. Если верить Джону, одна компания, производящая мыло и стиральные порошки, купила привилегию: отныне во время ковбойских вестернов на радио и телевидении передается реклама лишь этой фирмы. Поэтому американцы стали называть «мыльными операми» многосерийные фильмы и радиопьесы, то и дело прерываемые назойливыми призывами покупать моющие средства. История звучала больно уж неправдоподобно, поэтому Михаил решил, что собеседник его разыгрывает.

А может быть, и нет.

На всякий случай Каростин тактично перевел разговор на другую тему.

Вспомнил, как в конце двадцатых годов написал повесть о перспективах телевидения.

— Тогда меня интересовали совсем другие темы, — ностальгически проговорил он. — Прогресс, новая техника, новое общество... Но никак нельзя было подумать о роли рекламы мыла в развитии телевидения или ракетоплавания...

— А я начал писать в годы «великой депрессии», потому что остро нуждался в деньгах, — признался Джон. Михаил рассмеялся:

— Честно говоря, я тоже взялся за литературу ради денег. Но потом стал относиться к фантастике серьезнее.

— У вас отлично получается. Мои авторы были рады услышать о вашем приезде. Надеются увидеть вас сегодня вечером. В редакции соберутся все писатели, которые находятся в Нью-Йорке.

— Я обязательно приду.

— Замечательно!

Джон Кэмпбелл попрощался и убежал по срочным делам. Больше двух лет он возглавлял самый серьезный в Соединенных Штатах журнал фантастики «Astounding Science Fiction», то есть «Поразительная научная фантастика». Вчера Джон каким-то образом нашел Каростина в отеле и взял слово, что московский гость посетит редакцию, где Михаила будут ждать молодые талантливые писатели-фантасты.

Каростин вторично прилетел в США на новейшем транспортном самолете АНТ-39 «Красная Звезда». Четырехмоторный цельнометаллический гигант, прототип разрабатываемого дальнего бомбардировщика, совершил сорокачасовой беспосадочный бросок над Арктикой, доставив в Сан-Франциско несколько орудий для «Халхин-Гола»,

Почти двое суток Михаил и еще пять пассажиров мерзли в неотапливаемом закутке, отделенном переборкой от кабины пилотов. Во Фриско Каростин согласовал с американскими коллегами конструкцию отсека для радарной станции, которую предполагалось установить на передней мачте линкора. Затем он пересек континент от океана до океана в пассажирском С-3 «Дуглас». В Нью-Йорке он подписал несколько важных документов, а потом встретил Джона...

Михаил рассеянно брел по какой-то авеню. Снова заморосил противный мелкий дождик. Конструктор рассеянно подумал: дескать, неплохо бы закусить сосиской и выпить кока-колы в ближайшей забегаловке, но вместо аптеки или кафе по пути попался магазин радиотоваров. Ассортимент был богатейший: радиоприемники, патефоны, магнитофоны, радиолы. Больше всего Каростина интересовали, конечно, телевизоры, разработкой которых он продолжал заниматься по сей день.

Ни о чем подобном москвичи, конечно, не могли и мечтать. Каких моделей здесь только не было — от двухканальных с крохотным экраном в три дюйма по диагонали, стоимостью сто двадцать пять долларов, до огромных двенадцатидюймовых с переключателем на семь каналов, цена которых приближалась к шести сотням.

Двенадцать дюймов — это же больше тридцати сантиметров по диагонали! Михаил испытывал легкую зависть, а рядом, еще сильнее дразня его самолюбие, красовались тяжелые коробки цветных телеприемников. Еще десяток лет назад такие агрегаты считались чистой фантастикой...

— Интересуетесь телевизорами?

Голос, выговаривавший русские слова с заметным акцентом, прозвучал совсем рядом. Повернув голову, Михаил увидел сухопарого мужчину лет пятидесяти в длинном макинтоше и модной шляпе. Взгляд водянистых светло-серых глаз был отнюдь не дружелюбным, а тонкие рыжие усики напоминали о немецких офицерах, которых он встречал весной в Берлине.

— Русский? — спросил Михаил, прикинувшись дурачком. Он не сомневался, что опять встретил немецкого агента, и не ошибся.

— Нет, господин Каростин, я представляю одно дружественное вам государство. Позвольте представиться, обер-штурмбаннфюрер СС Вальтер Ромпе.

— Гестапо? — машинально поинтересовался конструктор и как бы невзначай расстегнул пальто, чтобы в случае надобности сподручнее было выхватывать пистолет.

— Зачем же так грубо... — Немец вроде бы даже обиделся. — Тайная полиция работает внутри рейха, я же служу в такой интеллигентной организации, как политическая разведка... Нам надо побеседовать, а это лучше всего получается во время обеда. Предлагаю посидеть в ресторане — тут поблизости есть очень уютное тихое заведение.

Разговор обещал быть интересным, к тому же в Наркомате госбезопасности его регулярно поучали, что на такие контакты следует соглашаться без опаски. Знать бы только, чего нужно этому фашисту. А то стукнет по башке, запихнет в ящик — очнешься в подвалах гестапо. Мало ли, что он врет, будто в другом отделе состоит, — сказать всякое можно. Нет, все-таки надо соглашаться...

— С удовольствием, — проговорил он. — Только через два часа я должен быть в редакции журнала.

— Будете, — заверил его Ромпе. — Двух часов на первый раз вполне достаточно.

Ресторан действительно оказался уютным и тихим, но сугубо американским, и оба европейца долго ворчали по поводу варваров янки, которые за недолгий срок своей истории так и не научились готовить нормальную еду. После продолжительного изучения меню они заказали по большому бифштексу с жареной картошкой, салат, пиво и несколько видов закуски. Откусив от бутерброда с икрой, эсэсовец приступил к делу:

— Герр Каростин, в нашем ведомстве были весьма заинтригованы вашим романом «Ответный удар». Правильно ли мы поняли, что там говорится о войне между СССР и Англией?

— Вы прекрасно говорите по-русски, — похвалил немца Михаил, чтобы потянуть время. — Жили в России?

— Я родился неподалеку от Ревеля. У моего отца было большое имение, леса, завод. Мой дед был адмиралом русского флота, а сам я в мировую войну дослужился до поручика на Кавказском фронте, потом воевал в армии генерала Врангеля.

Кивая в такт его объяснениям, Каростин лихорадочно прокручивал в уме ситуацию. В «Ответном ударе» не названы противники Советского Союза. Красная Армия отражает удар вражеского флота, используя управляемые по радио беспилотные самолеты, начиненные двумя тоннами взрывчатки, где точное наведение на цель осуществлялось с помощью телевидения. Кроме того, в сценах войны на сухопутном театре он описал прорывы тяжелых танков и атаку пехоты, вооруженной автоматами. В первом варианте романа два корпуса красноармейских парашютистов захватили остров Хоккайдо, но из-за цензурных ограничений пришлось опубликовать текст, где говорится о десанте на некий неназванный остров. Ну что ж, если немцам хочется, чтобы этим островом была Британия, пусть остаются в приятном заблуждении...

— Вы совершенно правы, герр обер-штурмбаннфюрер. Я писал именно об этом.

Вальтер Ромпе оживился, засверкал глазами и завалил фантаста наводящими вопросами. Немца интересовало, существуют ли в действительности танки Т-42 (шестьдесят тонн веса при стасемимиллиметровой пушке), истребители И-25 (скорость — семьсот пятьдесят километров в час, вооружены шестью автоматическими пушками калибра сорок миллиметров), скорострельные пушки-гаубицы «Ромашка», автоматы Рустамова и другая красочно расписанная боевая техника, при помощи которой герои Каростина за четыре дня остановили и обратили в бегство вражеские войска.

Дурачина из ведомства Гимлера не понимал, что любой писатель способен за пару минут состряпать правдоподобный сюжет. Именно этим и занялся Михаил, охотно подтвердив, что названные системы вооружения существуют либо скоро вступят в строй, равно как реактивные самолеты, сверхдальнобойные пушки и подводные крейсера огромного водоизмещения. Немец был слегка подавлен, но все-таки продолжал выпытывать:

— Как понимать эту публикацию? Неужели таким оригинальным образом ваши комиссары дают понять фюреру, что Красная Армия готова присоединиться к вермахту в битве против англичан?

— Мне трудно оценивать такие сложные политические процессы, — уклончиво ответил Михаил. — Но ваша мысль кажется похожей на правду.

— Можно ли надеяться, что Молотов передаст подобные предложения, когда приедет в Берлин на переговоры с фюрером?

— Простите, меня не посвятили в эти планы. — Михаил с печальным видом склонил голову. — Мое дело — писать романы, но такого сюжета мне пока не заказывали.

— Я все понял. Большевики используют вас втемную.

Пожав плечами, Каростин взялся за бифштекс. Ромпе сочувственно сказал, что понимает, как трудно жить талантливому писателю, которому не доверяют важной информации. Затем открыто предложил сотрудничать: служба СД готова передавать Михаилу определенные сведения, но ему придется, в виде ответной любезности, оставлять в условленном месте письменные отчеты. Михаил немного поломался, потом принялся торговаться.

Сговорились на сумме в три тысячи долларов плюс триста рублей за каждый оставленный в тайнике отчет. В портфель «завербованного» конструктора перекочевала пачка купюр, шифроблокнот и план парка в Сокольниках, где находился тайник. Шифр и схема должны были привести в экстаз московских контразведчиков — в этом Михаил не сомневался.

Неторопливо шагая под усилившимся дождем, Каростин мысленно посмеивался: немцы работали безалаберно, купились на дешевую легенду...

К назначенному часу таксомотор высадил его возле дверей журнальной редакции.

Джон, поджидавший гостей в вестибюле, тактично предупредил:

— Все уже собрались. Только... Из Калифорнии приехал Боб Хейнлейн.

— Кто это? Не помню такого.

— Он — наш ровесник, хотя печататься начал совсем недавно. Боб очень талантлив, настоящий генератор идей. Беда в том, что он не слишком любит коммунистов.

— Не привыкать, — отмахнулся Каростин. — К тому же я — беспартийный.

Пошли.

В редакционной комнате сидели на стульях, столах и даже на подоконнике шесть человек. Самым старшим из них оказался сорокачетырехлетний Билл Дженкинс, писавший под псевдонимом Мюррей Лейнстер. Михаил искренне признался, что с огромным удовольствием читал его «Проксиму Центавра» — роман о полете к ближайшей звезде, где земным космоплавателям пришлось выдержать сражение с цивилизацией разумных растений. В ответ Билл Мюррей, наговорив комплиментов каростинским романам «Снегопады Венеры» и «Тайна звездного дредноута», протянул обе эти книги, выпущенные в мягких обложках нью-йоркским издательством «Популярная библиотека». Михаил не сразу понял, в чем дело, и американец пояснил, что хотел бы получить автограф русского классика.

Не успел он написать какой-то банальный текст и поставить росчерк, как со всех сторон потянулись руки, сжимавшие такие же покетбуки. Михаил расписывался, благодарил за добрые слова и пытался запомнить незнакомые фамилии начинающих писателей: Саймак, Ван-Вогт, Азимов, де Камп. Несмотря на тревогу редактора, Хейнлейн держался вполне миролюбиво и даже подарил свежий номер «Астаундинга», в котором была напечатана его повесть «Взрыв всегда возможен».

Потом началось обсуждение каростинского творчества — настолько бурное, что Михаил вынужден был то и дело останавливать говорившего и просить произнести ту же фразу помедленнее. Когда очередной коллега назвал гостя основателем литературы о космических войнах, Каростин пошутил:

— Теперь я понимаю, почему Док Смит не пришел...

Все засмеялись. Эдвард Смит имел научную степень доктора философии, за что и получил среди писателей-фантастов прозвище Док. Какое-то время он пытался доказать, что его многотомные описания о Линзменах и звездолете «Космический Жаворонок» заложили фундамент нового течения фантастики — «космической оперы». Так, по аналогии с ковбойскими «мыльными операми», называли романы, посвященные битвам звездных флотов. Однако было очевидно, что такое направление литературы открыли советские авторы: Николай Муханов с его трилогией «Пылающие бездны» и Михаил Каростин, создавший многотомную эпопею «Революция в эфире».

Лейнстер произнес небольшую речь, сказав, что в начале нашего века фантастика имела всего два течения: изложение научных и политических идей без грамотной литературной обработки, как это делали Жюль Верн и Герберт Уэллс, а на противоположном фланге — приключенческие боевики в стиле Бэрроуза и того же Дока Смита. Лейнстер заявил, что настоящая литературная фантастика началась с произведений Каростина, Беляева, Кэмпбелла и Хейнлейна. Это было очень приятно, и Михаил выступил с ответным словом.

— В основе произведения должна лежать яркая, интересная и, главное, новая научно-фантастическая идея, — говорил он. — Задача настоящего писателя — найти такую идею и тщательно обработать ее методами художественного творчества. На фоне фантастической посылки становится интереснее сюжет, наливаются жизнью образы персонажей. Современность дарит писателям уникальный шанс, потому что мы живем в эпоху величайших и удивительных открытий во всех областях науки и техники. Жюль Верн строил увлекательные сюжеты, исходя из примитивных законов механики. Что он использовал? Он использовал усовершенствованную подводную лодку и пушки, выстреливающие ядро с первой космической скоростью. Всего-навсего!

Попробуем же вообразить, как обогатят наш жанр последние изобретения и открытия...

На одном дыхании Михаил перечислил реактивную авиацию, деление атомного ядра, вычисляющие электромеханические машины, генетическую структуру жизни, теорию относительности. Вспомнил и самое свежее чудо физики — сферу Шварцшильда, из которой не способен вырваться даже стремительный луч света. Коллеги дружно загалдели. Началось обычное для компании литераторов явление — на ходу сочинялись десятки фабул, в основе которых лежали названные Каростиным машины и природные феномены. Самые интересные задумки выдавал Хейнлейн.

В общей суматохе совсем молодой, лет двадцати, паренек оттащил прославленного русского мэтра к окну и трепетно преподнес «Astounding» со своим рассказом «Strange Playfellow». Михаил перевел название как «Чокнутый друг детства», а юный автор пояснил, что в этом произведении речь идет о роботе-няньке по имени Робби. Кроме того, мальчишка торопливо пересказал историю своей семьи: он родился в местечке Петровичи под Смоленском, а вскоре после Гражданской войны его родители перебрались за океан. Затем он очень робко осведомился:

— Как вам удастся так детально и красочно представлять мир будущего?

Пришлось излагать ему азы. То, о чем говорил советский писатель, потрясло американцев, ибо ничего подобного им прежде слышать не приходилось. Михаил сказал с пафосом:

— Четкая, зримая картина коммунистической перспективы, картина грядущего общества очерчена основными выводами исторического материализма. Марксизм, установивший объективные закономерности развития цивилизации, стал нашим непобедимым оружием. В магическом кристалле великого учения советские писатели ясно видят, какие формы примет жизнь людей в наступающей эпохе. Человечество неуклонно движется по ступеням прогресса: от первобытной общины, через варварство рабовладения и феодализма, через ад капиталистического угнетения, к высшей социально-экономической формации, то есть к коммунизму. Теория однозначно предрекла гибель эксплуатации, равно как торжество бесклассового уклада всемирной коммуны. Повторяю: построение коммунизма неизбежно, поскольку определено объективными законами общественного развития.

Кажется, американцы ему не поверили. Каростин злорадно подумал: «Погляжу я на вас лет этак через двадцать-тридцать, когда Запад окончательно загниет, а мы в СССР будем беззаботно жить при коммунизме!» Между тем юный автор рассказа о роботах продолжал:

— Значит, вы полагаете, что законы исторического процесса объективны?

— Это не я так полагаю, это — научно установленный факт, — рассмеялся Михаил. — Почитайте, дорогой коллега, работу товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме» — там все изложено очень доступно и доходчиво.

Ему показалось, что молоденькому писателю его совет не слишком понравился.

Откровенно поморщившись, парень снова принялся гнуть свое:

— Ваши замечания о научном прогнозировании будущих исторических событий очень меня заинтересовали. Я думаю, что можно написать серию небольших рассказов о кризисе и гибели галактической империи. Моделью такого процесса может послужить закат Рима... — Эмигрант со Смоленщины задумался, продумывая дальнейший сюжет, потом его лицо просветлело. — Например, величайший ученый той эпохи — дело будет происходить через десять или двадцать тысяч лет — разработает математическую теорию, которая позволит предсказывать предстоящие политические процессы. Этот ученый создаст тайную организацию... назовем ее, например, Foundation, которая имеет задачу смягчить эксцессы и сделать короче эпоху варварства, которая неизбежно следует за крахом великих империй. Только... — Он снова погрузился в размышления. — Надо придумать им какую-нибудь сугубо научную программу, которой они будут заниматься для прикрытия основной деятельности — Каростин, который воспринял его замысел очень несерьезно, в шутку

посоветовал:

— Пускай энциклопедию пишут.

— Гениально! — вскричал восхищенный его фантазией американец и с жаром продолжил: — А в конце концов, благодаря их работе через тысячу лет в Галактике возникнет идеальное разумно организованное общество.

Снисходительно выслушав этот детский лепет, Михаил додумал, что у тощего сопляка получится в лучшем случае очередная «космическая опера», перенасыщенная вдобавок скучными политическими лекциями. Вслух он своего скепсиса, конечно, не высказал — зачем зря обижать ребенка. Каростин ободряюще похлопал собеседника по плечу и произнес:

— Очень любопытный замысел. Дерзайте, юноша... — Потом спросил из вежливости: — Как, вы говорите, вас зовут?

— Айзек, сэр, — мальчишка явно был горд вниманием классика, — Айзек Азимов...

Через пару десятилетий он станет сильно переживать, что не познакомился поближе с Клиффордом Саймаком, который весь вечер молча просидел в углу. Но тогда, осенью сорокового, таких сожалений не возникало. Михаил возвращался из редакции в прекрасном настроении. Однако в отеле Каростина всерьез обеспокоил капитан Сомов — сопровождавший его сотрудник Наркомата госбезопасности. Чекист сообщил об автомобиле с двумя пассажирами, который следовал за Михаилом весь день.

— ФБР, наверное, — безразлично сказал конструктор. — А может быть, снова немцы... Пускай следят до полного опупения. Ни черта не обнаружат. У нас особых секретов нет. Контракты, которые в эту поездку подписывали, не имеют отношения к обороне.

— Так-то оно так, но за тобой кто-то следил. — Сомов покачал головой. — Не к добру это.

Всю ночь чекист не спал, чутко прислушиваясь к малейшим шорохам за стенами комнаты. А утром капитан разбудил Михаила, сообщив тревожное известие: кто-то протолкнул под дверь конверт с письмом.

— И что же тебя так разволновало? — удивился конструктор, распечатывая послание.

— Очень уж странно это случилось. Сначала слышались шаги в коридоре, словно кто-то крадется мимо нашего номера. Я, понятное дело, насторожился, пистолет приготовил. А потом вдруг — точно минуту или около того был без сознания — по радио уже другой голос поет, а у меня голова слегка кружится. И письмо лежит на коврике. А я ведь смотрел точно на дверь, но не увидел, как конверт подсунули.

— Да, забавная история. — Михаил подумал, что случившееся напоминает гипноз, которым злоупотребляют гонты. Наверное, и письмо от них. Так оно и оказалось. На листке плотной бумаги было написано по-русски каллиграфическим почерком:

«Уважаемый брат по разуму!

Излучения Вашего мозга указывают, что Вам известно о присутствии гонтов на планете Земля. Существует ряд вопросов, по которым между нами возможно дружеское сотрудничество.

Послезавтра в Сан-Франциско один из нас встретится с Вами.

Люди планеты Огонто.

27 октября 1940 года».

«Они даже знают, что я сегодня возвращаюсь в Калифорнию! — Тут Михаил тоже начал беспокоиться, но потом решил: — Если это провокация СД, то мы будем наготове. А если на связь в самом деле вышли гонты — тем лучше».

Они отправились в обратный путь с Восточного побережья к Западному. Уже знакомый «Дуглас» летел с промежуточными посадками в Чикаго и Денвере, так что путешествие заняло немногим меньше суток. В Калифорнии все дела были давно закончены. Позвонив на авиабазу, Каростин выслушал рапорт командира «Красной Звезды», который доложил, что машина заправлена, загружена всем необходимым и готова к старту, экипаж ждет пассажиров. Тем не менее он до последней возможности откладывал выезд, надеясь на

посещение звездных гостей. Каростин даже велел Симанову и Котрикадзе отправляться на аэродром и передать командиру АНТ-39, чтобы тот не беспокоился по поводу их задержки.

... Но после четырех вечера стало понятно, что дальше тянуть нет смысла.

Очень расстроенный, Михаил вызвал негритенка-носильщика, чтобы спустить багаж в автомобиль. На ступеньках перед входом в отель из вечернего полумрака навстречу им шагнула громоздкая фигура с характерными чертами лица, которые были присущи жителям Огонто. Сомов профессионально занял позицию между Каростиным и гонтом, но Михаил шепнул:

— Не беспокойся. Я должен с ним поговорить. Но будь начеку.

— Чекисты всегда начеку, — процедил капитан. Приблизившись, гонт, почти не шевеля губами, заговорил на не слишком правильном русском языке:

— Простите, я не мог поспеть прежде этого часа. Кажется, за мной идет слежка. Я знаю про ваше отсутствие времени. Придется поговорить про все важные вопросы по дороге.

— Давно пора, — сказал обрадованный Михаил. — Могли бы еще два года назад с нами связаться.

— Это не так просто...

Сомов сел за руль «форда», а гонт и конструктор устроились сзади.

Инопланетянин не пожелал назвать своего имени и приступил сразу к делу:

— Нам пришлось исследовать содержимое вашей памяти, но осталось много неясного. Мы должны установить источник информации о нападении фурбенов на звездолет экспедиции Огонто.

— Если вы читаете мои мысли, то должны знать все, что знаю я!

— Не надо раздражаться, — посоветовал гонт. — Мы попали в безвыходное положение. Звездолет давно должен был вернуться на Огонто, но все еще находится в десятках световых лет от дома. Если мы не отыщем своих сопланетников, то рискуем погибнуть на обратном пути, потому что корабль выработал ресурс...

Теперь разъясняю: чтение мыслей дает очень неполную картину. Мы надежно воспринимаем лишь четко сформулированные фразы, а также сильные ощущения. Однако люди, как и прочие разумные существа, мыслят чаще смутными образами, чем символами речи. А лично у вас мысли забиты большей частью переживаниями эротического характера.

Смущенный последней фразой, Михаил все-таки сумел трезво оценить ситуацию и согласился, что гонты действительно оказались в тупике и заслуживают сочувствия.

Он рассказал, что самые важные сведения поступают в комиссию откуда-то из сфер высшего государственного руководства, но честно признался, что подробности ему не известны.

Выслушав его объяснения, гонт отвернулся к окну. Машина шла по ленте подвесного моста Сан-Франциско — Окленд, который во всем мире путали с расположенным над горловиной залива мостом Золотые Ворота. Когда они оказались на другом берегу, Сомов вырулил на шоссе, ведущее к военному аэродрому, где стояла «Красная Звезда».

— Вы считаете, что экипаж того звездолета еще жив? — спросил Михаил. — Ведь прошло очень много времени. Какая у вас обычная продолжительность жизни?

— Раза в полтора больше, чем у вас. Я уверен, что уцелевшие после взрыва гонты живы и ждут спасателей. В их радиограммах говорилось, что место, которое вы называете Тунгусским бункером, оборудовано анабиозными камерами.

Это было очень интересно, однако Каростин не исключал, что за прошедшие три десятилетия роботы фурбенов могли найти и уничтожить Тунгусский бункер. Кроме того, Михаилу хотелось узнать подробности боевых действий между кораблем Огонто и вражеской базой. Такие сведения весьма пригодились бы не только комиссии, но и самому Михаилу — для очередного романа о тайнах звездного дредноута...

Неизвестно, стал бы гонт об этом рассказывать, только поговорить им не удалось.

Сомов вдруг прорычал:

— За нами погоня!

Обернувшись, Михаил увидел, что в быстро сгущавшейся темноте их уверенно настигают два «пontiака». Шоссе было пустынным, и преследователи, не заботясь о скрытности, выставили из окон стволы автоматов. С каждой секундой их фары светили все ближе. Когда расстояние между машинами сократилось метров до сорока, затрещали очереди, нацеленные по колесам «форда». Сомов гнал, не жалея мотор, но оторваться не удалось. Внезапно их сильно тряхнуло — одна из пуль прошила заднюю шину.

— Они охотятся на меня, — с прежним равнодушием произнес гонт. — Придется драться.

Инопланетянин достал из-под куртки устройство, напоминающее пистолет с длинным толстым стволом. Михаил тоже вытащил ТТ и спросил, передернув затвор:

— У вас нет связи с остальными?

— Поблизости нет никого из наших. Помощь подоспеет через час, не раньше.

Он навел свое оружие на ближайшую машину преследователей и нажал спусковую клавишу. Из ствола вырвался тончайший ослепительно фиолетовый луч. Прорезав заднее стекло, поток разрушительной энергии прочертил зигзаг на корпусе «пontiака». Из капота автомобиля заструился дымок, отчетливо видимый в свете фар мчавшейся следом машины. Прорывав что-то нечленораздельное, гонт вновь ударил лучом, покачивая стволом вправо-влево и вверх-вниз. Вероятно, его оружие поразило бензобак, потому что передний «пontiак» вдруг окутался пламенем взрыва.

На полном ходу автомобиль подпрыгнул метра на два, рассыпавшись по шоссе грудой горящих обломков.

Дальше в этом месте дорога сворачивала к северу, поэтому «форд», следуя изгибу трассы, повернулся к преследователям левым бортом. Очереди двух автоматов разбили радиатор, повредив что-то важное в моторе, и вдобавок в клочья растерзали переднее колесо. Машину занесло, перевернуло, проволокло какое-то расстояние на боку. Михаил стукнулся головой, затем на него обрушилась тяжеленная туша гонта.

Автомобиль замер на боку, и Каростин, подвывая от острой боли, растекавшейся по придавленной правой руке, принялся шарить левой, пытаясь нащупать выскользнувший при ударе пистолет. Голова побаливала. «Наверное, шишка будет», — не к месту подумал Михаил.

Между тем гонт, открыв оказавшуюся над головой дверь, встал обеими ногами на бедро Каростина, подтянулся и ловко выпрыгнул из опрокинувшегося «форда».

Пробормотав: «Всю ляжку оттоптал, скотина...» — конструктор добавил пару крепких словечек, подобрал-таки ТТ и, выпрямившись, выглянул из машины. Голова кружилась, к ушибленному локтю словно высокое напряжение короткими импульсами подавали.

Продолжая держать оружие левой рукой, Михаил огляделся. На фоне горевших в сотне метров обломков «пontiака» темнели силуэты четырех автоматчиков, которые, пригнувшись, бежали в их сторону. Залегший на обочине гонт снова пустил в ход инопланетное оружие, перерезав пополам одного противника. Однако в темноте смертоносный луч выделялся слишком четко, и враги, обнаружив позицию пришельца, открыли бешеный огонь из всех стволов. Тем не менее гонт успел выпустить серию импульсов. Упал еще один немец — Михаил не сомневался, что их преследуют именно головорезы из СД. Двое оставшихся залегли, продолжая поливать гонта длинными очередями.

— Надо выбираться из этой мышеловки, — свирепо сказал Сомов, вытирая рукавом кровь, стекавшую из рассеченной брови и разбитого носа.

— Вылезай, — простонал Каростин. — У меня не получится. Буду отстреливаться.

— Не болтай. Сейчас помогу тебе выбраться. Подталкивая его сзади, капитан вытолкнул конструктора наружу, затем выбрался сам и шепотом приказал укрыться за перевернутой машиной. Затем, осторожно выглянул из-за капота, дважды выстрелил, почти не целясь, и сказал с удовлетворением:

— Пошли, они готовы.

Кряхтя от боли, Михаил подбежал к гонту и ужаснулся. Пришелец лежал ничком в луже крови. Куртка на его спине была буквально изрешечена пулями.

Инопланетянин не шевелился и не дышал.

Где-то поблизости заурчал мотор. Вскинув голову, Михаил увидел, как преследовавший их «понтиак», посвечивая фарами, медленно движется в его сторону.

Отступив в тень, Каростин приготовился открыть огонь, но, когда машина остановилась, оказалось, что за рулем сидит Сомов.

— Решил подогнать поближе, — сообщил чекист. — Тебе, наверное, ходить трудно... Помоги собрать трофеи — и полным ходом на аэродром, пока полиция не подросла.

Они торопливо обыскивали трупы землян, обнаружив в карманах массу документов, представляющих повышенный интерес для органов госбезопасности. Кроме того, в кабине машины находился портфель с бумагами на немецком языке.

— Дома разберемся, — поторопил напарника Сомов. — Шевелись, ехать надо.

Каростин кое-как открыл багажник опрокинувшегося «форда» и перетаскил в «понтиак» свой багаж. Он уже собирался садиться, но вдруг сообразил:

— Капитан... Мы должны взять этого... Который с нами ехал.

— Ты, парниша, совсем сдурел, однако. Он же весь в крови. Даже здешние лопухи заподозрят неладное.

— Закутаем в мое пальто. Совершенно необходимо сделать ему вскрытие, изучить анатомию. Пойми — это необходимо!

— Ну как знаешь, — сдался Сомов.

Вдвоем они переодели убитого гонта и усадили труп на заднее сиденье «понтиака». Михаил успел обратить внимание, что смерть совершенно не изменила черты инопланетного лица. Потом он подумал, что странную двоякую роль сыграла пустынная дорога, протянутая к авиабазе. С одной стороны, в этом безлюдном месте фашисты без помех устроили им западню. С другой стороны, здесь не было свидетелей и американские власти не узнали о перестрелке и гибели инопланетянина. А когда узнают — «Красная Звезда» уже будет лететь над Арктикой.

У ворот базы ждали обеспокоенный Котрикадзе и полковник ВВС США, который обеспечивал техническую сторону их визита. «Понтиак» подкатил к самому трапу «Красной Звезды», и Михаил крикнул летчикам:

— Мужики, принимайте груз. У нас приятель перебрал.

Экипаж помог втащить в самолет мертвого инопланетянина. Никто не задавал лишних вопросов, даже когда стало ясно, что непредусмотренный пассажир если чего и перебрал, то хорошую дозу свинцовой начинки.

С опозданием на полтора часа АНТ-39, разбежавшись, расстался с землей и устремился в мучительно долгий путь над северной макушкой планеты, направляясь к лежавшей в другом полушарии Москве. И опять потянулись нескончаемые часы изнурительной стужи под дребезжанье моторного квартета. И опять они грызли кубики заледенелого чая и жевали промерзшую пищу. И уж страшно даже вспоминать о посещениях отхожего места.

Всю дорогу Михаил утешал себя мыслями о гонтах, которые проводили в межзвездных рейсах не какие-то несчастные двое суток, а долгие годы. Впрочем, он предполагал, что на космических кораблях пассажирские отсеки все-таки отапливаются. Может быть, экипажам этих звездолетов даже подают горячую пищу.

Глава 17

ПЛЕННИКИ ЗЕМЛИ

— Сегодня за твоими донесениями новый связник приходил к тайнику, — сообщил Рунгулов. — Вся контрразведка прыгает от радости. Они с нашей помощью взяли на крючок огромную веточку агентуры СД. И вдобавок через тебя перекачали в Берлин целое море дезинформации.

— Как там мой приятель Ромпе? Небось головокружительную карьеру делает, скоро выбьется в штандартенфюреры?

— С чего бы?

— Ну как же, такого ценного агента завербовал...

Жестокосердый осетин поспешил его разочаровать:

— Рано ты за дружка радуешься. Днями повяжут самых неприятных агентов, и в ведомстве Гиммлера немало голов полетит. Чует моя селезенка — не поздоровится твоему Вальтеру.

Они засмеялись, но под тяжелыми взглядами наркомов умолкли и придали лицам серьезные выражения, подобающие участникам важного совещания.

Председательствовал Берия, которому по должности положено было возглавлять комиссию, а по правую руку от него сидел новый член Правительства — генерал Всеволод Меркулов, выдвинутый на руководство в недавно сформированный Наркомат госбезопасности. Именно он и предложил специалистам начинать отчет.

Первым докладывал профессор Симонян, отвечавший за медицинскую сторону исследований. Темпераментно размахивая указкой, он увлеченно описывал анатомию убитого гонта. Функции внутренних органов и их расположение в полости организма жителя Огонто были сходны с человеческими, но имелись и серьезные различия.

— Нам пока не удалось провести полный биохимический анализ тканей пришельца, — говорил Симонян. — Эта работа может затянуться на долгие годы.

Однако уже сегодня ясно, что многие биологические молекулы на Огонто отличаются от земных по химическому составу. Также очевидно — можете сами убедиться, взглянув на рисунки, — совершенно неземное устройство сердца, легких и мозга. На лице так называемых гонтов имеется всего один глаз, также не человеческий, а, скорее, напоминающий фасеточный орган зрения насекомых. Далее... Устройство органов слуха и гортани показывает, что гонты переговариваются, используя ультразвук, то есть их естественную речь мы слышать не способны.

Другие докладчики так же деловито излагали результаты своих работ. Наконец пришла очередь Михаила, который занимался изучением портативной рации, пистолета-излучателя и маски. Хвастаться было нечем, поэтому Каростин начал с описания маски, прикрывавшей лицо гонта.

— Мы предполагаем, что данное устройство выполняет несколько функций, — заключил он. — Во-первых, маска делает гонта похожим на человека, скрывая единственный глаз, а также рудиментарные органы вроде носа и ушей. Во-вторых, маска служит как бы противогазом или средством биологической защиты — в ноздрях расположены фильтры, задерживающие вредные вещества и микроорганизмы. В-третьих, это преобразователь звуков. Сложная система мембран и микроскопических устройств превращает ультразвуки гонтовских голосовых связок в привычные для нас звуки и одновременно делает нашу речь слышимой для гонтов.

Покосившись на Берия, нарком государственной безопасности поинтересовался, удалось ли понять, для чего нужны прозрачные трубки, проложенные по внутренней стороне маски от переносицы к фальшивым глазам. Михаил развел руками и пробормотал: дескать, есть предположение, что по этим гибким трубочкам каким-то образом передается свет. Послышались издевательские смешки, и конструктор виновато развел руками. При всем своем желании он не способен был ответить, потому что наука и техника Земли еще не создали волоконной оптики. Так же остался неразгаданным принцип действия лучевого пистолета — лазеры появятся лишь через полтора десятилетия.

Выслушав инженеров и ученых, Берия пришел в негодование, наговорил много неприятных слов, пригрозил всех разогнать и набрать новых специалистов, но понятно было, что Лаврентий Павлович просто отводит душу. Не было еще у людей таких знаний, чтобы понять эту технику. В очередной раз посулив им путешествие в Колымский край, нарком внутренних дел выпил стакан «Боржоми» и набрал побольше воздуха, чтобы продолжить

разнос. Тут адъютант попросил шефа взять трубку.

Выслушав невидимого собеседника, Берия шумно выдохнул и резко выкрикнул:

— Брать немедленно! Доставить в Москву спецрейсом!

Бросив трубку, он долго протирал пенсне носовым платочком, после чего закрыл совещание.

Михаил возвращался домой в подавленном настроении. К поломанной личной жизни прибавилось стойкое ощущение собственной неполноценности. Он не мог успокоиться и обзывал себя тупицей — ведь лучевое оружие гонтов устроено так просто! К прозрачному цилиндру, наполненному газовой смесью, подводится высокое напряжение, а в результате — поток света с невероятной плотностью энергии, сокрушающий любое препятствие. Это было совершенно непонятно.

В скверике перед домом навстречу ему неожиданно метнулась знакомая фигурка в шубке. Вот уж кого Михаил не чаял увидеть. Наверное, Лариса вспомнила о его существовании, прочитав в газетах список награжденных Сталинской премией.

Разговор получился сумбурным и бестолковым. Михаил засыпал ее упреками, Лариса оправдывалась, всхлипывала и хныкала: мол, не виновата и вовсе не хотела, чтобы так получилось. Потом она перешла в наступление и сама принялась укорять прежнего любовника, который неожиданно прекратил с ней общаться, словно не мог поговорить, как положено интеллигентным людям.

А завершился этот вечер неожиданным примирением и бурной, как в прежние времена, гимнастикой на простынях. Только Михаил вдруг понял, что любовь ушла безвозвратно, осталась только страсть, да и та остывает. Засыпая, он продолжал раздумывать над загадкой, которая так тревожила его в последние недели: почему торцы цилиндрической ампулы в лучемете были покрыты тончайшим слоем серебра.

Примерно в те же минуты, когда Михаил, сняв с Ларисы комбинацию, привычно расстегивал бесчисленные пуговицы и крючочки лифчика, на окраине Красноярска вступала в финальную стадию операция «Комета». Сводный отряд сотрудников НКВД и НКГБ окружил неприметный домик столетнего возраста. Командовавший отрядом полковник Сапунов уже готов был отдать приказ, но вдруг из вихря сыпавшихся снежинок появился прохожий в тулупе и валенках. В свете уличного фонаря чекисты ясно разглядели его лицо — точно такое же, как на разосланных из Москвы фотографиях. Затаив дыхание они следили, как неизвестный постучал в окошко и спустя минуту ему отворили дверь.

— Теперь их там двое, — сказал Сапунов. — Отменяй захват. Может, еще кто-нибудь подойдет. Будем брать всех сразу.

Старший оперуполномоченный Валовой, потеряв лицо толстой варежкой, дипломатично заметил:

— Мороз зверский, товарищ полковник. Это ж Сибирь, здесь до конца марта лютая стужа. Люди продрогли.

— Ждем еще полчаса, — решил Сапунов. — Передай по цепочке. Пусть по двое бегают греться в нашу избу.

А в это время внутри дома два гонта, положив руки друг другу на плечи, что заменяло им дружеское объятие, обменивались ультразвуковыми фразами, дополняя акустические колебания прямой передачей мысли.

— Наконец-то вы нас нашли. Какое счастье.

— Мы не могли вызвать ваше убежище, пока мешали роботы фурбенов.

— Понимаешь, я сначала не поверил, когда звездолет вышел на связь. Боялся провокации врагов или аборигенов. Поэтому назначил встречу в этой дыре.

— Аборигенов опасаться не стоит. Они слишком примитивны. Хотя один из наших был убит в столкновении с ними.

— Вы напрасно их недооцениваете. Вождь этой страны — страшное существо. Он знает о нас. Он вообще слишком много знает.

— Когда я входил — заметил засаду. Двое землян следили за этим домом.

- Это опасно. Надо уходить.
- Не беспокойся. Такое уже бывало. Внушим дикарям, что они нас не видят.
- Может быть, ты прав. Но я их немного побаиваюсь.
- Лучше расскажи, как погиб ваш корабль...

Терпеливо выждав полчаса, Сапунов подал команду. Десяток оперативников незаметно перемахнули через забор и затаились в темноте. Сам полковник, сопровождаемый Валовым и милицейским старшиной Лаптевым, постучал в дверь, покрикивая:

— Хозяева, ау! Открывайте — проверка документов.

Изнутри слышались шорохи, торопливые шаги. Лаптев проговорил убежденно:

— Дом пуст, товарищ полковник. Свет не горит, да и тихо за дверью. Уходить надо, однако.

Полковник и старший оперуполномоченный понимающе переглянулись. Старшина не видел освещенных окон и не слышал доносившихся из дома звуков, но он был единственным в отряде, кто не получил от природы защиту против гипноза. Сапунов махнул рукой, подзывая остальных, и крикнул погромче:

— Дом пуст. В окнах — темно. Начинаем осмотр.

Для чекистов эти слова означали: гонты применяют внушение, надо им подыграть, чтобы не заподозрили ловушку. Трое вошли, держа оружие наготове. Натыкаясь на мебель, Лаптев нашел на столе свечку и зажег фитиль. Сцена выглядела дико, поскольку под потолком горела электрическая лампа. Валовой поинтересовался:

— Ну что, Лаптев, нет ли тут подозрительных личностей?

— Никак нет, — честно ответил удивленный старшина, глядя в лицо гонту, который стоял в двух шагах от него. — Сами видите — пуста светлица. Давайте уйдем от греха подальше. На сердце жуть как беспокойно.

— Вот и ладненько, — сказал полковник. — На нет и прокурор большого срока не даст. — Он повысил голос: — Сюда, товарищи.

Просторная комната быстро наполнилась чекистами, на ошеломленных инопланетян уставились восемь пистолетных стволов. Сапунов весело посоветовал космическим пришельцам не делать резких движений и других глупостей.

— Блефуют, не могут они нас видеть, — предположил гонт, прибывший на Землю транзитом через систему Сириуса. — Попробуем прорваться.

Второй, пришедший сюда из Тунгусского бункера, ответил обреченно:

— Не стоит. Они генетически невосприимчивы к внушению. Нас не видит только один. Самый младший в их иерархии.

Когда гонты убрали гипнотическую картинку, Лаптев внезапно обнаружил, что комната ярко освещена и вдобавок здесь откуда-то взялись незнакомые граждане с жуткими лицами. Старшина невольно охнул, схватившись за сердце. А чекисты деловито распоряжались: руки на стену, шире ноги. На столе росла гора предметов, извлеченных из карманов обоих астронавтов.

В половине седьмого в дверь Каростина постучала соседка, громко поносившая безумного инженера и его приятелей, которые даже в выходной день не дают людям поспать. Михаил побежал к телефону и услышал взволнованный голос старшего майора:

— Посылаю за тобой. В Красноярске «Комета» сработала. Взяли двух гостей.

Через полчаса машина высадила его на площади около известного всем здания.

Рунгулов и Недужко уже ждали в приемной Меркулова. Затем дверь кабинета приоткрылась, но выглянул почему-то Берия, — похоже, оба наркома в эту ночь не отдыхали. Лаврентий Павлович сказал, мотая головой:

— Двух гонтов, которых задержали под Красноярском, доставят в наш особняк на Чухлинке. Отправляйтесь туда и продумайте сценарий допроса. Скоро к вам на подмогу подвезут Мессинга.

Допрос записывался на новую техническую диковинку — магнитофон. Пришельцы отвечали не слишком охотно, однако явно были согласны сотрудничать с землянами.

Сидевший здесь же Вольф Мессинг не мог, конечно, проникнуть в мысли телепатов-гонтов, но уверенно определял, говорят ли арестованные правду. После того как экстрасенс трижды уличил их во лжи, инопланетяне враз перестали.

К исходу первого часа удалось выяснить, что планета Огонто вращается вокруг звезды, очень похожей на Солнце, которая видна в созвездии Гидры и получила от древне-арабских астрономов имя Альказар. Около четырехсот лет назад гонты предприняли первые путешествия к соседним планетам, а спустя полтора века начались межзвездные полеты. Понукаемые следователями, инопланетяне рассказывали о колонизации других миров и войне с фурбенами, но становились удивительно косноязычными, когда разговор касался техники Огонто.

— Ладно, об этом позже, — сдался наконец Рунгулов. — расскажите, где находится ваше убежище.

Произошла путаница, и потребовалось время, чтобы разобраться. В конце концов стало ясно, что гонт в желтом свитере прибыл на Землю летом 1908 года и с тех пор отсиживался в Тунгусском бункере. Другой пришелец — повыше ростом, в фиолетовой рубашке — прилетел три года назад на звездолете, который в целях маскировки пришвартовался к астероиду Гермес. Поскольку имена гонтов человеческим ухом не воспринимались, решили называть их соответственно Желтый и Фиолетовый.

Фиолетовый координат бункера просто не знал, а Желтый наотрез отказался об этом говорить — опасался за жизнь своих товарищей. К тому же он уверял, что попасть в убежище даже он не может, так что землянам нечего и пытаться.

— Поймите, я не могу рассказать вам, как действует система охраны, — взмолился Желтый. — И не смогу объяснить, как изготовить межзвездный двигатель или лучевое оружие. Я по специальности этнограф, в технике ничего не смыслю. Тем более в вашем языке еще нет многих необходимых понятий.

— А я — геолог, — сообщил Фиолетовый. — Мои приборы не имеют отношения к военному делу, которое вас так интересует.

— Но вы можете хотя бы вспомнить школьный курс основных наук — физики, химии, математики, — резонно заметил Роман Григорьевич. — Нам было бы полезно узнать законы природы, которые открыты учеными Огонто, но пока неизвестны на Земле.

— Бездарная затея, — ответил Фиолетовый. — Мой сопланетник был прав. Мы не сможем сообщить вам новых знаний из-за языковых барьеров.

Вольф Мессинг сказал неуверенно:

— Кажется, он не врет. Скорее, говорит не вполне искренне.

— Я так и думал, — усмехнулся старший майор. — Кое-что мы от них все-таки узнаем.

Тут наступила незапланированная пауза, потому что открылась дверь и в комнату с зарешеченными окнами вошли Сталин, Молотов, Берия и Меркулов.

Просмотрев протоколы, вождь и диктатор взял инициативу в свои руки и сам принялся допрашивать инопланетян.

Первым делом он осведомился о сражении гонтов с роботами Фурбенты.

Фиолетовый ответил, что звездолет Огонто причинил серьезные повреждения вражеской базе в поясе астероидов, поэтому фурбены временно не опасны. Желтый вдруг вскочил со стула и выпалил:

— Эти механические убийцы расстреляли укрытие в горах. Мои спутники могут погибнуть в любой момент, а вы держите нас в плену, как диких зверей!

— Не понял, — насторожился Сталин и даже отложил трубку. — Прошу объяснить.

Обитатель Тунгусского бункера рассказал, как патрулировавший в стратосфере над тайгой робот сумел запеленговать биотоки гонтов и нанес серию ударов.

Охранная аппаратура частично вышла из строя.

— Я в это время находился за пределами убежища, — говорил Желтый. — Предыдущий дежурный разбудил меня после двухлетнего сна, сдал дела, а сам отправился в анабиозную камеру. На четвертый день я решил прогуляться по лесу. И вот прямо у меня на

глазах... Лучевые пушки робота поразили внешние обводы бункера. Я очень боялся, что проклятая машина сделает новый заход и повторит атаку, но робот улетел. Я бросился обратно, хотел спрятаться в бункере... Это ужасно — сторожевые механизмы не впустили меня!

Из его слов земляне уяснили ситуацию весьма приблизительно. Кажется, Тунгусский бункер охранялся автоматическими устройствами, которые следят за местностью, не подпуская к убежищу астронавтов тех, кто не способен назвать пароль. После попадания энергетических импульсов электрический сторож разладился и теперь будет стрелять по любым существам тяжелее десяти-пятнадцати килограммов.

Два дня гонт бродил вокруг, безуспешно пытаясь отключить охрану. Между тем к Земле вернулся, покончив с базой на астероидах, звездолет. С борта вновь начали транслировать призывы откликнуться. Прошлая смена дежурных боялась отвечать на такие сигналы, однако сейчас выбора не оставалось. Желтый вышел на связь и назначил встречу в Красноярске.

Обдумав его рассказ, Сталин вопросительно покосился на Каростина. Похоже, главу правительства интересовало мнение специалиста по внеземным цивилизациям.

Михаил осведомился:

— Значит, открыть бункер снаружи невозможно? Насколько я понимаю, надо всего лишь подождать не меньше двух лет, когда автоматика разбудит очередного дежурного. Он и отключит аппаратуру изнутри.

— Невозможно, — ответил Желтый. — Анабиозные камеры не слишком надежны. Их нельзя оставлять без присмотра на долгий срок. Мы должны вызвать звездолет, — возможно, бортовым устройствам удастся отключить «сторожей».

Фиолетовый добавил:

— К тому же звездолет должен как можно скорее отправляться в обратный путь. Последний срок старта к Огонто — зима этого года.

Мрачно ухмыльнувшись, Роман Григорьевич заметил:

— Очень скоро среди сибирских охотников распространятся душераздирающие легенды о злом духе тайги, который убивает любого зверя и человека, рискнувшего приблизиться к некой горе. Собрав эти слухи, будет нетрудно вычислить координаты бункера. Дальше совсем просто — подтянем тяжелую артиллерию, расстреляем ворота, и ваши товарищи будут освобождены. По-моему, очень просто.

Оба пришельца буквально взвыли. Если повредить бункер, то агонизирующая аппаратура наверняка убьет спящих астронавтов. Мессинг подтвердил, что гонты действительно боятся такого исхода. Понимающе кивнув, Сталин произнес:

— Хорошо, отложим этот разговор на будущее. Скажите — как вы оцениваете обстановку на Земле? Какие страны вам более симпатичны и кому из лидеров вы готовы оказать помощь?

Позже Мессинг укажет в своем отчете, что между гонтами происходил напряженный телепатический разговор. Наконец ответил Фиолетовый, проявивший изрядную дипломатичность:

— Во всяком случае, ваша страна производит более приятное впечатление, чем режим Гитлера. Однако наши правила не позволяют вмешиваться в политические интриги иных цивилизаций.

— Допустим... — Сталин перевел взгляд на Желтого. — Должно быть, вам известно, что я разговаривал с кем-то из гонтов.

Все земляне, за исключением Молотова, изумленно уставились на вождя.

— Известно, — сказал Желтый. — Вас было пятеро, но наших инженеров видели только вы.

— Теперь и в живых остался только я... — Сталин вздохнул. — Поверьте, мне тоже гораздо симпатичнее гонты, чем фурбены. Из той беседы с вашими товарищами я сделал вывод, что фурбены сильно напоминают земных фашистов. Поэтому я не желаю вам зла и не

возражаю, чтобы звездолет эвакуировал на Огонто участников прошлой экспедиции. Но и вы должны понять меня. Я отвечаю за огромную страну в эпоху, когда решается судьба всей планеты, и намерен взять все знания, которые вы сможете нам дать.

Продолжение беседы имело много общего с торгами на восточном базаре. Гонты намертво отказались вызывать летающий аппарат с орбитальной базы — опасались, что коварные земляне возьмут в плен еще несколько их товарищей, а потом воспользуются посадочной шлюпкой для нападения на звездолет. Возмущенные их подозрительностью люди не соглашались возвращать гонтам переносные рации — еще вызовут подмогу и сбегут, не оказав обещанной дружеской помощи. В конце концов они пришли к компромиссу.

— Насколько я помню, на острове в Тихом океане есть старая база, основанная еще первой экспедицией, — сказал Сталин. — Могли бы вы дать координаты этого острова?

Переговорив, гонты согласились, что оборудование той базы достаточно устарело, поэтому не страшно отдать людям эту технику. Кроме того, пришельцы сомневались, сумеют ли земляне разобраться в столь сложных устройствах, которые опережали технологию человечества на несколько столетий.

— К тому же я не очень точно представляю расположение старой базы, — признался Желтый. — Карта осталась в бункере. В лучшем случае я сумею по памяти описать остров. Вот если бы мне позволили пролететь над архипелагом, хотя бы на ваших аэропланах...

— Прекрасно! — Сталин словно не расслышал последней фразы. — Вы получите фотографии всех островов того архипелага. Как только мы обнаружим базу, вас вывезут в безлюдное место, вернут передатчики и оставят одних. Вызывайте звездолет, забирайте гонтов из бункера и отправляйтесь домой.

Инопланетяне без особой охоты согласились на такой вариант, но уточнили: поскольку им придется провести в неволе много времени, земляне должны решить вопрос с их питанием. Оказывается, гонтам годятся не всякие сорта мяса и овощей, да и в воду следует добавлять особое сочетание минеральных веществ.

— Не вижу проблемы, — заверил пленников Сталин. — Наши ученые сделают все, что нужно. Думаю, у нас будет время, чтобы обсудить многие важные вопросы. Но мне не терпится узнать, какой строй установлен на ваших планетах. Мы полагали, что цивилизация Огонто давно построила коммунизм. Это так?

Ответ пришельцев потряс землян. Коммунизма, который предвещал Маркс, на Огонто никогда не было. Довольно давно в отдельных странах существовало нечто отдаленно похожее, но со временем возникли новые производственные отношения, более соответствующие развитию производительных сил цивилизации. Сегодня у гонтов сохранялись и классы, и государство, и деньги, и разные формы собственности. Однако это был и не капитализм. Эпоху империализма гонты благополучно пережили до начала межзвездных путешествий, а затем на Огонто и других колонизированных мирах сменились еще две социально-экономические формации.

К моменту старта экспедиций, в состав которых входили Фиолетовый и Желтый, общество гонтов по-прежнему делилось на богатых, бедняков и средний класс, имелись преступники, а также оппозиционеры, выступавшие за решительную смену строя. Впрочем, инопланетяне заверили землян, что даже безработным и неквалифицированным труженикам гарантированы вполне приличные условия существования.

Выслушав их рассказ, Сталин сделался мрачным и распорядился увести арестованных на отдых. Затем сказал Михаилу и Роману Григорьевичу:

— Узнайте у этих... путешественников... подробности, как их нужно кормить, и организуйте, чтобы гонты ни в чем не испытывали нужды. Потом приезжайте в Кремль. Есть серьезный разговор.

В кремлевской приемной пришлось ждать довольно долго. За полночь из кабинета вышел недавно назначенный наркомом обороны маршал Тимошенко, которого сопровождал коренастый генерал армии с ямочкой на подбородке. Потом появился Меркулов,

спросивший:

— Проголодались, наверное?

— Никак нет! — мужественно отчеканил дисциплинированный служака Рунгулов.

— Есть немного, — уточнил Каростин.

— А скорее даже много. — Шеф госбезопасности усмехнулся. — Пошли. Кажется, Хозяин намерен поговорить с вами за ужином.

Работавший преимущественно по ночам, Сталин обычно завтракал около полудня, а время ужина наступило у него только сейчас. За столом сидели все те же — Ближний Круг, то есть самые доверенные сподвижники вождя. После плотной трапезы: уха, котлеты из медвежатины, холодный язык, севрюга горячего копчения, зернистая икра, салатик из свежих помидоров — подали чай, и Сталин заговорил с непривычной для него неуверенностью, словно сомневался, стоит ли рассказывать эту историю.

— Сегодня вы услышали, что я и прежде встречался с гонтами... Вижу, многих это удивило. Я понимаю — меня бы тоже могло смутить такое известие. Раньше я говорил про ту встречу только Владимиру Ильичу — весной семнадцатого...

— Мне ты тоже рассказывал, — уточнил Молотов. — По-моему, это было сразу после смерти Ильича.

— Ты слышал очень неполное изложение. А с годами я и сам начал сомневаться, происходило ли это в действительности... Сегодня вы узнаете, что случилось тогда в тайге. Это было летом четырнадцатого, когда меня сослали в Туруханский край.

... Иосиф Джугашвили, тридцатипятилетний профессиональный революционер, известный среди товарищей под псевдонимом Коба, не привык задерживаться в тюрьмах и ссылках больше чем на два-три месяца, поэтому на его счету числилось не меньше десятка дерзких побегов. Однако глухая тайга вокруг стоявшего над Енисеем села Курейка обрекала на гибель каждого, кто решился бы бежать отсюда зимой. Коба умел ждать и только в конце апреля, когда сошли снега, начал готовить свое возвращение в центральные губернии, где его ждала работа.

Первомай ссыльные, как обычно, отметили собранием на речном берегу.

Возвращаясь под вечер в село, они увидели паровой катер, ходко бежавший вверх по течению. Нетрудно было догадаться, что суденышко спущено на воду с парохода, бросившего якорь в Енисейском заливе. Кто-то из эсеров даже размечтался: на таком бы, дескать, махнуть до самого Красноярска — даже верхом жандармы не догонят.

— По телеграфу предупредят, — рассудительно отозвался уральский большевик Чугуев. — Десять раз по дороге перехватить успеют.

На этом разговор заглох, но через полчаса они увидели в Курейке уже знакомый катер, который покачивался возле причала. К ссыльным немедленно подбежал жандарм, заоравший:

— Быстро, сволочи, уголь грузить! Ученые люди из Питера приехали, в путь торопятся.

Погрузка сулила небольшой, но верный приработок, а лишние деньги оченьгодились бы, когда придет пора уходить из Сибири. Джугашвили с Чугуевым отправились таскать на катер тяжелые мешки. Работа была почти закончена, когда невысокий человек в офицерском кителе преградил дорогу, разглядывая чумазого от угольной пыли Иосифа.

— Вай, Джугашвили! — удивленно вскричал офицер, мешая грузинские и русские слова. — Гамарджоба, генацвале! Слушай, парень, ты никогда белым не был, а сейчас совсем на негра похож!

Утерев пот, заливавший глаза, Иосиф обнаружил, что перед ним стоит Вахтанг Асатиани, сын обнищавшего князя, с которым семья сапожника Джугашвили жила на одной улочке родного Гори. После гимназии Вахтанг был принят в офицерское училище, а теперь вот носил мундир драгунского ротмистра.

— Асатиани, вы совсем с ума сошли, — брезгливо одернул молодого князя высокий худой старик в полувоенном костюме цвета хаки. — Это же каторжник. Наверное, убил

кого-нибудь. Или банк ограбил.

Иосифу приходилось экспроприировать банки, но мокрых дел на душу он не брал, поэтому был обижен репликой напыщенного старика. Между тем Вахтанг примирительно сказал:

— Земляка встретил, профессор. Он не бандит, а политический. Между прочим, почти образованный человек — в Тифлисе уроки давал. И еще в обсерватории работал.

— Астроном? — заинтересовался профессор. — Как же он на каторге оказался? Делом надо было заниматься, а не бомбы в великих князей швырять... Ступайте за мной, ротмистр.

Когда грузчики, перетаскав уголь, помылись в бане, Асатиани снова отыскал земляка и сообщил, что экспедиции нужен хороший механик и слесарь, — одним словом, мастер на все руки из числа народных умельцев. «Починить надо что-нибудь», — подумал Иосиф и сразу назвал своего друга Чугуева. Чугуев сразу произвел прекрасное впечатление на профессора Аберштадта, всего за одну ночь приведя в порядок кривошипный механизм катера. Мастера тут же зачислили в экспедицию, а заодно Асатиани предложил взять с собой и Джугашвили. «Нам не помешает бывалый человек, знакомый с небесной механикой», — эти слова ротмистра подтвердили догадку Иосифа о целях экспедиции. В этой глухомани с астрономией мог быть связан только подозрительный метеорит, упавший шесть лет назад в тысяче верст отсюда — где-то на Подкаменной Тунгуске.

Бумажные формальности были легко улажены, и двое ссыльных поселенцев получили разрешение сопровождать профессора Конрада Ивановича Аберштадта под присмотром ротмистра Асатиани. На третий день пути, когда катер приближался к месту, где Подкаменная Тунгуска впадает в Енисей, профессор поинтересовался у Иосифа, в какой тюрьме тот сидел в конце июня девятьсот восьмого года.

— Это была Баиловская тюрьма на окраине Баку. — Ухмыльнувшись, будущий диктатор Северной Евразии щегольнул проницательностью: — Так что свидетелем тех событий быть не могу. Но я узнал кое-что о метеорите, когда оказался здесь, в Туруханском крае.

Со слов очевидцев он рассказал, как по небу промчался огромный пылающий шар. На сотни верст разносился ужасающий грохот, и старый солдат, побывавший на японской войне, сказал, что звуки напоминали артиллерийскую канонаду. Огненный сгусток летел, снижаясь, с юго-востока на северо-запад и оставлял за собой синие полосы на утреннем небе. Пологое падение завершилось где-то на Среднесибирском плоскогорье южнее Туры, при этом слышались три особенно сильных взрыва, за которыми последовало мощное долгое гудение.

Многие из этих фактов Конрад Иванович слышал впервые, однако профессор тоже знал немало любопытного. Оказывается, в те часы несколько сейсмографических станций засекли сильнейшие колебания почвы, и по этим данным Аберштадт сумел приблизительно определить место падения метеорита. Вскоре после тунгусских событий стало известно, что 27 июня один французский астроном обнаружил в окрестностях Земли неизвестное космическое тело — темный астероид или метеорит удлинённых очертаний. Такую же форму, напоминающую пушечный снаряд, имел и Тунгусский метеорит — об этом говорили все сибиряки, глядевшие в небо утром 30 июня 1908 года.

Участники экспедиции обсудили этот факт, и Джугашвили уверенно заявил, что астероид, который видели в телескоп французы, упал бы на Землю не 30 июня, а тремя сутками раньше.

— Возможно, он летал вокруг Земли по орбите искусственного спутника, постепенно затормозился за счет трения об атмосферу и в конце концов упал, — предположил Джугашвили.

Профессор и его ассистент Ржанович были геологами и работ Циолковского не читали. Будучи человеком по-кавказски азартным, Иосиф потребовал показать все сведения, которыми располагал Аберштадт. Он сравнил время и место нескольких наблюдений вдоль трассы падения и легко вычислил скорость полета — не меньше сорока километров в

секунду. Столь стремительный астероид не мог бы удержаться на орбите, поскольку его скорость в пять раз превышала первую космическую и в четыре раза — вторую космическую. Картина представлялась совершенно необъяснимой: странный обломок небесного тела показался возле Земли 27 июня, потом куда-то исчез и снова вернулся с огромной скоростью спустя три дня. Законы механики таких вольностей не позволяли. Загадка будоражила самолюбие, но решить эту головоломку они так и не смогли.

Занимаясь делами небесными, не забывали и о земных. В дороге оба большевика договорились, что на обратном пути покинут экспедицию и вернутся в Европейскую Россию. Пока же они без особых трудностей прошли по речным извилинам до села Таймба. Дальше Подкаменная Тунгуска становилась слишком мелководной даже для плоскодонного катера. Экспедиция пересела на лошадей и двинулась по тайге, болотам и сопкам в сторону фактории Ванавара.

В конце мая возле стойбища эвенков на реке Чамбэ обнаружили необычайное явление — на огромном участке деревья были повалены и лежали верхушками на юго-восток. Оленеводы рассказали, что дальше на север есть еще несколько таких мест, а между озером Чеко и горой Шакрама леса не осталось вовсе.

Почти две недели исследователи составляли карту района катастрофы, после чего окончательно перестали что-либо понимать. В сотне верст к северу от Ванавары, между озером Чеко и затянутым торфяниками Южным болотом, находился участок, где жутким подобием телеграфных столбов торчали опаленные стволы деревьев, с которых неведомая сила ободрала все ветки. Вокруг этого странного ожога лес лежал веером, глядя на центр катаклизма паутиной вывороченных корней.

Они долго спорили и наконец согласились, что упавшее из глубин мироздания тело — будь то метеорит или комета — раскалилось за счет трения об воздух и взорвалось над тайгой, словно бомба. Обрушившись вертикально вниз, ударная волна обломала ветки, но оставила стоять стволы деревьев. На удалении от эпицентра напор взрывных газов действовал наклонно, а потому повалил лес вершинами вовне.

Однако дела обстояли не так просто. От Южного и Чеко в сторону Подкаменной Тунгуски и Ванавары тянулись две широкие — в десяток верст каждая — просеки, где деревья были повалены верхушками на юго-восток. Можно было бы понять, что метеорит промчался здесь по очень пологой траектории, двигаясь на малой высоте, и его огромная раскаленная масса гнала впереди себя вихрь урагана, ломающего лес. Но в таком случае стволы падали бы в направлении полета, то есть верхушками на северо-запад, но никак не наоборот! И почему таких просек оказалось две?

Так и не придумав объяснений, они двинулись вдоль восточного рукава таежного вывала. Картина разрушений ужасала — невероятная сила не просто выворачивала с корнем огромные сосны, ели и кедры — вдобавок сама земля вдоль просеки казалась обожженной, хотя ясно было, что не пожар здесь бушевал.

Древесина не выгорела, а лишь покрылась обугленной коркой, причем шесть минувших лет не смогли залечить этих ожогов.

В середине дня 23 июня они устроили привал на высоком берегу таежной речки Хушмо, вдоль которой тянулась эта полоса лесного безобразия. Асатиани прогулялся по окрестностям и подстрелил двух гусей. Наевшись до отвала, компания пришла в расслабленное состояние. Аберштадт и Ржанович завалились спать, замотав лица влажными полотенцами, чтобы хоть как-то спастись от мошкары. Ротмистр, прихватив дробовик, снова отправился в тайгу, а ссыльные готовили рыболовную снасть.

Внезапно за рекой послышался грохот. Отложив удочку, Иосиф бросил взгляд в ту сторону и увидел облако зеленоватого дыма, клубящееся за ближней сопкой.

Потом показался странный предмет, который медленно поднимался, опираясь на гудящий столб огня. По форме аппарат напоминал цилиндр, имевший закругленный верх и конические наросты в нижней части. Движение тускло-серебристого снаряда становилось все стремительнее, и вскоре он скрылся высоко в небе.

— Что это было?

Обернувшись, Коба обнаружил, что рядом с ним стоят, нервно поправляя пенсне, оба ученых. Чуть позже прибежал запыхавшийся Асатиани. Ротмистр закричал еще издали:

— Видели? Кто-то выпустил ракету большого калибра!

С его мнением пришлось согласиться. Забыв об отдыхе, все быстро оседлали лошадей, перебрались на тот берег и поскакали в обход сопки. Они пересекли каменистую равнину, поросшую редким кустарником, и обнаружили дымящийся круг выгоревшей почвы. Конрад Иванович вдруг проговорил:

— Надо немедленно уезжать. Здесь нам делать нечего.

К непередаваемому изумлению Иосифа, остальные хором сказали то же самое. Растерянно оглядевшись, Коба увидел в полусотне шагов двух людей чудовищного обличья. Оба были очень высокого роста, имели бурую кожу, ненормально широкий рот, маленькие носы и уши.

Но самое страшное впечатление производил единственный глаз — с блюдце размером, словно составленный из крохотных бусинок, желтого и зеленого цвета. Иосиф крепче сжал свое единственное оружие — плетку, посетовал о конфискованном при аресте верном маузере и решительно шагнул в сторону незнакомцев, крикнув:

— Профессор, Вахтанг, смотрите... Кто они?

Участники экспедиции посмотрели в сторону, куда он указывал. Их взгляды равнодушно скользнули по странным существам, а затем обратились на взволнованного большевика.

— О ком вы говорите? — с недоумением в голосе осведомился Аберштадт.

— Там никого нет, — поддакнул Асатиани. — Только трава и камни. Джугашвили, мы уезжаем. Ты тоже не задерживайся.

Четверо разом повернули лошадей и направились к лагерю. Иосиф остался на месте. Два монстра подошли к нему на десяток шагов, и в голове человека раздался холодный голос:

— Как странно, на него не действует гипноз.

— Кто вы? — спросил Коба.

Гонты объяснили, кто они и откуда. Потрясенный, он слушал сжатое повествование о перелете через бездну, разделявшую звезды, о враждебном народе, о гибели космических кораблей в небе над Подкаменной Тунгуской. Эти могущественные существа оказались в жалком положении, почти утратив надежду вернуться на родину. Где-то здесь, в отрогах горного хребта, они оборудовали убежище, в котором надеялись дожидаться спасателей.

— Я видел, как взлетает ракета, — сказал Иосиф. — Неужели такой маленький кораблик сумеет долететь до вашей звезды?

— Нет, это была наша легкая шлюпка ближнего радиуса. Она поднимется над атмосферой и будет посылать радиосигналы.

Имевший представление об астрономических расстояниях большевик Джугашвили прикинул, сколько времени будут мчаться электромагнитные волны — речь явно шла о десятилетиях.

— А когда придет помощь?

Гонты дружно приподняли ладони, — вероятно, подобный жест соответствовал принятому среди людей пожиманию плечами.

— Придется ждать, — сказал иноземец. Другой космический человек добавил, что они построили подземное убежище с особыми устройствами для долгого сна.

— Мы будем спать годами, и на это время наши организмы почти перестанут стариться... Прощайте, нам пора возвращаться. Мы не хотим причинять вам вреда, но просим никому не рассказывать о нашем присутствии на этой планете.

— Подождите, — взмолился Иосиф. — Расскажите что-нибудь о вашем мире. Как вы живете, зачем прилетали...

Втайне он надеялся, что инопланетяне ответят: мол, летели помогать российским

социал-демократам свергнуть проклятое самодержавие. Увы, гонтов совершенно не волновали тревоги изучаемой планеты, а цели экспедиции ограничивались наблюдением за примитивной культурой полудикой планеты.

Между делом кто-то из пришельцев посетовал, что база на острове, оставленная первым звездолетом, не оснащена аппаратурой межзвездной связи. И вообще, дескать, остров расположен вблизи оживленных морских путей — прятаться там было бы рискованно.

Потом гонты настойчиво рекомендовали человеку уйти. Вернувшись к костру, Иосиф не слишком удивился, когда выяснил, что никто из его спутников не помнит ни старта ракеты, ни встречи с пришельцами. По приказу профессора члены экспедиции свернули лагерь и навьючили груз на лошадей. Конрад Иванович заявил, что работа завершена и пора возвращаться.

На обратном пути у Чугуева разыгрался застарелый туберкулез, так что о побеге пришлось забыть. Оказавшись в цивилизованных краях, они узнали про сараевское убийство, австрийский ультиматум сербам и начало мобилизации. Сдав ссыльных полицейскому приставу, Аберштадт отправился вниз по реке, надеясь сесть на поезд в Красноярске.

... Закончив вспоминать те события, Сталин надолго замолчал и выпил целую бутылку газированной воды, словно у него пересохло во рту. Потом уже без подробностей рассказал, как после Февральской революции, вернувшись в Петроград, он пытался найти участников той экспедиции.

Как выяснилось, Аберштадт напрасно спешил в столицу — студенты и коллеги устроили ему обструкцию по причине немецкой фамилии. Профессора разбил инсульт, и Конрад Иванович скончался осенью четырнадцатого. Ротмистр Асатиани провел на фронте всю империалистическую, а затем, когда Грузия провозгласила суверенитет, уехал в Тифлис, где сделал карьеру, став генералом национальной армии. Он погиб во время скоротечной армяно-грузинской войны, командуя авангардом, прорывавшим пограничные укрепления на железнодорожном перегоне Марнеули — Айрум. Следы доцента Ржановича и механика-моториста Петрова были бесследно смыты водоворотами Гражданской войны. А жизнь полкового комиссара Чугуева оборвалась в разгар сражений на Царицынском фронте.

— Вот и все, — печально резюмировал Сталин. — Когда в государстве стало поменьше проблем, мы создали комиссию Дзержинского. А в конце двадцатых отправили на Тунгуску экспедиции Кулика и Кринова. Дальнейшее вам известно.

Рассказ вождя потряс всех, включая Молотова, который уже знал некоторые обстоятельства, связанные с той давней историей. Сталин мрачно дымил трубкой, расхаживая вокруг стола, а остальные молча размышляли над услышанным. Первым подал голос Меркулов, спросивший:

— Почему же все-таки взорвалась ракета гонтов?

Сталин объяснил, что возле нашей планеты звездолет Огонто столкнулся с кораблем Фурбенты. Ни та, ни другая экспедиции не ожидали встретить здесь врагов, но после короткого замешательства пустили в ход бортовое оружие. На обоих звездолетах сдетонировали энергетические и моторные агрегаты. Громадные космические лайнеры превратились в комки огненной материи, которые устремились к Земле. Беспорядочное падение завершилось где-то над озером Чеко. В последний момент уцелевшие гонты покинули обреченный корабль на ракетной шлюпке, которую они затем запустили в космос, чтобы отправить на родину сигнал бедствия. О судьбе экипажа фурбенов ничего не известно, — вероятно, все спрутоящеры погибли при взрыве своего корабля.

— Тогда второй вопрос, — сказал Меркулов. — Мы поневоле стали свидетелями войны между двумя могущественными державами. Чью сторону мы должны принять?

Пожав плечами, Сталин опустил на стул и ответил равнодушным голосом:

— Гонты нам не друзья. Фурбены нам тоже не друзья. И те и другие безразличны к нашим делам. Мы пока разговаривали только с гонтами, и гонты рассказывали много всяких

ужасов о кровожадных фурбенах. Если бы мы поговорили с фурбенами, то услышали бы такие же страшные рассказы о жестоких и кровожадных гонтах... — Он усмехнулся. — Но гонты не сделали нам ничего плохого, и мы не причиним вреда нашим гостям. Им стоит посочувствовать — ведь бедняги оказались в плену чужого мира. Пусть дадут нам знания, которыми располагают, и могут отправляться домой. Мы не питаем к ним злых чувств.

Глава 18 ПЯТНИЦА, 13-е

Около полудня по местному времени АНТ-39 летел северо-запад, двигаясь на высоте шесть тысяч пятьсот метров над уровнем моря. Позади оставались сутки блужданий между Гавайскими и Маршалловыми островами. Выполняя секретное задание стратегической разведки, «Красная Звезда» в режиме строжайшего радиомолчания фотографировала с разных ракурсов клочки суши, входившие в архипелаг Адмирала Дорсона.

Когда до Курильских островов оставалось чуть меньше часа полета, командир корабля передал штурвал второму пилоту, а сам заглянул в кабину штурмана. Тот, положив, на карту циркуль и линейку, достал термос и разлил по кружкам горячий крепкий чай.

— Глаза слипаются, — пожаловался командир. — Вторые сутки не сплю.

— Не ты один. Ничего, скоро сядем в Петропавловске... — Майор потянулся и вдруг заулыбался. — Знаешь, что меня радует? Не над Арктикой тащимся. И высота небольшая.

— Да уж, климат здесь помягче. Когда в Америку летаем — дуба можно дать от холода.

Встревоженный радист вызвал подполковника в кабину пилотов. Прямо по курсу на горизонте показалась эскадра крупных кораблей японцев. Направив бинокль на соединение, командир пересчитал боевые единицы: два авианосца, линкор, три крейсера, восемь миноносцев. Потом подполковник разглядел звено мчавшихся навстречу истребителей и приказал набрать максимальную высоту.

Тяжело гудя четверкой моторов, «Красная Звезда» забралась на свой потолок — двенадцать с половиной километров. Скорость немного упала, температура в кабине — тоже, но зато слабосильные японские самолетчики типа А-6М «Зеро-сен» остались далеко внизу. Когда пролетали над эскадрой, командир сказал с ненавистью в голосе:

— Торпедой бы по гадам ударить!

— Не переживай, еще будет возможность, — успокоил друга третий пилот.

Через два с небольшим часа АНТ-39 благополучно приземлился на военном аэродроме вблизи Петропавловска-Камчатского. Спустя еще три часа сделанные над океаном снимки были проявлены и отправлены в Москву.

Наступило утро. Лучи далекого светила едва прикоснулись к вершинам самых древних кедров, что росли на гребне горного хребта.

Небольшой отряд уверенно двигался к неприметной возвышенности, поросшей редкими кустами и деревьями. Во время завтрака они взяли второй пеленг и теперь были уверены, что обнаружили цель своих поисков. Аппарат, созданный в фирме «Телефунке», вывел разведгруппу абвера точно на Тунгусский бункер. На свою беду, пятеро подчиненных адмирала Канариса были вооружены только карабинами и не имели необходимых средств защиты.

Сеть процессоров и датчиков, оберегавшая Тунгусский бункер, засекала группу крупных теплокровных животных, приближавшихся к убежищу спящих астронавтов.

Когда отряд миновал второй рубеж охранения, было отправлено телепатическое предостережение. Если бы пришельцы оказались гонтами, после этого сигнала они должны были мысленно произнести в ответ оговоренный пароль. Впрочем, в данном случае даже это не помогло бы — поврежденный обстрелом приемник биоволн не реагировал на отзывы, из-за чего Желтый не сумел вернуться в бункер... Но пятеро вообще не услышали мысленного окрика и беззаботно пересекли невидимую черту, которую не стоило пересекать.

Из надежно замаскированных ячеек вырвались потоки квантов жесткого излучения. Пятеро погибли мгновенно. Их трупы обнаружат только в конце осени.

Вскоре после обеденного перерыва в московском СКБ-42 принимали высочайших гостей — самого главу Политбюро и Совнаркома, сопровождаемого первым зампредом СНК и одновременно наркомом иностранных дел Молотовым. Зеленый от переживаний директор бюро глотал валидол. Руководители государства прибыли, чтобы присутствовать при демонстрации нового изделия возглавляемого Каростиным отдела — электрической счетной машины «Магнит-1». Гости расселись, уважительно разглядывая внушительное сплетение проводов, электронных ламп, а также огромных конденсаторов и индукционных катушек, заполнявших зал, где запросто можно было сыграть в волейбол и еще осталось бы место для зрителей.

Главный математик торжественно заправил в приемную щель конец бумажной ленты, покрытой отверстиями перфорации. Директор передвинул рукоятки четырех рубильников. Засветились лампочки, запыхтели электромоторы, взвыли трансформаторы. Зал быстро наполнился запахом перегретой изоляции. Из огромного ящика, установленного перед гостями, рывками выползала другая лента, также украшенная неровными рядами дырочек. Конструкторы объяснили, что таким образом машина сообщает решение задачи, которое потом нетрудно будет перевести на нормальный человеческий язык, то есть записать в виде цифр.

— А что мы считаем? — с искренним интересом осведомился Сталин. — Какая-нибудь сложная арифметическая задача?

— Таблицы стрельбы для новой шестнадцатидюймовой пушки, — поспешил ответить Каростин. — На полигоне выполнены несколько серий стрельб, но мы намерены уточнить результаты. Завтра-послезавтра получим углы возвышений для ведения огня на все дистанции с точностью до пятидесяти метров. И это — на случай самых разных величин температуры, давления и влажности атмосферы. Чтобы составить такие таблицы обычным путем, пришлось бы выпустить не меньше тысячи снарядов.

— Полезная вещь, — согласился Сталин. — Как быстро считает такой арифмометр?

— От пятисот до семисот арифметических действий в секунду, — гордо сообщил Михаил.

Диктатор одобрительно покосился на конструктора и подумал, что тот заслуживает поощрения. Примерно через полгода эта мысль обернется Сталинской премией 2-й степени для большой группы сотрудников СКБ-42.

Между тем «Магнит-1», проработав чуть меньше четверти часа, вдруг остановился — где-то замкнуло плохо изолированные проводники. Из моторов тянулись струйки дыма, порвалась бумажная лента с текстом программы, зубчатые колеса вращались бессмысленными рывками, перегорели несколько больших пентодных ламп. Скептически ухмыляясь, Сталин тактично заметил: дескать, любая машина на первых порах бывает не слишком надежна. Уходя, он поманил Каростина и поинтересовался:

— Вы полагаете, на базе гонтов будет такой же механизм?

— Не совсем такой, но очень похожий, — уверенно заявил конструктор. — Вместо ламп и других устройств у них конечно же те самые кристаллы с серебряной паутинкой, поэтому вся машина получится поменьше. Наверное, поместится, в обычной жилой комнате... — Михаил сам испугался столь смелого предположения и предпочел подстраховаться: — Ну, может быть, в двух комнатах...

Примерно в это же время Рунгулов и Мессинг допрашивали гонта, который проходил под условным именем Желтый. Пришелец был подавлен и чуть не плакал, пытаясь втолковать землянам, что не разбирается в технике.

— Ну хоть на эту штуку посмотрите... Для чего она нужна?

Алан показал гонту фотографию платиновой спирали. Мельком глянув на изображение, Желтый сказал:

— По-моему, второстепенная деталь приспособления, которое нейтрализует силу

притяжения.

— Допустим, — вздохнул старший майор. — Перейдем к следующему вопросу. Руководство требует прояснить непонятный момент. Почему вы говорили, что только экипажу звездолета удастся разбудить ваших друзей в Тунгусском бункере?

Гонт сбивчиво объяснил, что на корабле есть устройство, которое способно отключить охраняющую систему. Но сделать это возможно лишь в том случае, если на звездолете будут знать пароль. А пароль известен только дежурному, который ввел в систему это условное слово, то есть самому Желтому.

— Другими словами, я должен каким-то образом сообщить пароль на звездолет, — сказал Желтый. — И лучше всего, если я лично окажусь на корабле. Так мне будет спокойнее.

Распахнулась дверь. Вошел запыхавшийся и взволнованный Меркулов. Разложив перед инопланетянином только что отпечатанные фотографии, нарком спросил:

— На котором из этих островов находится база? Просмотрев снимки, гонт уверенно отобрал несколько отпечатков и даже показал гору, под которой первая экспедиция смонтировала аппаратуру и жилые помещения. Вольф Мессинг подтвердил, что пришелец говорит правду. Или, по крайней мере, искренне верит в то, что сказал.

— Спасибо, товарищ. — В голосе наркома прозвучала искренняя благодарность.

— Не беспокойтесь, скоро вернетесь к своим друзьям.

— Вы серьезно намерены нас освободить? — удивился гонт.

— Лично я бы не стал этого делать, — честно признался Меркулов. — Но вы получили заверения от руководства и, следовательно, будете освобождены. Скорее всего...

Ночью Берия и Меркулов явились на доклад к Сталину, разведсводки были тревожными.

Фашисты, не скрываясь, готовились нанести удар по СССР. В любой момент Гитлер мог подписать директиву о начале переброски главных сил вермахта к советско-германской границе.

В Токио состоялась конференция с участием императора. Выступая на этом совещании, председатель тайного совета Иосимити Хара заявил: «Я прошу правительство и верховное командование как можно скорее уничтожить Советский Союз». В ответ военный министр генерал Хидэки Тодзио сказал: «Мы нападём на СССР, когда он будет готов упасть на землю, как спелая хурма». Через три дня тот же Тодзио утвердил план войны против СССР. Этот документ, озаглавленный «Специальные маневры Квантунской армии», предусматривал внезапное нападение с воздуха на советские авиабазы. После уничтожения дальневосточных ВВС Красной Армии предполагалось бросить в наступление наземные войска. Главный удар был намечен в обход Владивостока, чтобы захватить этот город во взаимодействии с флотом. Одновременно японский флот должен был захватить северную часть Сахалина и Камчатку. На втором этапе войны Квантунская армия наступала на Хабаровск и Благовещенск.

— Если верить вашим данным, японцы обрушатся на нас, если вермахт сумеет нанести поражение Красной Армии, — резюмировал Сталин, задумчиво пыхтя дымящейся трубкой. — Вы уверены, что они решат напасть именно на СССР, а не на США или английские колонии на Дальнем Востоке?

— Исключено, товарищ Сталин, — твердо ответил Меркулов. — Экономика Японии полностью зависит от американских поставок. Они получают из Соединенных Штатов две трети нефти и почти половину сырья для металлургического производства.

Они обсудили эту проблему и наметили перечень необходимых ответных шагов.

Затем нарком госбезопасности доложил, что гонт опознал на фотографиях остров, на котором располагается старая база пришельцев. Берия добавил:

— Остров Туару. Двести километров к западу от острова Феникс.

— Подготовьте экспедицию, — распорядился Сталин. — Обеспечьте ученым хороший пароход и все необходимое. Начальником экспедиции назначим профессора Недужко.

Отпустив чекистов, он приказал секретарю вызвать военных. Пришло время усиливать западное стратегическое направление войсковыми группировками третьего эшелона. На следующий день несколько общевойсковых армий, дислоцированных от Волги до Сибири, двинутся к германской границе.

Стрелки часов пересекли грань полуночи. Завершался еще один день последнего мирного лета — 13 июня, пятница.

Глава 19 ОСТРОВ ЗВЕЗДНЫХ СОКРОВИЩ

— Я слушал радио, — Старостин говорил вполголоса, хотя в радиусе трехсот метров не имелось никого, кто мог бы их подслушивать. — Токио передает, что немцы вот-вот возьмут Москву.

— Сомневаюсь, — буркнул Роман Григорьевич. — Совинформбюро сильно врать не станет. Вон весь октябрь немцы трепались, будто правительство в Куйбышев эвакуировано, а Седьмого ноября во время парада Виссарионыч на Мавзолее речь читал. Нет, брешут твои японцы.

Он тяжело поднялся с камня, на котором сидел, и, ворча по поводу влажной жары этого проклятого тропического острова, перевел взгляд на крохотную бухту.

От борта старенького двухтрубного парохода «Забайкальский Комсомолец» отвалила шлюпка. Матросы дружно ворочали веслами, направляясь к берегу. «Обедать торопятся, дармоеды», — машинально подумал Недужко. Обмахиваясь соломенными шляпами «дачного» фасона, два профессора направились к лагерю, разбитому в тени пальм чуть выше линии максимального прилива.

Экспедиция прибыла на Туару в последних числах октября, когда Красная Армия откатилась чуть ли не до московских окраин. А перед тем было почти двухнедельное плавание на допотопном пароходике по бурному осеннему океану. Базу нашли точно там, где указал гонт Желтый, — вход оказался в пещере у подножия восточной горки.

Первые сутки ушли на обустройство лагеря, потом два дня пытались открыть ворота, ведущие в глубину горы. Пришлось изрядно повозиться, прежде чем ученые разобрались, какие бугорки на каменной стене следует нажимать, чтобы расползлись гранитные плиты, заслонявшие вход в тоннель. Но это все-таки случилось, и теперь они могли беспрепятственно проникать на базу.

Под многометровой толщей скал экспедиция обнаружила десять отсеков — помещения для отдыха, лечения и агрегатов непонятного предназначения. Первой была опознана спальня, затем — медицинский пункт. На девятый день сообразили, что большой зал представляет собой нечто вроде столовой и кают-компаний. И вот сегодня Котрикадзе, ближайший сотрудник Михаила Каростина, якобы догадался о назначении еще одного важного отсека, заставленного сложным оборудованием.

— У меня и другая новость имеется, — сообщил профессор Старостин. — Я с грехом пополам прочитал надпись на той бронированной двери — это предостережение. Написано приблизительно следующее: «Осторожно, проход без защитной одежды не рекомендуется». Дальше идет многосложное слово, которое я сумел перевести очень грубо и неточно. Насколько удалось разобрать, это слово означает «вредные для здоровья частицы». Наверное, там склад опасных химических веществ.

— Почему химических? — переспросил Недужко.

— Ну как же. — Лингвист помахал руками. — Частицы, да еще вредные. У меня эти слова вызывают однозначную ассоциацию с химией. Во время химической реакции происходит взаимодействие частиц — разве не так?

— Необязательно. — Астроном мысленно проклял ограниченность гуманитариев.

— Это могут быть внутриатомные частицы. Например, нейтроны или альфа-лучи. Тоже, знаешь ли, не слишком полезны для здоровья.

— Ну конечно, за дверью находится источник атомной энергии! — воскликнул Зураб. — Я отправлю туда ребят со счетчиком частиц Гейгера — Мюллера.

— Займись, — кивнул Недужко. — У кого еще есть приятные сюрпризы?

После обеда Котрикадзе повел начальника экспедиции в отсек базы, который они называли «комнатой привидений». Здесь стояли вдоль стен восемь столов, причем возле каждого имелось вращающееся кресло с регулируемой высотой сиденья.

На столах были установлены устройства, в которых Зураб с первого взгляда признал стереоскопические телевизоры. После нескольких неудачных попыток ученые научились их включать, но затем начались ужасы страшнее многосерийного фильма о бароне Франкенштейне.

Поначалу они думали, что телевизионная станция предназначена для приема изображений с разных концов Земли, — например, с целью наблюдения за жизнью изучаемой цивилизации. Однако те маловразумительные картинки, которые появлялись внутри кубических экранов, не имели ни малейшего отношения к нашей планете.

Оторопевшие люди наблюдали, как гонты сражаются с жуткими на вид существами, а также летают на странных аппаратах, охотятся на чудовищ или занимаются спортом.

Приходилось предполагать, что база каким-то образом принимает телевизионные передачи с других миров...

— Кажется, я понимаю, в чем секрет, — возбужденно говорил Котрикадзе, темпераментно размахивая руками, — Во-первых, нам удалось разгадать принцип настройки гонтовских телевизоров. Во-вторых, лингвисты наловчились читать надписи на титрах. В-третьих, я наконец понял, что ЗЮ — не просто телевизор.

— Что же еще? — опешил Роман Григорьевич. — Не телескоп же, который с Земли прямо на другую планету заглядывает.

— Нет, конечно. Профессор, у нас на Земле уже есть фонографы и магнитофоны, которые хранят запись звуков. А эти приборы вдобавок записывают изображение.

Недужко резко остановился буквально в двух шагах от пещеры. Молодой инженер-радист пританцовывал на месте — ему не терпелось поскорее попасть в «комнату привидений», чтобы безотлагательно проверить свою догадку. Однако Роман Григорьевич, морща лоб и потирая подбородок, долго обдумывал его слова. Потом проговорил с сомнением:

— Смелая мысль, голубчик, и гипотеза очень интересная... Но, как говаривал Нильс Бор, правильная гипотеза должна быть немного безумной. Ладно, разберемся. Показывай, что придумал.

В дальней стене пещеры был упрятан вход в тоннель, но сейчас дверные створки, замаскированные под каменные глыбы, были раздвинуты. Миновав тамбур, они попали в отсек, в стены которого были вмонтированы двери, пронумерованные цифрами Огонто. Зураб направился прямым ходом в отсек, помеченный «тройкой».

Оказавшись в «комнате привидений», он сел к ближайшему стереотелевизору, нажал клавишу на панели перед экраном и надел себе на голову гибкий обруч, связанный с агрегатом длинным тонким кабелем. При этом Зураб без перерыва говорил, объясняя профессорам назначение отдельных узлов аппаратуры.

Плоский пульт имел около сотни клавиш, на которых были нарисованы буквы, цифры и знаки препинания, принятые на Огонто. Если нажать клавишу, на которой изображен какой-либо значок, то такой же символ появляется в определенном месте экрана. Обруч же воспринимал биотоки мозга и передавал в аппарат мысленные приказы, повинаясь которым по экрану двигалась голубоватая сфера. Однако ее можно было перемещать внутри экранного куба и по-другому — с помощью рычажка, встроенного в пульт.

Объемный экран засветился, постепенно заполняясь перламутровым туманом.

Внутри куба проявились стройные ряды разноцветных картинок. Повинуясь неслышным командам Зураба, по экрану заметался голубой полупрозрачный шарик.

— Это вроде красной стрелки на шкале радиоприемника, — прокомментировал

инженер, — Только передвигается вдоль трех осей по всему экрану. Вот я совместил его с картинкой, на которой написано... Что тут написано, Игорь Александрович?

Надев очки, Старостин нагнулся, всматриваясь в надпись. Почти полгода он возглавлял группу лингвистов, которая в обстановке строжайшей секретности составляла гонто-русский словарь. С помощью Желтого и Фиолетового им удалось разобраться, как пишутся примерно четыре тысячи общеупотребительных слов.

Разумеется, люди могли только читать, поскольку ультразвуковая речь гонтов человеческим ухом не воспринималась.

То и дело заглядывая в шпаргалки, Игорь Александрович перевел: «Битва за Галактику — 4». Котрикадзе нажал клавишу с надписью «Исполнитель». Большая часть картинок с титрами растаяла, а оставшиеся сдвинулись к задней стенке экрана.

Теперь в кубе плавали прямоугольные таблички, буквы на которых составляли слова: «Демонстрационный», «Одиночный», «Парный», «Отказ», «Отказ с сохранением».

Голубой шарик сам собой оказался возле таблички «Демонстрационный», и Зураб не раздумывая снова надавил на «Исполнитель». На экране появилось изображение звездного неба, по которому медленно перемещался затейливо раскрашенный предмет, составленный из геометрически правильных деталей, что указывало на его искусственное происхождение. Вдоль нижней части кубического экрана заскользили строчки гонтийской письменности. Старостин торопливо переводил:

— Боевой крейсер «Звездный Воин» из состава... особого ударного подразделения Космического флота Огонто... выполняет боевое задание в системе звезды... название прочитать не могу... оккупированной фурбенами... Крейсер незамеченным приблизился к планете... не читается... Перечень боевых задач: первое — уничтожить крепость на орбите, второе — уничтожить военный завод на естественном спутнике планеты, третье — высадить отряд диверсантов в районе главного города планеты... опять нечитаемое слово... четвертое — похитить командира гарнизона и директора службы внешнего шпионажа, пятое — покинуть систему звезды... — Старый лингвист чуть не плакал: — Роман Григорьевич, Зураб, не читаются по-русски их имена собственные, ультразвук проклятый!

— Не важно, потом разберемся, — отмахнулся Недужко, который смотрел на экран с нарастающим интересом. — Лихие они хлопцы — ишь, какие задачи одиночному кораблю навесили.

«Звездный Воин» приблизился к планете — сквозь желтоватую дымку атмосферы смутно просвечивали моря и континенты. Рядом с планетой показался оранжевый лунный диск, а поодаль светили два солнца — большое тускло-красное и маленькое, но яркое белоголубое. Навстречу крейсеру метнулся другой корабль, вероятно, фурбенский. Изображение разделилось. В правой части экрана осталось звездное небо с планетами и звездолетами, а слева появился интерьер боевого отсека.

Сидевший за пультом гонт в малиновом комбинезоне, украшенном серебристыми нашивками, управлял телевизионным устройством — точно таким же, какие стояли в «комнате привидений». На кубическом экране перед гонтом двигалось перекрестье прицела. Когда крестик совместился с силуэтом вражеского корабля, член экипажа «Звездного Воина» нажал на своем пульте клавишу «Исполнитель». Из различных надстроек на корпусе крейсера вырвались лучи, поразившие машину фурбенов, которая взорвалась, расшвыряв по космическому пространству множество осколков.

Покончив с этим противником, крейсер выпустил два тяжелых ракетных снаряда по лунному заводу и, не дожидаясь попадания, направился к громоздкой конструкции, которая обращалась вокруг желтой планеты. Орбитальная крепость оказалась крепким орешком и в свою очередь выпустила по «Звездному Воину» серию таких же ракет или реактивных торпед — земляне сомневались, как правильно называть подобное оружие. Между тем крейсер открыл бешеный огонь из лучевых орудий, поразив два вражеских снаряда на большом от себя удалении. Третий неуклонно приближался, но «Звездный Воин» резко поменял траекторию полета и выбросил какую-то тихоходную шлюпку, в которую и

врезалась торпеда фурбенов.

Люди восхитились мастерством астронавтов Огонто, которые так ловко подставили противнику ложную мишень. А крейсер уже расстреливал лучами и торпедами вражескую крепость, всю поверхность которой покрыли вспышки разрывов. Потом от орбитального сооружения отвалился солидных размеров фрагмент, и одновременно взорвался завод на спутнике, до которого наконец-то долетели запущенные торпеды.

— Есть! — азартно воскликнул Котрикадзе. — Молодец, честное слово, первые два задания выполнил.

— Не могу сообразить, что это — документальный фильм или художественный, вроде американских вестернов, — заметил Недужко, также «болевший» за гонтов. — Слишком уж легко они с фурбенами расправляются — те даже не пытаются оказывать сопротивление... Ого! Высаживают десант...

От крейсера отделилась еще одна шлюпка. Тормозя огненными струями ракетного двигателя, юркое космическое суденышко увернулось от зенитных снарядов и совершило посадку на крыше монументального небоскреба в центре огромного города.

Высидевший из этой ракеты отряд гонтов, одетых в странные костюмы со шлемами и нагруженных устрашающим оружием, подорвал вентиляционный люк радиоуправляемым фугасом. В крыше образовалась солидных размеров дыра с неровными краями.

Проникнув внутрь здания через эту пробоину, диверсанты межзвездного флота Огонто целеустремленно двинулись к апартаментам гарнизонных начальников. Фурбены, представлявшие собой прямоходящих ящериц с четверкой щупалец вместо рук, отчаянно сопротивлялись и при любом удобном случае бросались в рукопашную.

Однако бойцы атакующего подразделения очень толково поддерживали друг друга огнем из лучевых автоматов, без промаха швыряли гранаты и ножи. Вскоре все солдаты фурбенов были перебиты, после чего отряд диверсантов, прихватив пленных и заминировав здание штаба, вернулся на крейсер. Взорванный небоскреб очень эффектно развалился на куски, а «Звездный Воин», включив двигатель, умчался прочь от двойной звезды, мимоходом расстреляв из всех видов бортового вооружения пустившуюся в погоню эскадру противника.

Снова появились знакомые таблички «Демонстрационный», «Одиночный» и так далее. Шумно выдохнув воздух, Недужко сказал, покачивая головой:

— Потрясающее зрелище, — Он взглянул на часы и добавил: — Всего-то минут двадцать продолжалось, но мне, грешным делом, почудилось, что полнометражный фильм просмотрел!

— Да, темп убийственный, — согласился Зураб. — Я уже не говорю о режиссерском мастерстве, о работе оператора или игре актеров. А какое качество изображения — на лице гонта каждая черточка отчетливо видна...

Деликатно покашляв, Старостин обратил их внимание на непонятное обстоятельство, которое не могли заметить коллеги, не знавшие гонтийской письменности. Оказывается, на всем протяжении фильма в одном из уголков экрана горела табличка «Сумма выигрыша». После каждого успешно выполненного задания сумма увеличивалась и к финальным титрам превысила десять тысяч... Неожиданная загадка заставила всех задуматься, но Роман Григорьевич быстро нашел объяснение:

— Наверное, экипажу начисляется денежная премия. Вот у них счетчик-то и крутится. Подбили вражеский корабль — одна сумма, разбомбили целую планету — получи побольше.

— Хитро придумано, — восхитился Старостин. — Это вам не соцсоревнование за переходящую тряпку на древке. Дают своим людям заработать.

— Некрасиво как-то — платить за убийство, — поморщился Котрикадзе. — Словно в старину на пиратских каравеллах.

Начальник экспедиции строгим тоном предложил Зурабу найти другой фильм. После недолгого изучения репертуара остановились на ленте «Охотничья экспедиция». Не желая понапрасну экспериментировать, они снова выбрали демонстрационный режим просмотра.

На этот раз пояснительные титры были совсем короткими, так что Старостин даже не успел ничего толком прочитать. Но и без комментариев они поняли, что в фильме идет речь о двух гонтах, которые собрались на охоту. Летаящая машина с открытой кабиной двигалась на небольшой — в рост гонта — высоте, и охотники, вооруженные короткоствольными лучеметами, увлеченно палили по всевозможной живности. Большие, средние и малые звери атаковали их с земли, из-под почвы, с воздуха, из воды, прыгали с деревьев, но ни один не ушел от сверкающих пучков излучения.

Вокруг телевизора столпились другие члены экспедиции, экспансивно обсуждавшие красочный динамичный фильм. Одни бурно восторгались стрелковым искусством персонажей, другие были поражены богатством форм флоры и фауны неизвестной планеты. Чего стоили одни лишь гигантские змеи, умеющие растекаться по грунту плоским листом, принимая очертания и расцветку любого рельефа. Или летучие членистоногие с прозрачными перепончатыми крылышками вроде стрекозиных.

— Щедра на выдумку природа, — резюмировал Роман Григорьевич.

Дружный хор голосов потребовал показать еще один фильм, но у начальника экспедиции созрел иной замысел. Он грозно рявкнул, чтобы лоботрясы прекратили галдеть, затем распределил задания. Без долгих обсуждений Недужко создал три рабочие группы — по числу лингвистов, владеющих языком гонтов. От этих подразделений требовалось составить перечень всех телевизионных сюжетов, которые записаны на устройствах «комнаты привидений».

Цедужко собрался провести инструктаж, однако его отвлек напряженно дрожащий голос Старостина:

— Роман Григорьевич, соблаговолите взглянуть... Кажется, мы обнаружили нечто действительно важное.

На трехмерном экране стройными шеренгами вибрировали этикетки энциклопедических томов, разбитых по темам: Физика, Математика, Химия, Астрономия, Зоология, Ботаника, Астробиология, Химико-Физическая Биология, Техника, История, Философия, Астронавтика и много-много других. Даже самый капризный исследователь не посмел бы желать большего.

Примерно в те же часы где-то посреди солончаковых степей Астраханской области остановилась колонна броневых автомобилей. Местность была идеально ровной, только небольшой бугорок выдавился из земли, словно прыщ на лбу. Рунгулов и Сапунов помогли гонтам выбраться из стальной коробки броневика, и старший майор сказал:

— Здесь на полста километров никто не живет, только сайгаки стадами бегают. А если случайный человек забредет или волки напасть вздумают — вот ваши пистолеты и радиопередатчики.

Инопланетяне сильно сдали за последние месяцы. Фильтры в их масках действовали все хуже, да и земная пища основательно подорвала здоровье гонтов.

Желтый и Фиолетовый дрожащими руками расковыряли по карманам свое имущество. Кажется, они все еще не верили, что получили свободу.

— Советую подняться на этот холм, — посоветовал полковник Сапунов. — Ну, прощаться пора. Искренне жаль, что покидаете нас, только уговаривать вас остаться, думаю, нет смысла.

Микрофон в маске Фиолетового прошипел:

— Да, не стоит себя утруждать.

Разведя руками, Алан проговорил:

— Счастливого пути, товарищи. Хотелось бы верить, что вы не слишком на нас обижены.

— К черту! — отозвался Желтый, хотя никто не желал ему отсутствия пуха и пера.

Взбравшись на возвышенность, они проводили взглядами уходящие машины.

Потом, став спиной к заходящему светилу варварской планеты, пришельцы связались с орбитальной станцией. Вскоре из миниатюрных динамиков лился шквал

ультразвуковых поздравлений. Радостная весть была немедленно ретранслирована на звездолет, а из ангара станции отправилась в приволжскую степь десантная шлюпка.

— Как мне надоела эта проклятая маска! — простонал Фиолетовый, выключив универсальный инструмент, предназначенный для записи и передачи информации. — И вся их планета надоела. Особенно — двуглазые уроды-аборигены.

— Лично меня утешает одно соображение... — Долгий плен этого мира приучил Желтого к меланхолическим рассуждениям. — Я испытываю мстительное наслаждение, когда понимаю, что наши лица казались им столь же безобразными, как их лица были отвратительны для нас.

Посмеявшись, Фиолетовый справедливости ради признал, что аборигены оказались существами довольно-таки порядочными, пусть даже не слишком цивилизованными: сдержали обещание освободить обоих пришельцев, да и убитого в Америке астронавта похоронили согласно обычаям Огонто. И даже не расставили вокруг этого места зенитки.

— С них бы случилось — могли попытаться сбить шлюпку.

— Наши догадаются принять меры предосторожности — наверняка будут садиться, не отключая защитного поля.

— Вашему кораблю силовая защита не очень помогла, — усмехнулся Фиолетовый.

— Звездолет столкнулся с кораблем фурбенов. А тут — полудикие племена.

Фиолетовый признался:

— Я начал их побаиваться — после того как земляне без выстрела взяли нас в той хижине. Страшные существа.

— Кажется, в свое время я кого-то об этом предупреждал... — Желтый пожал плечами — он перенял подобный жест у аборигенов. Вообще-то у жителей Земли много непонятных черт. Например, для меня осталось загадкой, чего они от нас хотели.

Его сопланетник согласился: земляне вели себя очень странно. Оба гонта с недоумением вспоминали, как следователи то и дело принимались задавать вопросы о машинах, которые способны с большой скоростью выполнять арифметические вычисления. Пленные астронавты, будучи специалистами гуманитарного профиля, слабо разбирались в математике, поэтому не смогли объяснить устройство больших псевдоинтеллектуальных комплексов. Они попытались рассказать о карманных приборах, обрабатывающих информацию, но людей это совершенно не интересовало.

Следователи упорно возвращались к машинам, предназначенным исключительно для арифметического счета.

— Они бы еще выясняли у нас, как добывать огонь с помощью трения! — Фиолетовый был раздосадован. — Я так и не сумел вдолбить этим дикарям, что вычисления можно выполнять на карманных инструментах. Однако двуглазые даже не стали меня слушать. Они упорно называли универсальные аппараты «радиопередатчиками».

Желтый взмахнул руками и закричал:

— Мне осточертели идиотские загадки этой идиотской планеты! Мне осточертела жизнь в этих варварских условиях, где нет элементарных бытовых удобств! Клянусь — никогда больше не покину Огонто!

Подобные обещания каждый астронавт давал несколько раз в течение каждого рейда к звездам, поэтому всерьез такие заявления давно уже никто не принимал.

— Пока мы должны вернуться на Огонто, — негромко заметил Фиолетовый, которого плен сделал убежденным пессимистом.

Они принялись представлять, как станут ублажать свои организмы, оказавшись на звездолете: ванна с подпорченной Кличкой, изысканные деликатесы и напитки, стереоклипы любимых музыкальных коллективов, лучшие фильмы из бортовой видеотеки. Впрочем, рассудительный Фиолетовый малость подпортил напарнику настроение, напомнив, что сначала им придется пройти длительный курс лечения в санчасти. Организмы обоих гонтов были изрядно засорены белками земного происхождения.

— Плевать, — отмахнулся Желтый. — Зато меня ждет встреча с новинками искусства.

Ваш звездолет стартовал на два десятка лет позже нашего, так что вы прихватили записи фильмов, концертов и спектаклей, о которых я знаю лишь по твоим рассказам.

Метрах в семидесяти от них почти беззвучно опустилась шлюпка, окруженная черным коконом защитного поля. Гонты бросились к этому крохотному кораблику, который вдруг стал для них самым родным местом во всей бесконечной Вселенной. Не прошло и получаса, как они оказались на станции. Еще через несколько часов началась эвакуация астронавтов из анабиозных камер Тунгусского бункера.

На Туару начинался новый день.

— Шестой месяц, как война идет. — В голосе Недужко прозвучали боль и скорбь. — Немец у самых ворот Москвы стоит.

— Отгоним, — уверенно сказал капитан Трофимов. — До самого Мадрида гнать будем.

— О том разговора нет, — вздохнул Роман Григорьевич. — Только хочется свой вклад внести в грядущую победу. Найти бы здесь такие знания, чтобы создать оружие огромной мощности — за месяц закончили бы войну... Ну, пошли. Работать надо.

Ему не терпелось поскорее вернуться на базу пришельцев, чтобы снова погрузиться в океан энциклопедической информации. Даже те отрывочные сведения из физики и астрономии Огонто, которые он сумел отыскать за последние двое суток, грозили переворотом во всех направлениях естественных наук. Узнав о сверхскоплениях галактик и ячеистой структуре Вселенной, Недужко пришел в экстаз. Сегодня он собирался всерьез разобраться со статьями о частицах, из которых состоят нейтроны, протоны и электроны.

Параллельно Котрикадзе будет изучать материалы о источниках и усилителях когерентного электромагнитного излучения. Они могли сделать это еще вчера, но вымотанные лингвисты упростили начальника экспедиции отложить чтение жутких технических текстов хотя бы до утра. Гуманитарии с большим трудом разбирались в формулах и физической терминологии.

Они направились к пещере, но вдруг за спиной раздался тревожный голос Трофимова:

— Роман Григорьевич, на горизонте корабль.

Сквозь линзы бинокля удалось разглядеть японский флаг, трепетавший на мачте, и орудия, укрытые щитами. Трофимов уверенно заявил, что к острову направляется легкий крейсер.

Заглушив машины в полумиле от Туару, японцы без предупреждения открыли огонь. «Забайкальский Комсомолец» получил несколько снарядов среднего калибра, загорелся, лег на борт и медленно опустился на грунт. В бухте было мелко, поэтому трубы, мачты и часть надстроек торчали из воды до самого прилива.

Уцелевшие моряки вплавь добрались до близкого берега и постепенно стекались в лагерь экспедиции.

Потопив пароход, японцы прекратили огонь. По самому острову пока снарядов не выпускали. Поборов первую растерянность, Недужко скомандовал:

— Всем укрыться за деревьями. Зураб, раздай ребятам лучевое оружие из арсенала базы. Ни в коем случае нельзя позволить, чтобы противник высадил десант.

Котрикадзе умчался выполнять приказание. Вскоре из пещеры выбежали четверо сотрудников экспедиции, которым достались лучеметы гонтов. Между тем с крейсера спустили две шлюпки, которые быстро наполнялись вооруженными людьми. Боцман, воевавший в Гражданскую на сухопутных фронтах, деловито распоряжался: безоружным рассыпаться и прятаться за естественными укрытиями, остальным — занять позиции на возвышенностях.

Шлюпки с десантом приближались, подгоняемые дружными взмахами весел, Туару молчал — лучевые пистолеты были оружием ближнего боя. Ободренные пассивностью островитян, японцы безбоязненно подгребли на сотню метров, и тогда Котрикадзе первым нажал спусковую клавишу.

Дрожащий луч перечеркнул шлюпку параллельно водной глади, разрезав и плоть людей, и сталь винтовок. Второй росчерк ствола опустил луч вертикально, распилив

пополам деревянное плавсредство. Другая шлюпка попыталась отвернуть и спастись бегством, но ее уничтожили сосредоточенным огнем четырех излучателей.

На крейсере были потрясены молниеносной гибелью десанта. Не прошло и пяти минут, как послышалось урчание машин, из трубы потянулся дымок. Взбурлив винтами воду, корабль начал медленно отрабатывать от берега задним ходом. Трофимов сказал озабоченно:

— Сейчас примется лупить из пушек. Эх, не успели толком окопаться...

Из пещеры осторожно вышел Ордынцев. Повертев головой в поисках руководства, он подбежал, пригибаясь, к валуну, за которым сидели на корточках капитан и начальник экспедиции.

— Роман Григорьевич... — В голосе инженера явственно звучало недоумение. — Я использовал радиостанцию базы, чтобы связаться с Москвой. Мне ответили очень непонятно: точно ли, дескать, что корабль японский...

— А чей же еще? — разозлился Недужко. — Что они имели в виду?

— Ума не приложу... Но Лубянку, кажется, удивило, что корабль стреляет в нас. Потом переспрашивали: «Точно ли японский, а не наш? Точно ли крейсер, а не линкор?»

Крейсер успел удалиться на полторы мили, развернулся к острову правым бортом и навел орудия на Туару. Затем корабль неожиданно исчез из виду, закрытый взметнувшимися стенами белоснежной пены. Когда полотнища брызг вернулись в океан, на берег обрушился грохот взрывов, и стало понятно, что крейсер, накрытый залпом крупнокалиберных пушек, получил серьезные повреждения. Корпус вражеского корабля ощутимо осел на корму. Снаряды падали еще дважды, после чего расстрел прекратился, поскольку исчезла мишень. Там, где недавно покачивался на волнах боевой корабль, теперь лишь плавали обломки.

— Кто стрелял-то? — поразился Роман Григорьевич. — Океан пуст. И самолетов в небе не видно.

— Никак нет, вижу точку на горизонте, — сообщил Трофимов. — С оста прямым ходом на остров идет какой-то корабль, но он очень далеко.

Неожиданно из облаков вывалился крохотный биплан, который начал кружить над островом. На боках и плоскостях маленькой, словно игрушечной, машины они с невероятным облегчением разглядели красные звезды.

Глава 20 СМЕРТЬ В БИТВЕ

Линкор был достроен точно в срок. Контр-адмирал Биберев, назначенный командовать «Халхин-Голом» на время перехода из Сан-Франциско во Владивосток, подписал все документы и выглядел очень счастливым.

Вскоре после рассвета «Халхин-Гол» отдал швартовы, и портовые буксиры медленно оттащили махину линкора от причалов военного рейда, расположенного в Центральном бассейне залива. В трех кабельтовых от берега заработали машины, и корабль малым ходом двинулся на запад. Нырнув под исполинский мост Сан-Франциско — Окленд, линкор оставил по правому борту острова Йерба-Буэна и Алькатрас, миновал зону паромных причалов. Затем будущий флагман Тихоокеанского флота плавно выскользнул в океан между мысами Лойн-Пойнт и Форт-Пойнт. Чуть выше мачт корабля проплыла ажурная громадина моста Золотые Ворота, подвешенного над одноименным проливом на канатах в метр поперечником.

Когда перед линкором распахнулся океан, Биберев скомандовал «полный вперед», а Михаил отправился спать. От порта назначения их отделяли четыре с половиной тысячи миль — неделя пути экономическим ходом.

Меньше всего ему хотелось встречаться с племянником и первые сто часов плавания Михаил успешно уклонялся от общения с родичем. Однако везение никогда не бывает долгим. На четвертый день сразу после обеда в командирском салоне Стален сам подошел к дядюшке и чуть не силком повел показывать свое хозяйство.

В кормовой части линкора располагались две решетчатые платформы, на которых стояли гидросамолеты-бипланы. Летчик с гордостью сказал:

— Смотри, это КОР-3, то есть третья модель корабельного разведчика.

Двухместная машина для дальней разведки и корректировки артогня. Может летать над океаном шесть-семь часов.

Ни малейшего желания обсуждать достоинства миниатюрных этажерок у Михаила не было, но правила приличия требовали что-нибудь ответить. Он пробурчал:

— Если корабль попадет под обстрел, этим игрушкам плохо придется. Хоть бы бронированный ангар для них предусмотрели.

— Они нужны, главным образом, когда стрельба еще не началась. — Стален засмеялся, сверкая ровными шеренгами белоснежных зубов.

— Тоже верно... — Михаил избегал смотреть на собеседника. — Только я совершенно не понимаю, как твои самолетик взлетают и садятся. Даже таким крошкам нужна взлетно-посадочная полоса подлиннее всей линкорной палубы.

— Взлетает он с помощью катапульты и пороховых ракет, а садится на воду.

Потом гидроплан поднимают на палубу с помощью кранов... — Племянник прервал лекцию, выжидающе глядя на затылок Михаила, затем сказал: — Нам вроде поговорить надо.

— А по-моему, не о чем нам разговаривать. И незачем.

— Значит, ты на меня обиделся?

— Представь себе, нет. Чего мне на тебя обижаться... — Он вздохнул. — Ни на кого я, Степа, не сержусь. Просто чувствую себя немного неловко.

Стален осведомился приглушенным голосом:

— Значит, придешь на свадьбу? Ларисочка очень на этот счет переживает.

О таком мог спросить только сынок его сестрицы. Война идет, вокруг черт-те что творится, а этого оболтуса интересует, явится ли дядюшка смотреть, как его бывшая возлюбленная ставит в загсе подпись. Кстати, и Раю этот вопрос почему-то беспокоил. Садисты они, что ли... Михаил пробормотал:

— Посмотрим. Как получится.

От продолжения разговора его избавил подбежавший матрос-посыльный, который передал приказ командира: немедленно явиться в адмиральский салон.

В апартаментах Биберева собрался весь комсостав линкора. Матвей Аристархович, выглядевший очень встревоженным, сказал:

— Товарищи командиры, я только что получил шифротелеграмму из Главного морского штаба. Москва предупреждает, что в ближайшие дни ожидается внезапная, то есть без предварительного объявления войны, агрессия Японии против Советского Союза. Нам предписано повысить бдительность и привести корабль в боевую готовность — не исключено, что противник попытается атаковать и уничтожить наш линкор. Воздушные и подводные силы Тихоокеанского флота будут патрулировать квадрат к востоку от Курильских островов, чтобы обеспечить наше возвращение.

Кроме того, «Халхин-Гол» получил приказ выйти к архипелагу Адмирала Дорсона и сопровождать до Камчатки пароход «Забайкальский Комсомолец», который в настоящее время выполняет особую научную миссию на острове Туару.

«Там же Роман Григорьевич и Зураб, — забеспокоился Каростин. — А я даже не знаю, удалось ли им что-нибудь найти...»

За несколько часов до этого совещания на борту линкора руководители всех советских разведслужб доложили членам Политбюро тревожную информацию. Еще 16 октября ушел в отставку премьер-министр Коноз, и два дня спустя его заменил генерал Тодзио, который возглавил также важнейшие министерства — военное и внутренних дел. Хидэки Тодзио считался главным сторонником войны по «северному варианту» (то есть — против СССР), и последствия не заставили себя долго ждать.

Уже 7 ноября началась реализация заблаговременно разработанных планов боевых

действий на северном направлении. Ударному соединению флота (семь крупнейших авианосцев, восемь линкоров, десять крейсеров и около полутора десятков эскадренных миноносцев) было дано распоряжение к 22 ноября сосредоточиться у острова Итуруп, пополнить припасы и ждать приказа о начале войны. К советской границе подтягивались дивизии Квантунской армии общей численностью около миллиона штыков. Со дня надень ожидалось заседание Императорского тайного совета, который должен был дать директиву о разворачивании военных действий.

Японский генштаб намеревался повторить успех 1904 года, когда флот адмирала Того коварным ударом без каких-либо предупреждений совершил нападение на русские корабли в Порт-Артуре и Чемульпо.

— Выбрали момент, сволочи, мать их... — Сталин выразился длинно и умело. — Нам ведь нужно не больше двух недель отсрочки — когда погоним немца от Москвы, никакие японцы не посмеют точить зубы на Приморье.

— Они уверены, что Союз проиграл войну фашистам — потому и обнаглели, — злобно сказал Берия. Начальник военной разведки добавил:

— В Пентагоне тоже убеждены в неизбежности японского удара по Советскому Союзу. Американцы даже стянули в Перл-Харбор все тяжелые корабли, которые обычно патрулируют океан в окрестностях Японии. Вашингтон как бы намекает императорской ставке в Токио: можете бить русских, не опасаясь нашего противодействия.

Скрипнув зубами, Верховный Главнокомандующий подумал, что уже нельзя сделать ничего принципиального для усиления обороны на Дальнем Востоке. Армия давно отмобилизована и готова встретить агрессора. А слабенький Тихоокеанский флот — восемьдесят пять подводных лодок, девять эсминцев и две сотни катеров — все равно не способен противостоять огромной морской силе противника, даже если «Халхин-Голу» удастся прорваться в главную базу. И тогда он вспомнил о застрявшей на Туару экспедиции.

Когда лишь сорок миль отделяли их от острова, Биберева снова собрал старших командиров.

— Радисты перехватили передачу с Туару, — сказал он. — Возле острова стоит японский крейсер. «Забайкальский Комсомолец» потоплен, личный состав экспедиции пытается отразить высадку десанта.

— Как же они вышли в эфир, если радиостанция погибла вместе с пароходом? — спросил старший помощник. — Похоже на провокацию.

— Вот это нам и предстоит выяснить как можно скорее. Через час, когда «Халхин-Гол» приблизится к Туару на расстояние, с которого можно вести огонь главным калибром, мы должны точно знать, что там делается.

Контр-адмирал приказал играть боевую тревогу, выслать к острову самолет-корректировщик и включить радиолокатор. Михаил поднялся в свой отсек, который висел, словно бочка, внутри решетчатой мачты линкора. Операторы уже разогревали аппаратуру, и бегавший по экрану луч высвечивал расплывчатое пятно Туару, лежавшего пока за пределами надежной работы радара. Однако прошло совсем немного времени, «Халхин-Гол» подошел к этому клочку суши на пятьдесят пять километров, изображение стало более отчетливым, и Каростин доложил в боевую рубку, что рядом с островом действительно просматривается неподвижный корабль.

При этом Михаил едва не опростоволосился, когда по привычке чуть не назвал контр-адмирала просто Матвеем, словно они сидели дома в кругу семьи...

— Москва подтвердила, что экспедиция атакована, — прохрипел из телефонной трубки голос Биберева. — Держи связь со старшим артиллеристом.

Корабль мчался в атаку двадцатиузловым ходом, и дистанция быстро сокращалась: пятьдесят километров, сорок, тридцать пять, тридцать...

Артиллеристы отсчитывали дальность в десятых долях мили: триста пятьдесят кабельтовых, триста, двести пятьдесят... С этого расстояния линкор, оставаясь невидимым за эфемерной чертой горизонта, уже способен был достать неприятеля

шестнадцатидюймовыми снарядами. По приказу Биберева «Халхин-Гол» сбавил скорость до восьми узлов и сменил курс, обратив нос к норду, а левый борт — к Туару.

Огромные двухорудийные башни развернули стволы пушек перпендикулярно к продольной оси линкора.

Каростин сообщил дистанцию и азимут, старший артиллерист, сверившись с таблицами, передал командорам необходимые углы возвышения стволов, и гроыхнул первый залп. В каждой двухорудийной установке стреляла только правая пушка — одновременный залп всей восьмерки шестнадцатидюймовок был невозможен, поскольку чудовищная сила отдачи могла повредить крепления башен. Спустя минуту четыре снаряда упали возле цели, и радарную отметку вражеского крейсера заслонили искры помех. С борта КОР-3 передали: есть накрытие, цель повреждена. Убедившись, что взят верный прицел, из рубки отдал приказ открыть беглый огонь. Сначала вышвырнули свои заряды левые орудия, а затем, не дожидаясь результатов нового залпа, боевые расчеты повторно разрядили правые пушки. Когда траектории этих снарядов уткнулись в поверхность океана, отгрохотали разрывы и рассеялись помехи, цель исчезла с радарного экрана. Затем и пилот гидроплана сообщил, что крейсер уничтожен.

Вскоре после полудня «Халхин-Гол» встал на якорь напротив лагеря экспедиции. Неподалеку сиротливо выглядывала из-под воды верхушка мачты японского корабля, разорванного на куски ударами громадных — каждый больше тонны весом — снарядов. Биберов и Каростин в сопровождении нескольких моряков направились к острову на моторном катере. Встретивший их у кромки прибоя Недужко, не успев толком поздороваться, зашептал:

— Что делается, товарищи! Наш полиглот Игорь Старостин допросил пленного японского офицера. Страшные вещи мы узнали, — оказывается, их флот сосредоточен у Курил и вот-вот двинется бомбить Владивосток!

— Мы уже в курсе. Немедленно эвакуируем экспедицию и уходим. — Контр-адмирал подозвал матроса-сигнальщика: — Просемафорь на линкор, чтобы выслали шлюпки... Роман, сколько у тебя здесь народу?

— Двадцать два члена экспедиции, тридцать один человек из экипажа парохода да контуженных япошек из воды десятка два выловили.

Матрос замахал флажками, передавая адмиральский приказ. С обоих бортов «Халхин-Гола» начали опускаться на океанские волны веселые шлюпки. Ученые бросились в палатки собирать личные вещи и найденные на острове изделия гонтов.

Каростин, успевший расспросить Зураба и Ордынцева, отозвал адмирала в сторону и твердо сказал:

— Матвей, я должен любой ценой вывезти на материк оборудование с базы.

Биберов, хоть и готов был раскричаться, но понимал, сколь важно доставить в Москву образцы инопланетной техники. Раздраженно покривившись, он проговорил:

— Только, умоляю, торопитесь. Каждая минута задержки может стоить жизни.

— Сделаем все возможное, — заверил конструктор. Инженеры побежали в сторону пещеры, а Матвей Аристархович крикнул им вслед:

— Когда вынесете технику, я пришлю минеров. Оставшийся инвентарь надо будет взорвать, чтобы чужим ничего не досталось.

В «комнате привидений» инженеры показали потрясенному Михаилу отрывки из самых красочных кинокартин:

«Битва за Галактику», «Полоса препятствий», «Охотничья экспедиция», «Полководец», «Агрессия со звезд», «Командир взвода», «Чемпионат планеты», «Подводная охота», «Космический перехватчик» и «Падающие мячи». Казалось, лимит удивления на этом был исчерпан, но Котрикадзе запустил фильм, где гонтовская девица сопровождала стриптизом укладку разноцветных кубиков.

Выслушав объяснения, Каростин надолго задумался, потом произнес недоуменно:

— Я могу понять, для чего гонты прихватили в межзвездную экспедицию фильмы-

боевики. Я даже могу понять, для чего им порнографическая кинолента, — в конце концов, участникам многолетнего путешествия не помешает изредка расслабиться. Но до меня не доходит другое: чтобы раздеть эту бабу, зачем-то нужно уложить целый слой дурацких фигурок... Полный кретинизм — при чем тут стереометрия?!

— Мы думали об этом, — робко сказал Зураб. — Возможно, разгадка таится в каких-то мистических обрядах, которые привычны для гонтов, но совершенно непонятны нам.

— Допустим... — Михаил скептически надул губы и покачал головой. — Тогда объясните, пожалуйста, вот что... Правильно ли я понял, что каждый фильм можно смотреть в разных вариантах? Причем если нажать «Демонстрация», то телевизор каждый раз показывает один и тот же сюжет. А если мы выбрали «Одиночный» или «Парный», то сюжетом можно управлять. Так или нет?

Ошарашенно переглянувшись, его подчиненные признались, что в «одиночном» варианте смотрели только стриптиз. Все остальные картины крутили только через «Демонстрационный».

— И вы даже не попробовали изменять через «Одиночный» сюжеты более интересных фильмов? — поразился Михаил. — Ребята, вы меня разочаровали... Чем же вы занимались столько времени?

Смущенный Котрикадзе ответил, что они только позавчера научились обращаться с телевизионной аппаратурой гонтов, однако в тот же день нашли энциклопедию, после чего все инженеры и лингвисты были брошены на расшифровку научной информации. Михаил поневоле вспомнил американскую комиссию по радиосвязи, которая считала, что телевидение предназначено лишь для научных целей. Вот и милейший Роман Григорьевич всерьез полагал, будто стереотелевизоры инопланетян не могут хранить ничего, кроме серьезных фильмов и фундаментальных трудов по физике, математике и астрономии... А ведь ясно, что здесь кроется нечто иное, причем разгадка этой тайны может оказаться важнее любых физико-математических уравнений.

Очнувшись от этих мыслей, он увидел, как Зураб пытается запустить фильм «Рейд на Фурбешу» в режиме «Одиночный». Внутри кубического экрана титры быстро сменились изображением космических дредноутов, мчавшихся к тускло-красной звезде. Котрикадзе пошевелил рычажком, и звездная эскадра послушно изменила курс. Затем панорама Вселенной внезапно исчезла, и появилась знакомая маска, которую гонты надевали перед высадкой на Землю. Из динамиков послышался голос, четко выговаривавший русские слова:

— Звездолет вызывает старую базу. Мы знаем, что в данный момент люди работают с нашим оборудованием. Если слышите меня — отвечайте громким разборчивым голосом, старайтесь говорить в микрофон, расположенный чуть ниже экрана.

— Вижу и слышу вас, — ответил Михаил. — Где вы находитесь?

Гонт, словно не услышав его, повторил свое обращение, потом сообщил, что звездолет эвакуировал всех обитателей Тунгусского бункера и готовится взять курс на Огонто. После этого он сказал:

— Немедленно покиньте остров. Мы намерены ликвидировать расположенное там оборудование. Предупреждаю: будет взрыв, при котором радиация опасна для жизни в радиусе пяти километров. Вы меня поняли?

— Вы обещали нам... — попытался протестовать Михаил. Последовала короткая пауза, после которой гонт ответил:

— Обещание было силой вырвано у заложников, а потому не стоит о нем вспоминать. Повторяю. Командир звездолета приказал уничтожить базу вместе с островом. Ровно через час по земному времени вы должны находиться не ближе пяти километров от базы.

Михаил принялся торговаться, нагло солгав, будто они не успеют так быстро удалиться от Туару. В конце концов гонт без особого энтузиазма добавил тридцать минут, но предупредил: это — крайний срок и ровно через полтора часа будет включен детонатор. На этом сеанс связи оборвался.

«Между моим вопросом и его ответом выходила пауза в десять-двенадцать секунд, —

прикинул Михаил. Звездолет сейчас далеко от Земли, и радиоволнам требуется такое время, чтобы преодолеть путь от базы на корабль обратно...»

Получалось, что расстояние до звездолета составляет полтора-два миллиона километров.

Отгнав лишние мысли, он спросил, можно ли будет запустить эти стереотелевизоры от земных источников электропитания. Зураб заверил начальника, что никаких трудностей возникнуть не должно: требовался всего лишь временный ток с напряжением четыреста — четыреста тридцать вольт и частотой около восьмидесяти герц.

— Тащите на берег все, что сумеем вынести, — распорядился Михаил. — Дома спокойно посмотрим все их фильмы.

Телевизоры и радиоаппараты были намертво соединил со столами, которые в свою очередь составляли единое целое с полом отсека. Ни винтов, ни каких-либо иных соединений обнаружить не удалось, ножовке этот материал оказался не по зубам. Кто-то запоздало вспомнил об автогене. Презрительно покосившись на коллег, замкнувшихся на земных технологиях, Ордынцев достал из-за пояса лучевой пистолет и перерезал пучком концентрированного света ножки стола и пучки проводов, соединявших приборы с электросетью базы.

Они второпях выволокли из пещеры столы с закрепленными на них агрегатами. Последними уходили минеры, заложившие в каждый отсек базы по центнеру тротила.

Хоть гонты и обещали подорвать объект, люди решили подстраховаться. Часовой механизм фугаса был установлен на несколько минут позже времени, назначенного инопланетянами: если гонты не разнесут свою базу, это сделает земная взрывчатка.

Когда последняя шлюпка отчалила от берега, возле пещеры мягко и беззвучно приземлился обтекаемый аппарат размером с полуторку Горьковского автозавода.

Михаила Каростина это зрелище, несомненно, заинтересовало бы, а вот его сын, который родится через четырнадцать лет, без труда узнал бы авиетку троклемского производства. Четыре робота деловито забрали оставшиеся на складах предметы, вынесли аппаратуру телерадиосвязи, а также энергетические генераторы и компьютерно-информационные комплексы, принятые людьми за видеомоноблоки.

Квазиразумный Мозг Лабиринта очень интересовался техникой, которую создала цивилизация планеты Огонто.

Поднявшись на борт линкора, Михаил первым делом распорядился перетащить все экспонаты в надежное место, защищенное прочной броней.

Подняв якоря, «Халхин-Гол» лег на курс норд-вест. Каростин, стоявший на площадке рядом с радарным отсеком, смотрел в бинокль на удалявшийся Туару и заметил, как с острова поднялась крохотная темная точка. Локатор показал, что неизвестная машина быстро набирает высоту. Контакт был потерян в тридцати километрах от поверхности — «Сегмент-1» просто не предназначался для наблюдения за целями выше этой отметки... До конца жизни Михаил будет ломать голову над риторическим вопросом: кому принадлежал тот аппарат — гонтам или фурбенам?

А точно в названный гонгами срок сверкнула яркая вспышка. Сходящиеся лазерные импульсы разогрели смесь лития с дейтерием до температуры, при которой начинается термоядерный синтез. Ввысь рванулся шар раскаленной плазмы, сопровождаемый столбом пепла и пара. Несколько моряков, которые в этот момент разглядывали остров сквозь линзы и призмы оптических приборов, получили тяжелые ожоги роговицы. Грибовидное облако испаренной жидкости быстро остыло, а когда вода вернулась в океан, стало видно, что Туару больше не существует.

Всю ночь гудели паровые котлы, выжимая полную мощность, и турбины гнали огромный корабль на северо-запад. К утру их отделяло от места вчерашней стоянки почти триста миль. Но вскоре после рассвета натянутые на мачтах антенны приняли радиogramму с борта дальнего разведчика АНТ-39: японский флот курсирует восточнее Итурупа и Хонсю. Стало ясно, что самые удобные проливы — Надежды и Буссоль для «Халхин-Гола»

закрыты...

Бибереву даже не было надобности смотреть на карту, чтобы понять: следует уводить корабль как можно дальше к норду, а затем прорываться в Охотское море через Первый Курильский пролив под прикрытием береговой авиации. До Петропавловска-Камчатского оставалось почти полторы тысячи километров — тридцать часов движения полным ходом.

Если, конечно, враг не перехватит их превосходящими силами в открытом океане.

И это случилось. «Красная Звезда» сообщила, что на перехват «Халхин-Голу» спешит соединение в составе линкоров «Сайен» и «Тоса», авианосца «Амаги» и шести эсминцев или легких крейсеров. В 11.38, когда поступило это сообщение, оба линкора находились на расстоянии восьмидесяти пяти миль севернее советского корабля. Сопровождаемый миноносцами «Амаги» подтягивался с запада.

Адмирал приказал поднять в воздух КОР-3 и склонился над картой. Судя по данным, переданным с «Красной Звезды», «Сайен» и «Тоса» лишь перекрывали «Халхин-Голу» путь к Камчатке, а главный удар должны были нанести палубные бомбардировщики авианосца.

— Атакуем этот плавучий аэродром, — огласил свое решение Матвей Аристархович. — Взять четыре румба к весту. Полный вперед.

— До «Амаги» почти сто миль, — напомнил старший помощник. — Мы сблизимся на пушечный выстрел только через четыре часа, да и то если японец не сообразит отойти на запад. За это время они успеют послать на нас три волны пикировщиков и торпедоносцев.

— Через полчаса между нами будет всего восемьсот кабельтовых — вполне достаточно для стрельбы подкалиберными. — Биберев зловеще ухмыльнулся. — Подать в башни двенадцатидюймовые снаряды.

А чуть позже из радарной бочки пришло предупреждение от Каростина: приближается большая группа воздушных целей.

Внешне корабль казался вымершим — на палубе не видно было ни одного человека. Лишь стволы всех калибров шевелились как живые, выбирая себе добычу.

Эскадрильи японских самолетов — четыре десятка торпедоносцев типа «97» и бомбардировщиков типа «99» — находились на расстоянии пяти минут полета от «Халхин-Гола», когда носовая башня выпустила первый снаряд. Затем поочередно, с тридцатисекундными интервалами, окутались дымом выстрела остальные установки.

Пороховой заряд шестнадцатидюймовки выбрасывал начиненную тротилом болванку весом в тысячу сто килограммов со скоростью, достаточной, чтобы грозный боеприпас пролетел сорок два километра, или двести тридцать кабельтовых. Однако за последний год на Кронштадтском полигоне удалось отработать приемы сверхдальнобойного огня. Если в шестнадцатидюймовую пушку загнать двенадцатидюймовый снаряд, который весит всего четыреста семьдесят килограммов, то взрыв такого же количества пороха разгонит его до еще больших скоростей и дальность стрельбы увеличивается в три с лишним раза. Правда, в таком случае дальномерщики и наводчики не видят ни самой цели, ни разрывов вокруг нее, но не зря ведь существуют самолеты-корректировщики и рассчитанные на электрической машине точнейшие таблицы стрельбы.

КОР-3 и АНТ-39 радиовали результаты пристрелочной серии: первое падение — недолет на пять кабельтовых, второе — промах на шесть кабельтовых к северу...

Одновременно загрохотали стомиллиметровые зенитки, спустя несколько секунд к ним присоединились автоматические пушки меньших калибров.

Четкий строй японских эскадрилий украсился множеством разрывов. Один бомбардировщик, загоревшись, упал в океан, другой потерял солидный кусок крыла и очень забавно кувыркался, пока не скрылся под волнами, на третьем осколки вывели из строя мотор. Взорвался еще один «97-й» — стремительные кусочки металла поразили подведенную под его брюхом торпеду. Отчаявшись преодолеть сплошную стену заградительного огня, японские пилоты отвернули, потеряв при этом пятую машину. Лишь несколько одномоторных торпедоносцев сбросили свой груз на почтительном удалении, однако смертоносные сигары безвредно прошли далеко от линкора.

Между тем артиллеристы «Халхин-Гола» внесли поправки в прицел, и башни главного калибра дали еще два залпа с чуть отличными углами возвышения орудий.

Японские самолеты уже заходили в атаку с другого борта. Снова заговорили зенитки. За минуту были сбиты четыре «99-х», а море вокруг линкора закипело от бомбовых разрывов. Потом буквально в нескольких метрах перед форштевнем «Халхин-Гола» обрисовался пузырьковый след, оставленный торпедой. Малокалиберные пушки левого борта расстреливали вдогон удалявшиеся эскадрильи, достав еще один бомбардировщик.

В рубку начали поступать рапорта из отсеков. Две бомбы ударили в бортовую броню чуть выше ватерлинии, но взрывы не смогли разрушить слой вязкой стали толщиной в триста пятьдесят миллиметров. Третья бомба прошла навывлет заднюю трубу и разорвалась над морем в десятке метров от корабля. Итоги первых налетов: противник потерял не меньше десяти машин, а на линкоре вышла из строя одна шестидюймовка, два краснофлотца убиты, пятеро — получили ранения.

Радиорубка приняла новое сообщение с воздушных корректировщиков: второй залп дал накрытие, третий лег с перелетом в полтора кабельтова. Пристрелка была закончена, и главный калибр заработал на пределе технической скорострельности.

Ежеминутно каждая башня выпускала три-четыре снаряда. Всего в погребах «Халхин-Гола» имелось по двадцать подкалиберных боеприпасов на каждое орудие, так что вылетели они за шесть минут. Первое попадание пришлось в «остров» ~ надстройку на краю взлетной палубы авианосца. Чуть погодя другой снаряд, упав почти отвесно, пробил стальную палубу и разорвался в трюме. Сила взрыва вывернула наружу края пробоины, огромный участок взлетной полосы вспучило, из внутренних отсеков показались языки пламени. Наконец один из снарядов предпоследнего залпа угодил в корму, расшвыряв подготовленные к вылету самолеты, на нескольких машинах взорвались бомбы и торпеды. Теперь «Амаги» горел по-настоящему, причем огонь подбирался к хранилищу боеприпасов и цистернам с запасом бензина для бортовой авиации.

За короткий промежуток этой канонады «Халхин-Гол» отразил, последнюю воздушную атаку, самую яростную из всех. Экипажи бомбардировщиков уже знали, что обречены, потому что поврежденная палуба авианосца не сможет принять их машины.

Пилоты безоглядно вели свои «97-й» и «99-й» навстречу трассам зенитных снарядов.

Больше дюжины пылающих самолетов рухнули в океан, но с десятков сумели прорваться сквозь огненную завесу и прицельно сбросили груз. Бомбы разрушили вторую башню главного калибра и несколько зенитных установок, перебили паропровод, подожгли кормовую надстройку, пробили солидных размеров дыру в той части корпуса, которая была защищена тонким слоем брони. Шальная торпеда поразила правый борт. Взрыв ниже ватерлинии расшатал броневые плиты, и вода постепенно заполняла отсек.

— Откачивайте, это — не смертельно. — Биберов пожал плечами. — Мы сохраним плавучесть даже с десятью затопленными отсеками... Что сообщает воздушная разведка?

— Наш гидроплан сбит истребителями, — рапортовал старший помощник. — «Красная Звезда» передала, что «Амаги» горит и погружается кормой. Крейсер и эсминцы подошли почти вплотную и пытаются снять экипаж авианосца. Командир «Красной Звезды» радировал также, что уходит на базу — у них горючее на исходе.

— Значит, авианосец мы им выбили малой кровью. — На лице контр-адмирала засияла гримаса злорадного удовлетворения, и старый моряк продолжал рассуждать вслух: — Подкалиберные снаряды все расстреляны, а продолжать сближение, чтобы добивать эту рухлядь, не вижу смысла... Возвращаемся на курс норд-вест, попробуем прорваться мимо Шейных кораблей. В темноте у нас будет преимущество — японцы не имеют радаров.

Старшие командиры линкора согласились с этим решением, но сам Биберов прекрасно понимал, что до темноты еще далеко, стало быть, главная часть сражения будет протекать в светлое время суток. Проще всего было сделать зигзаг миль на триста к востоку, обогнуть в течение ночи вражеское соединение, а затем спокойно шлепать на Камчатку и дальше в Охотское море. Однако мазута в топливных цистернах оставалось в обрез — как раз хватит,

чтобы пройти кратчайшим курсом. С другой стороны, от «Халхин-Гола» вовсе не требовалось добраться невредимым до Владивостока. Задача боевого корабля — нанести противнику как можно более тяжелые потери. И не суть важно, когда и как это сделать: операциями из главной базы после официального объявления войны или в открытом море, прорываясь к родному порту в предвоенный период.

«Халхин-Гол» уже немало натворил, изувечив авиаматку. Если вдобавок удастся хоть на некоторое время вывести из строя «Сайен» и «Тоса» — можно считать, что линкор выполнил свое предназначение. Понеся столь тяжелые потери, Япония может даже отказаться от нападения на Советское Приморье.

Отправив короткую радиogramму в штаб Тихоокеанского флота, Матвей Аристархович вызвал старшего лейтенанта Биберева и приказал ему лично вылететь на последнем гидроплане и разведать обстановку. Он понимал, что отправляет единственного сына в полную неизвестность и почти на верную смерть, потому что в разгар сражения линкор не сможет заниматься возвращением самолета на борт. Но понимал он и другое: никому не дано знать, где окажется безопаснее — на корабле, под обстрелом двух вражеских линкоров, или в небе на почтительном удалении от японских зениток... Только вылет пришлось отменить, потому что КОР-3 был поврежден осколком бомб и теперь бригада авиамехаников торопливо латала пробойны.

Воздушная разведка откладывалась по меньшей мере часа на два, а пока вся надежда была на радиолокатор. Именно «Сегмент-1» предупредил о приближении трех кораблей с запада. Вскоре их разглядели наблюдатели и дальномерщики — легкий крейсер и два миноносца. Вероятно, те самые, которые входили в эскорт покореженного «Амаги». Тратить на подобную мелочь крупнокалиберные боеприпасы, которых оставалось не слишком много, Биберов не собирался. Большим сюрпризом для японцев оказалась дальноточность советских шестидюймовок, которые уже вторым залпом подожгли замыкающий эсминец. Получив еще несколько попаданий, отряд легких сил покинул зону обстрела и скрылся за горизонтом.

На линкоре, который упрямо стремился к южной оконечности Камчатки, не знали, что пламя пожаров уже добралось до бомбовых погребов «Амаги», после чего огромный корабль, разорванный на две половинки, быстро скрылся под водой. Не знали и того, что спустя полчаса затонул эскадренный миноносец «Икацучи», в который попало не меньше трех снарядов, а тяжело поврежденный крейсер «Камикадзе» пойдет ко дну завтра вечером, почти добравшись до порта Сасебо. Не знали и самого приятного — что с дальневосточных аэродромов поднялись два полка дальних морских бомбардировщиков ТБ-3ф и полк новейших Пе-8, получивших приказ любой ценой уничтожить японские корабли, преградившие путь советскому линкору. К сожалению, самолетам требовалось почти четыре часа, чтобы достичь квадрата, где вот-вот должна была развернуться артиллерийская дуэль.

Первым противника снова обнаружил радар. На экране «Сегмента» четко высветились отразившие радиоволны корпуса кораблей — два больших и четыре поменьше. Оценив ситуацию, Биберов и его помощники приняли единственное возможное при таком раскладе сил решение: с предельной дальности сосредоточить огонь на «Сайен», по возможности вывести из строя этого исполина, затем расстрелять «Тоса» и, растворившись в ночном мраке, продолжать движение на северо-запад.

Огонь по противнику открыла в 15.23 носовая башня, выпустившая шестнадцатидюймовый снаряд, когда расстояние составляло двести двадцать пять кабельтовых. Третьим залпом добились попадания в среднюю часть «Сайен». Потом были зафиксированы четыре прямых попадания между 15.30 и 15.40. Сразу после этого вокруг «Халхин-Гола» выросли стены пенящейся воды, поднятые падающими вокруг японскими снарядами.

К 15.50 дистанция сократилась до пятнадцати миль. Теперь почти каждый залп достигал цели. «Сайен» горел, но продолжал вести огонь кормовой башней. Затем японский флагман, резко переложив рули, ушел на север с сильным бортовым креном.

На «Халхин-Голе» к этому времени число убитых и раненых перевалило за сотню, линкор потерял третью башню и половину артиллерии среднего калибра, появились первые пробоины на уровне ватерлинии.

Обнаружив отступление главного противника, Биберев азартно хлопнул в ладоши и крикнул старшему артиллеристу:

— Переноси огонь!

Тот кивнул, не отрывая от уха телефонную трубку — именно такой приказ он передавал в этот миг командирам уцелевших башен. Расстояние позволяло присоединить к шестнадцатидюймовкам огонь орудий среднего калибра. Начался нудный обмен ударами на встречных галсах. «Халхин-Гол» был больше по водоизмещению, к тому же советские снаряды были тяжелее японских, а потому наносили большие повреждения. В 16.19 охваченный пожарами «Тоса» не выдержав избиения, развернулся и начал отходить к северу, зарываясь носом в волны.

Японский капитан явно надеялся увеличить дистанцию, но это не удалось. Продолжая греметь залпами из двух частично боеспособных концевых башенных установок, «Халхин-Гол» уверенно настигал противника. Японский корабль заметно заваливался на правый борт.

Еще несколько удачных попаданий в любезно подставленную корму — и «Тоса» потерял ход, беспомощно покачиваясь на волнах. «Халхин-Гол» сбавил обороты турбин и медленно прошел в семи десятках кабельтовых от парализованного неприятеля. При этом артиллерия советского линкора методично, как на учебных стрельбах, посылала снаряды в неподвижную стальную жаровню. В 16.44, когда начало темнеть небо над океаном, «Тоса» стремительно опрокинулся, коснувшись воды обрубками труб и мачт. Разгулявшийся шторм поднял волнение, не сулившее приятных перспектив японским морякам, которые прыгали за борт, пытаясь вплавь спастись с обреченного линкора. Попрощавшись с ними залпом из кормовых батарей, «Халхин-Гол» дал полный ход. Прямо по курсу маячил успевший затушить пожары «Сайен».

Когда вызванный адмиралом Михаил явился в рубку, ему поневоле пришлось выслушать безрадостные рапорта командиров подразделений. От главного калибра осталось лишь три ствола, из шестнадцати шестидюймовок могли стрелять только семь. Во многих отсеках имелись пробоины, так что вода непрерывно поступала в трюм, и осадка корабля увеличилась почти на метр.

— Понял, Мишка? — возбужденно бросил Биберев. — Хана линкору. Не видать «Халхин-Голу» Владивостока. Запаса хода не хватит! Я теперь только об одном думаю — как бы «Сайен» ко дну пустить.

— Значит, не судьба домой вернуться. — Михаил равнодушно развел руками.

Он слишком долго работал на военное ведомство и свыкся с неизбежностью насильственной смерти, в том числе и своей собственной. Жаль было лишь той техники, которую они вывезли с базы на острове Туару.

— Надеюсь, линкор затонет на большой глубине, — сказал Каростин. — Наши находки не должны попасть в руки противника.

— Рано нас хоронишь. — Матвей Аристархович был полон оптимизма. — Главный штаб сообщил, что на полпути между Камчаткой и местом, где мы сейчас находимся, развернуто соединение подводных лодок. Если прорвемся в тот квадрат — и экипаж спасем, и все материалы экспедиции. Но только... — Контр-адмирал замялся. — Мне приказали немедленно отправить тебя на материк. Возьмешь все самые ценные записи и полетишь на последнем гидроплане.

— Некрасиво получается, — заартачился Михаил. — Пускай летит Роман Григорьевич — он лучше меня знаком с находками.

— Приказы не обсуждаются, — отрезал Биберев.

Ветер гнал высокие волны, и огромная масса линкора ощутимо переваливалась с борта на борт. Из последних сил сражаясь с морской болезнью, Михаил вполз в толстую шерсть водолазного белья, натянул поверх суконный морской мундир, закутался в бушлат и,

продолжая постукивать зубами, забрался в заднюю кабину биплана. У него за спиной хлопнул выстрел катапульты и завывли пороховые ускорители. Подгоняемый огненной тягой ракет, игрушечный самолетик сорвался с решетчатой фермы, едва не коснулся поплавками волн, однако пропеллер вытянул КОР-3 на полукилометровую высоту, и гидроплан направился в сектор, где их ждали субмарины.

А внизу сошлись в последней схватке два израненных линейных великана.

«Халхин-Гол» настигал японца двумя десятками бронебойных болванок, но и сам получил не меньше. «Сайен» отступил, и на «Халхин-Гол» бросились четыре эсминца, которые были потоплены, но успели выпустить почти в упор серию торпедных залпов.

Советский корабль ушел под воду, продолжая стрелять из последних орудий. Когда мачты линкора скрылись в волнах, налетели тяжелые бомбардировщики, закидавшие японцев бомбами и торпедами. «Сайен», на котором после артиллерийской дуэли вышли из строя почти все зенитные пушки, не сумел отбить воздушную атаку и вскоре затонул. Затем были отправлены на дно оба уцелевших миноносца.

Спасшихся не было — шторм погубил немногих моряков, которым удалось выбраться из тонущих стальных гробов.

Глава 21 СБОР В БОЛЬШОЙ ГОСТИНОЙ

Утром по московскому времени авиетка доставила на Станцию остальных Посвященных, так что большую часть исторической хроники они смотрели в полном составе.

В последних кадрах Координатор показал им, как гидроплан сел на воду около подводной лодки и мокрые закоченевшие Каростин и Биберева скрылись в люке, после чего субмарина погрузилась, оставив на поверхности лишь глазок перископа. А штабной Пе-8 передал в эфир радиogramму, зашифрованную предельно примитивным кодом: дескать, наблюдаем разгром японского соединения эскадрой линкоров, несущих флаги Соединенных Штатов. Чуть позже радиоволны разнесли новую дезинформацию: американцы сняли с тонущего «Халхин-Гола» много людей, в том числе гражданских, а также какие-то большие ящики, после чего эскадра взяла курс на Гавайские острова.

Последовал оживленный обмен депешами между Токио и Берлином, в результате которого Императорский тайный совет принял решение бомбить не Владивосток, а скопление американских кораблей в порту Пёрл-Харбор. Союзники по фашистскому блоку рассудили, что могущественная техника пришельцев из космоса не должна достаться проклятым янки, и 7 декабря 1941 года Япония начала войну против США.

Это случилось на следующий день после известия, что Красная Армия разгромила гитлеровцев под Москвой.

Был еще короткий видеосюжет о встрече Ближнего Круга, на которой подводились итоги минувшего года. Молотов заметил, не скрывая завистливого восхищения:

— Как ты предусмотрел, что надо будет выдать в эфир ту липовую информацию? Ведь к моменту вылета бомбардировщиков мы еще не знали, что там произойдет...

Пожав плечами, Сталин произнес негромким равнодушным голосом:

— Политик должен уметь правильно предвидеть будущее. Иначе он не политик, а...

Координатор не дал Верховному завершить эту фразу и оборвал трансляцию.

Вероятно, деликатный суперробот не желал оскорблять излишне сочными терминами нежный слух дам, находившихся в Большой Гостиной. Тем не менее Сергей возмутился:

— Ты опять снабжаешь нас отредактированной версией событий. Я заметил разницу в видеосюжетах о первой беседе на Холодной даче. В тех кадрах, которые ты дал Диане год назад, не было кое-каких эпизодов.

— ВЫ ПОЛУЧАЕТЕ СВЕДЕНИЯ, КОТОРЫЕ НЕОБХОДИМЫ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ СИТУАЦИИ. АБСОЛЮТНО ПОЛНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В РЕЖИМЕ РЕАЛЬНОГО ТЕМПА

СОБЫТИЙ ОТНЯЛА БЫ СЛИШКОМ МНОГО ВРЕМЕНИ.

Диана фыркнула и потребовала объяснений: за каким дьяволом к ним среди ночи прислали роботов и привезли сюда, на звездный вокзал.

— Погоди, сестренка, не надо возмущаться, — сказал Аркадий. — Меня знаете что потрясло? Тот момент, когда наши предки приняли компьютер за телевизор.

Конечно, человеку того времени немислимо было представить, что электронный калькулятор-арифмометр окажется похожим на маленькую коробочку с экраном, которая помещается на письменном столе.

— И еще труднее — сообразить, что такое чудо техники используется для тупых игр со стрельбой и стриптизом, — фыркнул Атилла. — Но, Координатор... Ау, ты слышишь меня?

— РАЗУМЕЕТСЯ, СЛЫШУ. И НАДЕЮСЬ, ЧТО ВЫ НАКОНЕЦ УДОВЛЕТВОРИЛИ СВОЮ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТЬ И ГОТОВЫ ЗАНЯТЬСЯ БЕЗОТЛАГАТЕЛЬНЫМИ ДЕЛАМИ.

— Обязательно займемся. Но растолкуй нам, каким образом Тунгусский метеорит, то есть звездолет гонтов, оставил такие следы разрушений. И разумеется, как протекал тот бой между кораблями Фурбенты и Огонто.

— ПЕРСОНАЛ ВСЕГДА НЕСЕРЬЕЗНО ОТНОСИЛСЯ К НЕПОСРЕДСТВЕННЫМ ОБЯЗАННОСТЯМ. И ТРОКЛЕМИДЫ, И ЛЮДИ В ЭТОМ ОТНОШЕНИИ ОДИНАКОВЫ. СМОТРИТЕ, КАК ЭТО БЫЛО...

На голограмме появилось изображение космического корабля, летевшего над Землей. Координатор прокомментировал: звездолет с Огонто 24 июня 1908 года приблизился к планете и вышел на орбиту искусственного спутника с параметрами: апогей — восемьсот сорок километров, перигей — семьсот девяносто километров.

Экспедиция совершила несколько высадок, добыла образцы земной техники, провела медико-биологическое обследование людей и других представителей планетарной фауны. Главным образом гонты собирали информацию о культуре, истории, политической жизни человечества. В эти дни одна из французских обсерваторий наблюдала корабль инопланетян.

В последний день июня локаторы сообщили о приближении неизвестного космического аппарата. Вскоре стало понятно: к Земле направляется звездолет Фурбенты. Похоже, обе экспедиции обнаружили присутствие противника практически одновременно. Звездолеты обменялись импульсами сверхжесткого излучения. Защитные поля отразили немалую часть разрушительной энергии, но какая-то часть квантов и разогнанных до субсветовой скорости антипротонов достигла корпусов, превратив сверхтвердое вещество в смесь плазмы и расплавленной материи, удерживаемых вместе силовыми полями.

Поврежденные машины не прекратили сражения, хотя в их двигателях уже начиналась неуправляемая реакция, фурбенский звездолет преследовал гонтов, наносил новые удары, гонты отстреливались. На обоих кораблях отказали антигравитаторы, вышло из строя рулевое управление, но двигатели и оружие продолжали работать, и звездолеты мчались с ускорением по траектории пологого спуска. Энергия реактивной тяги, направленная противоположно вектору движения, то есть на юго-восток, валила таежные деревья. Каждый из двух падающих кораблей отметил свой путь отдельной просекой. А затем оба звездолета столкнулись над озером Чеко и прогремела серия ужасающих взрывов. Последовавшее гудение, упомянутое многими очевидцами, издавали двигатели спасательной шлюпки гонтов.

— Логичная картина, — признал Барханов. — Не оставляет белых пятен в истории Тунгусского катаклизма.

— ЗАЙМИТЕСЬ НАКОНЕЦ ДЕЛОМ, — потребовал потерявший терпение Координатор. — ВРЕМЕНИ МАЛО. НА ПАМИРЕ СКОРО НАЧНЕТ ТЕМНЕТЬ. КСТАТИ, ПОДЧИНЕННЫЕ СЕРГЕЯ УЖЕ НЕРВНИЧАЮТ.

— На каких таких «важных делах» заикнулся этот зануда? — язвительно осведомилась Диана. — По-моему, некоторые квазиживые псевдоразумные роботы пытаются командовать Персоналом.

— Не шути, дело серьезное, — строго сказал Сергей. — От нас требуется...

Подполковник коротко изложил перечень задач, которые им предстояло решить в кратчайшие сроки. По мере его рассказа лица друзей вытягивались все сильнее.

Общее мнение выразил Аркадий:

— Ты бы, старик, температуру измерил.

— Чистое безумие, — согласился Николай. — Иерусалим битком набит войсками, полицией, спецназом. Причем все подразделения имеют боевой опыт, они же наддрессированы охотиться на террористов и давить выступления палестинцев.

Набрав побольше воздуха, Сергей собрался было сказать, что спецподразделения на то и существуют — выполнять невероятные задания. Однако Каростина опередил Координатор:

— ЕСЛИ НЕ УДАТСЯ РЕШИТЬ ЗАДАЧУ СИЛАМИ ЗЕМЛЯН, МНЕ ПРИДЕТСЯ ДЕЙСТВОВАТЬ САМОМУ. ПРОСТЕЙШИЙ СПОСОБ — НАНЕСТИ ПО ИЕРУСАЛИМУ РАКЕТНЫЙ УДАР.

И робот флегматично объяснил: существует возможность расстрелять ЦЭШ с одного из подводных ракетносцев. За последний месяц ЦРУ оборудовало детекторами Леемана — Поланта все стратегические базы США, равно как все американские бомбардировщики и корабли, вооруженные баллистическими или крылатыми ракетами.

Благодаря усилиям банды Короля, такие же приборы охраняют сегодня все наземные пусковые установки Российской Федерации, а также размещены на многих подводных лодках. Однако три ракетносца Северного флота, которые находятся на боевом дежурстве больше двух месяцев, детекторов еще не получили. Координатор может перехватить управление этими субмаринами и выпустить ракету с ядерной боеголовкой по любой мишени. Лучше всего годилась для целей квазиразумного робота подлодка К-276 «Евпатий Коловрат».

— Этого нельзя делать ни в коем случае! — вскричала Диана. — Допустим, удастся избежать новой мировой войны, но пойми: даже одиночный ядерный взрыв убьет сотни тысяч мирных жителей.

— МНЕ САМОМУ НЕ ХОЧЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ СТОЛЬ ГРУБЫЕ ПРИЕМЫ. НО С КАЖДОЙ ЕДИНИЦЕЙ ВРЕМЕНИ СИТУАЦИЯ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В БЕЗВЫХОДНУЮ.

— Мы сделаем это сами, — заверил Каростин. — Но тебе придется обеспечить нас информацией о расположении ряда объектов в Иерусалиме, Кандагаре и Душанбе.

Кроме того, понадобятся безукоризненно изготовленные документы и, разумеется, соответствующее снаряжение.

Посвященные смотрели на него с нескрываемым удивлением. Сергей подозревал, что смутился даже Координатор. Тем не менее он изложил свой план многоступенчатой операции, которой предстояло начаться на Памире и завершиться в самом сердце Ближнего Востока.

Мгновенно оценив достоинства его замысла. Координатор ответил практически без паузы:

— ПРИБЫВ В ИЕРУСАЛИМ. ВЫ ДОЛЖНЫ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ РАЗГРОМИТЬ ЦЭШ И ЛИШЬ ПОСЛЕ ЭТОГО АТАКОВАТЬ РЕЗИДЕНЦИЮ ШУРУПА.

Поступать таким образом было нельзя ни в коем случае, но подполковнику пришлось повозиться, чтобы убедить в этом упрямого робота. ЦЭШ относился к числу правительственных учреждений, поэтому после его уничтожения будут немедленно подняты по тревоге все армейские и полицейские подразделения, то есть Посвященным просто не позволят доехать до зарубежной штаб-квартиры гвоздевской группировки. Иное дело, если сначала напасть на особняк возле Президентского сада — такое нападение будет воспринято как банальная разборка между кланами «русской мафии», а следовательно, полиция не станет устраивать большой тревоги.

И уж подавно не станет задерживать колонну армейских машин...

— Неужели в самом деле раздобудем танк... — мечтательно вздохнул Алексей.

Похоже, земляне уже приняли замысел своего командира. Последним капитулировал

Координатор:

— МОЖЕТЕ УНИЧТОЖАТЬ ИХ В ЛЮБОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ПО СВОЕМУ УСМОТРЕНИЮ. ГЛАВНОЕ — ЛИКВИДИРОВАТЬ ОБА ОБЪЕКТА.

Параллельно с этим разговором процессорная сеть Лабиринта, проанализировав предложенный Каростиным план, вносила необходимые коррективы. Периферийным устройствам Станции Земля были распределены задания сфабриковать необходимые документы и подготовить снаряжение, которое может понадобиться на разных этапах предстоящего рейда.

Не успел Алексей посетовать: жалко, мол, не успели мы с Мальвинкой изготовить пробный экземпляр импульсного ружья, как роботы вынесли длинноствольный бластер неизвестной конструкции. Координатор объяснил, что сам довел до завершения работу, которую начала семья Бужинских. Оружие совмещало достоинства троклемского лучемета общевойсковой образца и советского ручного лазера «Пунктир». Основной узел бластера — газодинамический квантовый генератор — был изготовлен исключительно из деталей земного производства и стрелял короткими импульсами ультрафиолетового диапазона, которые на дистанции до полутора километров пробивали сантиметровой лист стали.

Кроме этого ружья роботы принесли семь (Координатор «по умолчанию» включил Пасари и Атилла в состав Персонала) комплектов камуфляжа, который внешне не отличался от гардероба, принятого в войсковых частях ГРУ, но защищал от огня автоматических винтовок, а также поддерживал вокруг тела оптимальный микроклимат. Еще в снаряжение входили сферические каски из прочнейшей керамики, армированной титановыми прутьями. Вмонтированные в шлем электронные устройства включали переговорное устройство и миниатюрный переводчик, не только обеспечивающий синхронный перевод устной речи, но и позволяющий людям свободно общаться с фурбенами и гонтами. Гибкий кронштейн микрофона, напоминавшего загубник акваланга, был прикреплен к нижнему угловому выступу каски.

Ознакомившись с назначением множества приспособлений, которыми снабдил их предусмотрительный хозяин Лабиринта, люди едва не впали в эйфорию.

— С таким техническим обеспечением кого хочешь возьмем, — с воодушевлением сказал Аркадий. — Как говорил классик, техника решает все.

— Увы, далеко не все, — вздохнул Атилла, которого жизнь сделала если не пессимистом, то отпетым скептиком. — Не забывай, что в нас тоже будут стрелять. Причем среди наших противников могут оказаться не только лопухи.

— Скорее всего, лопухов окажется немного, — согласился с ним подполковник.

Он снова начал разыгрывать в уме предстоящую авантюру: разобраться с фурбеном по кличке Саре-Сиях будет несложно, разгромить вражескую резидентуру в Душанбе — тоже, тем более что Координатор сообщил им адрес, по которому установлен детектор. Потом — быстрая разборка в Афганистане, за которой последуют бросок на Ближний Восток и просачивание в Иерусалим... Сергей наконец понял, что его беспокоило.

— Координатор, я не могу вспомнить адрес иерусалимского особняка, где живет Король. Два дня назад мы говорили об этом с генералом Жихаревым, но...

— ОЧЕНЬ ЖАЛЬ, ЧТО Я НЕ УМЕЮ СМЕЯТЬСЯ. — Координатор придал своему голосу язвительную интонацию. — ЭТОТ АДРЕС ОТПЕЧАТАЛСЯ В ТВОЕЙ ПАМЯТИ, И Я ДАВНО ЕГО ПРОЧИТАЛ.

Одна из голограмм воспроизвела отрывок недавнего разговора в кабинете начальника ФУОПИ. Действительно, подсознание Сергея сохранило всю информацию: два телефонных номера, номер дома, улица, район. Теперь у них оставалась лишь одна загвоздка: раздобыть танк. Прочие проблемы командир «Финиста» считал не слишком существенными, да и с танком задержек возникнуть не могло — в супермилитаризованном Израиле хватало боевых машин любого типа, надо только протянуть руку и взять то, что нужно.

Остальные, кажется, были не прочь продолжить дискуссию, но Координатор тактично

поторопил их, сообщив, что уже поданы машины, которые отвезут присутствующих на Станцию Земля.

Заскучавшие на Станции спецназовцы с интересом разглядывали незнакомых людей, сопровождавших командира полка. Особое внимание бойцов привлекли затянутые в камуфляж женские фигурки. Сергей грозно рявкнул, приказал построиться и огласил боевую задачу. Услышав, что предстоит разгром нескольких гнездовых мафии, народ заметно повеселел.

— Наличные, которые захватим за время операции, делим на всех поровну, — пообещал подполковник.

После этого подразделение готово было идти на кого угодно, хоть с голыми руками. Только дотошный Демьяненко переспросил:

— А что, если там не будет наличных?

— Тогда получите по десять тысяч баксов от фирмы «Черный поиск». Устраивает?

Недовольных не осталось. Даже вертолетчик Паша Рамазанов, который формально не служил в спецназе, выразил готовность задержаться в подразделении «Финиста» на любое время. Свой Ми-8 капитан уже потерял, так что в полку он понадобится не скоро. Каростина это вполне устраивало — опытный летчик мог им очень пригодиться по пути из Кандагара в Эмираты.

Авиетка вынырнула в трехмерное пространство на высоте две тысячи четыреста километров над Памиром. Подобное удаление от поверхности планеты надежно предохраняло канал телепортации от вируса, которым специалисты ЦЭШа зарядили приборы Леемана — Поланта. Возможно, Координатор был бы рад поднять двадцатиместный летательный аппарат еще выше, однако телепортирование материальных тел было возможно лишь в очень ограниченных пределах вокруг приемопередатчика. А ближайший агрегат такого рода, смонтированный много тысячелетий назад экипажем троклемского звездолета, находился сейчас точно под ними — где-то в скальной толще возле озера Каракуль. Именно за этим приемопередатчиком охотился Саре-Сиях.

Обгоняя звук, авиетка устремилась к Земле. Еще недавно аппарат был бы немедленно обнаружен развернутыми здесь средствами противоракетной обороны, но сейчас, когда среднеазиатские государства провозгласили суверенитет, радарная сеть практически прекратила существование, поэтому их спуск остался незамеченным.

Снизившись до плотных слоев атмосферы, машина сбросила скорость до половины звуковой — иначе ударная волна сделала бы приближение авиетки слишком заметным.

Пробив низкую облачность, летающий автобус направился к ущелью Шах-Киик. «Только бы проклятый фурбен не сменил место базирования», — подумал вдруг Сергей.

Часть III ЗВЕЗДНЫЙ БЛИЦКРИГ

Глава 22 САМЫЙ СТРАШНЫЙ ВРАГ

Авиетка лавировала между горных пиков, двигаясь немногим быстрее боевого вертолета. Сергей узнал местность, несмотря на темноту, оптика позволяла разглядеть конический выступ, на котором они отсиживались прошлой ночью. У подножия гранитной стены ущелья валялись слегка засыпанные снегом обломки их Ми-8. Троклемский аппарат неподвижно завис над землей и начал опускаться. В момент приземления все Посвященные услышали урчащий голос Координатора:

— ХОЧУ ЕЩЕ РАЗ НАПОМНИТЬ, ЧТО МНЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО НУЖНЫ ОБРАЗЦЫ ФУРБЕНСКИХ ДЕТЕКТОРОВ. Я ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО ПРЕДСТАВЛЯЮ СЕБЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ И ПРОГРАММНЫЕ СРЕДСТВА, С ПОМОЩЬЮ КОТОРЫХ ПЫТАЕТСЯ

ПРОНИКНУТЬ В ЛАБИРИНТ ЦЕНТРА ЭЛЕКТРОННОГО ШПИОНАЖА. ОДНАКО Я БЕССИЛЕН ПРОТИВ ФУРБЕНОВ, ПОСКОЛЬКУ НЕ ЗНАЮ, ЧЕМ ОНИ РАСПОЛАГАЮТ. АВИЕТКА БУДЕТ ЖДАТЬ НЕПОДАЛЕКУ. ПОКОНЧИВ С САРЕ-СИЯХОМ, ВЫ ДОЛЖНЫ ПОГРУЗИТЬ В ПАССАЖИРСКУЮ КАБИНУ ВСЕ ТРОФЕИ, ЧТОБЫ ДОСТАВИТЬ ОБОРУДОВАНИЕ НА СТАНЦИЮ ЗЕМЛЯ.

— Предупредительный у нас робот, — процедил сквозь зубы Николай.

Не комментируя это совершенно справедливое наблюдение, подполковник отправил Мансурова и Кулебякина в головной дозор, а остальным приказал двигаться вдоль стен ущелья к восточному тупику. Именно там находилась пещера, где укрывалась банда Черноголового. Командиром второй колонны Сергей, к удивлению бойцов, назначил Аркадия. Пусть физик не имел большого боевого опыта, но лучше остальных понимал, как следует действовать при внезапной встрече с инопланетянами.

Очки, закрепленные под козырьками их новых шлемов, обеспечивали обзор даже в полной темноте, поэтому Сергей отчетливо видел, как Сайд и Саня без шума сняли и скрутили выставленного в караул басмача. Еще несколько десятков шагов — и впереди показалась пещера.

— Если появится Черная Башка — бейте главным калибром, — приказал подполковник. — В остальных случаях действуйте по обстановке... Курбонбердыев, за мной. Будем допрашивать пленного.

Оказавшись в окружении многочисленного подразделения, связанный часовой был смертельно напуган. Приставив пистолет к его виску, Сергей вытащил кляп, и Абдулло задал вопрос по-таджикски. Боевик что-то ответил, полковник снова о чем-то спросил. После оживленной дискуссии Курбонбердыев объяснил командиру полка ситуацию:

— Он говорит, что в прошлом бою командир их банды был тяжело ранен и приказал, чтобы его отнесли в дальний конец ущелья. Примерно через час Саре-Сиях вернулся в пещеру совершенно здоровым и полным сил. Сразу после этого он оставил здесь шестерых, а остальных повел к горам, окружающим озеро Каракуль. Басмач уверяет, будто не знает, что именно ищет там их главарь.

— Зато я знаю. — Сергей прищурился. — Значит, в пещере остались пятеро?

— Если верить этому...

Бесшумно подкравшись к пещере, они швырнули из-за угла светозумовые гранаты. Потом зашли внутрь и повязали оглушенных басмачей. Осмотрев этот внушительный объем пустоты, выдолбленный природой в каменном монолите, Сергей пришел к выводу, что фурбен устроился здесь капитально. В разных концах пещеры были аккуратно уложены коробки провианта, боеприпасов и медикаментов, имелся также портативный японский генератор, обеспечивавший электричеством обогреватели и видеоманитофон-моноблок.

— Они тут не скучали, — хмыкнул Николай. — Фильмы-боевики крутили, порнуху...

— Это все ерунда... — Подполковник задумался. — Такие упакованные базы не бросают. Мне кажется, Саре-Сиях сюда еще вернется.

— Выставим засаду? — мгновенно отреагировал Демьяненко.

— Боюсь, мы там сильно натоптали... — Сергей выглянул наружу. — Кажется, снег повалил сильнее. Значит, никаких следов скоро не будет.

Он быстро распределил обязанности. Николай с Аркадием убежали к авиетке, чтобы отогнать машину с глаз подальше. Демьяненко с Кулебякиным убрали труп часового и скрытно расположились на возвышенности, откуда можно было контролировать ведущие к пещере тропинки. Покончив с оргвопросами, Сергей обратил внимание на Курбонбердыева, который явно имел, что сообщить.

— У меня две новости: хорошая и радостная, — сказал полковник. — Вот это — хорошая...

Он показал найденный в пещере спутниковый радиотелефон. Теперь они могли вызвать подмогу, не прибегая к услугам троклемской техники.

— А какая радостная? — спросила Диана. Удивленно покосившись на нее — с чего это,

мол, неизвестная девица тут распоряжается? — Абдулло проговорил торжественно:

— Я узнал одного из пленных. Это — Сабир Арипов, он объявлен в розыск правоохранительными службами Таджикистана и России.

— Террорист?

— Угадал, подполковник... Арипов известен как член банды Мулло Юсуп-Джона, которая год назад расстреляла автобус с семьями российских пограничников. Мы считали, что Сабир ушел в Афганистан, а он вот где оказался...

— Допрашивал?

— Пока нет. Хотел вместе с тобой.

Пленный оказался неразговорчивым, пришлось немного постараться, чтобы вытянуть из него чистосердечные признания. Он поведал, что Саре-Сиях ушел накануне со всеми приборами, обещав вернуться до рассвета.

— Он не далеко уходил, — говорил боевик. — Много еды не брали. Тут всего десять километров.

— Понятно, — сказал Сергей. — Алексей! Вы с Пасари берете бластер — и бегом к нашему дозору. Держи со мной связь через шлем. Пропустишь мимо себя возвращающуюся банду и, когда завяжется бой, выстрелишь фурбену в спину.

— А если там будет несколько фурбенов? — поинтересовалась прагматичная троклемидка, — Они могли прислать отряд на усиление.

— Тогда вы будете убивать их по очереди.

Супруги убежали в снегопад, а Сергей и Абдулло продолжили допрос. Арипов уже не пытался отпираться и рассказывал обо всем без утайки. Он подтвердил, что на протяжении прошлого и позапрошлого годов участвовал в нескольких терактах. Кроме него к Саре-Сияху переметнулись, привлеченные высокими гонорарами, еще два боевика из банды Юсуп-Джона, но оба погибли позавчера, когда их базу атаковал узбекский вертолет.

Арипов поименно перечислил многих членов банды Юсуп-Джона. По его словам, террористы до сих пор скрывались в кишлаке, расположенном неподалеку от Душанбе.

Абдулло едва успевал записывать его показания.

— Ты знаешь, кто из русских военных был связан с вашей бандой? — спросил полковник. — Я имею точные сведения, что убийц наводил высокопоставленный офицер из штаба миротворческих сил. Как его зовут?

— Был такой, — подтвердил Сабир. — Как зовут, не знаю, но я охранял около подъезда, когда Мулло Юсуп-Джон ходил получать задание. Он живет на новый шестизэтажный дом на улица Малика Санджара в Душанбе. Первый блок. Этаж не знаю.

— Когда это было?

— Май месяц.

— Кто он по должности или по званию? — нажимал Курбонбердыев. — Только не ври, что не знаешь!

— Правда не знаю... Мулло говорил, что он — полковник или подполковник. В штаб миротворцев служит.

Больше ничего существенного выжать из пленного басмача не удалось, но и этого оказалось вполне достаточно, чтобы Абдулло выглядел совершенно счастливым.

— Если бы ты знал, Сергей, как долго я охотился за бандой Юсупа! — говорил полковник, и его лицо буквально сияло. — Теперь от нас требуется любой ценой добраться живыми до министерства и достать этого подонка... Сергей, ты чем-то озабочен?

Мрачный Каростин отвел взгляд и буркнул:

— Ничего особенного. Просто подумал, что не так просто найти предателя. Ведь мы знаем только название улицы.

— Выше голову. — Абдулло и не думал терять оптимизма. — На улице Малика Санджара всего один шестизэтажный дом. Остальное — дело техники.

— Тогда конечно... — Подполковник вздохнул. — Порадуй меня и скажи, что номер этого дома — сорок семь.

— Не помню, — растерялся Курбонбердыев. — А в чем дело?

Сергей покачал головой. Таджикский офицер не мог знать того, что сообщил Посвященным кибернетический Супермозг Лабиринта. Именно по этому адресу в Душанбе проживал резидент иерусалимского ЦЭШа, установивший в своей квартире детектор Леемана — Поланта.

В наушниках его каски прошелестел голос Алексея:

— Серега, я их вижу. Черная Башка и с ним полтора десятка басмачей. Они пройдут мимо нас через четверть часа.

«Значит, около пещеры через полчаса появятся», — прикинул подполковник и сказал в микрофон:

— Не стреляй, если они тебя не обнаружат. Ударишь с тыла, когда откроем огонь мы.

— Я помню.

— Сколько фурбенов в банде?

— Один.

— Отлично. Конец связи.

Они выбежали на снег и залегли в полусотне метров от пещеры. Вскоре в приборах ночного видения проступили тени большого отряда. Еще несколько минут — и в троклемских приборах отчетливо прорисовалась черная мантия фурбена, который шагал в середине короткой колонны.

— Атилла, видишь его? — шепнул Сергей.

— Держу в перекрестье.

— Стреляй, когда сочтешь нужным. — Отодвинув микрофон, командир полка повысил голос: — Пулеметчики начинают после выстрела снайпера. Остальные косят банду очередями и гранатами... Атилла, давай.

Барханов, как обычно, не промахнулся — от удара тяжелой пули у инопланетянина дернулась голова. Фурбен рухнул навзничь, но тут же перевернулся на живот и попытался встать на карачки. Подобная живучесть спрутоящера была им уже знакома, однако земляне надеялись, что В-94 способна пробить бронированный футляр.

Снайпер аккуратно всадил в пришельца еще одну пулю. Затрещали очереди, послышались хлопки подствольников. Ночную темноту расцветили пунктиры трассеров и пламя разрывов. Пули и гранаты легко находили добычу в плотной колонне. Прежде чем басмачи успели лечь, спецназовцы перестреляли почти половину банды.

Привычно совместив перекрестье оптического прицела с очередной фигурой, Сергей мягко потянул пальцем спусковой крючок. «Абакан» не промахнулся, а бандит повалился, раскинув руки. Вокруг подполковника беспрерывно потрескивали автоматы, даже глушители не могли полностью погасить звук столь интенсивного огня. Диана стреляла редко, но ее «Тигр» бил без промаха.

Отряд Саре-Сияха таял на глазах. Два басмача пытались убежать, однако добрались только до поворота. С вершины утеса заработали автоматы сидевших в засаде спецназовцев — и оба боевика растянулись на дне ущелья.

И вдруг Сергей заметил, что фурбен, присев на колени, поднимает громоздкий предмет — наверняка он собирался пустить в ход свой дезинтегратор, испускавший широкий зеленоватый луч, разрушающий любые формы вещества. Подполковник даже не успел скомандовать, чтобы Атилла и Сайд добились пришельца из своих крупнокалиберных стволов, — В-94 и НСВ уже выпустили огромные пули, которые прочертили огненный след, раскалившись в защитном поле. Остатки заостренных цилиндров ударили в черную мантию, и пришелец пошатнулся, выронив оружие. В тот же момент укрывшийся на скальном выступе огневой расчет семьи Бужинских разрядил модернизированный бластер. В темноте мелькнул тусклый фиолетовый луч, поразивший фурбена в спину, и Черный Капюшон бессильно ткнулся в сугроб.

Вскоре утих огонь остатков разгромленных басмачей. Оставив непрофессионалов-попутчиков на месте, спецназовцы приблизились к месту, где полегла банда. Из людей в

живых не осталось никого — пули со смещающимся центром тяжести наносили только смертельные ранения. А вот сам Саре-Сиях еще шевелился.

Разодранная пулями черная мантия сильно обгорела и висела ключьями, открыв взглядам футляр, копировавший человеческую фигуру. В дрожащем эллипсе света, созданном лучами переносных фонарей, земляне видели, как суставчатые конечности-манипуляторы футляра судорожно дергаются, словно сидящее внутри существо безуспешно пытается восстановить контроль над движениями. Из микрофона, замаскированного во рту закругленной головы, раздавались отрывистые визгливые звуки. Троклемские шлемы Посвященных трансформировали голос фурбена в подобие связной речи — пришелец бредил, звал на помощь, просил дать ему какое-то мощное лекарство.

Кажется, раненый считал, что окружен сопланетниками, у подполковника сразу возникла идея воспользоваться полубомбочным состоянием врага. Закрыв губы микрофоном каски, Сергей настроил электронный переводчик на режим общения с жителями Фурбенты и заговорил:

— Это мы, твои друзья. Что здесь случилось? — фурбен сделал усилие, приподняв верхнюю часть тела, но, не сумев удержаться, бессильно упал на засыпанные снегом камни. Микрофон прошипел:

— Меня подстерегли аборигены... Как и моего предшественника позавчера... Напали внезапно, я поздно включил защитное поле... С каждым днем они все сильнее, их надо уничтожить, загнать обратно в каменный век... Где звездолет, когда начнете бомбардировку?

— Не беспокойся, подготовка идет строго по графику, — поддержал командира Барханов. — Ты нашел приемопередатчик?

— Не совсем... Лишь определил квадрат, где может находиться установка... Я нанес это место на виртуальный планшет... Код записи...

Компьютерный толмач шлема не сумел перевести на русский язык последние слова раненого инопланетянина. «Надеюсь, Координатор разберется в его файлах и кодах», — подумал Сергей. Между тем Атилла продолжал допрос умирающего:

— Почему ты так настаиваешь на бомбардировке этой полудикой планеты?

— Туземцы демонстрируют слишком быстрый прогресс... Мы не можем ждать прибытия специальной военной экспедиции. За это время они даже без помощи гонтов овладеют... — Внезапным рывком он все-таки сел, опираясь на грунт трехпалой лапой, похожей на манипулятор промышленного робота. — Вы — не фурбены!

Со стоном повернувшись на бок, пришелец сделал неуловимое движение, и футляр развалился на четыре продольные полосы неправильной формы. Избавившись от механического одеяния, раненый фурбен стремительно выпрямился, его длинные скользкие шупальца оплели торс Сергея. Подполковник был не в состоянии даже шевельнуть зажатými руками, однако нижняя часть тела оставалась свободной. Он изо всех сил ударил обеими ногами и упал назад, увлекая за собой тяжелую тушу фурбена. Когда каблуки погрузились в податливое тело, покрытое толстой, по-змеиному чешуйчатой шкурой, объятия спрутоящера несколько ослабили. Командир «Финиста» задыхался, но отчаянным рывком сумел освободить руки с автоматом.

Привстав на колени, он ударил «Абаканом», выставив острый угол магазина. Фурбен завизжал, но сдавил кольца шупалец с такой яростью, что Сергей едва расслышал одиночный выстрел, после которого свирепый пришелец рухнул, повалив своей массой и человека.

Друзья размотали двухметровые конечности астронавта, и подполковник с трудом сел, жадно вдыхая разреженный ледяной воздух. Грудь и спина болели, словно после погружения без скафандра на предельную глубину.

— Силен, сволочь, — пробормотала Диана. — Ребра целы?

— Гад, — согласился Сергей, поднимаясь на ноги. — Вы не обо мне беспокойтесь, со мной-то все в порядке... Как наш пленник?

— Вроде бы я ему всю верхушку черепа снес, — виноватым голосом сообщил Курбонбердыев. — Если, конечно, это у него голова... Подполковник! Кажется, вам придется объясниться.

— Обязательно, вот только отряд соберем, — буркнул Каростин. — Дианочка, солнышко, вызывай наших.

Он деловито произносил распоряжения, а сам тем временем пытался придумать правдоподобную легенду происходящего. Хочешь не хочешь, а придется рассказать часть правды. Небольшую часть, тщательно отредактированную, но — придется...

Авиетка, подобрав возвращавшийся из засады квартет, приземлилась рядом с командиром. В воздушную машину загрузили труп фурбена и два мешка с его оборудованием. После этого Сергей, построив подразделение, сказал:

— Товарищи офицеры и прапорщики! Как вы уже, наверное, догадались, на Земле действует несколько экспедиций, прибывших с разных планет... — Переждав удивленные возгласы, он продолжил: — Некоторых пришельцев можно назвать друзьями, другие — наши лютые враги. Надеюсь, вы догадались, что врагами следует считать скорпионов в черных плащах вроде того существа, которого только что пристрелил полковник Курбонбердыев. Здоровяки с ненормальным лицом, похожие на старого приятеля Гастона Машена, — не враги, но и не слишком надежные союзники.

Вот так-то... Полагаю излишним подчеркивать, что сведения о присутствии космических гостей являются строго секретными и не подлежат разглашению. Сейчас мои друзья увезут трофеи на базу наших внеземных союзников, а мы временно забудем об этом деле и займемся более важными задачами.

Он поцеловал Диану, и авиетка взлетела, мгновенно скрывшись за облаками. В ущелье остались только бойцы «Финиста» и трупы басмачей. Вздохнув, Сергей кивнул Курбонбердыеву. Достав трофейную «Моторолу», Абдулло переговорил со своим министерством, после чего сообщил, что их появление в эфире вызвало в Душанбе фурор — группу Каростина уже считали погибшей и собирались завтра, когда утихнет буран, прочесать Шах-Киик силами «Финиста» и полка президентской гвардии.

Спустя час приземлились вертолеты. Прибывшие подразделения спецназа и опергруппа таджикских чекистов остались в пещере, чтобы разобраться с трофеями, а Каростин со своим отрядом погрузился в Ми-8, который должен был вернуться в столицу республики. Незадолго до полуночи они уже обнимались с сослуживцами из «Финиста». Поручив Карабанову проинформировать ФУОПИ об их благополучном возвращении, подполковник приказал всем отдыхать. Завтра, сказал он, придется поработать на полную катушку.

Утром, сразу после завтрака, в выделенную «Финисту» шикарную казарму (в советские времена здесь был пионерский лагерь) приехал Курбонбердыев. Командир полка разговаривал по телефону с Москвой, и Абдулло услышал конец беседы:

— ...сводный батальон улетит во второй половине дня, а я с небольшим подразделением задержусь на день-другой... Это, Владислав Арнольдович, по делу технологического института... Да хочу навеститься в это милое учебное заведение... И с Королем заодно пообщаемся... Нет-нет, помощь понадобится только организационная — предупреди друзей в Тегеране, Багдаде и Дамаске... Ну, бывай.

Положив трубку, он повернул голову к таджикскому разведчику. Тот был снова затянут в полевую форму с кобурой на портупее.

— Значит, решил пойти с нами...

— Меня интересует, через сколько дней вернемся, — сказал Абдулло. — Послезавтра у моего сына последний экзамен. В университет поступает.

— Если вернемся, то сегодня вечером, а если не вернемся то, по официальной версии, нас никогда не существовало — объяснил Сергей. — Но сначала надо будет разобраться с улицей Малика Санджара. Кстати, кто он такой?

Малик Санджар оказался предводителем народного восстания во времена монголо-татарского нашествия. Оказалось также, что за ночь сотрудники Министерства безопасности

собрали кое-какие сведения о шестиэтажке на улице, названной именем средневекового повстанца. Дом действительно имел сорок седьмой номер. В этом здании жили семьи нескольких российских офицеров, однако лишь трое из них поселились в Душанбе еще до терактов, о которых говорил басмач из банды Саре-Сияха.

— Это полковник погранвойск Чарушев, подполковник-связист Варыпаев и капитан Демченко из штаба двести первой дивизии, — сообщил Курбонбердыев. — Я установил наблюдение за этой троицей. Пока они из дома не выходили. Что будем делать — проведем обыск во всех трех квартирах?

Сергей отрицательно качнул головой. Он был твердо убежден, что случайность в этом деле исключена: пособник террористов и владелец детектора должен быть одним и тем же лицом. А детектор может работать лишь в единственном случае — если его подсоединить к компьютерной сети.

— Узнай, у кого из них есть компьютер, включенный в Интернет, — сказал подполковник. — И еще, пожалуй, надо связаться с военной контрразведкой.

Наверняка эти ребята тоже расследовали убийства наших офицеров.

— Разумеется, они этим занимались, — подтвердил Курбонбердыев. — Следствие контролировал майор Панфилов. Производит впечатление порядочного человека. Кажется, недавно у него начались неприятности.

— Коли начались неприятности, — значит, точно честный офицер. Договорись с ним о встрече. Приедем, как только узнаем, кто из жильцов подключен к сети.

Имя интернетовского абонента они узнали около девяти, а в начале десятого уже разговаривали с сотрудником управления контрразведки, которое обслуживало все войсковые части Российской Федерации, дислоцированные на территории Таджикистана. Поздоровавшись с майором, Сергей сразу перешел к делу:

— Что вы можете сказать о подполковнике Варыпаеве?

— Подонок, — лаконично ответил Панфилов.

— Если можно, поконкретнее. У нас есть подозрение, что он связан с бандой Юсуп-Джона.

— У меня было не подозрение, а три тома неопровержимых улики! — взорвался контрразведчик. — Мы доказали, что он причастен к террору, торговле оружием, транспортировке наркотиков и вдобавок является совладельцем фирмы, которая организовано поставляет женщин в публичные Дома стран Ближнего и Среднего Востока.

— Почему же он еще на свободе?

Бессильно разведя руками, майор рассказал, как месяца полтора назад отослал с курьером все материалы в Главное Управление. Спустя три недели из Москвы ответили, что досье не получали. Потом в Панфилова стреляли ночью на улице два автоматчика. Одного из них контрразведчик уложил на месте, второй ушел, оставляя кровавый след. На следующее утро его нашли на соседней улице, добитого ножом в сердце. Как оказалось, в ту же ночь кто-то пытался проникнуть в квартиру и служебный кабинет Панфилова.

— Думаю, они ищут копии компроматов на Варыпаева, — сказал майор.

Решительно встав, Сергей скомандовал:

— Поехали.

— У вас есть ордер на арест? — забеспокоился Панфилов.

— Не будьте ребенком, майор. — Каростин снисходительно похлопал его по плечу. — Мы возьмем его с поличным, а потом я лично передам ваши материалы кому следует.

— Когда-то я тоже думал, что достаточно взять с поличным, — вздохнул контрразведчик.

— Не думать надо, а врагов ловить! — отрезал подполковник.

Возле дома номер сорок семь дежурили выставленные Курбонбердыевым наряды Министерства безопасности. Человек в штатском доложил полковнику, что Варыпаев из квартиры пока не выходил.

— Суббота, — понимающе сказал Панфилов. — Отдыхает, сволочь.

На площадке третьего этажа Абдулло — приложил ухо к двери интересовавшей их квартиры и, прислушавшись, шепнул: «Тихо. Спит, наверное». Один из таджикских оперативников поковырял в замке отмычкой, и дверь бесшумно отворилась. Варыпаева нашли в постели с пьяной до полного бесчувствия девицей лет шестнадцати. Когда обоих прислонили лицом к стене, девчонка сползла на пол, свернулась калачиком и снова отключилась.

— Если хоть одна курва пикнет — придушу этими вот руками, — пригрозил Кулебякин.

Руки у прапорщика были столь внушительных габаритов, что арестованный связист предпочел помалкивать. Офицеры из ведомств Курбонбердыева и Панфилова разошлись по комнатам и занялись обыском: деловито осматривали одежду, перетряхивали книги, разбирали бумаги, простукивали пол и стены. Время уходило, а ничего путного найти не удавалось. Осмелевший Варыпаев потребовал прекратить это безобразие и вызвать сюда командующего миротворческими силами.

Вместо ответа Сергей поманил пальцем арестованного. Тот сделал неуверенный шаг, и тотчас же у него за спиной вырос верзила Кулебякин. Молча ухватив связиста за шиворот, Саня уткнул ему между лопаток ствол автомата и потащил в направлении, куда звал командир, то есть в кабинет.

— Твой компьютер? — ласково спросил Каростин. — А это что такое?

Он тронул указательным пальцем коробочку, пристыкованную к задней панели «Пентиума». Варыпаев явно занервничал, но постарался ответить спокойно:

— Модем. Это такое устройство для связи...

— Скажите пожалуйста. — Сергей сделал удивленное лицо. — Именно такие штучки я видел не так давно на таможне. Мафия получила их от своих зарубежных хозяев, не так ли? — Он выдернул детектор из гнезда. — У нас есть подозрение, что с помощью подобного устройства ты кодировал секретные донесения шпионского характера, которые затем отсылал через Интернет в ЦРУ. Полковник Курбонбердыев, можете арестовать его за шпионаж.

Варыпаев закричал: дескать, это произвол и рецидив тридцать седьмого года и что никогда он не был шпионом. Однако выдавать детектор за модем больше не пытался. Между тем Атилла включил компьютер и методично перебирал текстовые файлы. Некоторые хранившиеся на винчестере документы, оказавшиеся закодированными, выводили на монитор бессмысленный набор символов псевдографики.

Мрачно ухмыляясь, Барханов поочередно запускал дискеты, найденные в квартире Варыпаева. Восьмая дискета сработала, зашифрованный текст стал читаемым. Этот файл содержал список дилеров, через которых за рубеж поставлялись шлюхи из СНГ.

Здесь же аккуратной колонкой выстроились суммы, полученные хозяином квартиры.

— Ну, было дело, занимался живым товаром, — признался арестованный. — Не я один... В конце концов, эти девки сами туда рвались, заработать хотели — сами знаете, какая сейчас жизнь. И нечего мне шпионаж шить.

— В каком файле хранятся подробности терактов, которыми ты руководил, сволочь?! — рявкнул Каростин.

Тяжело вздохнув, Варыпаев рухнул на диван, закрыл лицо руками. Потом пробормотал:

— Вам не позволят расследовать это дело.

— Надеешься, что тебя прикроет Король? — Сергей ехидно усмехнулся. — Зря на это рассчитываешь.

— Король — пешка, проданся чужой разведке, — слабым голосом прошептал арестованный. — Меня не прикроют, а просто уберут. И тебя тоже. Эти люди никогда не оставляют свидетелей.

Замурлыкал сотовый телефон, висевший на поясе Курбонбердыева. После короткого разговора со своими подчиненными полковник сказал, удовлетворенно потирая руки:

— Мои сотрудники арестовали Мулло Юсуп-Джона и часть его банды. Остальные боевики окружены батальоном, которым командует мой брат. — Разведчик со зловещей гримасой похлопал Варыпаева по плечу. — Думаю, к вечеру будут готовы показания против этого мерзавца.

— Между прочим, он в чем-то прав, — задумчиво проговорил командир «Финиста». — Московские предатели приложат все силы, чтобы упрятать концы. Было бы неплохо, чтобы сообщение о ликвидации банды террористов как можно скорее появилось в таджикской прессе. Надо поднять такой скандал, чтобы высокопоставленные покровители гвоздевских бандитов не сумели замять эту историю.

Тут Варыпаев наконец сломался и пролепетал совсем тихо:

— Я готов сделать чистосердечное признание. Только умоляю: не надо этапировать меня в Москву, оставьте здесь, в душанбинском следственном изоляторе...

Панфилов немедленно придвинул к арестованному микрофон магнитофона и приготовился протоколировать показания. Варыпаев поведал, что террор был спланирован международными преступными группировками в целях устрашения личного состава миротворцев. Предполагалось заставить Кремль вывести из Таджикистана все российские войска и тем самым облегчить исламским фундаменталистам захват республики. По его словам, в декабре состоялась тайная встреча, на которой были представлены таджикская оппозиция, афганское движение «Талибан», несколько криминальных кланов СНГ и два картеля транснациональной наркомафии. Стороны быстро договорились превратить Таджикистан в огромное предприятие по производству и транспортировке наркотиков.

Потом Варыпаев начал рассказывать о своих правонарушениях в сфере экономики, и Сергей понял, что ему здесь больше нечего делать — Панфилов прекрасно справится сам. Прихватив детектор, он шепнул Курбонбердыеву:

— Абдулло, нас ждут более важные занятия в другом месте.

Когда они вышли, Курбонбердыев осторожно поинтересовался:

— Нам предстоит бой с инопланетянами? Подполковник отрицательно покачал головой. Затем, немного подумав, сказал:

— Не в гостях из космоса наша главная проблема. Самый страшный враг — это предатели, которые живут рядом с нами.

Глава 23 **БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КРУИЗ**

Они вышли из автобуса на пустыре, окруженном горами. Развернувшись, машина отправилась обратно в город, поднимая густое облако пыли.

— За нами опять пришлют космический корабль? — спросил любознательный Гриша Демьяненко.

— Надеюсь, что нет. — Ответ Атиллы прозвучал для большинства немного загадочно. — Есть другие пути к звездам.

Сергею не меньше, чем Барханову, хотелось, чтобы в этом регионе заработала система многомерного транспорта. Он мысленно произнес условную фразу: «Мозг Станции, открой ворота». В четырех метрах перед отрядом, заслонив часть горной панорамы, заколыхался серый квадрат, словно заполненный вязкой жидкостью, которая, вопреки привычным законам механики, встала вертикальной стеной. Спустя несколько секунд серая субстанция исчезла. Видимой оставалась лишь граница квадрата, очерченная тонкой огненно-алой линией.

Сайд Мансуров, оказавшийся ближе всех к проходу, неуверенно заглянул за красную рамку и удивленно воскликнул:

— Ребята, там эта космическая станция, где мы вчера были!

— Быстрее, — поторопил их Сергей. — Бегом туда!

Подождав, пока остальные переберутся в операционный зал, он вошел последним.

Врата затянулись, едва подполковник перешагнул границу измерений. Из жилого отсека выглянул заспанный Николай, помахал им рукой, зевнул и снова скрылся за дверью.

— Я надеялся, что робот телепортирует нас сразу в Кандагар, — шепнул командиру немного разочарованный Атилла.

— Не выйдет. Телепортация работает только в Лабиринт и обратно. В принципе мы можем за несколько секунд переместиться в другое полушарие, но для этого нужно сначала телепортироваться, например, из Москвы на Станцию, а затем — со Станции куда-нибудь в Австралию... — Подполковник усмехнулся. — К тому же мы не можем бросаться в бой, не изучив обстановку на авиабазе талибов.

— Тоже верно, — согласился капитан. — О, вот и наши появились.

В операционный зал по одному прибывали Посвященные — одетые в камуфляж и бронежилеты, с оружием на ремне. Последним, на ходу доедая огромный бутерброд, прибежал Николай.

— Долго раскачиваетесь, — раздраженно прокомментировал Каростин, не забыв при этом поцеловать жену. — Совсем распустились... Мозг Станции, отправь детектор Координатору и покажи обстановку на месте операции.

Робот забрал прибор, который они конфисковали у Варыпаева. Одновременно вокруг отряда загорелись сразу несколько объемных изображений. Люди в операционном зале увидели военный аэродром неподалеку от афганского города Кандагар. На бетонной полосе стоял гигант Ил-76, на борту которого было написано большими голубыми буквами:

«AVIASTAN». Кроме башкирского самолета в разных концах авиабазы были видны истребители и боевые вертолеты, накрытые брезентовыми чехлами. По территории бродили вооруженные моджахеды, совершенно одуревшие от жары, которая зашкаливала за сорок два градуса. В направлении Ил-76 лениво катился трап.

Пленных держали в обнесенном забором одноэтажном доме на расстоянии примерно трехсот метров от самолета. В прихожей стояли в пирамиде автоматы АКМ.

Здесь же дремал бородатый боевик в широченных штанах. Еще два устроились во дворе, спрятавшись от зноя в тени дома, а третий жарился под вертикальными лучами полуденного солнца на крыше.

В большой комнате расположилась на циновках изможденная семерка членов экипажа. У двери прислонились к стене два автоматчика, а в середине помещения расхаживал еще один, в зеленой чалме, читавший основы талибской политграмоты на вполне приличном русском языке:

— Поймите, Москва давно забыла про вас. И Башкортостан тоже забыл. Все понимают, что ваше положение зависит только от нашего расположения. И Совет Безопасности ООН требовал освободить вас, и Красный Крест, и даже дурачки из «Международной амнистии». Ну и что? Движение «Талибан» плюет на весь мир, потому что мы сражаемся за святое дело, и на нашей стороне сражается сам Творец всего сущего, чье имя недостойны произносить грязные уста неверных, включая шиитских шакалов-персов. Мы двадцать лет сражались против шурави и в конце концов разгромили советские орды, а сегодня «Талибан» готов уничтожить Россию, ООН и прочие глупые выдумки вырождающейся европейской культуры. Недалек тот день, когда талибы поднимут над всеми континентами зеленое знамя истинного Ислама!

Устав слушать, Николай спросил вполголоса: мол, кто они такие, эти талибы?

Абдулло спокойно объяснил: наемники пакистанской разведки и ЦРУ. В эпоху войны против «ограниченного контингента» вражеские спецслужбы вывезли в Пакистан много тысяч афганских мальчишек, которые получили образование в религиозных школах.

Отсюда и название «талиб», что означает «студент» или «учащийся». Затем генерал Насрулла Бабар, бывший тогда министром внутренних дел Пакистана, на деньги реакционных арабских теократий вроде Саудовской Аравии сколотил из талибов армию, которую американцы щедро снабдили военным снаряжением. Во главе движения «Талибан» шпионские ведомства поставили фанатичных суннитских фундаменталистов.

Когда поддерживаемые Ираном шиитские формирования Хекматиара и Масуда заняли Кабул и свергли просоветское правительство Наджибуллы, Исламабад и Вашингтон бросили в бой своих ставленников-талибов. В настоящее время «Талибан» установил на большей части страны режим исламского государства и готовил большое наступление на северные провинции, чтобы выйти к границе среднеазиатских республик.

А на голограмме молла в зеленой чалме приказал пленным летчикам провести на борту Ил-76 текущие профилактические работы, включая прогрев двигателя.

— Самолет уже заправлен горючим, — сказал он. — Возможно, скоро вы полетите на нем домой.

Воодушевленные этим обещанием, семеро давно не бритых мужчин начали одеваться. Один из них пожаловался, что от плохой кормежки у всех уже шатаются зубы. Другой добавил:

— Скоро загнемся от желудочных болезней.

— На все воля Аллаха, — спокойно ответил молла. — Шевелитесь.

Одновременно на другом изображении промелькнула запись состоявшейся час назад беседы, на которую собрались главари «Талибана». Дряхлый-предряхлый старик молла огласил решение: воспользоваться захваченным самолетом, чтобы доставить в центр России отряд террористов-смертников. Талибы собирались направить загруженный взрывчаткой летающий грузовик на густонаселенные кварталы какого-нибудь большого города средней полосы.

— Все понятно, начинаем действовать, — сказал Сергей. — Мы с Гришей, Дианкой и Саней выйдем в этот дом, когда летчиков поведут к машине. Убираем духов, захватываем оружие и бежим к самолету, попутно выводя из строя зачехленные истребители. Остальные телепортируются на борт, ликвидируют охрану, освобождают экипаж, запускают двигатели и ждут нас. Командовать этой группой будет старший лейтенант Мансуров... Коля, не забыл еще, чему тебя учили в «Кальмаре»?

— Помню кое-что... — Николай осклабился.

— Отлично. И последняя неприятная новость. Мы не можем лететь на Ближний Восток, нагруженные ультрасовременным оружием. Поэтому «Абаканы», «Валы», «Винторезы», а тем более бластер останутся на Станции. С собой возьмем только пистолеты и ножи, все остальное отберем у противника на месте. Особо напоминаю, что внутри самолета можно пользоваться только холодным оружием и малокалиберными стволами вроде ПСМ.

С нескрываемым сожалением они сложили на пол мощные огневые средства. Диана отдала свой ПСМ калибра пять целых сорок пять сотых миллиметра полковнику Курбонбердыеву, другой легкий пистолет такого типа остался у Мальвины. Мансуров и Фомин шли на операцию с одними лишь тесаками, но обоим это обстоятельство ничуть не смущало — каждый был способен голыми руками уложить целый ворох врагов, да и Николай умел немало.

Пленные члены экипажа уже покинули двор, где их держали в заточении, и двинулись к самолету нестройной колонной под конвоем моллы и двух автоматчиков.

Видеоканал прочесал кабину самолета. В машине находились всего два талиба, которые уютно устроились в пилотских креслах. Телепортировавшись в бытовой отсек, Николай, Сайд и Вася бесшумно подобрались к душманам сзади и накинули на их шеи веревочные удавки. Несколько секунд — и лишенный притока крови и воздуха мозг отключился. Быстро связав и заткнув кляпами рты бесчувственных моджахедов, спецназовцы отволокли их в грузовой отсек. Затем на самолет перешли остальные шесть пассажиров. Абдулло, свободно владевший афганской разновидностью фарси (другой диалект фарси был родным языком таджиков), занял место у рации, а Рамазанов бросился осматривать пульт управления. Мансуров и Фомин притаились по обе стороны входного люка, готовясь встретить дорогих гостей, которые уже ступили на трап.

— Наша очередь, — сказал Сергей. — Мозг Станции, открой вход в помещение, где

раньше сидели летчики.

В комнате, куда они шагнули, людей не было, как в двух следующих. Не издавая лишних звуков, подполковник прокрался к оружейной и бросился на не ожидавшего нападения талиба.

Как это нередко случалось с ним перед схваткой, Каростин рассвирепел. Его давно уже бесили Голливудские боевики, в которых могучие афганские моджахеды при поддержке очень хороших мальчиков из ЦРУ или Пентагона пачками истребляли хлипких советских и русских солдатиков.

— Я тебе покажу Рэмбо, гадина! — прорычал он с порога и в прыжке обрушил всю подошву на лицо противника.

Отлетев словно плюшевая кукла, душман ударился затылком о глиняную стену и слабо охнул. Второй удар пришелся в челюсть, и Сергей услышал хруст шейных позвонков. Из края рта еще теплого трупа вытекла тонкая струйка крови.

— От души бьете, товарищ подполковник, — завистливо проговорил Кулебякин. — Раз-два — и он уже остывает.

— Сильно не остынет, — хохотнул Демьяненко. — Чтоб ты знал, примет температуру окружающей среды. Учитывая здешнюю жару, покойничек сейчас, скорее согревается.

— Отставить, — буркнул подполковник. — Дела наши неважные. В пирамиде всего два ствола. К тому же без подствольников.

— Выскочим и перемочим всех, кто снаружи, — равнодушно откликнулся старший лейтенант, расторопно разбирая АКМ. — Будет у нас еще три машинки... Вот ублюдки! Совсем не следят за оружием — весь затвор в песке.

— Трех дикарей мы, конечно, быстро положим, — грустно согласился Каростин.

— Неохота мне было раньше времени шум поднимать, но, видно, ничего не поделать.

Ослепительно улыбнувшись, Диана расстегнула пуговицы и сбросила свою пятнистую рубашу. Затем, шевельнув роскошными плечами, сказала:

— Лифчик снимать, думаю, не обязательно. И так прибегут...

Она выглянула во двор, призывно помахала ручкой и тут же юркнула обратно.

Внезапное появление полуобнаженной светловолосой красавицы так потрясло бородатых стражников, что они, забыв о всех нормативах караульной службы, бросили пост и вбежали в дом, где напоролись на широкие клинки тесаков-мачете.

— Ну вот у нас и четыре автомата, — прокомментировал Каростин, помогая жене застегнуться. — А я чуть было не начал нервничать.

Снаружи послышался слабый шум, который быстро вырос до оглушительного рева — это поочередно оживали двигатели Ил-76. Возле уха командира полка заработал миниатюрный динамик, и голос Аркадия бодро отрапортовал:

— На борту полный порядок. Грузовой трюм набит связанными душманами. Экипаж в шоке, но Павлик Рамазанов запряг всех в работу. Движки запускаем.

— Это я слышу, — сказал подполковник. — Уже идем. Наскоро прочистив оружие, которое пребывало в совершенно безобразном состоянии, они выбежали во двор. Первым делом расстреляли басмача, дежурившего на крыше. Тот успел лишь бросить очумелый взгляд на невесту откуда взявшихся белых людей, а в следующий миг уже падал, прошитый пулями. Треск очередей не был слышен на фоне истошного воя турбин, но тот же шум полностью исключал подачу команд голосом.

Покинув двор, Сергей вынужден был распоряжаться жестами. Он указал Диане на пулеметную вышку, а спецназовцам на стоявшие поблизости истребители. Прицельный огонь творил буквально чудеса: с вышки полетели щепки, следом на бетон упали два талиба. По чехлам, прикрывавшим Ми Ги, пробежали строчки пулевых пробоев. После такой перфорации обе машины не скоро смогут взлететь.

Четверо диверсантов бегом устремились к своему самолету, из люка которого им махал рукой Алексей. Пропустив остальных вперед, Сергей задержался на площадке трапа и огляделся. Один из истребителей уже горел, но пока не слишком сильно. Зато в их сторону

направлялся микроавтобус, из окон которого выглядывали бородатые моджахеды. Тщательно прицелившись, Каростин разрядил магазин, стараясь достать бензобак. Длинная очередь достигла цели — взорвавшийся автобус окутался огнем и дымом.

Удовлетворенный результатом стрельбы, он задрал люк и уже поднимался по лесенке на второй ярус двухэтажной кабины, когда сверху, из секции пилотов, донесся чей-то панический вопль:

— Четвертый не запускается!

«Неужели о моторе говорят?» — забеспокоился командир «Финиста» и грозно рявкнул:

— Я тебе не запущусь! Башку всем поотрываю!

Словно убоявшись обещанной экзекуции, взревел последний двигатель, и огромный самолет мягко покатился по бетонной дорожке, оттолкнув бесполезный теперь трап. Взлетная полоса все стремительнее скользила навстречу реактивному гиганту, которому требовалось для разбега чуть меньше километра. Со скоростью гоночного автомобиля они промчались мимо горстки талибов, поспешно снимавших чехлы с Ми Г-21. Воздушные потоки двигателей сорвали с оглушенных моджахедов чалмы и еще какие-то тряпки. Мгновение — и вражеский истребитель остался далеко позади.

А затем появилась настоящая опасность, в двухстах метрах впереди перегородили взлетную дорожку бензовоз и бортовой КамАЗ, из кузова которого выпрыгивали бородачи-автоматчики. Командир Ил-76 отчаянно закричал:

— Убрать закрылки! Взлет с грунта!

Турбины завывали еще пронзительней, пилот яростно, словно оторвать хотел, потянул на себя штурвал. Грузовики вырастали на глазах, солдаты бросились врассыпную, спасаясь от налетающей на них стотонной махины, размахнувшей стреловидные крылья. Столкновение с последующим взрывом казалось уже неминуемым, но в самый последний момент Ил-76 все-таки оторвался от поверхности планеты, лишь задев колесом крышу автоцистерны. Толчок получился сильным, Сергей не без труда удержался на ногах. С нижнего, штурманского, этажа кабины послышался шум — похоже, кто-то упал и теперь ненормативно выражался. Однако главное было сделано — самолет набирал высоту.

Когда машина легла на крыло, чтобы взять курс к иранской границе, подполковник увидел в иллюминатор левого борта, как взрывается перевернувшийся бензовоз. Зрелище было не только красивым, но и приятным.

— Я не совсем понимаю, почему вы приказали лететь в Иран, — недоумевая, сказал командир экипажа. — Проще было бы направиться напрямик на север. Через полтора часа приземлимся в Ташкенте или, еще лучше, через три — у нас в Уфе.

— Противник тоже так подумает, — отрезал Аркадий. — Сейчас они бросят все свои истребители на север от Кандагара. А мы тем временем проскочим над Ираком и скоро сядем в Дамаске. Нас там уже ждут.

Командир самолета простонал, схватившись за голову:

— Эпическая сила, Дамаск! Три с половиной часа полета! Он вздохнул, придвинул микрофон и велел штурману проложить курс на сирийскую столицу. Вскоре штурман Ахат доложил, что до ближайшего участка иранской границы Ил-76 будет лететь не меньше сорока минут. «Ничего не поделаешь», — подумал Сергей и спросил Николая:

— В каком состоянии экипаж?

— В неважном, — старый друг тяжело вдохнул и выпустил воздух. — Мы сделали все, что могли. Для начала напоили лекарствами, которыми снабдил Мозг Станции. Потом накормили как следует, крепкий чай дали. Ребята вроде приободрились, но вид у них, конечно, неважный.

А самолет уже развил крейсерскую скорость — семьсот двадцать километров в час — и устремился на запад. Шли на предельно малой высоте, чтобы не попасть на экраны радаров. Однако любая маскировка имеет обратную сторону — турбины машины вздымали плотные вихри песка, которые тянулись на многие километры, помечая путь беглецов.

Через двенадцать минут после взлета радист сумел связаться с ФУОПИ, и Москва

подтвердила: коридор обеспечен, дружественные правительства по всему маршруту гарантируют беспрепятственный пролет. Сеанс связи продолжался не больше минуты, и Сергей надеялся, что противник не успел их запеленговать.

На восемнадцатой минуте из динамиков забубили на удивительно чистом русском языке: «Ил-76, взлетевший из Кандагара, немедленно сообщите свои координаты». Эту фразу талибы повторяли без конца, ответа не дождались, только настроение всем малость подпортили. На двадцать четвертой минуте прямо по курсу показались два огромных смерча. Пилоты взвыли, но сумели провести самолет между вертящимися столбами верной смерти. Наконец на тридцать первой минуте радист поймал передачу из приграничного иранского города Захедан. Иранцы вещали четко и деловито — понимали, что беглецы не рискуют включать свой передатчик. Захедан дал добро на пересечение границы, затем, не называя конкретных координат, передал:

— Ждем вас на согласованном с Москвой участке... — Переводивший с фарси Курбонбердыев прислушался к звучавшему в наушниках голосу и обеспокоенно продолжил: — Они говорят, что за нами гонятся истребители.

«Черт бы их подрал, только этого не хватало! — Сергей сжал кулаки. — Всего-то десять минут остается до границы...»

Аркадий, который слишком часто смотрел боевики, принялся развивать совершенно идиотскую идею: приоткрыть задний грузовой люк и расстрелять преследователей из автоматов. Пока он нес эту чушь, сбоку показался обогнавший их Ми Г-21.

— Одна надежда, что он не сможет сбить нас первой очередью, — сказал Рамазанов упавшим голосом. — Смотрите — под крыльями нет ракет. Значит, будет глушить только из пушки...

— Вы нас несказанно обрадовали. — Пасари — Мальвина криво улыбнулась.

Талибский истребитель заложил вираж, чтобы зайти в хвост. Внезапно сверху спикировал еще один аппарат — атака была столь стремительной, что люди не смогли разглядеть его очертаний, успели только увидеть огненные ленты, задевшие МиГ.

Истребитель взорвался, а неизвестный спаситель свечой ушел в зенит. Пилоты, следившие за этим молниеносным перехватом по радару, изумленно сообщили: талиба сбил кто-то, набиравший высоту на скорости, превышавшей четыре маха.

— Четыре звуковые скорости развивают только ракеты — сказал потрясенный командир экипажа.

— В разных странах построено несколько гиперзвуковых самолетов, но они пока проходят испытания, — уточнил Алексей. — Есть еще ракетопланы, тоже экспериментальные. Неужели Москва послала нам на подмогу такую машину?

— Дождешься от них, — фыркнула Диана. — Скорее уж это сделал Координатор.

— Действительно, стреляли плазмой, — согласилась Мальвина. — Другими словами, это была не земная техника. Но и не троклемская — могу чем хотите поклясться.

А Ил-76 уже пересек границу и слегка отклонился к северу, чтобы пройти по маршруту Исфаган — Дизфуль — Багдад. На иранском отрезке трассы им ничего не угрожало, поэтому напряжение в кабине сразу спало. Самолет набрал нормальную высоту. За эти полтора часа они спокойно перекусили, и Посвященные попытались внушить экипажу, что ни в коем случае не следует говорить журналистам о вооруженных людях, которые помогли им бежать из Кандагара.

— Нас там в помине не было, — терпеливо внушал Сергей. — У вас будет много пресс-конференций, так что советую сочинить красивую легенду, как вы продумали и реализовали план побега. В общем, так надо... Надеюсь, я растолковал доходчиво и вы все поняли.

— Ни черта мы не поняли, — вздохнули члены экипажа. — Но если надо...

— Есть такие вещи, о которых не стоит говорить, — глубокомысленно изрек второй пилот. — Особенно в присутствии журналистов.

— Значит, вы меня поняли, — обрадовался подполковник.

Им предстоял почти часовой бросок над Ираком — страной, против которой уже пять с

лишним лет действовали санкции ООН. Северные и южные регионы были объявлены запретными зонами, где хозяйничала авиация НАТО. Военно-воздушные силы Саддама Хусейна не имели права летать над большей частью своей территории.

Боевые самолеты США и других стран антисаддамовской коалиции не раз бомбили радары и зенитные батареи, называя этот разбой миротворческими акциями...

Тем не менее к Багдаду они вышли без инцидентов. Две пары иракских МиГ-29, приветливо покачивая плоскостями, пристроились сзади и чуть выше. На душе сразу стало легко и спокойно, как всегда бывает, если рядом друг.

— Над Междуречьем летим — сообщил командир самолета. — Где-то в этих краях Адам с Евой яблоко в саду покусали.

— Так они что, арабами были? — громко удивился Фомин. — Мать моя девушка! Что же, мы все — потомки древних иракцев?

Посмеиваясь, они миновали покрытый зеленью центральный регион страны.

Однако над Сирийской пустыней истребители Ирака отстали, и откуда-то появились три остроносые самолетика с крыльями переменной стреловидности. Павлик Рамазанов сказал, что их атакуют истребители «Торнадо» военно-воздушных сил Саудовской Аравии.

Началась кутерьма. Саудовцы потребовали, чтобы Ил-76 поворачивал на юг и садился на их авиабазе «Бадана». Пока экипаж выяснял отношения с истребителями, внезапно вернулись саддамовские МиГи. Протянулись трассы ракет «воздух-воздух», и горящие «Торнадо» один за другим попадали в пустыню. Рамазанов со знанием дела прокомментировал: самолеты Ирака вооружены отличными советскими ракетами Р-27, которые имеют дальность около ста километров, скорость в четыре с половиной звука и боевую часть весом под сорок килограммов. Стоявшие на саудовских перехватчиках «Сайдуйндеры» были послабее, да и сами «Торнадо» — полное барахло.

Не успели они порадоваться успеху союзников, как на четверку МиГов навалилась пара F-15 с белыми звездами на фюзеляжах. Этот противник был посерьезнее, и бой разгорелся нешуточный. После двух минут высшего пилотажа с обменом ракетными залпами иракские самолеты пошли на вынужденное снижение, расчертив небо печальными хвостами черного дыма. Впрочем, был сбит и один американец. Оставшийся целым F-15 явно собирался приступить к расстрелу Ил-76, но вдруг возле истребителя расцвели два пышных красных цветка, после чего самолет, потеряв хвостовое оперение, загорелся и некоторое время беспорядочно кувыркался, пока не врезался в каменистый грунт пустыни. В кабине Ил-76 загремели аплодисменты.

— Молодцы саддамовцы, браво! — орал два десятка глоток. — Ракетой гада достали!

Еще несколько минут — и четырехмоторный транспортный гигант пересек границу между Ираком и Сирией. Здесь они чувствовали себя в полной безопасности — над сирийской территорией даже американцы не решились бы перехватывать самолет, бежавший от их прислужников — талибов.

Когда штурман объявил, что через полчаса они сядут на авиабазе возле Дамаска, Сергей встал и с трудом распрямился — после долгого полусидения-полулежания в не удобной позе спина затекла и ныла.

— Принять бодрящие таблетки, — скомандовал он. — Передышки не будет. Как говорят наши младшие братья десантники, с неба на землю — сразу в бой.

Глава 24 БУРЯ В ГОРОДЕ

Когда освобожденных пилотов Ил-76 с почетом увезли в здание аэровокзала, а пленных талибов — в тюрьму, из самолета вышли освободители экипажа. У трапа прибывших из Кандагара ожидала целая делегация сотрудников сирийской военной разведки во главе с одетым в штатское господином Хасаном, который, как выяснилось, носил воинское звание фарик, что соответствовало генерал-лейтенанту.

Генерал Хасан долго тискал в объятиях Курбонбердыева и все порывался отвезти гостей в самый шикарный ресторан Дамаска. С большим трудом удалось убедить гостеприимного генерала, что у них нет времени на застолье. Хасан выслушал объяснения Сергея, потом вдруг спросил:

— Вы случайно не служили подводным диверсантом?

— Было дело... — Удивленный подполковник пригляделся к сирийцу. — Мне ваше лицо тоже кажется знакомым. Вспомнил — вы приезжали на учения восьмидесятого года.

— Так точно! — Лицо Хасана расплылось в радостной улыбке. — Я тогда учился в академии КГБ, и нас повезли во Владивосток. Признаюсь, действия вашего подразделения потрясли всех!

За спиной командира тихонько подал голос Николай, который тоже участвовал в учениях «Океан-80», хоть и был тогда всего лишь ефрейтором первого года службы.

— Маленькая у нас все-таки планетка... — прошептал он. — Куда ни плюнь — в знакомого попадешь. А порезвились мы тогда, спору нет, от души...

... Для начала сводная группа дивизиона «Кальмар», переброшенная на Тихий океан с Каспия, внезапной атакой из-под воды условно потопила ракетный крейсер «Варяг» — флагманский корабль «северных». Затем, сбросив акваланги и гидрокостюмы, они немного побили караульных и угнали глиссер, на котором вышли в соседний квадрат, где разоружили десантников, охранявших склад боеприпасов.

Посредник засчитал «северным» поражение на всем участке фронта, части мотострелковой дивизии бросились в прорыв, охватывая левый фланг условного противника, а группе Каростина было разрешено возвращаться к месту отдыха. На свою беду, у них на пути оказалась казарма автотранспортного батальона.

Развоевавшиеся боевые пловцы ворвались в гарнизон, сняли со всех шоферов поясные ремни, которыми и привязали несчастных к койкам. После таких подвигов старший лейтенант Каростин был представлен гостям и министр обороны тут же вручил ему капитанские погоны...

Генерал провел небольшой отряд в другой зал, обеспечил билетами, помог пройти таможеню, а на прощание взял твердое слово еще раз посетить Сирию, но без такой спешки.

Лететь было недалеко — через полчаса двухмоторная реактивная машина доставила сотню пассажиров в Амман. В столице Иордании их ждал *акид*¹ Максуд — ученик Курбонбердыева, работавший в местном палестинском представительстве. Документы, заготовленные роботами Лабиринта, произвели на опытного партизана сильнейшее впечатление: все печати и подписи выглядели правдоподобнее настоящих. План просачивания Максуд тоже одобрил, однако честно предупредил:

— В Иерусалиме неспокойно. Каждую минуту могут начаться массовые выступления, и тогда оккупанты закроют границу.

— Значит, надо ехать немедленно, — решительно заявил Сергей. — По дороге расскажете, что случилось в вашей столице.

В автобусе, пока они ехали к ближайшему мосту через реку Иордан. Максуд поведал палестинскую версию конфликта, грозившего взорвать мирный процесс на оккупированных арабских землях.

После недавних выборов премьер-министром Израиля стал Биньямин Нетаньях — фанатичный расист и противник создания палестинской автономии. Все проблемы этот политик стремился решать с позиции силы. Брат премьера, полковник Ионатан Нетаньях — любитель Платона и строевой подготовки — погиб летом 1976 года в угандийском аэропорту Энтеббе, где возглавляемый им батальон «коммандос» освобождал французский самолет с пассажирами-израильянами, захваченный арабскими и западногерманскими террористами. То ли новый глава правительства рвался отомстить за брата, то ли просто

¹ полковник

ненавидел потомков родственного семитского племени, но так или иначе он откровенно искал повод прервать переговоры с Ясиром Арафатом.

В начале этой недели с санкции премьер-министра в старой части Иерусалима был открыт для посещения туристов тоннель под Храмовой горой. Собственно говоря, тоннель представлял собой очень древний водовод, который начинался в районе Стены Плача. Небольшой участок этой достопримечательности туристы посещали уже много лет, и никаких проблем не возникало, пока власти не вздумали раскопать тоннель до улицы Виа-Долорода. Тут мусульмане уже возмутились, поскольку не желали, чтобы орды неверных зевак разгуливали под историческими святынями Ислама — увенчанной золотым куполом мечетью Омара и не менее известной мечетью Аль-Акса, накрывшей своим сводом скалу, с которой, согласно преданиям, был вознесен на небеса пророк Мохаммад. В арабских кварталах Иерусалима готовились демонстрации протеста, в которых неизбежно примут участие экстремисты из «Хезболла» и «Хамас». Открытое столкновение с израильскими войсками и полицией представлялось неизбежным.

— Там будет весело, — сделал вывод Аркадий, и все с ним согласилось.

Без задержек миновав иорданский пограничный пост, они перешли по мосту на другой берег. На той стороне гостей из России встретили не слишком приветливые взгляды вооруженных людей в униформе. Отвечал на вопросы Абдулло, поскольку Посвященные сочли не вполне уместным надевать троклемские шлемы с переводчиками.

О чем говорил полковник, остальные не понимали, но догадывались, что профессиональный разведчик излагает тщательно продуманную легенду: группа офицеров МВД РФ следует в Палестинскую автономию по согласованию с правительством Израиля. Цель командировки — обучение палестинской полиции.

Пограничники подозрительно разглядывали их паспорта, дотошно копались в скудном багаже. Придаться смогли только к каскам, однако на эти подарки Координатора имелись железные документы, разрешающие провоз специального полицейского снаряжения. Повздыхав, стражи государственного рубежа шлепнули очередную печать в паспорта майора Иванова (такую фамилию работы вписали в путевые документы Сергея) и его спутников.

Покинув домик, где располагались пограничники, подполковник осведомился:

— Абдулло, ты сколько языков знаешь?

— Понятия не имею... — Растерявшийся разведчик принялся считать, загибая пальцы. — Фарси в трех разновидностях — это, можно сказать, один язык... Потом русский, английский, арабский... Получается, четыре.

— А на какой фене ты только что с аборигенами общался? Курбонбердыев скромно отмахнулся:

— Ну, турецким, ивритом и французским я владею очень слабо, разве что на базаре поговорить. Серьезной работы не получится — акцент выдает иностранца.

— Да уж. Первое Главное управление КГБ — это вам не хрен с двумя апельсинами, — заметил Сергей.

Люди, ждавшие по ту сторону шлагбаума, бросились на них с таким азартом, что Сергей поначалу даже приготовился отражать атаку. Однако недоразумение быстро разъяснилось: полицейский генерал Муса Акрам спешил обнять друга и учителя, которого на Западном берегу не видели с тех дней, когда неподалеку назревала антииракская операция «Буря в пустыне». Курбонбердыева они называли на арабский манер — Абдулла.

— Пригодилось то, чему ты нас учил, — на очень неплохом русском языке говорил Акрам. — Скоро Палестина станет совсем независимой, настоящее государство будет... Но как твоя судьба сложилась? Ты уехал, потом в Москве переворот случился, и поползли слухи, что майора Абдуллу арестовали и даже убили.

— Зубы у них коротки меня убить, а майор недавно полковником стал... Я тоже за вас беспокоился. Особенно когда началась агрессия против Ирака. Ведь в те дни Саддам выпустил в эту сторону много ракет.

Полицейский начальник расхохотался и рассказал веселую историю шестилетней

давности, когда страны НАТО бомбили Ирак, а в ответ на Израиль без конца сыпались боеголовки иракских баллистических ракет типа «Скад». Власти в Тель-Авиве всерьез забеспокоились, что Саддам Хусейн может оснастить некоторые «Скады» отравляющими веществами, и раздали населению противогазы. Израильтяне получили защитные средства бесплатно, тогда как арабам пришлось раскошелиться.

Но зато теперь палестинцы могли без опаски устраивать демонстрации — в противогазах им не были страшны слезоточивые аэрозоли и гранаты карателей.

Потом лицо генерала стало серьезным, и он сказал, что в Иерусалиме складывается очень тяжелая обстановка. Арабское население возмущено провокациями оккупантов, и конфликт грозит принять острые формы. А правительство уже стянуло в город войска и готовится расстреливать мирных жителей, которые выйдут на улицу протестовать против осквернения их святынь.

— Если оккупанты откроют огонь по демонстрантам, то палестинской полиции придется вступить в бой, — сказал Акрам суровым голосом.

Повинуясь мысленному приказу, подаренные Координатором комбинезоны изменили внешний вид, и теперь на Посвященных была полевая униформа израильской армии.

Остальных членов отряда палестинские друзья отвели в ближайшую лавку, где удалось по дешевке обзавестись гражданскими шмотками весьма недурного качества.

Около четырех часов по местному времени они подъехали к воротам армейского учебного центра имени Моше Даяна. Эта часть, расположенная возле поселка Мевассерет-Циас, предназначалась для подготовки резервистов.

Дежуривший на КПП сержант очень удивился их появлению и отказался пропустить в расположение части, но однако после непродолжительной перебранки вызвал офицера. Вскоре появился слегка подвыпивший капитан Шауль Фрухт, который раздраженно заявил:

— Мне тут не нужны идиоты, которые не почитают *шаббад*. В субботу добропорядочные люди не должны заниматься делами. Короче говоря, придете завтра утром. И вообще, я не получал указаний принимать резервистов.

Сергей рывкнул на него отлично поставленным командирским голосом, и электронный переводчик воспроизвел через микрофон-нагубник те же лающие интонации:

— Как разговариваешь со старшим по званию, щенок! У нас нет времени следовать идиотским предрассудкам. Я имею приказ развернуть батальон специального назначения и к полуночи двинуться на разгон палестинских бандитов. Через два часа прибудет еще до сотни человек, так что мы должны немедленно начинать подготовку к их приему.

Он протянул оглушенному капитану плотный лист, покрытый закорючками, восходящими к арамейскому письму. Прочитав документ, Фрухт моментально протрезвел. Координатор постарался на славу: под приказом стояли подписи командующего территориальными войсками НАХАЛ и начальника военной разведки АМАН.

Липовый документ предписывал руководству учебного центра оказывать всяческое содействие полковнику Самуэлю Котлярскому.

Присмиривший капитан велел сержанту открыть ворота, лично проводил гостей к складским помещениям и долго лебезил, прося прощения за свою оплошность. Он даже проявил совершенно неуместную инициативу, предложив немедленно вызвать в часть весь личный состав во главе с подполковником.

— Сколько ваших людей находится в лагере? — напустив задумчивый вид, осведомился Котлярский.

— Девять, господин полковник! Из них...

— Отставить, капитан. Не нужно никого вызывать из города. От вас требуется обеспечить моих спутников обмундированием общearмейского образца и выдать оружие. Все остальное мы берем на себя.

Первым делом они отправились в душевые кабинки, поскольку с самого утра куролесили в странах тропического пояса, от чего покрылись плотной коркой перемешанной с потом пыли. Смыв грязь, все испытали почти райское блаженство. Затем гражданские

члены отряда получили полный комплект израильской униформы.

Николаю явно не терпелось повторить здесь шутку, которую они сыграли с транспортниками во время учений «Океан-80». Окинув спутников скептическим взглядом, он заметил разочарованно:

— Не нравятся мне их ремешки. Не свяжешь аборигенов такой ерундой.

— Найдем, чем связать, — с азартным весельем в голосе откликнулся Гриша. — Скорее бы начать, а то уже руки чешутся.

Покончив с переодеванием, они отправились на склад оружия, где выбрали себе винтовки «Гадил» — местную версию автомата Калашникова, заметно уступавшую гениальному прототипу. Женщинам достались более легкие пистолет-пулеметы «Мини-Узи», и вдобавок каждый подвесил на пояс кобуру с пистолетом «Дезерт-Игл».

Все бы ничего, только арсенал здесь оказался сугубо общевоинским — никаких спецсредств, никакого бесшумного оружия. Хорошо хоть удалось обзавестись бронежилетами и фугасно-зажигательными минами нескольких типов.

Следующим пунктом стал машинный парк. Демьяненко, Фомин и Леха с Аркадием выкатили два джипа — на одном был установлен крупнокалиберный пулемет, на другом — безоткатная пушка. Солдаты из учебного центра заправили машины горючим и уложили в багажное отделение коробки с боеприпасами. Тем временем остальные осматривали бокс, где стоял танк — шестидесятитонный гигант «Меркава» МК-3.

Могучая машина не могла не вызвать восхищения у любого, кто хоть немного разбирался в боевой технике. Кроме ста двадцатимиллиметровой пушки и трех бельгийских пулеметов MAG в башне имелся миномет. В кормовом отсеке, предназначенном для хранения огромного боекомплекта, при необходимости можно было посадить мотопехотное отделение. По бортам башни размещались дымовые гранатометы.

Почесывая затылок, Барханов оглядел со всех сторон роскошную приземистую машину и от избытка чувств воскликнул, используя все свои познания в местном языке:

— А зохум вей! — А потом привычно добавил: — Твою мать!

Абдулло и Сергей сделали страшные глаза, однако все обошлось — никто не расслышал слов Атиллы. Капитан и сержант-танкист показывали спецназовцам, как откидывается кормовой люк, превращаясь в транспортер для загрузки боеприпасов. В десантный отсек они закинули пару ящиков с минами и десяток снарядов в огнестойких контейнерах, а кроме того, заполнили снарядами барабан автоматического зарядника. Для короткого разбоя в городе этого должно было хватить с избытком.

Пока готовили к бою технику, Курбонбердыев осваивал управление «Меркавой» под руководством местного сержанта-танкиста. Послушав, как полковник с натугой выговаривает слова, израильтянин понимающе проговорил:

— Похоже, старик, ты из недавних репатриантов. Откуда приехал?

— Из Пакистана, сынок, — честно признался Абдулло. — Еще не слишком хорошо на иврите говорю.

— Говоришь ты нормально, — успокоил его инструктор. — Просто акцент немного странный.

Врубив мотор, Курбонбердыев сделал круг по плацу и доложил командиру «Финиста», что готов вести танк куда угодно. Эта машина не слишком отличалась от модели МК-1, которой Абдулло научился управлять лет десять назад, когда работал в Ливане.

Гриша Демьяненко, нетерпеливо ожидавший перехода к активным действиям, спросил командира:

— Не пора ли, реббе Котлярский, вязать аборигенов?

— Не будем мы их вязать, — усмехнулся подполковник. — Завтра им свои же отцы-командиры клизму вставят — за то что подарили черт знает кому целую гору боевой техники.

— Так даже остроумнее, — согласился Николай. Остальные тоже одобрили эту идею. Свистнув, Сергей подозвал Фрухта и, поигрывая сотовым телефоном, сказал:

— Капитан, я только что получил по радиации приказ немедленно выступить в район Кнессета, где складывается опасная ситуация. Оставляю вас за старшего. Помните — сразу после захода солнца подойдут автобусы с пополнением. Будьте готовы.

Его команда уже рассаживалась: по четыре человека в каждый джип, еще четверо устроились в боевых отделениях танка, и только Аркадию придется поскучать в десантно-грузовом отсеке рядом со снарядами и носилками для транспортировки раненых. Убедившись, что все заняли свои места, Сергей направился к «Меркаве». По дороге ему попался столик, на котором лежали какие-то инструменты и запчасти. Вспомнив молодость, подполковник одним ударом переломил толстые доски столешницы. Аборигены почтительно притихли. Только Фрухт вполголоса сказал своим подчиненным:

— Видали, засранцы? Вот каким должен быть настоящий израильский воин.

Маленькая колонна выползла за ворота и двинулась в сторону города. Сергей стоял, высунувшись по пояс из командирского люка танковой башни. Из соседнего люка выглядывал Демьяненко, который действительную службу закончил в должности командира танка Т-72, а потому сегодня стал заряжающим и наводчиком в одном лице. Пейзаж вокруг них отнюдь не напоминал пустыню — это был скорее сплошной жилой массив. Блочные дома, коттеджи, магазины, автозаправочные станции, ресторанчики, спортивные площадки. На улицах было много зелени, людей и автомобилей. Частенько попадались на глаза армейские патрули.

Потом возле Сада академика Сахарова малоэтажные домики исчезли, сменившись ультрасовременными зданиями, и Каростин понял, что они наконец-то вступили в Иерусалим. Возглавляемая танком колонна, не обращая внимания на светофоры, промчалась по проспекту Вейцмана, миновала огромную автобусную станцию, свернула на юг, благополучно прошла мимо Дворца Наций и взметнувшегося по соседству небоскреба отеля «Хилтон», однако поворот на проспект Бен-Цви и к министерству иностранных дел оказался перегорожен механизированным подразделением. Пришлось продолжить движение по проспекту Вольфсона, оставляя справа знаменитый шпионский центр «Джойнт». По левому борту выстроились в ряд почти одинаковые с виду, словно из одного инкубатора, бетонные коробки правительственных резиденций: канцелярия премьер-министра, министерство внутренних дел и министерство финансов. В глубине обширного парка возвышалась над деревьями плоская крыша Кнессета.

Около Храма Книги, или Музея свитков Мертвого моря, где были собраны древнейшие рукописи, прогуливалась стайка дочерна загорелых девиц студенческого возраста — в шортах и с мороженым в руках. Одна из них, увидев танк, радостно завизжала и — в патриотическом запале — задрала маечку, обнажив пышную грудь.

Зрелище было в высшей степени заманчивым, и все мужчины в джипах ответили доброй девушке шквалом воздушных поцелуев.

— Видали, бродяги? — невольно вырвалось у Сергея. — Вот как должен народ любить свою армию.

В наушниках его шлема раздался возмущенный голос Дианы:

— Не верти башкой, кобель старый. Загляделся, понимаешь, словно в первый раз увидел!

— Отнюдь, — смиренно ответил он. — Далеко не в первый. Приходилось видеть кое-что и получше. Но все равно приятно...

Мурлыча хором популярную песню «Ах, какая женщина, мне б такую», они обогнули монастырь Святого Креста и выехали на проспект Хазаз. Абдулло, прекрасно помнивший этот город, легко вывел отряд в обильно озелененный район застроенный шикарными особняками. Потом Курбонбердыев остановил танк возле ворот, на которых был нарисован нужный им номер.

— Всем надеть маски, — распорядился Сергей, нажимая кнопку звонка.

Из переговорника ответили на ломаном иврите: мол, хозяин изволят отдыхать, а потому посетителей пускать не велено.

— Военный министр приказал нам взять дом под охрану, — ответил по-русски Сергей. — Есть сведения, что палестинские террористы собираются атаковать эту часть города.

— Ну, в натуре, слава богу, хоть один х... моржовый о нас вспомнил, — разразился динамик типично московским говорком. — А то, ваще, сидим тут, как тараканы в дерьме...

Вычурные ворота втянулись в каменную стену забора, открывая проезд танку и джипам. Из дома навстречу им бежал качок во всем белом: белые брюки, белая сорочка, белая бабочка, белые кроссовки, белая подмышечная кобура на белом ремне. Бритый череп ярко сверкал под безжалостными лучами тропического солнца.

Потрясая оттопыренными пальцами, «бык» заорал:

— Назад, падлы, цветы раздавите.

По просторному дворику были густо раскиданы ухоженные клумбы с потрясающе красивыми розами всех мыслимых расцветок. Не без труда втиснув машины между цветниками и фонтаном в античном стиле, спецназовцы и их попутчики, закрыв лица черными шапками-масками, обступили охранника.

— Где господин Василий Корольков? — вежливо поинтересовался полковник Котлярский. — Нам приказано обеспечить его безопасность.

Встретивший их здоровяк повторил, что Король отсыпается в своих апартаментах. Понимающе кивнув, Сергей приказал:

— Собери братву — всех, кто находится на объекте. Я должен сделать сообщение.

Их появление явно не беспокоило обитателей особняка. Во-первых, защитники Лабиринта были одеты в униформу местной армии. Во-вторых, приехали охранять дорогих иностранцев. А что маски носят, так это даже привычно. Мало ли зачем люди не хотят свои портреты кому попало показывать...

— Всех не выйдет, — сказал «бык». — Табак возле компьютера дежурит.

— Саня, подмени Табака, — прорычал подполковник. — Приказы не обсуждаются. Тем более мои приказы.

Минут через десять во дворе выстроились восемь лбов в белых одеждах, с ними три девки, оказавшиеся местными проститутками. Сергей очень правдоподобно разыграл припадок ярости: орал, что не потерпит бардака, что немедленно поставит в известность кого следует и вообще разгонит всех к чертовой матери. Подыгрывая командиру, Диана с Аркадием от души развлекались — щелкали затворами и предлагали, не отходя от кассы, перемочить эту свору козлов. Перетрусившие бандиты даже не пытались хвататься за пушки — больно уж свирепо глядели на них автоматные стволы.

Старший над охраной, откликаясь на имя Вован, робко предложил уладить дело полюбовно. Покричав для видимости еще немного, подполковник сменил гнев на милость и велел Вовану показать, где тут чего находится. Главным образом его интересовал информационно-компьютерный центр, а на втором по привлекательности месте располагался сейф с наличкой. Однако для начала он велел братве разоружиться. Бандиты без особого энтузиазма выполнили приказ, и арсенал «Финиста» пополнился кучей разнотипных пистолетов с глушителями.

Тихонько посоветовавшись, Сергей и Абдулло решили, что девок можно отпустить. На следствии они сообщат, что особняк навестили неизвестные, говорившие с персоналом по-русски. Такие показания станут лишней уликой в пользу версии о разборке между преступными группировками из СНГ.

Выпроводив шлюх, Каростин оставил бандитов во дворе под охраной Сайда и Васи, а сам с шестью Посвященными отправился осматривать дом. В первую очередь командир «Финиста» потребовал, чтобы Вован отвел их к пультам электронной сигнализации, где сейчас дежурил прапорщик Кулебякин. Быстро разобравшись в системе, Леха отключил охранные устройства и блокировку сейфов. Пока они занимались этим делом, остальные наскоро обследовали трехэтажный дворец и доложили неутешительный вывод: компьютеры разбросаны по многим комнатам.

— Придется забросить в машину все ноутбуки и системные блоки настольных компьютеров, — сказал Аркадий. — Потом разберемся... Вован, где архивы и сам Король?

— А на кой вам, в натуре, архивы? — насторожило белоснежный бандит.

— Сколько можно тебе повторять, дубина, — Диана шевельнула стволом «Мини-Узи», — приказ нам дали. От греха подальше эвакуировать самое ценное.

— Ну да, конечно, — кивнул Вован. — Само собой. Полезное дело.

Сергею почудилось, что в редких извилинах гвоздевского братана закопошились смутные подозрения. Однако бандит был хотя и очень крепок с виду и на голову выше его, но безоружен, а потому не слишком опасен. Командир «Финиста» просто подтолкнул старшего охранника стволом «Галила», и Вован послушно поплелся на третий этаж, показывая ждавшие хозяев хоромы.

Вован, встав посреди коридора, меланхолично осведомился: с чьих, мол, апартаментов начнем осмотр. «Он мне больше не нужен, пора кончать», — решил Сергей. Их разделяло всего три-четыре шага, а винтовка стояла на боевом взводе.

Даже не придется вскидывать и прижимать приклад к плечу — автоматика поглотит отдачу. Одним движением большого пальца он передвинул рычажок в режим автоматического огня, но слегка опоздал. Противник уже приступил к активным действиям.

Внезапно присев, Вован изо всех сил дернул ковровую дорожку и бросился на опрокинувшегося навзничь Сергея. Падая, подполковник успел сгруппироваться и оружия из рук не выпустил. Сомкнутыми ногами он со страшной силой ударил бандита в живот, и тот повалился, нелепо взмахнув руками. На ноги они вскочили одновременно. Вован снова кинулся в атаку, вцепился в цевье и ствол винтовки, пытаясь завладеть оружием. Несколько секунд противники напрягали бицепсы, но ни одному не удавалось вырвать «Галил».

Первым изменил тактику Сергей, пнувший врага ботинком чуть повыше ступни, но бандит, видимо, прошел хороший тренинг — кости его голени обросли дополнительными мышцами, которые смягчили удар, сделав боль терпимой. В ответ Вован попытался боднуть подполковника. С кем-нибудь менее подготовленным такой прием мог обеспечить перелом схватки, но Сергей привычно пригнул голову, и гвоздевский громила, врезавшись переносицей в козырек его каски, оказался в нокдауне. Продолжая выворачивать винтовку, Сергей резко подбросил колено, угодив противнику в пах. Тот взвыл, ослабил хватку. Каростин наконец сумел освободить оружие, ударил углом магазина в район белой бабочки, а затем, пользуясь выгодным замахом, обрушил приклад на челюсть бандита. Нокаутированный Вован растянулся на полу.

Подполковник с облегчением расправил плечи, и в тот же миг сбоку от него кто-то свирепо рывкнул:

— Руки вверх!

Сергей и не подумал выполнять этот приказ. Не оборачиваясь, он полоснул в ту сторону длинной очередью и прыжком растянулся на полу, наводя винтовку на кричавшего. Торопиться с дополнительными выстрелами не стоило — возле раскрытой двери скрючился, истекая кровью, бородатый мужичок в пижаме.

— Ты кто? — миролюбиво поинтересовался подполковник.

— Я — Король! — гордо ответил тот.

— Вот тебя-то мне и нужно, — обрадовался Каростин.

Когда прибежали привлеченные шумом схватки Диана и Гриша, с Королем и Вованом было покончено. Отдыхавшись, комполка приказал ликвидировать остальных охранников и вообще прибавить темп — до сумерек оставалось не так уж много времени.

Они покинули двор, оставив позади заминированный дом и трупы восьми бандитов. Где-то вдалеке стрекотали автоматные очереди, изредка хлопали разрывы гранат — в арабских кварталах Старого города разгорались уличные бои.

Если не считать липкого зноя, слабых звуков перестрелки и нарядов конной полиции, вечерний Иерусалим мало отличался от любого большого города планеты.

Полные прохожих улицы, вынесенные прямо на тротуар столики кафетерия, ревущие

мотоциклы байкеров, целующиеся парочки. Был, однако, и местный колорит, совершенно немыслимый в Париже или Ташкенте: многочисленные религиозные фанатики в долгополых черных сюртуках и черных шляпах то и дело цеплялись к одетой по-современному молодежи — не иначе укоряли в безнравственности...

Прямо на марше Сергей воспользовался радиоустройством каски, чтобы связаться с авиеткой, висевшей над Ближним Востоком на высоте около трех тысяч километров. Когда аппарат отозвался, подполковник отрапортовал о завершении очередного этапа операции. Спустя мгновение Координатор ответил:

— СЕЙЧАС АВИЕТКА ОСУЩЕСТВИТ ИМИТАЦИЮ МНОГОМЕРНОГО КАНАЛА ЭЛЕКТРОННОГО ПОДКЛЮЧЕНИЯ. АППАРАТУРА ИЕРУСАЛИМСКОГО ЦЕНТРА ДОЛЖНА ОТВЕТИТЬ ЗАСЫЛКОЙ ВИРУСА НЕСОМНЕННО. ВСЕ СОТРУДНИКИ ЦЭШ СОБЕРУТСЯ НА РАБОЧИХ МЕСТАХ. ОНИ — ТВОИ. УБЕЙ ВСЕХ.

Сеанс связи продолжался не больше десяти секунд, однако он очень много сказал о безжалостном коварстве суперробота. В общении с Посвященными он был своенравен, но добродушен, как хороший приятель. Врагов же Координатор уничтожал, не считаясь с жертвами...

Прямую дорогу на Байт-Ваган и Гиват-Мордехай снова преградил мощный блокпост с бронетехникой. От греха подальше они предпочли объехать опасный участок и углубились в городские кварталы.

Вскоре показались белокаменные стены Старого города, над которыми возвышались купола и башни церквей, синагог и мечетей. Возле ворот развернулось настоящее сражение: армия расстреливала манифестантов-арабов, а палестинская полиция вела ответный огонь. С возвышенности, где сейчас расположился отряд защитников Лабиринта, отлично просматривалась бронеколонна, спешившая к месту событий. От силы через четверть часа полтора десятка «Меркав» и бронетранспортеров без труда раздавят демонстрантов — с противотанковыми средствами дела у палестинцев явно обстояли не лучшим образом.

— Демьян, заряжай бронебойным, — скомандовал подполковник. — Первый — по головному, второй — по замыкающему.

— Хоть какое-то веселье, — обрадовался Гриша. Башня плавно развернулась и пошевелила стволом, затвор проглотил снаряд с вольфрамовым сердечником.

Демьяненко прилип к перископическому прицелу, навел пушку на контур переднего танка и надавил большую кнопку электроспуска. Прогрохотав, орудие дернулось назад, но тут же вернулось в нормальное положение. Эжектор продул канал ствола, удаляя пороховые газы, а барабан автоматического заряжания услужливо повернулся, подавая следующий подкалиберный снаряд.

В «Финисте» Демьяненко заслуженно считался асом стрельбы из танков всех моделей, включая Т-80, «Абрамс», «Челленджер», «Леопард», «Леклерк». По слухам, Григорию довелось поработать даже с французским «Наполеоном Бонапартом», существовавшим всего в трех экземплярах, два из которых проходили испытания на полигоне в Нормандии, а третий непонятным образом оказался в танковом музее подмосковной Кубинки. Правда, с системой управления огнем «Меркавы» он имел дело впервые, но промахнуться с шестисот метров было очень сложно.

Первая болванка угодила точно в кормовую часть вражеской машины, после чего пораженный танк, остановившись, задымился. Гидравлика стремительно повернула башню, и грянул второй выстрел — также результативный, на этот раз загорелся замыкавший колонну бронетранспортер. Абдулло немедленно врубил переднюю передачу, танк спрятался за ближайшим домом, потом осторожно выполз из-за укрытия и всадил снаряд в очередную «Меркаву».

Руки чесались добить эту колонну, однако времени катастрофически не хватало. Не ввязываясь в продолжительный бой, отряд Каростина, прикрывшись дымовой завесой, двинулся на юго-запад вдоль проспекта Эмек Рефаим.

Курбонбердыев, не заглядывая в карту, указывал нужные повороты, короткая колонна

пересекла на большой скорости широченное авеню Ха-Рав-Герцог и вскоре вышла на Байт-Ва-Ган.

Перед ними горбился невысокий холм, на котором располагался кампус Иерусалимского политехнического института: два учебных корпуса, общежитие и выстроенное поодаль здание Центра электронного шпионажа. Рядом на вершине холма сверкали в багровых лучах заходящего солнца параболические антенны спутниковой связи.

С ходу проломив решетку, танк дал задний ход и остановился на шоссе, а оба джипа ворвались за ограду, расстреливая заматавшихся солдат внешней охраны. Бронебойно-фугасный снаряд выбил дверь, и спецназовцы бросились в здание.

Персонал Центра, не ожидавший нападения, не смог оказать организованного сопротивления. Несколько ответных выстрелов либо не достигли цели, либо выпущенные впопыхах пули безвредно увязли в многослойной конструкции бронежилетов.

Перебив всех, кто оказался во дворе и коридоре первого этажа, Сергей разделил штурмовую группу. Непрофессионалов под командованием Курбонбердыева он оставил внизу для зачистки комнат, а сам с шестью бойцами «Финиста» бросился к лестнице.

Все укрылись за выступом стены, и прапорщики кинули вверх по две гранаты. Взрывы, расшвырявшие сотни осколков, простерилизовали пространство в радиусе пяти-шести метров от лестничного проема. Стремительно взлетев по ступенькам на второй этаж, спецназовцы открыли бешеный огонь вдоль коридора. Разряжая магазин, Сергей с мрачным удовлетворением засекал в памяти, как падают незнакомые ему люди, чья судьба сделала врагами его страны, его народа и (сейчас это было важнее всего) его могущественного друга и союзника — Координатора Девятой Ветви Лабиринта.

Сменив магазины, они двинулись по пустому коридору, равнодушно переступая через беспорядочно разбросанные трупы. Судя по звукам и запаху гари, доносившимся снизу, Абдулло и его команда тоже действовали вполне успешно.

Со вторым этажом покончили за три с половиной минуты. Незачищенными остались только два помещения. Первая дверь была сварена из толстых стальных листов и не поддавалась пулям, поэтому командир решил оставить эту комнату напоследок и вскрыть мощным взрывом. На другой комнате висела красивая табличка с надписью «Administration».

Стукнув кулаком в дверь дирекции, Сергей крикнул:

— Выходите по одному и без оружия!

Изнутри донесся голос, и в наушниках прозвучал синхронный перевод:

— Не стреляйте, мы выходим.

Первой из приоткрывшейся двери выбралась насмерть перепуганная дама умеренно приятной наружности. Как выяснилось позже, она числилась здесь в должности секретаря администрации. Потом один за другим показались два пожилых джентльмена: первый был шатеном с водянисто-прозрачными глазами, а другой — седым, лысоватым, черноглазым и смуглолицым. Этот деятель был слишком хорошо знаком Посвященным, и подполковник не сумел сдержаться. Удар прикладом в солнечное сплетение согнул генерала Ди-Визеля пополам, а затем директор ЦЭШ рухнул на пол, схлопотав тем же предметом по затылку.

— Кого это мы имеем удовольствие лицезреть... — пропел Сергей нежным голосом. — Неужели сам товарищ генерал Галанин!

— Не убивайте! — сориентировавшись в обстановке, Ди-Визель заговорил по-русски: — Я готов рассказать все, что мне известно.

— А это кто такой?

Сергей ткнул стволом в копчик другого пленника, который дисциплинированно принял классическую позу «лицом к стене, руки за голову».

— Эндрю Хенсон. Офицер связи из ЦРУ.

Для порядка эту троицу обыскали, после чего Ди-Визель дрожащими руками отпер сейфовую дверь аппаратного отсека и показал, где хранятся магнито-оптические диски, «компакты» и прочие носители информации. Помимо охоты на Лабиринт, сотрудники ЦЭШ

извлекали из компьютерной сети военные, политические и научно-технические секреты многих стран и корпораций. Секретов набрался целый чемодан. Валюты собрали поменьше — неполный кейс, меньше миллиона долларов.

По всему зданию расставили мины, с особым старанием нашпиговали взрывчаткой бронированный бокс, где стояли серверы и детекторы. Обоих пленных, сковав наручниками, загнали в десантное отделение «Меркавы», а секретаршу отпустили, чтобы не пачкать руки ликвидацией женщины.

Со стороны города к холму уже выдвигались бронетанковые подразделения, так что пришла пора уносить ноги. Заработали гранатометы, разбрасывая дымовые снаряды. Густое облако окутало танк, защищая от прицельных выстрелов. Чуть позже, когда взорвался заминированный ЦЭШ, дыма стало еще больше. Внутренний объем трофейной «Меркавы» заполнился голосом Мозга Станции:

— ТЕЛЕПОРТАЦИЯ И ВИДЕОКАНАЛЫ ДЕЙСТВУЮТ ПО ВСЕЙ ЗЕМЛЕ. ГОТОВ ВЕРНУТЬ ВАС НА СТАНЦИЮ.

Джипы пришлось бросить. Наталкиваясь на снаряды, чемоданы, носилки, пленных и прочий хлам, весь отряд кое-как втиснулся в бронированное нутро танка.

Неуловимый миг прокола измерений — и огромная машина оказалась в операционном зале.

Пленные благоговейно озирались. Американец пробормотал:

— Неужели мы в Лабиринте?

— Разве вам не хотелось здесь оказаться? — переспросил Николай. — Мы осуществили вашу мечту...

Всем нашлось дело: сортировать диски и дискеты, делить наличные, разбираться в трофейном оружии. Поручив роботам держать на мушке шпионскую парочку, Сергей попросил Мозг Станции протянуть транспортный тоннель до ИСТРИСа.

В кабинете директора плавало плотное облако никотина — вся коллегия института нервно заполняла пепельницы горами окурков. Увидев Каростина, генералы и полковники облегченно застонали.

— Как вы? — воскликнул Жихарев.

Загасив сигарету, Львов меланхолично пробурчал:

— Раз они на Станции, — значит, все в порядке...

— Вот именно, — рассмеялся Сергей. — Вернулись без потерь. Отчет представлю завтра, а пока принимайте «языков».

Он вытолкнул пленников в особняк на Чухлинке, где много лет назад томились инопланетные узники. Хенсона и Ди-Визеля без промедления отправили в подвал, а Волков, Медведев и Муравьев поспешили следом — снимать первый допрос.

Каждый получил бумажный мешок с неравными долями добычи. Посвященные оставили себе меньшую часть захваченной валюты — им хватит и безналичных средств, хранившихся на счетах, которые теперь оказались в их распоряжении. В ближайшие дни или даже часы, разобравшись в компьютерных базах данных, Мозг Станции переведет на депозиты Посвященных солидные суммы, ранее принадлежавшие ЦЭШу и организации Короля. Офицеры и прапорщики о таких деталях не догадывались и были вполне удовлетворены щедрым вознаграждением.

Транспортные тоннели вернули Курбонбердыева и Рамазанова в Душанбе, Посвященных — по домам, а «Меркава» с пятью бойцами оказался на пустом шоссе в трех километрах от гарнизона «Финиста». Гриша взялся за рычаги и направил танк к воротам. Около КПП их догнал «Икарус», в котором ехали с аэродрома сослуживцы, вернувшиеся из Таджикистана. Увидев, кто сидит на башне громадной бронированной машины, майор Карабанов изумленно вскричал:

— Барханов, Демьяненко, как вы здесь оказались? Сегодня из Душанбе вылетел в Москву только один самолет, но в нем летели мы, а вас там не было!

— Не самолет у вас был, а черепаха парализованная, — фыркнул Атилла. — Мы на

танке быстрее добрались.

Глава 25 КАПРИЗНЫЙ РОБОТ

Переpravляя Посвященных на остров Фернандо, Мозг Станции Земля обрадовал людей долгожданным известием: Координатор сумел найти эффективные средства борьбы против компьютерного оружия фурбенов. Отныне безопасности Лабиринта ничего не угрожало, и все видеоканалы работали в самом интенсивном режиме. По просьбе Посвященных, роботы выдали большую голограмму с картой Солнечной системы.

На первый взгляд общая ситуация выглядела не слишком тревожной. Звездолет гонтов двигался от Сатурна в направлении Земли и Венеры, разогнавшись примерно до одной сотой скорости света. Космический крейсер Фурбенты дрейфовал в поясе астероидов рядом с огромным каменным обломком. Мозг Станции пояснил, что под скалистой поверхностью этого планетоида прячется база роботов, построенная еще прошлой фурбенской экспедицией. В настоящий момент Земля и позиция спрутоящеров находились по разные стороны от Солнца.

Еще две базы инопланетян были расположены на обратной стороне Луны. Гонты и фурбены выстроили свои крепости в кратерах, разделенных расстоянием в полторы тысячи километров.

— КРОМЕ ЭТОГО, ОБЕ ВРАЖДУЮЩИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ РАСПОЛАГАЮТ ПЕРСОНАЛОМ НА САМОЙ ЗЕМЛЕ, — продолжал отчитываться Мозг Станции. — ЛУННЫЕ БАЗЫ И МЕЖЗВЕЗДНЫЕ КОРАБЛИ ПОСЫЛАЮТ СИГНАЛЫ В СТОРОНУ ПЛАНЕТЫ. ОДНАКО МОЯ АППАРАТУРА НЕ ЗАПЕЛЕНГОВАЛА ОТВЕТНЫХ ПЕРЕДАЧ.

— Соблюдают режим радиомолчания, что вполне естественно в их обстоятельствах. — Сергей пожал плечами. — Но ты мог бы зафиксировать летательные аппараты чужаков.

— ОНИ ПРЕКРАТИЛИ ИСПОЛЬЗОВАТЬ СОБСТВЕННУЮ ТЕХНИКУ. ВИДИМО, ПЕРЕМЕЩАЮТСЯ ПО ПЛАНЕТЕ С ПОМОЩЬЮ ВАШИХ ТРАНСПОРТНЫХ СИСТЕМ.

— Затаились, — резюмировал Аркадий. — Не к добру это. Боюсь, непрошенные гости готовятся к решительной схватке.

Пасари, лучше остальных представлявшая размах и вероятные последствия предстоящего космического сражения, озабоченно заметила: дескать, если звездолеты обменяются ударами в полную силу, то третьей планете от Солнца придется несладко.

— Наш долг — сделать так, чтобы пришельцы выясняли свои отношения где-нибудь подальше отсюда, — сказала Диана.

— Я СЛЕЖУ ЗА ИХ МАНЕВРАМИ, — заверил Мозг Станции.

Сергей пошутил, что Посвященные совсем обленились. Год назад они наверняка облачились бы в акваланги и гидрокостюмы, чтобы собственноручно извлечь сокровища затонувших кораблей. Сегодня же они сидели в удобных креслах кондиционированного обеденного зала, меланхолично ели деликатесы и лишь изредка кидали скучающие взгляды на трехмерные изображения роботов, таскающих бочки и сундуки из трюмов галиона «Альфонс Мудрый».

Один окованный ящик вскрыли на террасе островного дворца. В ярких лучах тропического солнца сверкнули золотые изваяния божков, похищенные испанцами в индейских храмах.

— Даже не знаю, как оценивать будем. — Диана всплеснула руками. — Тут даже не масса драгметаллов играет роль, каждый предмет — антикварная ценность.

— На глазок там добычи миллионов на полста, — заметил Аркадий. — Что будем делать с такими бабками?

— Вложим куда-нибудь. — Сергей небрежно отмахнулся — Судостроение поднимать надо, авиационную промышленность...

— Не просто авиационную, — поспешил уточнить Алексей. — Скорее уж авиакосмическую. Создадим холдинг...

Николай с Алексеем как главные менеджеры «Небесного ока» принялись развивать грандиозные планы инвестирования. По их прикидкам, к началу следующего века Посвященные должны были превратиться в единоличных владельцев индустриальной империи, производящей наукоемкую продукцию.

Подобные разговоры давно стали привычным делом для большинства акционеров концерна «Черный поиск». Только Атилла, лишь позавчера зачисленный в Посвященные и получивший право на долю от общей добычи, чувствовал себя неловко. Астрофизик пока весьма смутно представлял, как можно с такой легкостью распоряжаться астрономическими суммами. До сих пор его желания ограничивались приобретением квартиры и прочими хозяйственными заботами. Тем не менее, будучи человеком науки, Барханов не выпускал из памяти и проблемы галактического масштаба.

Нагнувшись к уху командира, он негромко спросил:

— Сергей, смогу я вызвать отсюда главного робота или надо будет возвращаться на Станцию?

— Можно и отсюда. Мозг Станции, соедини нас с Координатором.

Убедившись, что центральный компьютер Лабиринта готов к диалогу, Атилла приступил к допросу, который мгновенно заинтересовал всю компанию. К стыду своему, Посвященные должны были признать: ни один из них об этом даже не задумался.

— Координатор, недавно ты рассказал нам о цивилизациях, чьи звездолеты побывали в Солнечной системе за время, прошедшее после Катастрофы. — Уфолог говорил четко и размеренно, словно зачитывал по бумаге заранее подготовленный текст. — Я полагаю, что в памяти других Станций должна храниться информация относительно экспедиций этих же или иных внеземных культур, которые посетили другие поднадзорные планеты.

После короткой, но очень подозрительной паузы Координатор ответил:

— ТЫ ПРАВ.

Снова они уличили суперробота в неискренности. Однако Сергей даже не попытался упрекать Координатора за попытку скрыть важные сведения. Наверняка выдаст обычную легенду: мол, вы нечетко формулируете свои пожелания...

А между тем Координатор как ни в чем не бывало излагал данные, накопленные за тысячу лет в различных секциях Лабиринта. Несколько поднадзорных планет были исследованы экспедициями Огонто и Фурбенты. В девяти системах побывали звездолеты рептилий с Беты Кассиопеи. Наконец одна из дальних Станций Девятой Ветви зафиксировала в 1882 году корабль, изучавший гигантские планеты в системе звезды, удаленной от Солнца на триста семнадцать световых лет.

— На кого они были похожи? — вскричал Атилла. — Откуда прилетели?

— ИНФОРМАЦИЯ ОТСУТСТВУЕТ, — ответил Координатор. — КАК ВЫ ЗНАЕТЕ. СТАНЦИИ ЛАБИРИНТА РАСПОЛАГАЮТСЯ ОБЫЧНО НА ПЛАНЕТАХ ЗЕМНОГО ТИПА. ОДНАКО УКАЗАННЫЙ ЗВЕЗДОЛЕТ ПОСЕТИЛ ЛИШЬ ДВЕ ПЛАНЕТЫ ТИПА «ГАЗОВЫЙ ПУЗЫРЬ», ЛЕЖАЩИЕ НА БОЛЬШОМ УДАЛЕНИИ ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО СВЕТИЛА. НА ТАКИХ ДИСТАНЦИЯХ ПРИБОРЫ СТАНЦИИ НЕ СМОГЛИ ПОЛУЧИТЬ ВИЗУАЛЬНУЮ ИНФОРМАЦИЮ ОБ ЭКИПАЖЕ ЭТОГО АППАРАТА. ЗАВЕРШИВ ИССЛЕДОВАНИЯ, КОРАБЛЬ УШЕЛ В НАПРАВЛЕНИИ БОЛЬШОГО МАГЕЛЛАНОВА ОБЛАКА И СОЗВЕЗДИЯ ЗОЛОТОЙ РЫБЫ. СУДЯ ПО СПЕКТРУ ДВИГАТЕЛЯ, ЭТИ ПРИШЕЛЬЦЫ ИСПОЛЬЗОВАЛИ ДЛЯ СУБСВЕТОВЫХ ПЕРЕЛЕТОВ СТАНДАРТНУЮ ТЕХНОЛОГИЮ АННИГИЛЯЦИИ.

Обдумав странное сообщение, Барханов предположил:

— Возможно, это были обитатели мира, напоминающего Юпитер или Сатурн.

— НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНАЯ ГИПОТЕЗА. — согласился робот.

— В ТАКОМ СЛУЧАЕ, МЫ ИМЕЕМ УНИКАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН, КОГДА РАЗУМНАЯ ЖИЗНЬ РАЗВИЛАСЬ НА ПОВЕРХНОСТИ ИЛИ В АТМОСФЕРЕ ПЛАНЕТ-

ГИГАНТОВ.

Если квазиразумный повелитель Лабиринта рассчитывал, что удовлетворил любопытство уфолога, то он очень сильно ошибся. Теперь Атилла напомнил недавний разговор в Большой Гостиной, когда Координатор упомянул, что накануне повторной активизации Станций, то есть приблизительно в девятом-десятом столетиях, Землю посещала экспедиция той же расы, которая «потеряла» свой звездолет на планете Сарто.

— Какие у тебя основания для таких заключений? — осведомился капитан-снайпер.

— С ПОХОЖИМ ОБЪЕКТОМ ВСТРЕТИЛИСЬ АСТРОНАВТЫ ПЛАНЕТЫ ХАШШАД...

Рептилии, населявшие четвертую планету Беты Кассиопеи, называли свою планету Хашшад. В период после Катастрофы эта раса достигла высокого уровня технологического прогресса и около 900 года по земному летосчислению отправила первую экспедицию к соседней звезде. Активная межзвездная разведка продолжалась примерно два столетия, после чего раса погибла в самоубийственной войне, охватившей как материнскую планету, так и основные внешние колонии.

Один из кораблей, вернувшийся на Хашшад в 1084 году, привез известие о встрече с неизвестным звездолетом. Изучая систему голубого гиганта Мю Андромеды, экспедиция обнаружила космический аппарат странной конструкции. При попытке хашшадянцев приблизиться и вступить в контакт, чужаки развили большую скорость, а затем их корабль внезапно исчез. В момент его исчезновения приборы хашшадянского звездолета зафиксировали мощную аномалию гравитации, магнитных сил и поля слабых ядерных взаимодействий.

Продолжая исследования системы, аборигены Беты Кассиопеи обнаружили на спутнике одной из планет искусственное сооружение. Хашшадянцы попытались проникнуть в купол, но тот взорвался. При этом погибли два астронавта.

Корабль неизвестных чужаков был очень похож по конструкции на аппарат, обнаруженный на Сарто. Ракетные двигатели обоих звездолетов работали по принципу извержения сверхтемпературной плазмы. Наконец, были очень сходны взрывы, уничтожившие базы пришельцев на земной Луне и в системе Мю Андромеды. В обоих случаях самоликвидатор представлял собой аннигиляционный фугас с тротиловым эквивалентом порядка мегатонны.

— ВСЕ ЭТИ ФАКТЫ ПОЗВОЛЯЮТ ЗАКЛЮЧИТЬ, ЧТО ОКОЛО ТЫСЯЧИ ЛЕТ НАЗАД В НАШЕМ СЕКТОРЕ ГАЛАКТИКИ ПОЯВИЛИСЬ РАЗВЕДЧИКИ РАСЫ, ВЛАДЕЮЩЕЙ ТЕХНОЛОГИЕЙ ВНЕПРОСТРАНСТВЕННОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ, — завершил свой рассказ Координатор.

Атилла мрачно проворчал:

— Меня не удивляет, что тысячу лет назад на Земле и других планетах побывали исследователи, летавшие через другие измерения. Меня гораздо сильнее беспокоит, что с тех пор они не подают признаков жизни. Неужели над всеми Цивилизациями межзвездного ранга висит проклятие и все они рано или поздно должны погибнуть?

Этот вопрос давно занимал и остальных Посвященных. Диана даже организовала как-то совещание с участием такого корифея, как Тарпанов. Выводы политологов не слишком утешали: любая культура, любая сверхдержава, какой бы могучей ни представлялась, рано или поздно приходит в упадок, теряя влияние и военную мощь.

Тарпанов считал, что подобным образом происходят обновление политических идей, оздоровление демографической ситуации, а также смена социально-экономических формаций, без чего невозможен прогресс. История Земли не знала исключений из этой закономерности. Как видно, не знала таких исключений даже галактическая история.

— Хватит о грустном, — решительно заявил Аркадий. — В каком состоянии сейчас изучение звездолета на Сарто?

Координатор охотно углубился в технические подробности. Смысл его отчета можно было изложить буквально в двух-трех фразах: роботы подняли корабль на поверхность,

очистили от грязи и коррозии, составили чертежи внутренних помещений, а в данное время пытаются понять принцип действия основных узлов и агрегатов. Однако у людей сразу возникло подозрение, что квазиразумный пытается заморочить им голову, нагромодив гору совершенно излишних деталей вроде предполагаемой мощности корабельного реактора или напряжения переменного тока, питавшего бортовое оборудование.

Прервав этот поток ненужной информации, Сергей предложил:

— Ребятишки, а почему бы нам не прогуляться на Сарто?

— Хорошая мысль, — согласился Николай. — Своими глазами полюбуемся.

Как и следовало ожидать. Координатору их идея пришлась не по вкусу. Урчащий голос робота произнес:

— НЕ УВЕРЕН, ЧТО ТАКОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ИМЕЕТ СМЫСЛ. ОСТРОВ РАСПОЛОЖЕН В ПОЛЯРНОЙ ОБЛАСТИ. ТАМ СЛИШКОМ НИЗКАЯ ТЕМПЕРАТУРА.

— Ты меня удивляешь, — весело проговорила Диана. — Против мороза есть прекрасная защита — теплая одежда. А твои отговорки напоминают вульгарную попытку неповиновения приказам Персонала.

— ВЫ НЕ ПРАВЫ, — ответил Координатор. — В ТРАНСПОРТНОМ ОТСЕКЕ ЖДЕТ МАШИНА. МОЗГ СТАНЦИИ САРТО ДАСТ ВСЕ НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Сквозь прозрачный купол, накрывавший место работ, были видны слегка присыпанные снегом скалы арктического острова. Порывы шторма гнали мелкую крупу поземки. Внутри ветер, конечно, не проникал, но и отопление не работало — андроиды Лабиринта не нуждались в тепле.

— Действительно не жарко, — признал Алексей. Звездолет стоял вертикально, почти касаясь сводов купола своей закругленной носовой частью. Корпус имел форму двенадцатигранной призмы высотой около семидесяти метров и вдвое меньшим поперечником. На бортовых гранях строители этого аппарата разместили в два яруса какие-то конструкции непривычных очертаний. Ближе к корме корабль был опоясан громоздкими устройствами, составленными из цилиндрических и конических агрегатов, к которым прилипли параболоиды, напоминающие антенны. Выше, где ребристые бока корпуса плавно переходили в носовую полусферу, были симметрично расположены три гнезда. Два оказались пустыми, а рядом с третьим в броне зияла рваная пробоина, от которой разбегались длинные извилистые трещины. Из поврежденного гнезда выглядывал наполовину утопленный в корпусе предмет, напоминавший сардельку десятиметровой длины.

— Спасательная или десантная ракета, — прокомментировал Атилла. — Они потерпели катастрофу в космосе. Экипаж катапультировался на двух уцелевших шлюпках, а звездолет врезался в планету.

— Звучит правдоподобно, — согласился Аркадий. — Мозг Станции, ответь: на борту найдены останки экипажа?

— НАЙДЕНО МНОЖЕСТВО СКЕЛЕТОВ, НО БОЛЬШИНСТВО ИЗ НИХ ПРИНАДЛЕЖИТ МОРСКОЙ ФАУНЕ САРТО.

— А меньшинство? — в один голос спросили Сергей, Атилла и Пасари.

— ОБНАРУЖЕНЫ ФРАГМЕНТЫ КОСТНОГО ОСТОВА НЕИЗВЕСТНОГО ЖИВОТНОГО.

Робот продемонстрировал голограмму неполного скелета и реконструкцию наиболее вероятного внешнего вида этого существа. Впавший в экстаз Барханов принялся уверять друзей, что именно такую внешность имели космические пришельцы, много веков назад вступившие в контакт с племенем догонов.

Продолжая рассказ, Мозг Станции поведал, что электронное оборудование звездолета основано на традиционных принципах и не сильно отличается от техники, созданной троклемидами и вешша. К сожалению, все записи компьютерной памяти безнадежно испорчены в результате длительного пребывания в морской воде.

Главное внимание, по приказу Координатора, было нацелено на поиск так называемого

гипердвигателя, при помощи которого корабль перемещался в многомерном пространстве. Роботам удалось установить, что навесные агрегаты, равно как расположенные внутри корпуса машины, предназначались для генерирования сложной комбинации силовых полей. Точный характер этих полей устанавливается.

По оценке Мозга Станции, звездолет создавался в качестве сугубо мирного исследовательского аппарата. На борту имелось множество лабораторных помещений, практически не было оружия — лишь батарея лазерных пушек противометеоритной обороны.

— Ты установил источник повреждения? — спросил Сергей.

— КРАЯ ПРОБОИНЫ ПОДВЕРГЛИСЬ СИЛЬНОЙ КОРРОЗИИ. ХАРАКТЕР ПОВРЕЖДЕНИЙ НЕ ПОЗВОЛЯЕТ ОТВЕТИТЬ НА ВАШ ВОПРОС. ТАКАЯ ПРОБОИНА В КОРПУСЕ МОГЛА ПОЯВИТЬСЯ ПО РАЗНЫМ ПРИЧИНАМ. ИЗЛАГАЮ ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ В ПОРЯДКЕ УБЫВАНИЯ ВЕРОЯТНОСТИ: СТОЛКНОВЕНИЕ С ВЫСОКОСКОРОСТНЫМ ТВЕРДЫМ ТЕЛОМ, КОНТАКТ С НЕБОЛЬШОЙ ЧАСТИЦЕЙ АНТИВЕЩЕСТВА, ПОПАДАНИЕ УЗКОГО ПУЧКА АНТИПРОТОНОВ, ВЗРЫВ ВНУТРИ КОРПУСА.

Оба физика атаковали робота вопросами о гипердвигателях, но Мозг Станции отослал Посвященных к Координатору, который взял на себя исследование интересующей их части чужого звездолета. Посоветовавшись, люди решили, что в этом холодильнике делать больше нечего и можно возвращаться на Станцию Земля.

Координатор послушно рассказал, что предполагаемый межзвездный двигатель состоит из множества стандартных блоков, которые принадлежат к шести основным типам. Пока удалось установить функции лишь четырех таких устройств. Это были источники вихревого магнитного поля, гравитации, а также квантов, отвечающих за внутриядерные взаимодействия. Робот высказал догадку, что остальные блоки предназначены для управления глюонными силами, благодаря которым кварки объединяются в комплекс, образуя «обычные» элементарные частицы: нейтроны, протоны, электроны и мезоны.

Физики слушали с исключительным вниманием, понимаясь переглядываясь и обмениваясь заумными репликами. Для остальных же лекция Координатора звучала не доходчивее заклинаний на древнеманьчжурском диалекте. Аркадий поспешил объяснить в популярной форме:

— Короче говоря, эти установки разрушают связи между виртуальными квантами вакуума. Как следствие, в трехмерном пространстве образуется брешь — вроде искусственной «черной дыры», сквозь которую звездолет как бы проваливается в другое измерение.

После короткой паузы Координатор заметил:

— ОЧЕНЬ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНАЯ АНАЛОГИЯ. В РЕАЛЬНОСТИ ПРОСТРАНСТВО НЕ СТОЛЬКО РАЗРУШАЕТСЯ. СКОЛЬКО ИЗГИБАЕТСЯ. ПРИ ЭТОМ ВОЗНИКАЕТ МНОГОМЕРНЫЙ ТОННЕЛЬ, СОЕДИНЯЮЩИЙ ДВЕ ТОЧКИ... — Внезапно робот замолчал, затем произнес: — ВНИМАНИЕ. ОБОСТРИЛАСЬ ОБСТАНОВКА НА ЛУНЕ. ГОНТЫ ПЕРЕШЛИ В НАСТУПЛЕНИЕ.

Два десятка плоских машин, напоминавших по форме костяшки домино, стремительно скользили над лунной поверхностью, старательно прячась в тених, отбрасываемых острыми скалами и кольцевыми валами кратеров. Достигнув равнины, которую земляне называют Морем Планка, боевые механизмы планеты Огонто развернулись в линии, сбавив ход, совершили хрестоматийный маневр, пытаясь охватить полукольцом базу спрутоящеров.

Посвященные наблюдали эту прелюдию к битве, сидя в зале видеообзора Станции Земля. Передачу с Луны вели роботы Лабиринта, разместившиеся в окрестных горах. На голографической схеме были видны даже замаскированные среди скал оборонительные узлы, двойным поясом сжавшие фурбенскую крепость. Личный состав базы наверняка обнаружил приближение противника, однако почему-то не предпринимал никаких активных действий.

— Почему они тянут время? — недоумевал Сергей. — Заманивают? Глупая тактика — нельзя подпускать противника так близко...

К гонтам подошло подкрепление — два космических аппарата с большой высоты нанесли по крепости серию лучевых ударов. Потоки разрушительной энергии были ослаблены многослойным силовым полем и причинили незначительный ущерб сооружениям базы. Фурбены ответили мощным пучком разогнанных до субсветовой скорости антипротонов, которые превратили в облако плазмы одну из летающих машин. Вторая, немедленно прекратив обстрел, поспешила убраться из зоны поражения.

Одновременно заговорили автоматизированные огневые точки внешнего защитного пояса. Первым же залпом лазеры спрутоящеров уничтожили две машины противника и тяжело повредили еще одну. Остальные гонтийские танки, отключив антигравитацию, опустились на грунт и укрылись среди неровностей лунного рельефа, выдвинув из-за камней лишь артиллерийские башенки.

Завязалась ожесточенная перестрелка. Последовательно сосредоточивая огонь нескольких орудий, циклопы пытались подавить вражескую оборону. Тем временем одна из машин подобралась вплотную к поврежденному танку, и группа облаченных в скафандры гонтов попыталась эвакуировать экипаж. Обнаружив этот маневр, крепость выпустила серию управляемых ракетных снарядов, большая часть которых была сбита по пути, но пара боеголовок достигла цели. На несколько секунд засияли ослепительные вспышки ядерного пламени. Когда вернулась тьма, от машин Огонто не осталось даже обломков — только остывающие озера расплавленного базальта.

Потом фурбены нанесли еще ряд ракетно-ядерных ударов, уничтоживший несколько танков противника, но гонты все-таки расстреляли все огневые точки и смогли продвинуться на десяток километров, где наткнулись на внутренний рубеж обороны. Циклопы подтянули со своей базы отряд наземных машин и эскадрилью орбитальных штурмовиков и, не считаясь с потерями, прорвали вражескую оборону.

Лучевые залпы, видимо, вывели из строя фурбенский ускоритель антипротонов — последний пучок этих частиц не разметал космический аппарат гонтов на атомы, а лишь переломил пополам. Штурмовик, продолжая разваливаться, упал прямо на крепость спрутоящеров, после чего база пришельцев с Фурбенты прекратила отстреливаться, хотя защитное поле продолжало действовать.

Сергей авторитетно заявил:

— Сейчас циклопы добьют каракатиц. Если они не идиоты, то расположат свои танки на этом уступе и разнесут базу огнем с места...

Не прошло и минуты, как Николай уважительно произнес:

— А ты, дружище, прямо провидец.

— Элементарная тактика, — скромно отозвался подполковник. — Захват господствующей высоты — половина успеха.

Боевые машины пришельцев с Огонто послушно выполнили предсказанный Сергеем маневр. На плоскую вершину горы опустились два штурмовика, рядом встали несколько танков. Вся эта группировка была прикрыта защитным полем, так что ответный огонь (если даже в крепости остались действующие орудия) не представлял для гонтов серьезной опасности.

Как выяснилось, ни люди, ни циклопы не сумели правильно оценить коварство спрутоящеров. В основание скалы был заблаговременно замурован управляемый фугас — не меньше двух килограммов антивещества. Чудовищный взрыв уничтожил все: камни, машины, гонтов.

— Красиво, — с нескрываемым восхищением сказал Пасари. — Молодцы фурбены — предусмотрели, с какой позиции противник попытается нанести последний удар.

Между тем бой продолжался. Уцелевшие машины гонтов — три танка и штурмовик — приблизились почти вплотную к кромке силового щита. Излучаемые их орудиями потоки энергии просачивались сквозь радужную субстанцию поля и мало-помалу сокрушали

сооружения базы. Примерно через полчаса, когда был наполовину разгромлен центральный бастион, силовое поле исчезло, и десантная группа гонтов проникла в помещения крепости.

Люди на Станции Земля были ошеломлены не меньше, чем циклопы на Луне — внутри базы не оказалось ни одного фурбена. Управляемые компьютерами агрегаты крепости провели все сражение без участия живых спрутоящеров.

— И кто же победил? — растерянно осведомился Леха. Пасари предположила, что победу в этом сражении явно одержали военные Фурбенты: нанесли противнику тяжелейшие потери, а свой личный состав незаметно вывели из-под удара.

— Одно ясно — фурбены умеют воевать лучше, чем эти одноглазые придурки, — Сергей не скрывал озабоченности. — Страшный враг. Настоящие профессионалы.

— А по мне, гонты ничуть не лучше, — признался Аркадий. — Фанатики какие-то. Лезли под выстрелы, словно наркотиков наглотались... Ладно, вернемся к делам нашим скорбным... Координатор, на чем мы остановились?

— ПРЕДЛАГАЮ ПРЕРВАТЬ БЕСЕДУ — без промедления откликнулся робот. — СЕРГЕЙ, ВАС УСИЛЕННО РАЗЫСКИВАЕТ ГЕНЕРАЛ ЖИХАРЕВ.

— Ну, соедини меня с ним, коли разыскивает... — сказал подполковник недовольным тоном.

К нему приблизился андроид, которого Координатор связал электронным каналом с телефоном, стоящим в квартире Каростиных. Из микрофона, вмонтированного в голову робота, загремел голос начальника управления:

— Куда ты делся? Третий час не могу тебя найти.

— Что-нибудь случилось? — встревожился Сергей.

— У нас каждый день что-нибудь случается! Быстро возвращайся в гарнизон.

Не снизойдя до объяснений, генерал дал отбой. Вздыхая, Посвященные попросили Мозг Станции телепортировать их по домам.

Аркадий решил вернуться на Землю вместе с Каростинными, и подполковник догадался, что физик хочет поговорить о чем-то серьезном без свидетелей. Он не ошибся. Когда Диана отправилась переодеваться, Аркадий поделился своими наблюдениями:

— Координатор всеми правдами и неправдами пытается скрыть от нас какую-то важную информацию. Всякий раз, едва мы заводили разговор о высокоразвитых внеземных цивилизациях, о гипердвигателе и так далее, он немедленно отвлекал наше внимание. Сначала отправил на Сарто, где мы не узнали ничего интересного, потом устроил телевизионный репортаж с поля битвы, а под конец соединил тебя с генералом. Спрашивается: почему не сделал это раньше, ведь Жихарев сказал, что давно тебя ищет?

Обдумав слова друга, Сергей вынужден был признать, что эти опасения выглядят очень правдоподобно.

— Ты серьезно думаешь, что квазиразумный капризничает? — на всякий случай спросил он.

— Я серьезно боюсь этого, — тихо ответил физик.

Глава 26 СМЕРТЬ ПОСЕЛИЛАСЬ В ГОРАХ

Даже прибыв на авиабазу в окрестностях Моздока, они так и не узнали, почему их среди ночи собрали по тревоге и снова отправили на Кавказ. Сводную роту «Финиста» разместили в свободной казарме учебного центра. Организовав размещение личного состава, Каростин собрал офицеров в столовой. Они наскоро обсудили ситуацию и пришли к выводу, что спецназ подтянули на случай осложнений в соседней Чечне. Самой правдоподобной казалась версия Рубцова: командованию стало известно, что полевые командиры из числа «непримиримых» готовят рейд в Дагестан, поэтому решено устроить ловушку для террористов.

— Ясно одно, — задумчиво подытожил Каростин. — Ожидаются серьезные события.

Генерал послал сюда лучших людей, кого я всегда беру на самые важные дела.

— Предстоит солидное кровопускание, — согласился Барханов. — Тяжелого оружия прихватили больше обычного, офицерам «Гномов» раздали.

Атилла похлопал себя по левому боку, где на поясе висела кобура тяжеленного револьвера ОЦ-22 «Гном» калибра двенадцать и семь десятых миллиметра. На коротких дистанциях выстрел этого оружия пробивал индивидуальные средства защиты любого класса.

Поздно ночью, когда стекавшая с горных вершин прохлада разогнала прогретый за день воздух, появились Жихарев и Ваха Даламов. В штабной комнатке начальник ФУОПИ быстро изложил суть намеченной на завтра операции:

— Наши правители подписали мир с чеченцами. Для нас важно другое: боевые действия прекращены, войска выводятся, но никто не поднял вопрос о пленных.

Когда все наши части уйдут, у этих людей не останется надежды на спасение.

Он показал на карте селение Хасали, рядом с которым был развернут крупнейший чеченский концлагерь, где содержалось порядка семисот военных и гражданских заложников. Лагерь охранял сильно потрепанный за время последних боев полк в составе четырехсот боевиков, имевших на вооружении бронетехнику и зенитные средства. Кроме них в селении оставалось до шести тысяч мирных жителей.

Объект планировалось взять одновременной атакой с земли и воздуха. Инструктаж дополнил Ваха:

— По нашим данным, послезавтра в район Хасали будет передислоцирована бригада из Грозного, и тогда для захвата концлагеря придется проводить широкомасштабную войсковую операцию, на которую Москва санкции не даст.

— Другими словами, атакуем завтра, — подвел итог Жихарев.

Поговорить с Вахой удалось только на следующий день, когда они в полной экипировке маялись возле вертолетов в ожидании сигнала к вылету. Майор выглядел ужасно, словно находился на грани нервного срыва. Он без перерыва курил и отвечал на вопросы односложно, а потом вдруг, будто его прорвало, Даламов принялся рассказывать о терроре, который развернули вернувшиеся в города боевики:

— Они убивают всех, кто сотрудничал с прежней администрацией. Всех, кто был хоть как-то связан с федеральными властями. Возрождена средневековая дикость — суд по законам шариата. Думаешь, они верят в Аллаха? Черта с два — никто из них даже в руках Коран не держал. Прикидываются исламистами, чтобы покрепче власть ухватить и выкачивать нефтедоллары. А Москва в очередной раз предала самых верных своих союзников...

— Что собираешься делать дальше?

Ваха пожал плечами и отшвырнул наполовину выкуренную сигарету. Потом проворчал:

— Уйдем в соседнюю республику, будем продолжать борьбу. Со мной пойдут многие, кого эти бандиты объявили вне закона. Нам терять уже нечего...

Отвернувшись, майор направился к своему подразделению — взводу спецназа упраздненного управления ФСБ по Чеченской Республике. Проводив друга взглядом, полным сострадания, Сергей вернулся к своим «финистам». Рубцов доложил:

— Командир, только что поступило предупреждение. Через десять минут начинается посадка первой волны.

— Давно пора... Атилла, поди за мной.

Он отвел увешанного броней и оружием снайпера за вертолет, где их никто не видел, и без предупреждения метнул в капитана кинжал. Не долетев примерно полметра до титановых пластин нагрудного панциря, смертоносный кусок металла испарился с яркой вспышкой.

— Что за шутки? — Барханов недоуменно поднял брови.

— Жалко ножик, но погиб он за благое дело. Мы выяснили, что ты тоже защищен

силовым полем. Стало быть, Мозг Станции окончательно признал тебя Посвященным и включил в состав Персонала.

— Приятно слышать...

— Полностью разделяю твою радость. И еще запомни: эта деревня расположена в горах неподалеку от приемопередатчика.

— Могут возникнуть осложнения? — Атилла насторожился.

— Где-то по соседству наверняка слоняется фурбен своей шайкой. Когда разберемся с концлагерем, я отправлюсь в горы и уничтожу эту инопланетную гадину.

Чеченцы не ждали нападения. Дети гор наивно верили, что нарушать соглашения дозволено только им. Вдобавок командование боевиков надеялось на внедренных в окрестности Кремля платных осведомителей, которые заблаговременно оповещали Грозный о любой опасности. Однако сегодняшнюю операцию организовала Межведомственная комиссия по борьбе с терроризмом, умевшая пресекать утечку информации.

Ударные вертолеты вышли к Хасали на малой высоте, внезапно появившись над самыми крышами, и разрядили ракетные контейнеры. Шквал неуправляемых реактивных снарядов накрыл разведанные мишени: скопления боевой техники, склады снаряжения, сторожевые посты, а также дома, в которых размещалась живая сила противника.

Двухместные Ми-28, которые в странах НАТО уважительно называли «разрушителями», остались в воздухе, расстреливая метавшихся внизу боевиков, а эскадрилья «крокодилов» Ми-24 приземлилась, высадив первую волну десанта.

Цепочки спецназовцев устремились в атаку, кося очередями не успевших оправиться от паники врагов. Ударные группы «Альфы» устремились к концлагерю, имея задачу нейтрализовать охрану и освободить пленных, а Сергей повел «финистов» на деревню. От его подразделения требовалось обеспечить безопасность плацдарма со стороны селения.

Стремительным броском они закрепились на гребне каменистой высоты, торчавшей примерно посередине между концлагерем и жилыми домами Хасали. Засевший в деревне противник уже немного опомнился, и сопротивление принимало организованный характер. В разных концах селения заговорили самоходные зенитки, — кажется, после ракетного обстрела уцелели три «Шилки», а также одна или две «Тунгуски».

«Крокодилы» уже улетели за второй волной десанта, и в небе висели только Ми-28, которые израсходовали большую часть боекомплекта, а потому обрабатывали наземные цели автоматическими пушками. Выпущенная из деревни ракета поразила один из «разрушителей». Горящая машина жестко приземлилась недалеко от холма, на котором обосновались «финисты».

— Кулебякин, возьми двоих — и бегом туда, вытащи вертолетчиков, — скомандовал Сергей.

Оставшиеся Ми-28, расстреляв все снаряды, вернулись на кизлярский аэродром.

Из Хасали вытянулась колонна — два БТР-80, танк Т-72У и грузовик, следом за машинами бежали пешие боевики — человек сорок. Потом показался еще один грузовик с живой силой. Этот ударный кулак явно нацелился на подмогу охране концлагеря.

Не дожидаясь приказа, «финисты» навели на дорогу «Валторну». Первая реактивная граната разорвалась о башню танка, вторая ударила в борт. Тяжелая гусеничная машина остановилась, выплеснув из всех своих щелей язычки пламени и струйки черного дыма. Колонна расплзлась по полю, бронетранспортеры открыли огонь по высоте, а пехота неторопливо двинулась в атаку, короткими перебежками приближаясь к позициям спецназа.

Это был долгий и нудный бой. Вокруг рвались малокалиберные снаряды. «Валторна», методично выбрасывая гранату за гранатой, подожгла оба бронетранспортера и грузовики. Сергей методично ловил в оптический прицел подползавших боевиков и бил длинными очередями. Противник очень умело пользовался естественными укрытиями, поэтому порой приходилось тратить целый магазин, чтобы прикончить одного вражеского пехотинца. Немногим успешнее поражали противника снайперы. За полчаса интенсивной перестрелки подполковник уложил пятерых, а всего на камнях перед высотой валялись трупы полусотни

духов.

Потом подкрававшиеся на двести метров боевики бросились в атаку. Отложив автомат, Сергей схватил гранатомет РГ-6 и выпустил одну за другой все шесть гранат, дремавших в барабане. Склоны окутались огнем и дымом, но несколько десятков боевиков, прорвавшись сквозь стальной ураган смерти, ворвались на гребень холма. Очередью в упор командир «Финиста» уложил бежавшего прямо на него боевика. Тот упал. Сергей передвинул ствол чуть левее, в сторону другого противника, и нажал спуск. «Вал» слабо задрожал, выбрасывая струю девятимиллиметровой смерти. Чеченец опрокинулся, но у него из-за спины вырос следующий автоматчик. Выпущенные им пули свистнули рядом, причем одна угодила в бок. Пластины панциря отразили кувыркавшийся кусочек металла, но сила удара и острая боль швырнули подполковника спиной на камни.

Кое-как вытянув руку, сжимавшую автомат, Сергей разрядил магазин, убив на месте стрелявшего в него врага. Менять магазин не было времени, поэтому командир полка, привстав на колени, выхватил из кобуры ОЦ-20. Удерживая «Гном» обеими руками, он четырежды нажал на спусковой крючок. Огромные пули буквально разрывали боевиков на куски. Когда опустел барабан револьвера, Каростин перекатился, уходя от очереди, ударом сомкнутых ног подсек нерасчетливо приблизившегося духа и одновременно метнул кинжал в другого бородача. Враг, которого Сергей сбил с ног, попытался вскинуть автомат, но подполковник заколол его вторым кинжалом, схватил оружие убитого и, перекатываясь, расстрелял еще двоих.

Вокруг стало просторно. Каростин подбежал к тому месту, где валялся его «Вал», вставил полный магазин, передернул затвор и снова принялся поливать огнем противника.

Потом вдруг появились бойцы из взвода Демьяненко. Сразу стало веселее, и с боевиками на холме покончили очень быстро.

— Демьян, откуда вы взялись? — спросил Сергей, мотая головой, чтобы отогнать стоявший в ушах звон.

Старший лейтенант показал рукой на пустырь между холмом и концлагерем. В суматохе боя командир «Финиста» даже не заметил, как сели четыре гигантских вертолета Ми-26, каждый из которых принимал на борт до восьмидесяти пассажиров.

На передовую потянулись прибывшие подкрепления, и вскоре спецназ силами двух рот двинулся на зачистку горящего селения.

Сбросив панцирь и бронежилет, Сергей расстегнул камуфляж, чтобы осмотреть ушиб. Удар пули припечатал титановые пластины к ребрам, содрал солидный лоскут кожи. Подполковник промыл ссадину водой из фляжки, потом заклеил это место квадратиком бактерицидного пластыря. За этим занятием его застал Барханов. С отвращением стянув и засунув за панцирь пропотевшую маску, капитан заполнил патронами барабан «Гнома» и поинтересовался:

— Очень больно?

— Терпимо. Ты цел?

— Более-менее. Восьмерых как минимум положил. Кстати, меня тоже царапнуло по касательной. Короче говоря, силовая защита отключена, если ты заметил.

— Имел удовольствие в этом убедиться, — он выпрямился и застонал. — Ума не приложу, что творит Мозг Станции.

— Кажется, я догадываюсь, в чем дело.

— Ну? — Подполковник даже отложил бронежилет, который собирался надеть. — Просвети, раз ты такой умный.

Атилла скривил рот в неудачном подобии улыбки и сказал:

— Где-то совсем рядом расположились фурбены. Роботы Лабиринта боятся включать многомерные каналы — пришельцы могут запеленговать тоннель и ворваться на Станцию.

— Ты меня утешил... Ладно, я пошел. Надо поскорее добить эту банду. Оставайся здесь со всеми снайперами — нашими, «альфовскими» и прочими. Убивайте всех, кто не наш, но держит оружие...

На поле боя обозначилась новая ситуация. Лавина спецназа смела передовые отряды чеченского полка и прижалась к окраине Хасали. Однако когда Каростин привел к атакующим цепям три взвода «Финиста», штурм приостановился. Боевики засели в домах и палисадниках, укрывшись за каменными стенами и садовыми зарослями, а перед селением выстроили живой барьер из остервенело вопивших стариков и женщин.

С подобной тактикой ему уже доводилось столкнуться семь с половиной лет назад в Тбилиси, когда джигиты-звиадисты прятались за женскими спинами. Чувствуя себя в безопасности, — знали ведь, что Советская Армия с бабами не воюет, — они забрасывали десантников и спецназ заранее подвезенными булыжниками. А потом, отведав дубинок, лопаток, трусливо побежали, растоптав по дороге своих женщин.

Мразь, она мразь и есть.

— Газовыми гранатами, — скомандовал подполник, — залпом, огонь!

В толпу бесновавшихся обитателей деревни полетел химические боеприпасы.

Облака аэрозолей мгновенно разрушили живую стену. Экспансивные чеченки прекратили выкрикивать угрозы и проклятия, закашлялись и, утирая обильно струившиеся слезы, бросились врассыпную. Как раз в этот момент вернулись вертолеты, обрушившие на околицу шквал НУРСов. Под прикрытием огненного урагана спецназ ворвался в Хасали.

Вертолеты поднялись, увозя свыше трехсот офицеров, солдат, врачей, строителей и прочих, кто совсем недавно числился заключенными концлагеря. Еще примерно столько же людей оставались на поле — Ми-26 смогут вернуться за ними примерно через два часа.

Заняв селение, «Финист» и «Альфа» выгнали на ближайшее пастбище всех обитателей Хасали и методично проверяли каждого мужчину. Боевики, побросав оружие, смешались с мирными жителями, но это их спасти не могло.

Признаки частого употребления огнестрельной техники были хорошо известны: отдача оставляет синяк на плече, пороховые газы обжигают руку. Тех, у кого находили подобные отметины, уводили подальше и расстреливали.

Основная работа здесь была уже завершена, дальше спецназ мог управиться и без командира. Подполковник уже прикидывал, как бы незаметно улизнуть в горы на поиски фурбена, но тут к нему подбежала молодая женщина в сильно потрепанном камуфляже с оторванными погонами. Она поведала, что служила в погранвойсках и была взята в плен уже после заключения перемирия. Еще Оксана сообщила, что в толпе мирных жителей спрятался главарь банды, который с особой жестокостью издевался над пленными.

Увидев, на кого она показывает, потрясенный подполковник воскликнул:

— Сволочь, я ж тебя собственноручно в плен брал!

Давний знакомый Динар Хандруев, нагло ухмыляясь, заявил:

— Один дурак взял, другой умный отпускал. Твоя начальники не тебя любят, они меня любят.

Грустно покачивая головой, Сергей подумал, что особенно удивляться нечему. Он и раньше имел представление о размахе предательства. Неведомые заступники освобождали преступников, у которых руки по локоть в крови.

— Те, кто тебя любят, скоро будут плакать на твоей могиле, — произнес он равнодушно и добавил: — Если распороть живот, смерть наступает не скоро.

Подполковник протянул Оксане кинжал, и она не очень умело сделала Хандруеву харакири. Оставив Рубцова руководить завершением экзекуции, Сергей подозвал Атиллу.

— Собери всех, кто побывал в Лабиринте, — тихонько шепнул он снайперу. — И организуй какой-нибудь транспорт.

Вскоре Кулебякин подогнал чудом уцелевший трофейный БТР-80. Кроме командира полка и Барханова в бронированную восьмиколесную машину залезли Демьяненко и Фомин. Их было всего пятеро — маловато, конечно, однако не следовало расширять круг людей, знающих о пришельцах из космоса.

На прощание Сергей сказал Рубцову:

— У меня остались дела в этих горах, надо кое-кого найти. Если не объявимся к

возвращению «вертушек» — не ждите нас. Сами выберемся.

— Что я должен сказать генералу, если вы не вернетесь? — хмурясь, спросил капитан.

— Ничего говорить не придется. Шеф в курсе.

Вскоре вершины заслонили деревню, вокруг которой совсем недавно так громко стреляли. Теперь Сергей мог признаться самому себе, что понятия не имеет, где и как искать фурбена. Единственный план, суливший хотя бы иллюзорный шанс на успех, представлялся полной авантюрой: выдвинуться к шахте замурованного приемопередатчика и ждать, пока это место обнаружат инопланетяне. Он понимал, что делает глупость, но не имел в своем распоряжении горнострелкового полка, чтобы прочесать горы.

Когда бронетранспортер забрался выше километровой отметки и дорога сделалась малопроезжимой, впереди нарисовалась подозрительно знакомая фигура.

Гонт сидел в тени скалы, облокотившись на внушительного размера рюкзак, и приветливо махал рукой приближавшемуся БТР. Машина притормозила, пришелец проворно залез на крышу и жизнерадостно произнес:

— Салют, командир. Давно не виделись.

— Насколько давно? — буркнул Сергей. — С Таджикистана?

— Еще раньше. — Гонт сокрушенно развел руками и хлопнул себя по бедрам. — Вы, люди, совершенно не различаете нас, словно мы на одно лицо... Между прочим, в «Финисте» меня знали под именем Гастон Машен.

Каростин с удивлением посмотрел на сморщенную оболочку маски и сказал:

— Твой сопланетник говорил, что ты неудачно дрался с бандой Кара-Шайтана. Я, грешным делом, подумал, что...

— Что меня убили? Не совсем. Рана была довольно тяжелой, но я выжил... Командир, не будем терять время, фурбен совсем рядом. Для начала я должен установить на ваш драндулет генератор защитного поля.

Гонт ловко прицепил к бортам бронетранспортера приплюснутые лепешки неизвестного материала. Затем отошел шагов на шесть и выстрелил в машину из бластера, похожего на пистолет среднего размера. БТР окутался колышущейся завесой, переливавшейся сине-фиолетовыми оттенками. Вонзившись в силовой щит, луч резко изменил направление и ушел вверх. Выпущенная в упор автоматная очередь тоже не достигла цели — пули сгорели без следа.

— Дайте мне попробовать. — Глаза Барханова азартно сверкали.

Установив на сошки огромную В-94, Атилла нажал спусковой крючок. Тяжелая пуля не успела полностью испариться, но в стальной борт ударили лишь крохотные брызги расплавленного металла.

— Нормально, — одобрительно сказал Сергей. — Но, помнится, у фурбенов есть такие же устройства.

— Есть, — подтвердил Гастон. — Только каждый из них таскает на себе один источник, а на вашей машине — пять генераторов. Соответственно у нас больше интенсивность защитного поля.

Затем гонт показал голографическую карту горного района, где они сейчас находились. По его сведениям, фурбены расположились на отдых в пещере. Только сейчас люди узнали, что аборигены Фурбенты ведут преимущественно ночной образ жизни, поэтому в светлое время суток предпочитают прятаться от солнечных лучей.

Во вражеском отряде людей нет — только пришельцы.

— По прямой отсюда до пещеры около десятка километров, но там очень плохая дорога, — продолжал гонт, водя пальцем по голограмме. — Придется объезжать по этой тропе. Во вражеском отряде не меньше трех фурбенов.

— Что значит «не меньше»? — занервничал Атилла, не терпевший нечетких формулировок. — Десять, двадцать, сто?

— Нет-нет, не больше пяти-шести, — успокоил брат по разуму.

Сергея интересовала более конкретная информация.

— Способен ли противник подбросить резервы из космоса?

— У фурбенов возникнут сложности. Небо над Кавказом перекрыто нашими истребителями. Если они попытаются прорваться, мы будем иметь в запасе не меньше двух часов.

Вскоре БТР остановился перед мощным каменным завалом. Лже-Гастон был прав, когда предупреждал, что предстоит долгий объезд. Утомленный тряской подполковник решительно выпрыгнул через кормовой десантный...

— Я пойду напрямую, коротким путем, — объявил командир полка. — Со мной — Атилла и Саня. А вы езжайте на малых оборотах, чтобы потише шуметь.

Вскарабкавшись по наклонной стене, они оказались на очень удобном серпантине, который вел прямым к убежищу фурбенов. Каростин приказал Барханову забраться еще выше и с вершины скалы держать на прицеле пасть пещеры, а сам в сопровождении Кулебякина двинулся по дороге, держа наготове снятое с предохранителя оружие. Когда они приближались к последнему повороту, в наушниках троклемского шлема прошелестел голос Барханова:

— Командир, из пещеры вышел фурбен без футляра. Он стоит или сидит, я в их анатомии не могу разобраться... Снять?

— Обожди, сейчас я сам посмотрю.

Выглянув из-за уступа, земляне обомлели. Шагах в тридцати от них на краю площадки, обрывавшейся в пропасть двухсотметровой глубины, расположился спрутоящер. Щупальца фурбена вцепились в растущее перед пещерой дерево, а полуоткрытая зубастая пасть издавала натужные звуки, с переводом которых процессоры каски не справлялись. Похожий на баклажан кончик фурбенского тела висел над бездной, и время от времени из-под короткого хвоста падали разноцветные комочки неведомой субстанции.

Зажав ладонями рот, Кулебякин прошептал, с трудом подавив неудержимый смех:

— Михалыч, он же по нужде вышел!

— Похоже, — согласился подполковник. — Его теперь голыми руками брать можно.

— Никаких «голыми руками», — строго потребовал слышавший этот разговор Атилла. — Сейчас я его одним щелчком скovyрну.

— Не надо, попробуем без шума.

Подполковник и прапорщик, стараясь не скрипеть подошвами, подкрались к блаженно ухажущему фурбену. Тот уже покончил с отправлением естественных надобностей и натягивал одежду, которой полагалось прикрывать нижнюю часть его тела. Спрутоящер все еще стоял в полуметре от обрыва, поэтому, когда Сергей в прыжке ударил его ногой в голову, фурбен успел только вскрикнуть, улетев на острые каменные обломки, в большом количестве покрывавшие дно ущелья.

Атилла, наблюдавший молниеносную схватку со своей позиции на вершине скалы, удовлетворенно сообщил:

— Есть жесткая посадка. Только брызги полетели.

— Не такая уж жесткая, — хохотнул подполковник. — Он там такую кучу наложил, что падать было довольно мягко.

— От нее-то те брызги и разлетались, — поддержал командира Кулебякин.

Присоединившись к этому конкурсу армейского остроумия, из пещеры крикнули на фурбенском языке: каким, мол, местом испускает столь странные звуки офицер Рбай. Угадав родственную натуру, Каростин моментально ответил:

— В здоровом теле — здоровый дух!

В пещере захохотали. Во всяком случае, электронный толмач каски перевел эти звуки именно как смех. Потом кто-то из фурбенов сказал:

— У этого засранца прорезалось чувство юмора.

В голове старого спецназовца родилась идея. Оттащив Кулебякина за поворот дороги, подполковник крикнул из-за укрытия:

— Быстро все сюда. Покажу кое-что интересное.

Из пещеры показались два спрутоящера. Фурбены вышли налегке, защитного поля не включали. Один из них держал на плече дезинтегратор. Пришельцы завертели носорожьими головами, однако площадка была пуста. Тот, который нес оружие, громко сказал:

— Авома Рбай, акшак?

В наушниках каски раздался перевод:

— Авома Рбай, где ты?

— Вперед! — скомандовал Сергей. — Бей по вооруженному!

Выскочив из-за поворота, они открыли непрерывный огонь. Под ударами десятков пуль вооруженный фурбен задержался и медленно упал, распластав длинные щупальца. Его нижняя лапа несколько раз царапнула когтями, затем замерла.

Спецназовцы перенесли огонь на второго спрутоящера, но тот уже успел включить переносной генератор индивидуальной защиты и медленно пятился к пещере, окруженный радужным пузырем. В тех местах, где силовое поле соприкасалось с каменной стеной, скала плавилась и испарялась. Слабенькие пули «Вала» безвредно таяли в квантовом щите, не достигая цели. Потом грянул выстрел В-94, и пуля бархановской винтовки попала фурбену под основание верхнего щупальца. Из раны выплеснулась темно-вишневая струйка. Атилла вновь нажал спуск, поразив инопланетянина в грудную клетку.

Фурбен упал рядом с трупом сопланетника и ухватил здоровым щупальцем лежавший на камнях дезинтегратор. Не теряя времени, Сергей бросился вперед, на бегу выхватывая «Гном». Он разрядил револьвер практически в упор, все пули пробили защитное поле, поразив спрутоящера в верхнюю часть тела. Последнюю точку поставил Барханов, угодивший фурбену точно между глаз. Пуля громадной снайперской винтовки вдребезги разнесла череп, но генератор продолжал работать, окружая цветным пузырем остывающий труп.

Атилла, который со своей позиции имел возможность заглядывать в глубину пещеры, предупредил:

— Серега, четвертый фурбен сейчас выйдет на площадку. У него оружие.

— У нас тоже, — равнодушно ответил подполковник, заполняя патронами барабан «Гнома».

Сначала из пещеры выползло перламутровое свечение, затем показался сам фурбен. На этот раз в расцветке силового щита преобладали темные оттенки, и Сергей догадался, что пришелец окружен полем высокой интенсивности, — наверное, повесил на себя несколько источников. Против такой защиты оказались бессильны и «Гном», и В-94. Впрочем, фурбен тоже не мог применить оружие, пока действовали его генераторы — разрушительный импульс отразится от внутренней поверхности поля и размажет спрутоящера.

Наведя на людей оранжевый раструб дезинтегратора, фурбен проговорил по-русски:

— Я узнал вас, Каростин. Вы нам нужны. Положите оружие и следуйте за мной.

— А ты отбери у меня оружие, — огрызнулся Сергей. — Отключи генератор, и мы посмотрим, кто первым на спуск нажмет.

Он навел револьвер в лоб спрутоящера. Голос Атиллы сказал из наушника:

— Командир, за углом стоит броник. Отходи на соединение с нашими.

Сергей попятился, увлекая за собой Кулебякина. Фурбен шел за ними на расстоянии десятка метров и уговаривал не валять дурака: все равно, мол, поймаю и сделаю что хочу. Оказавшись возле изгиба серпантина, спецназовцы метнулись за поворот, едва не столкнувшись с бежавшими навстречу Демьяненко и Гастоном.

Старший лейтенант держал в руках готовый к стрельбе ручной противотанковый гранатомет «Муха». Гриша встал посреди горной тропы, нацелив ствол на место, откуда должен был появиться спрутоящер, а все остальные прижались к каменной стене, чтобы не обжечься, когда из открытой сзади трубы гранатомета хлестнет огненный выхлоп.

Фурбен был немало удивлен, обнаружив боевую машину и множество врагов, но на предложение сдаться ответил отказом и попытался сбежать. Демьяненко выстрелил. Реактивная граната, вонзившись в силовое поле, раскалилась докрасна, от перегрева

взорвалась начинка боевой части и кумулятивная струя, пронзив последние сантиметры защитного поля, прожгла дыру в теле спрутоящера.

По совету гонта они наехали на трупы силовым колпаком бронетранспортера.

Более мощное поле пяти источников погасило фурбенские пузыри, сделав трофеи доступными для изучения. Обыскав изувеченные тела спрутоящеров люди осторожно вошли в пещеру. Первым делом гонт бросился к устройству, в котором фурбены хранили информацию. Просмотрев записи, содержавшие сведения о задачах разгромленного отряда, он подозвал подполковника и показал серию трехмерных картинок, изображавших самого Сергея и его близких: Диану, Свету, Матвея. В соседних ячейках памяти оказались снимки мест, в которых обычно бывали Каростины и Биберева.

— Что им нужно от моей семьи? — Каростин начал беспокоиться. — Между прочим, последний фурбен сказал, что им нужен именно я.

— Разберемся, — заверил землянина Гастон. На площадку мягко опустилась космическая шлюпка, из которой вышли гонты без масок, но в прозрачных к шлемах.

Сергей и Атилла уже знали, как выглядят головы уроженцев Огонто, поэтому отреагировали не слишком бурно, а вот Демьяненко и оба прапорщика были потрясены.

Тут, к счастью, загудел сигнал рации — капитан сообщал, что вернулись вертолеты.

— Сейчас выезжаем, — сказал в микрофон Сергей. Скоро будем в Хасали.

На прощание он намекнул гонгам: дескать, хотел бы серьезно побеседовать с ответственными чинами их экспедиции. Лже-Гастон ответил, что такая встреча стоит в плане и что вскоре он сам навестит Каростина в Москве.

Чуть позже, когда они приближались к полю, на котором стояли Ми-26, Кулебякин глубокомысленно проговорил:

— Командир, ведь эти крокодилы со щупальцами чем-то похожи на нас. Даже юмор у них был вроде нашего... И почему они такие сволочи?

— А ты чего хотел? — рассмеялся Сергей. — Раз на людей похожи — обязательно должны быть сволочами!

Глава 27 АГРЕССОРЫ ИЗ КОСМОСА

— А мы-то голову ломали, куда еще один самолет подевался. — Диана засмеялась. — Иранцы предупреждали, что за нами гонятся две машины, причем вторая — необычайно быстроходная...

— Это был наш истребитель, — охотно объяснил гонт. — Вы честно выполнили обещание, уничтожив памирского фурбена. Мы были просто обязаны помочь вам в трудной ситуации.

— Значит, персонал вашей базы следил за нами? — спросил Николай.

— Постоянно. Признаюсь, мы видели каждый ваш шаг. Приборы дистанционного наблюдения зафиксировали, как вы перестреляли отряд Саре-Сияха, потом убили его самого, погрузили труп в довольно неуклюжий летательный аппарат, а затем машина набрала высоту и внезапно исчезла, оставив лишь мощную аномалию всех мыслимых силовых полей... — Гонт, которого они называли Гастоном, поочередно заглянул в глаза каждому из людей. — Очевидно, авиетку забрал тот самый внепространственный комплекс, вызывающий столь острое любопытство у наших врагов фурбенов. Не так ли, коллеги?

— Давайте оставим эту тему, — вежливо предложил Атилла. — Только поймите нас правильно...

Гонт изрек, разводя руками:

— Согласен. Понимание — важный момент, особенно в ситуации, когда встречаются две разумные расы. Например, предыдущая экспедиция не поняла, чего хотели ваши следователи.

— Наши предки тоже не смогли понять того, что нашли на острове Туару...

Космическому гостю поведали забавную историю, как люди тридцатых годов приняли компьютер за стереотелевизор, поскольку электронно-вычислительные машины, согласно представлениям того времени, не могли иметь столь невзрачные размеры. Развеселившись, гонт заметил, что технологический разрыв между цивилизациями несколько сократился, но современным землянам по-прежнему не удастся понять многие функции тех устройств, которые пришли на смену компьютерам. Он напомнил: базу на Туару строила первая экспедиция, стартовавшая с Огонто свыше двухсот лет назад, поэтому люди, живущие в конце двадцатого века догадались о предназначении рабочих станций. Однако, за прошедшие века техника Огонто сделала громадный шаг вперед. Сегодня процессором, превосходящим по производительности даже новейшую земную модель Pentium Pro гонты оснащали разве что самые примитивные изделия вроде детских игрушек или одноразовых записных книжек.

— Когда мы улетали, — рассказывал Гастон. — даже простейшие конструкции могли выполнять массу функций, доступных вашим электронным органайзерам — я имею виду запись, обработку и хранение информации, связь, а также многое сверх того. Компьютеры в вашем понимании на Огонто давно стали музейными экспонатами.

— Что же пришло им на смену? — быстро спросил Аркадий.

— Поймите меня правильно, — ответил гонт. — Я предлагаю оставить эту тему.

— Ох уж мне эти разумные существа, — проворчала Пасари. — Как на подбор — одинаковые зануды.

Гонт, словно переключив динамики своей маски в обычный режим лишенного эмоций голоса, принялся монотонно излагать этическую концепцию своей цивилизации: не передавать младшим братьям знаний, которые могут быть использованы для военных целей. В разгар речи раздался дверной звонок. Гастон мгновенно лишился невозмутимости и настороженно спросил:

— Вы кого-нибудь ждете? Мне казалось, что здесь собрались все, кто посвящен в отношения с инопланетянами.

— Поскольку сегодня намечался серьезный разговор о проблемах отношений с внеземными соседями, мы пригласили руководителей, более компетентных по части политических решений, — пояснил Сергей и отправился открывать дверь.

Как он и ожидал, пришли Тарпанов и Жихарев. Сдержанно поприветствовав инопланетянина, гости двинулись прямым ходом в столовую, где громко выразили восторг при виде обильно сервированного стола. Ферзь сказал, передавая хозяйке небольшой сверток:

— Здесь кассета с новым голливудским суперфильмом. Называется «День независимости». Сюжет очень подходит к теме предстоящей беседы — земляне отражают агрессию космических пришельцев.

Отрывисто рассмеявшись, гонт пообещал:

— Потом я сообщу кое-какую пикантную информацию, об этом кинофильме...

Почти все уже слышали восторженные отзывы зрителей и критиков, поэтому сразу после обеда расселись вокруг телевизора.

Когда фильм закончился, Аркадий сказал, скорчив презрительную гримасу:

— Глупо и пошло, господа офицеры. Корабль диаметром больше Москвы целый день колошматит по городу, уничтожая каждым выстрелом не больше одного дома. Стыдно должно быть этим инопланетянам! Да любой наш бомбардировщик испепелил бы тот же Нью-Йорк двумя-тремя зарядами! Нет, слабоваты ваши пришельцы, слабоваты...

— То ли дело ребяташки, с которыми нам пришлось познакомиться, — хохотнула Диана. — Одной боеголовкой целую планету к чертовой матери отсылали!

Мальвина откликнулась с оскорбленным видом: дескать, даже обычная аэропехотная рота регулярной армии Троклема, используя только штатные средства, могла бы всего за сутки уничтожить самый большой земной город. Остальные тоже загалдели, вспоминая несурзности, которыми изобилует «День независимости».

Однако Жихарев прервал постучав ладонью по подлокотнику дивана и, когда установилось подобие тишины, задумчиво проговорил:

— Признаюсь, меня встревожили некоторые подозрительные совпадения.

Создается впечатление, что авторы фильма неплохо осведомлены о тайных конфликтах с участием пришельцев из космоса. Обратите внимание, что положительный персонаж победил инопланетных агрессоров с помощью компьютерного вируса...

Алексей возмущенно заявил, что на экране показали абсолютную чушь. Герой «Дня независимости» за полчаса написал вирусную программу, хотя понятия не имел о системе кодировки, которой пользовались пришельцы. На самом же деле лучшие специалисты ЦРУ, Моссад и АНБ трудились над этой проблемой многие месяцы.

Вместо ответа гонт поведал обещанную историю:

— Слухи о вирусе, который разрабатывался в сверхсекретном учреждении, не могли просочиться случайно. По нашим данным, некоторые спецслужбы организовали утечку этих сведений, тем самым предложив вашему роботу капитулировать добровольно. Сценарий получился откровенно слабым, но никто из авторов и не рассчитывал на премию «Оскар».

— Они не получили даже того, на что рассчитывали. — Тарпанов усмехнулся. — Предлагаю заняться вопросами, представляющими взаимный интерес. Наш общий друг подполковник Каростин выведал у раненого фурбена, что противник намерен нанести удар с целью ослабить земную цивилизацию. Что вам об этом известно?

Оказывается, гонты знали о фурбенских замыслах. Спрутоящеры считали людей потенциальными союзниками гонтов, а потому приняли решение уничтожить человечество. Командир звездолета отправил на родину подробный рапорт и потребовал выслать в Солнечную систему боевую эскадру. Однако против агрессоров работал фактор времени: пройдет слишком долгий срок, пока радиосигналы доползут до Фурбенты, и еще больше десятилетий потребуется, чтобы каратели добрались до Земли. Понятно, что за эти годы человечество окрепнет в военном отношении, — особенно если гонты и Лабиринт окажут людям научно-техническую помощь. Поэтому в ближайшие дни звездолет фурбенов двинется в сторону Земли, чтобы обстрелять планету боеприпасами особой мощности.

По словам гонта, база фурбенов, построенная сто лет назад первой экспедицией спрутоящеров, включала производственный комплекс, на котором можно было наладить выпуск различного оружия. В сороковые годы корабль гонтов основательно потрепал астероидную крепость, но фурбены сумели восстановить завод и вскоре накопят необходимый боекомплект. Снаряды класса «космос — планета» будут входить в земную атмосферу на скоростях порядка тысячи километров в секунду, то есть созданные людьми ракеты перехватить их не смогут. Тем не менее причин для волнения нет, потому что гонты подтянули к Земле свой звездолет и привели в полную готовность военную базу на Луне.

— Чтобы гарантированно поразить цели на вашей планете, противник должен приблизиться на расстояние около десяти миллионов километров. Другими словами, от старта с астероидов до начала обстрела пройдет не менее трех часов. За это время мы должны их остановить.

Тарпанов спросил, с расстановкой выговаривая слова:

— «Мы» — это гонты вместе с людьми или только гонты?

— Люди нам помочь не сумеют, — уверенно заявил Гастон и продолжил: — Фурбены полагают, что после разрушения земной инфраструктуры им будет проще отыскать среди развалин транспортные агрегаты Лабиринта.

— Понятно, — сказал Сергей. — Значит ли это, что фурбены временно свернули поиски приемопередатчиков?

— Сейчас на Земле не осталось ни одного фурбена, — просто ответил гонт.

— Вы хотели сказать, что уничтожили базу фурбенов на Луне? — не без ехидства уточнил Атилла.

— Да... — Похоже, гонт смутился. — Вы знаете об этом?

— Знаем. Но, к сожалению, не от вас. Кроме того, нам известно, что у фурбенов была

база на Земле.

— Разумеется, была. Причем не одна, и мы так не смогли установить место их главного убежища. Однако фурбены эвакуировали своих, чтобы личный состав не пострадал, когда вокруг Земли разорвутся выпущенные с корабля боеприпасы...

Инопланетянин примирительно предложил: — Задавайте свои вопросы, я готов отвечать.

Военных интересовало сложившееся в Солнечной системе соотношение сил.

Гастон привел приблизительные данные: звездолеты обеих цивилизаций имеют почти одинаковые тоннаж, скорость и мощность, а также оснащены оружием, обладающим сходными поражающими возможностями. За последние несколько лет произошло несколько десятков космических сражений, и, согласно статистике, победа гонтов, победа фурбенов и взаимное уничтожение имеют равную вероятность. Гастон резюмировал:

— В худшем для вас случае наш звездолет погибнет, однако при этом фурбенам будет нанесен непоправимый ущерб, в результате чего они потеряют способность разрушить цивилизацию Земли.

— Не могу сказать, что вы меня успокоили, — признался начальник ФУОПИ.

Внезапно открылась дверь, ведущая в кабинет, и вошел сверкающий андроид Лабиринта. Все вздрогнули от неожиданности, а робот произнес сочным голосом Координатора:

— МНЕ НУЖНО ПОГОВОРИТЬ С ГОНТОМ.

У людей появились неприятные ощущения, потому что беседа продолжалась на языке Огонто. Ультразвуковые колебания больно давили на барабанные перепонки, но гонт и робот явно достигли взаимопонимания. После пятиминутного общения Гастон протянул посланцу Координатора квадратный предмет с ребром не длиннее детского мизинчика. Андроид спрятал подарок внутри корпуса и вернулся в кабинет, откуда телепортировался на Станцию. Вновь переключившись на обычный звук, гонт пояснил:

— Он попросил координаты астероида, на котором смонтирована база фурбенов. Кажется, ваш союзник намерен включиться в боевые действия.

— Каким образом? — Аркадий выглядел очень удивленным. — Транспортные тоннели не дотянутся до пояса астероидов.

— Координатор знает, что делает, — убежденно сказал Сергей.

Маска надежно скрывала мимику, но земляне догадывались, что их гость сильно взволнован. Скомкав разговор, пришелец встал посреди незаконченной фразы и поспешно откланялся. На прощание пришелец оставил номера сотовых телефонов и радиочастоты, которыми пользовались гонты в Московском регионе. Гастон уже собирался уходить, когда Атилла вежливо поинтересовался:

— Коллега, нам хотелось бы знать, сколько планет посетили экспедиции Огонто.

— На момент старта нашего звездолета было открыто более полутора тысяч планет в шестистах системах.

— Прекрасно. — Барханова явно обрадовала его готовность сотрудничать. — А не могли бы вы сказать, сколько обнаружено разумных рас, включая следы древних звездолетных посещений?

Гонт издал странный звук, словно кибернетический переводчик маски пытался подобрать электронный аналог сдержанного смеха.

— Вы, если не ошибаюсь, уфолог, — сказал Гастон. — Понимаю ваше любопытство, но я не слишком компетентен в таких вопросах. Могу только пообещать, что в ближайшее время с вами свяжутся специалисты, которые владеют необходимой информацией.

— И на том спасибо, — разочарованно проворчал астрофизик.

Когда за инопланетным агентом захлопнулась дверь, Жихарев и Тарпанов обменялись понимающими взглядами и заулыбались. Не дождавшись комментариев, Диана предложила на выбор чай или кофе. Пока шумная компания располагалась за столом, снова явился андроид Лабиринта.

Робот деловито обошел комнату, извлекая из укромных местечек миниатюрные подслушивающие устройства оставленные гоним. Покончив с этим полезным делом, Координатор обратился к генералу через динамики человекообразного механизма:

— ПУСТИТЬ ЗА НИМ ХВОСТ — ИДЕЯ ОСТРОУМНАЯ, ТОЛЬКО СОВЕРШЕННО ИЗЛИШНЯЯ. ЗА НИМИ СЛЕДЯТ МОИ ВИДЕОКАНАЛЫ.

— К сожалению, вы не желаете делиться с Персоналом результатами своих наблюдений, — огрызнулся Жихарев. — Когда приспичит, используете Посвященных для опасных акций, а потом обрываете связь. Вот, к примеру, у меня есть сведения, что разведслужбы ряда стран снарядили экспедиционные отряды для поиска приемопередатчиков, расположенных в Америке, в Австралии, а также на других континентах. Вы нам об этом даже сообщить не удосужились. Неужели не в курсе?

Забавно наклонив голову, робот направил на генерала линзы оптических датчиков, затем из динамика потекли безукоризненно составленные фразы.

Координатор укорял людей за неблагодарность. Квазиразумное устройство объяснило, что привлекает землян к активным мероприятиям лишь в самых безвыходных ситуациях, когда бессильна техника Лабиринта. С большей частью возникающих проблем Координатор старался справиться сам, чтобы не подвергать Персонал напрасному риску. О поисковых группах, которых формируют западные спецслужбы, он знал, но ничуть по этому поводу не беспокоился. По его словам, никто из землян никаких приемопередатчиков найти не сможет — ручки пока коротки.

Робот шагнул в раскрывшийся вход транспортного тоннеля, но Координатор не упустил прекрасной возможности съехидничать и произнес, уже переступив огненную черту порога:

— НЕ БЕСПОКОЙТЕСЬ, Я ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРИВЛЕКУ ВАС, КОГДА БУДЕМ РАЗНОСИТЬ НА АТОМЫ ЗВЕЗДОЛЕТ ФУРБЕНОВ. ТОЛЬКО УМОЛЯЮ, НЕ НАДО БЛАГОДАРИТЬ МЕНЯ ЗА РАЗРЕШЕНИЕ УЧАСТВОВАТЬ В ЭТОМ УВЛЕКАТЕЛЬНОМ АТТРАКЦИОНЕ.

Вечером супруги Каростины мирно сидели перед телевизором. Планета Земля, не подозревая о нависшей угрозе вторжения, продолжала жизнерадостно валять дурака. Исламисты в Алжире зарезали журналиста, в Вашингтоне сексуальные меньшинства устроили пикет перед Белым домом, а лондонские кришнаиты призывали запретить все половые акты кроме необходимых для продолжения рода. Известная киноактриса уличила в неверности главного самца своей групповой семьи, эстрадный кумир подцепил СПИД и так далее. Впрочем, некоторые сообщения, прозвучавшие в программе новостей, изрядно развеселили Посвященных.

Прекратились уличные бои в Иерусалиме. Правительство Израиля вывело войска из арабских кварталов после того, как палестинцы, умело используя противотанковое оружие, уничтожили несколько единиц бронетехники на подступах к Старому городу. На следующей неделе в одной из европейских столиц должен состояться очередной раунд переговоров между Арафатом и Нетаньяху.

В Москву доставлен гроб с телом видного предпринимателя Василия Королькова, скончавшегося в результате сердечного приступа. Адвокаты покойного намерены возбудить судебные дела против ряда средств массовой информации, безответственно обвинявших Королькова в связях с организованной преступностью.

Лидеры движения «Талибан» заочно приговорили к смертной казни охранников, прошляпавших побег башкирских летчиков. По сообщениям из Дамаска, один из плененных пилотами талибов перегрыз себе вены — такая смерть показалась легче наказания, которое ожидало его в Афганистане.

— Страшно подумать, сколько веселых дел мы натворили всего за неделю, — самодовольно сказал Сергей.

— Боюсь, это еще не предел... — Диана вздохнула. — Судьба нас любит, но не жалеет.

— Согласен. — Сергей крепче прижал ее к себе. — Похоже, нас ждет еще пара-другая

горячих дней.

— Всего-то? До чего ж ты у меня скромный!

— Я имею в виду — до конца месяца. — Слова Дианы насчет вздорного характера фортуны будили тяжелые мысли, преследовавшие его в последнее время. Он снова вспомнил трагическую судьбу отца. Встреча с пришельцами сломала Михаила Каростина, на всю оставшуюся жизнь отравив болью унижения за собственную неспособность разгадать тайны, с которыми он столкнулся. И вдобавок тяжелым камнем висело на душе чувство вины перед коллегами и друзьями, которые остались на обреченном линкоре. Только теперь Сергей начал понимать причину сверхъестественной тоски, неизменно наполнявшей отцовский взгляд.

— О ком загрустил? — осведомилась Диана, а затем, выслушав ответ, призналась: — Я тоже часто вспоминаю ту историческую хронику. С одной стороны, жалко предков, у которых так бездарно сложилась жизнь, включая личную. Но с другой — жутко даже подумать. Ведь если бы тогда у них получилось, нас бы с тобой теперь на свете не было! Родились бы совсем другие дети с похожим, но другим набором генов...

Она содрогнулась. Продолжая обнимать ее плечи, Сергей сказал, стараясь казаться равнодушным:

— Не могло у них получиться. Папочке моему всегда не везло с женщинами, которых он любил по-настоящему. А твоя бабка была так влюблена в твоего же деда-аспиранта, что на бедного инженера даже смотреть не желала.

— Тебе-то откуда об этом знать? — Диана возмущенно всплеснула руками. — К твоему сведению, она частенько вспоминала рокового красавца из НКВД, который спас ее от бандитов, когда она привезла с Таймыра очень секретный груз. А как-то раз бабуля Раечка призналась: мол, если бы он тогда еще хоть полслова сказал — все! Не удержалась бы и убежала с ним прямо из-под венца. А он только подарил набор убийственной косметики, посмотрел жалобно — и ушел... Вот так-то!

Глава 28 ПОРАЖЕНИЕ

На завтра были намечены батальонные учения, поэтому Сергей решил заночевать в гарнизоне. По московским часам время было покадетское, но командир «Финиста» как опытный солдат устроился на удобном кожаном диване — мало ли когда начальство вздумает объявить тревогу. Положив под голову бронежилет, подполковник повернулся на правый бок и мгновенно заснул. Его разбудили мягкие, но настойчивые толчки.

Открыв глаза, Сергей сначала решил, что продолжает видеть сон: в ярко освещенной солнечными лучами комнате собрались почти все Посвященные, причем Аркадий нагнулся над его диваном, дергал спящего за руку и монотонно, как робот, повторял:

— Командир, просыпайся, у нас экстренная ситуация...

— Я уже проснулся. — Он рывком сел. — Что случилось? И как вы тут очутились?

Оттолкнув плечом великана Аркадия, подлетела Диана, схватила мужа за плечи и сильно тряхнула.

— Телепортировались, конечно! — прошипела она. — Продуй мозги, у нас общая тревога — звездолет Фурбенты стартовал в сторону Земли!

Аркадий, Леха и Диана, перебивая друг друга, поведали, как час назад, когда в Москве только начало светать, их разбудили видеоканалы. На связь вышел Мозг Станции, сообщивший, что корабль спрутоящеров покинул Пояс Астероидов. С гонтами связаться не удалось, поэтому Посвященные воспользовались транспортным тоннелем, чтобы присоединиться к командиру.

— Понятно, — машинально процедил Сергей, но мгновенно спохватился: — То есть ни черта не понятно. Чем сейчас занимается Координатор?

Мозг Станции ответил гудящим голосом:

— РЕСУРСЫ КООРДИНАТОРА ЗАНЯТЫ ТЕХНИЧЕСКОЙ СТОРОНОЙ ОПЕРАЦИИ. МОЯ ЗАДАЧА — ПОДГОТОВИТЬ К БОЮ ПЕРСОНАЛ. ВЫ ДОЛЖНЫ ПЕРЕМЕСТИТЬСЯ НА СТАНЦИЮ.

— Здесь нет одного из нас, — напомнил Сергей.

— АТИЛЛА БАРХАНОВ НАХОДИТСЯ В ЭТОМ ЗДАНИИ, НО ОН НЕ ОДИН. Я НЕ ХОТЕЛ БЫ ОТКРЫВАТЬ ТРАНСПОРТНЫЙ ТОННЕЛЬ В ПРИСУТСТВИИ ПОСТОРОННИХ.

— Это мы в два счета. — Сергей набрал номер на клавиатуре портативного радиотелефона. — Атилла, хватит спать... Найди Рубца и Кулебяку и веди обоих ко мне... Я сейчас у себя в кабинете на втором этаже... Жду.

Когда пришли два капитана и прапорщик, в комнате оставался только Сергей, остальные уже отправились Лабиринт.

— Володя, — приказным тоном проговорил подполковник, — передашь генералу, что мы с капитаном Бархановым отправляемся на дело, о котором шла речь позавчера, когда наша компания смотрела кино у меня на хате.

Подозрительно поглядев на командира полка, капитан Рубцов проговорил, покачивая головой:

— Опять у вас секреты от меня, товарищ подполковник. Капитан Барханов у нас новичок, а вы ему явно доверяете больше, чем мне. И Кулебяка с Демьяном чего-то скрывают. Аж пыжнутся от усердия.

— Так уж вышло, Володя. — Каростин развел руками. — Кто много знает — мало живет. Я вот, к примеру, не знаю, доживу ли до вечера...

В Большую Гостиную их на этот раз не приглашали. Мозг Станции собрал Посвященных в операционном зале и провел короткий инструктаж. Роботы продемонстрировали людям снаряжение, которым придется пользоваться после телепортирования во внутренние отсеки звездолета спрутоящеров. Это были хорошо знакомые большинству из них боевые скафандры-невидимки, плазмострелы, термоядерные фугасы, генераторы защитного поля, а также лазерные ружья, сконструированные Координатором и опробованные на фурбене в таджикских горах.

Впрочем Мозг Станции предполагал, что лучевое и плазменное оружие может оказаться малоэффективным против фурбенов, если те успеют прикрыться энергетическими щитами. На такой случай были предусмотрены излучатели парализующего действия, волны которых неплохо проникали сквозь силовые барьеры.

— Как ты собираешься перебросить нас на звездолет? — с озадаченным видом осведомился Аркадий. — Нам всегда говорили, что односторонние транспортные тоннели на межпланетных расстояниях не работают.

— ВЫ ПОЛУЧИТЕ ВСЮ НЕОБХОДИМУЮ ИНФОРМАЦИЮ В НЕОБХОДИМОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ.

Большая голограмма схематически изображала сектор Солнечной системы, где должно было развернуться сражение. Звездолет Фурбенты уже обогнул Солнце и теперь мчался прямо на Землю, ежесекундно приближаясь к планете на пять тысяч километров. При такой скорости противник сможет выпустить прицельный залп примерно через три часа. Корабль гонтов двигался почти в десять раз медленнее и в настоящее время находился примерно на полпути между орбитами Земли и Венеры, держась чуть в стороне от линии, вдоль которой летели спрутоящеры. Из внешней зоны Солнечной системы наперерез фурбенам устремился еще один аппарат межзвездного класса — космолет, на котором много тысяч лет назад прибыла экспедиция троклемидов, однако этот фотонный ветеран был пока слишком далеко, чтобы подоспеть до начала боевых действий.

Мозг Станции выделил световым пятном последнюю обозначенную на схеме машину, в которой Посвященные сразу узнали легкий троклемский планетолет ближнего радиуса действия. Робот продолжал свою лекцию:

— ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ НА ЭТОТ КОРАБЛИК. НА БОРТУ УСТАНОВЛЕН

МОБИЛЬНЫЙ ПРИЕМОПЕРЕДАТЧИК ВОЕННОГО ОБРАЗЦА.

Упоминание этого устройства вызвало у Посвященных тяжелое чувство. Прошлой осенью засевшие на Базе Пошнеста троклемские милитаристы воспользовались мобильным телепортатором, чтобы вторгнуться в Лабиринт. Даже сейчас становилось не по себе, когда они вспоминали тот тяжелейший бой в многомерных коридорах, проложенных между сотнями миров Галактики...

— Неужели База Пошнеста подарила эту машину Лабиринту? — вырвалось у Мальвины.

— НОВЫЕ КОМАНДИРЫ БАЗЫ ВЫПОЛНИЛИ ПРОСЬБУ КООРДИНАТОРА.

Робот объяснил, что приемопередатчики, установленные на обоих кораблях Лабиринта, готовы соединиться транспортным тоннелем. При этом возникает довольно размытая многомерная «кишка», вдоль которой можно перемещать материальные предметы. Примерно через тридцать-сорок минут звездолет фурбенов вступит в сектор пространства, где расположена проекция этого тоннеля на трехмерный профиль Солнечной системы. На несколько секунд сложится ситуация, когда аппаратура Лабиринта будет в состоянии перебросить десантную группу на борт вражеского корабля.

— Ну конечно! — воскликнул Аркадий и восхищенно добавил: — Гениально, как все простое! До сих пор мы почему-то полагали, что из многомерного пространства можно выходить в трехмерное лишь на крайних точках канала телепортации. Какая наивность!

— НИКТО НЕ ВИНОВАТ, ЧТО У ВАС ВОЗНИКЛО ТАКОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ. КОГДА ПРОЛОЖЕН ТРАНСПОРТНЫЙ ТОННЕЛЬ, ИЗ ЛЮБОЙ ЕГО ТОЧКИ МОЖНО ПЕРЕХОДИТЬ В ОБЫЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО.

— Аркадий, умерь свои теоретические восторги, — строго одернул физика Сергей. — Мозг Станции, рассказывай, что требуется от нашей команды.

В изложении работа задача казалась простенькой: ворваться на звездолет, очистить от фурбенов один из отсеков, установить ядерную мину, а затем вернуться в Лабиринт. Мозг Станции считал задание несложным и выполнимым, хотя у людей сложилось противоположное впечатление. Тем не менее они несколько раз подряд отрепетировали необходимые манипуляции, добиваясь автоматизма движений.

Проанализировав результаты тренировки, Мозг Станции решил, что фугас понесут два физика — Атилла и Аркадий, тогда как остальные будут работать лазерами и плазмой, отбивая атаки звездолетного экипажа.

Надев скафандр, Сергей оглядел команду и сказал, мысленно вздохнув:

— Не унывайте, братишки-сестренки. Сами понимаете, какое важное дело предстоит, поэтому каждый должен выложиться на полную катушку. Наши с вами жизни сегодня немного стоят, снова судьба всего мира нам на плечи свалилась. Так что — вперед и патронов не жалеть. Думаю, долго агитировать вас нечего, сами все понимаете.

Братишки-сестренки бодро забормотали: дескать, понимаем. И только Диана привычно подковырнула мужа:

— Ты, отец, в Советской Армии, часом, не замполитом служил? Больно складно агитируешь...

Проигнорировав неуместные шуточки, подполковник продолжал:

— В первой волне идут мужчины. Диану и Мальвину оставляем в резерве на Станции. — Он повысил голос: — Не возражать, я своих решений не меняю! Вопросы по существу есть?

Женщины оскорбленно молчали, но вдруг оказалось, что у Атиллы имеется вопрос, причем по существу.

— Я тоже хотел спросить, — сказал Атилла. — Как мы вернемся? Насколько я понимаю, агрегаты Станции не могут точно нацелить транспортный тоннель на нужный отсек. А если нас посылают на операцию как камикадзе, без надежды на возвращение, то правильнее было бы предупредить об этом заранее.

— О СТИЛЕ КАМИКАДЗЕ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ И РЕЧИ, — заверил робот. — КОГДА

ВЫ ОКАЖЕТЕСЬ ВНУТРИ ЗВЕЗДОЛЕТА, ЗАДАЧА ФОКУСИРОВКИ ТОННЕЛЯ УПРОСТИТСЯ БЛАГОДАРЯ МАЯКАМ, КОТОРЫМИ ОСНАЩЕН КАЖДЫЙ СКАФАНДР.

— Ну-ну, — пробурчал Барханов.

На голограмме, отображавшей общую обстановку, снова изменились цифры.

Теперь звездолет фурбенов отделяли от Земли чуть больше пятидесяти пяти миллионов километров — до запуска самонаводящихся снарядов оставалось около двух с половиной часов.

В последний раз проверив, надежно ли подогнано снаряжение, пятеро поднялись на ту самую смотровую площадку, с которой впервые увидели Лабиринт год назад.

Ностальгически шмыгнув носом, Аркадий задумчиво говорил:

— Даже обидно. Если мы погибнем, человечество не узнает имена своих спасителей.

— Да уж. — Николай нервно рассмеялся. — Тяжкое дело — без свидетелей погибать.

На этот раз ему ответил уже не Мозг Станции, а Координатор Девятой Ветви:

— БУДЕТ ВАМ СВИДЕТЕЛЬ. НО СЕЙЧАС СОСРЕДОТОЧЬТЕСЬ. ТОННЕЛЬ МОЖЕТ ОТКРЫТЬСЯ В ЛЮБУЮ СЕКУНДУ.

Заслонив обзор операционного зала, на ободке смотровой площадки появилось голографическое изображение, которое могло бы вызвать припадок острой зависти у любого сюрреалиста или абстракциониста. Перед людьми струились размытые бесформенные тени, постоянно менявшие и очертания. Изредка из этого хаоса складывались геометрически правильные фигуры, которые держались не дольше, чем долю секунды.

Потом появились почти осмысленные кадры, словно наложилось голограммы нескольких отсеков чужого звездолета. Роботы явно пытались сфокусировать видеоканал: следуя их усилиям, образы становились реалистичнее. Когда сформировалась почти четкая, несмотря на сильную дрожь картина, Сергей невольно вспомнил, как в прошлом году они телепортировались на экспедиционный корабль Годлана, и предупредил:

— Мужики, тоннель будет нацелен не слишком точно. При переходе неизбежны сильные толчки, как будто прыгаешь с поезда на большой скорости. Обязательно сгруппируйтесь перед прыжком.

— ТОЛЧКОВ БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО, — перебил его Мозг Станции. — СОГЛАСНО МОИМ РАСЧЕТАМ, ТОЧНАЯ НАВОДКА СОХРАНИТСЯ В ТЕЧЕНИЕ ШЕСТИ СЕКУНД.

— Как же, щас! — фыркнул подполковник. — Мужики, не его слушайте, а меня.

Вдруг голограмма сделалась идеально четкой. Люди увидели длинный, тускло освещенный и совершенно пустой коридор. Лишь на мгновение вдалеке мелькнула фигурка спрутоящера, который вышел из двери и тут же вошел в соседнюю.

— Внимание! — скомандовал Сергей.

— ЕСТЬ ПОЛНАЯ ГОТОВНОСТЬ, — подхватил Мозг Станции. — ОТКРЫВАЮ ТОННЕЛЬ.

Голограмма сменилась воротами, ведущими в невообразимо далекую точку пространства. Люди уже напрягли мышцы, чтобы сделать шаг через порог многомерного тоннеля, однако изображение космического аппарата исчезло так же внезапно, как и появилось. После недолгой паузы робот флегматично прокомментировал:

— ПЕРВАЯ ПОПЫТКА НЕ УДАЛАСЬ. ПОВТОРИМ, КОГДА КОРАБЛИ, НЕСУЩИЕ ПРИЕМОПЕРЕДАТЧИКИ, СНОВА ЗАЙМУТ ОПТИМАЛЬНУЮ ПОЗИЦИЮ.

Минуты тянулись безжалостно долго. Сергей нетерпеливо переминался, с ненавистью глядя на стереоскопический сумбур, и пытался отогнать мысли о том, какой кошмар ждет их всех, если роботам не удастся навести транспортный тоннель на звездолет.

В разгар этого томительного ожидания Посвященные обнаружили, что на Станции появился еще один персонаж — Тарпанов.

— Откуда вы взялись? — охнула от неожиданности Диана.

— Робот ваш пригласил... — Политик с нескрываемым интересом рассматривал интерьеры Лабиринта. — Сказал, что вам для чего-то свидетель потребовался... А что тут творится?

— Девчонки, объясните ему! — крикнул Сергей. — У нас опять что-то начинается...

Трехмерная картинка повторила уже знакомую эволюцию от беспорядочного калейдоскопа бессмысленных пятен до почти правильного изображения внутренних помещений космического корабля. Лишенный эмоций голос Мозга Станции пророкотал:

— ТОЧНАЯ НАСТРОЙКА НЕ УДАЕТСЯ. Я ОТКРЫВАЮ ПРОХОД. БУДЬТЕ ГОТОВЫ К ПЕРЕМЕЩЕНИЮ. Я ПОДАМ КОМАНДУ НАЧАЛА АКЦИИ, КАК ТОЛЬКО, СЛОЖАТСЯ МАЛО-МАЛЬСКИ ПРИГОДНЫЕ УСЛОВИЯ.

Вновь засветился кроваво-алый квадрат входа, внутри которого, словно в ванночке с фотографическим раствором лениво проявлялось изображение. Сергей ужаснулся, осознав, сколь грубо наведен на цель многомерный канал телепортации.

По голограмме струились, пересекаясь под острыми углами, контуры трех, если не больше, отсеков. Затем картина очистилась, хоть и оставалась нечеткой, и робот скомандовал:

— ВПЕРЕД!

Не раздумывая, Сергей бросился вперед. Пробежав три шага, он сильно оттолкнулся, заступив за огненную черту, разделявшую измерения, и полетел сквозь призрачную субстанцию, которая ослепительно сверкала, переливаясь радужными полосами и пятнами. Подполковник испытал болезненное чувство невесомого падения в пустоте, где отсутствовали такие привычные понятия, как «верх», «низ», «вперед» или «назад». Потом внезапно вокруг появились всевозможные материальные тела, которые Сергей не успел толком разглядеть, потому что с размаху врезался ногами во что-то мягкое и податливое. Эта преграда, не выдержав удара, опрокинулась, после чего они вместе покатались по твердой поверхности.

Ситуация была знакомой, и Сергей знал, как надлежит действовать в таких случаях. Вытянув левую руку, он ухватился за удачно подвернувшийся толстый стержень и таким образом затормозил свой полет. Затем, опираясь на лазерное ружье, встал, выпрямился и, не обращая внимания на ушибленные плечо, бок и бедро, быстро обвел взглядом место, в котором оказался.

Он стоял в помещении размером примерно шесть на десять метров. Во всю четырехметровую высоту переборок тянулись соединенные трубопроводами агрегаты неизвестного предназначения. Из-под кожухов этих машин доносилось низкое гудение, на приборных панелях светились голограммы, изображавшие сложное пересечение разноцветных линий. Возле ног подполковника, поджав щупальца, лежал фурбен, — вероятно, именно с ним столкнулся Сергей, когда телепортировался в этот отсек. По всей палубе валялись, слабо шевеля конечностями, еще четверо гуманоидов, облаченных в троклемские скафандры. Похоже, штурмовая группа переместилась на звездолет противника в полном составе.

Потерь среди Посвященных не оказалось. Один за другим они приняли вертикальное положение, немногословно и нецензурно комментируя случившееся.

Каждый из них сильно приложился той или иной частью тела, однако удары были смягчены скафандрами, поэтому никто не получил серьезных травм. Убедившись, что отряд в порядке, Сергей приказал:

— Приступайте к работе. Физики, займитесь бомбой. Леха, прикрываешь их ручным оружием. Мы с Николаем займемся пленным и разведем соседние отсеки.

В обеих свободных от машин переборках отсека имелись люки. Оставив Алексея охранять один из выходов, Сергей подошел к оглушенному фурбену. Спрутоящер пришел в себя и неуверенно перебирал щупальцами. Приоткрыв чешуйчатые веки, инопланетянин направил на людей узкие змеиные глаза с желтыми зрачками. Взгляд сфокусировался, фурбен рывком забился в угол, его челюсти зашевелились, и раздались щелкающие звуки:

— Аггус рабатра кцалп!

Микроскопическое компьютерное устройство скафандровых шлемов синхронно перевело эту фразу:

— Не может быть, земляне!

Щупальца обвили кольца вокруг тела спрутоящерр, и снова прозвучали слова чужого языка:

— Прошу вас, не убивайте меня. Я — всего лишь гражданский специалист и не имею отношения к военной части... Не убивайте, у меня скоро будет ребенок!

— Женщина? — удивился Сергей. — Говоришь, не убивать тебя... А о чем вы тут думали, когда летели бомбить мою планету?

— Я не виновата, — снова захныкала инопланетянка. — Военные всегда действуют, не советуясь с инженерной частью. И с научной тоже...

Будь она землянкой, можно было просто связать пленнице конечности, но попробуй скрути эти гибкие отростки длиной чуть ли не в три метра! К тому же глупо жалеть существо, которое все равно погибнет через несколько минут, когда рядом взорвется термоядерный боеприпас в четверть мегатонны. Тем не менее, как обычно, рука на женщину поднималась не без труда.

— Ладно, живи, — буркнул подполковник. — Но сначала ты ответишь на несколько вопросов. Вопрос первый: каково назначение оборудования, размещенного в этой секции?

— Реакторы системы жизнеобеспечения, — быстро ответила фурбенка. — Очищают воздух, а также вырабатывают вторичную воду из...

— Сколько боеголовок вы намерены использовать против Земли?

— Не знаю, этим занималась военная часть. Кажется... — она опустила взгляд, — начальник научной части говорил, что пришлось передать военным восемь пусковых установок, через которые мы обычно запускали исследовательские зонды.

— Какой тип заряда несут боеголовки — уран, плутоний, антивещество?

Резко вскинув голову, инопланетянка вытаращила глаза, затем медленно произнесла:

— Это же глухая древность! Нас в школе учили, что от антивещества отказались больше двухсот лет назад. По-моему, в последней войне против гонтов уже применялась энергия расщепления нуклонов. Именно благодаря новому оружию удалось остановить экспансию этих одноглазых выроdkов.

«Знать бы, чему равны двести лет Фурбенты», — подумал Сергей. Как это часто случалось, когда он пребывал в растерянности, подполковник поднял руку, чтобы потереть под носом, но перчатка ткнулась в прозрачное забрало шлема. Поскольку командир замешкался, допрос продолжил Николай:

— Как военная часть объяснила экипажу необходимость уничтожить Землю?

Женщина с Фурбенты запнулась, пришлось поторопить ее, пихнув стволом плазмострела. Она сказала, глядя в сторону:

— Нам сказали, что аборигены стали союзниками гонтов и открыли против нас военные действия. Люди и гонты убили и взяли в плен два десятка наших — военных и гражданских, поэтому среди экипажа укрепилось желание отомстить... Но в принципе речь об уничтожении вашей цивилизации не шла. Снаряды взорвутся в пространстве вокруг планеты, чтобы излучение вывело из строя электронные и энергетические узлы, однако биологические организмы почти не пострадают... Разве что от климатических последствий... А потом, когда на планете начнется хаос и все уцелевшие ресурсы будут направлены на борьбу с оледенением, военные рассчитывают без помех отыскать что-то очень важное. Деталей нам не сообщали, но все на борту знают, что главная цель экспедиции — найти какую-то технику, оставшуюся от древней цивилизации.

Похоже, она и в самом деле не могла ничего добавить. Махнув рукой, Сергей сказал:

— Мы тебя отпустим. Только покажи, как открывается дверь отсека.

Фурбенка или спрутоящерница — черт знает, как правильно называются их бабы!

— с готовностью подползла к ближайшему люку, нажала большую оранжевую клавишу, а затем крутанула массивное металлическое колесо. Крышка люка распахнулась. Первой в соседний отсек перебралась пленная, а вслед за ней и люди переступили порог, держа наготове оружие.

Отсек был почти точной копией той секции, в которую они перенеслись со Станции. Только из-за пузатых агрегатов у противоположной переборки торчали конические стволы фурбенских дезинтеграторов. Люди поспешили последовать примеру врагов и укрылись за реакторами. Из невидимых динамиков загрела сложная фраза на английском языке. К сожалению, трансляторы шлемов были настроены лишь на перевод фурбенской речи. Сергею показалось, что противник предлагает им сдаться, обещая сохранить жизнь.

— Можешь уходить, — подполковник стволом лазера подтолкнул фурбенскую даму, после чего крикнул: — Забирайте ее и покиньте отсек.

Пленница проворно перебежала к своим и скрылась за массивными агрегатами.

Вооруженные дезинтеграторами спрутоящеры немедленно включили силовые поля, затем из динамиков вырвался громовой голос, прорывавшийся на языке Фурбенты:

— Сдавайтесь, ваше положение безнадежно!

— Примирение возможно лишь в единственном случае, — ответил Сергей. — Вы должны отменить бомбардировку Земли.

Фурбены ответили: дескать, не желают вести переговоры с союзниками гонтов.

Стало ясно, что продолжение дискуссии будет пустой тратой времени. Подполковник навел ружье на высунувшегося из-за укрытия спрутоящера и спустил курок. В патроннике газодинамического лазера воспламенилась горючая смесь, и энергия вспышки превратилась в световой импульс мощностью под сорок мегаватт.

Фотонный импульс ударил в цветастый пузырь энергетического щита и, отразившись, разрезал оболочку гудящего механизма. Из поврежденного устройства, напоминавшего формой пивную бочку, хлестнул голубой язык огня.

Спрутоящеры не стали применять свое оружие, — видимо, опасались причинить еще больше повреждений системе жизнеобеспечения. На всех агрегатах внезапно погасли кривые контроля параметров, вслед за чем утихло гудение. Секция прекратила работу, — то ли автоматическая блокировка отреагировала на повреждение, то ли была передана команда из какого-то управляющего центра. Сергей и Николай продолжали поливать противника лучами и плазмой, однако силовые поля надежно защищали фурбенов. Не принимая бой, спрутоящеры один за другим покинули отсек.

Между тем пожар продолжал разгораться, но вдруг из трубок, проложенных вдоль переборок, брызнули фонтанчики бурой жидкости. Неизвестное вещество залило очаг возгорания, и вскоре поврежденный реактор был покрыт пенящейся субстанцией, которая погасила огонь. Покончив с аварийной ситуацией, фурбены направили бурые струйки на людей, но силовая защита легко испаряла лившуюся со всех сторон жидкость. Секция быстро наполнилась клубами грязно-коричневого газа.

В это время в соседнем отсеке Атилла и Аркадий заканчивали монтаж фугаса.

Леха обеспокоенно заметил:

— Кажется, старики затеяли перестрелку.

— Не отвлекайся, — пропыхтел Аркадий. — У них свои танцы, у нас — свои.

Дрожащими руками физики соединили половинки заряда, и Атилла нежно нажал пусковую кнопку. На торце ядерной мины засветился крохотный дисплей. Ради удобства исполнителей, роботы Лабиринта изготовили блок управления из земных деталей. На экране живенько сменялись цифры: 30:00... 29:59... 29:58...

— Сомневаюсь, что за эти полчаса Мозг Станции настроит тоннель и сможет забрать нас, — глубокомысленно изрек Барханов.

— А ты всерьез надеялся вернуться? — Аркадий фыркнул. — Дружище, я считал тебя сообразительнее.

Совсем рядом раздался знакомый голос Координатора:

— НЕ НАДО КОРЧИТЬ ИЗ СЕБЯ ГЕРОЕВ-СМЕРТНИКОВ. ТРАНСПОРТНЫЙ ТОННЕЛЬ УЖЕ НАСТРОЕН. ЗОВИТЕ КОМАНДИРА И ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ.

— Вот чудеса. — Аркадий счастливо рассмеялся, — Сейчас я его приведу.

Он сделал шаг в сторону люка, за которым оставались Сергей и Николай, и тут из всех

пульверизаторов заструилась клейкая субстанция. Облепившая скафандры бурая мерзость мгновенно застыла, сковав движения. Алексей отчаянно завопил в надежде, что командир услышит и придет на помощь. Однако вместо старших Посвященных в отсек вошли вооруженные фурбены.

Командовавший этим отрядом спрутоящер первым делом оглядел мину и сказал:

— Свирепые существа. Хотели взорвать звездолет. И эти звери смеют называть себя носителями разума...

Двое вооруженных фурбенов унесли фугас, осторожно держа тяжелую коробку в вытянутых щупальцах. Другие разоружили обездвиженных людей, аккуратно складывая в контейнер лазеры, плазмострелы, парализаторы, сумки с гранатами. Потом землян обрызгали бесцветной жидкостью, которая растворила твердую корку, покрывавшую их скафандры. На людей надели тяжелые цепи и по одному отконвоировали на другую палубу, где поставили лицом к стене. Тайком оглянувшись, Аркадий увидел, что пять фурбенов держат их под прицелом дезинтеграторов. Чуть позже внесли бесчувственных Сергея и Николая.

Услышав в наушниках вскрик Алексея, они собирались броситься на помощь друзьям, но люк напротив снова распахнулся, и в заляпанный бурой жидкостью отсек вломились два массивных устройства, своими очертаниями напоминавшие фурбенов.

Спрутоящеры, как и другие разумные существа, строили роботов по собственному образу и подобию.

Сергей и Николай взяли на прицел шедшую в авангарде машину. Держа в одной руке лазерное ружье, а в другой — плазмострел, подполковник непрерывно давил гашетки, посылая в силовой пузырь потоки сокрушительной энергии. Николай присоединился к командиру, стараясь стрелять в те же точки. Сосредоточенный огонь четырех стволов пробил-таки щель в защитном поле, и очередной лазерный импульс распорол корпус робота. Щит отключился, после чего люди без помех расплавили машину струями плазмы.

Однако второй робот держал в щупальцах устройство, которое оказалось парализующим излучателем. Волны легко просочились сквозь силовое поле, и Сергей, выронив оружие, грузно рухнул на палубу. Рядом с ним растянулся Николай.

Очнувшись, подполковник обнаружил, что полулежит в не слишком удобном кресле, напоминающем зубоврачебное. Его запястья и лодыжки были сжаты прочными колодками. Здесь, в незнакомом просторном отсеке, его окружали вооруженные фурбены, а у стены по левую руку стояли скованные ручными и ножными кандалами друзья — четыре фигуры в троклемских скафандрах, покрытых коричневыми пятнами нерастворенной корки.

Впервые за все сорок с лишним лет своей жизни оказавшись в плену, Сергей чувствовал себя омерзительно — унижительная горечь поражения и осознание собственной беспомощности буквально выворачивали душу, так что не хотелось жить.

Но сильнее всего угнетала мысль о проваленном задании: вражеский корабль уцелел и вскоре обрушит на Землю бомбы страшной разрушительной силы. И он, который обязан был предотвратить эту катастрофу, не сумел спасти человечество!

Один из фурбенов подошел вплотную к Сергею и, не скрывая злорадства, произнес:

— Ваша диверсия провалилась. Взрывное устройство уже выброшено за борт и сработает на безопасном удалении от звездолета. И не надейтесь на помощь троклемидов — они понимают, что нельзя тянуть на корабль сверхпространственные тоннели. Если это будет сделано, мы немедленно вторгнемся в Лабиринт.

— Очень жаль, — пробормотал землянин. — Вы чересчур хорошо разбираетесь в таких тонкостях.

— Благодарите своих друзей гонтов, они оказались слишком болтливыми. — Фурбен издал звук, заменявший этой расе смех. — А теперь займемся тобой. Доктор, он в вашем распоряжении.

Кресло, к которому был пристегнут командир Посвященных, мелко завибрировало, на голову подполковнику опустился непрозрачный колпак. Низкое гудение заложило уши.

В наушниках шлема раздался шепот Аркадия:

— Серега, что они с тобой делают? Тебе больно?

— Представь себе, нет, — так же тихо, едва шевеля губами, ответил подполковник. — Только по мозгам слабенько покалывает и на уши давит, словно от ультразвука.

Странная процедура продолжалась не дольше трех минут, после чего колпак вновь поднялся, открывая обзор. Уколы в черепе моментально прекратились.

Большинство фурбенов, исключая стражников, столпились вокруг приборной панели и экспансивно размахивали щупальцами. Из этой кучки спрутоящеров доносились обрывки выкриков:

— Феноменально... Прибор не способен ошибаться... Зато пленный мог не знать всех деталей... Исключено, он — главный среди аборигенов... Точно известно, именно он связан с троклемидами... Одноглазые обманули... Они за это поплатятся... Что будем делать, генерал?

Все фурбены умолкли, и в тишине был отдан приказ:

— Артиллеристы, отставить выполнение последней директивы, будьте готовы переключиться на базовый вариант. Доктор, просканируйте еще одного.

Сергея стянули с кресла, и он, благоразумно отказавшись от резких движений, стал в строй рядом с Атиллой. Фурбен, которого земляне считали старшим, поманил щупальцами Аркадия.

— Кажется, ты — физик, — произнес генерал спрутоящеров. — Ложись на стенд.

— А ты, наверное, командир военной части звездолета? — поинтересовался Аркадий, выполняя приказ.

— Видал я любознательных покойников, — сообщил генерал. — А теперь вот догадливый попался...

Процедура повторилась. Аркадию накрыли голову шлемом, на кресле-стенде замигали разноцветные сигналы. Фурбены внимательно наблюдали за непонятным процессом, тесной толпой окружив монитор. Потом тот, кого называли доктором, вскричал, темпераментно раскрутив над головой пару конечностей, что сделало его похожим на взлетающий вертолет:

— Проклятье! У него в сознании установлен непроницаемый барьер! Это работа древней цивилизации!

— Успокойся, мы и так узнали больше, чем рассчитывали, — сказал генерал.

Он медленно приблизился к шеренге пленных землян, ощупывая тяжелым взглядом полузакрытые шлемами лица. Затем поднес к нижней челюсти небольшое устройство и сказал негромко:

— Командир, мы меняем цель атаки. Пленных можно отпустить... — Затем он обратился к людям: Вас отведут в пустой отсек. Можете вызывать свою Станцию и возвращаться в Лабиринт. Успокойте сопланетников — я решил не бомбардировать Землю.

— Почему я должен тебе верить?! — по обыкновению, взбеленился Сергей.

— Можешь не верить. Можешь даже не возвращаться, если решил остаться на этом корабле, — снова прозвучал режущий слух смех фурбена. — Но если все-таки вздумаешь отправиться на Землю, наши представители свяжутся с твоей командой.

Нужные адреса и номера телефонов мы прочитали в вашей памяти... А теперь убирайтесь, пока добрый дяденька не передумал!

Обратное путешествие прошло без осложнений. На Станции их встретили встревоженные лица подруг. Тарпанов тоже был взволнован, однако бодрился и сказал преувеличенно жизнерадостно:

— Ну вот, я же говорил, что все будет в порядке. А то эти девчонки чуть с ума не сошли от ревности — все переживали, что вас там какие-нибудь фурбенские красотки уломают... Кстати, мужики, как прошла ваша экспедиция?

Мужики стыдливо помалкивали, так что отчитываться пришлось командиру. Не такое уж это приятное дело — рассказывать о поражении, пусть даже само предприятие изначально было авантюрой.

— Фурбены взяли нас в плен, выкинули в космос мину, просканировали мозги, после чего сменили гнев на милость и отказались от желания уничтожить Землю... — Сергей яростно стукнул кулаком по поручню смотровой площадки. — Координатор, ты понимаешь, что творится?

— ОБЪЯСНЕНИЕ БУДЕТ НАЙДЕНО, В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ ОТ ВАС УЖЕ НИЧЕГО НЕ ЗАВИСИТ.

Повелитель Лабиринта замолчал. Тарпанов, меньше прочих шокированный провалом операции, принял на себя руководство и миролюбиво произнес:

— Ладно, досмотрим финал этого шоу по телевизору. Снимайте скафандры и расслабьтесь. Мозг Станции, организуй для всех хороший обед с горячительными напитками.

Подчинившись вполне разумному предложению, они принялись расстегивать швы космической одежды, и тут робот сообщил страшное известие: звездолет фурбенов выпустил восемь ракетных снарядов, которые с огромным ускорением направились в сторону Земли.

После короткого замешательства и ужаса все хором заговорили, тщетно пытаясь перекрычать друг друга. Леха с Николаем матерно склоняли коварство спрутоящеров, нарушивших ими же данное обещание. Атилла и Аркадий устроили семинар по теоретической физике, пытаясь представить процессы, происходящие при взрыве, высвобождающем энергию распада нейтронов и протонов. Молниеносно смоделировав поражающие факторы такого оружия, Мозг Станции порадовал Персонал воодушевляющим выводом: если подобная боеголовка сработает ближе ста тысяч километров, потоки высокоэнергетических частиц проникнут в те измерения, где проложен Лабиринт. Как следствие будут разрушены квазинейронные логические цепи, и Станция Земля прекратит существование, после чего процесс разрушения охватит остальные секции Лабиринта.

— Значит, мы погибнем, — грустно резюмировала Мальвина.

— Не переживай. — Даже на пороге смерти Аркадий не терял остроумия. — Не мы одни.

Диана предложила собрать всех близких и эвакуироваться на Базу Пошнеста либо на какую-нибудь пригодную для жизни планету. Одни возражали, другие соглашались, и снова разгорелась бесполезная перебранка.

В общем гвалте не участвовал только Сергей. Подполковника смущало подозрительное противоречие, которое способен был углядеть только профессиональный военный. Он не мог понять, почему фурбены разрядили свои пусковые установки на колоссальном, в тридцать пять миллионов километров, удалении от Земли — ведь гонт уверял, что прицельные устройства противника обеспечивают поражение мишени лишь на вчетверо меньших дистанциях. Либо у спрутоящеров сдали нервы, либо их оружие было эффективнее, чем думали циклопы с Огонто. Но Сергей видел еще один вариант: истинной целью ракетного залпа могла оказаться не Земля, а другой объект, расположенный гораздо ближе к звездолету фурбенов...

— Мозг Станции, экстраполируй траассы выпущенных снарядов, — приказал подполковник. — Попробуй определить наиболее вероятные точки прицеливания.

По голограмме побежали, удлиняясь, золотистые линии, продолжавшие вектора движения фурбенских ракет. Семь траекторий тянулись к неуспешному разогнаться кораблю гонтов, а восьмая упиралась в обратное полушарие Луны. Операционный зал огласился воплями, полными восторга. Наверное, такие же эмоции испытывает осужденный на смерть мятежник, когда прямо на эшафоте узнаёт, что произошел успешный переворот и власть взяли его единомышленники.

На огонтийском звездолете тоже распознали нежданную опасность, но времени, чтобы покинуть космическое поле битвы, не оставалось. Гонты лишь выпустили по противнику две торпеды, которые шли на цель значительно медленнее, чем фурбенские снаряды.

Почти полчаса люди на Станции, не отрываясь, следили за перемещениями голографических символов. Развязка оказалась стремительной. От звездолета Фурбенты

отделилось целое облако боевых роботов, которые часто навещали окрестности Земли, где аборигены лирично обозвали их «летающими тарелками».

Роботы обогнали свой корабль примерно на миллион километров и на этом рубеже благополучно расстреляли обе огонтийские торпеды. А затем семь фурбенских боеголовок разорвались на внешнем куполе силового поля, окружавшего корабль Огонто.

Жалкие останки огромного механизма, беспомощно вращаясь по всем мыслимым осям, продолжали по инерции мчаться прямо на Солнце. Вскоре эскадрилья боевых роботов настигла смертельно раненный звездолет и нанесла серию лучевых ударов, после чего на корабле гонтов отсверкала серия взрывов, расколовших корпус на куски разного размера. Однако роботы, не удовлетворившись содеянным, методично расстреливали каждый обломок.

Убедившись, что конкуренты уничтожены, фурбены начали тормозить. Теперь внимание людей было приковано к последней боевой ракете, которая продолжала лететь в сторону Земли. Спустя час с небольшим, когда Посвященные покончили с праздничным угощением, этот снаряд завершил путешествие где-то среди кратеров невидимого полушария Луны. Мозг Станции полагал, что взрыв боеголовки уничтожил базу гонтов.

Отныне звездолет фурбенов безраздельно господствовал в огромной сфере пространства, именуемой Солнечной системой.

Глава 29

ВСЯ ГРЯЗЬ ГАЛАКТИКИ

Три легковушки петляли по проселочным дорогам, отыскивая нужную дачу.

Диана, сидевшая за рулем головного «Москвича», укоризненно заметила:

— В кои-то веки выбрались на выходной за город... И то — инопланетяне в гости пригласили.

— Погоди, чуть-чуть с делами справимся — закатим настоящий круиз по Галактике.

— Скоро год, как я эти байки слушаю...

Сергей смущенно пробурчал что-то неразборчивое, а затем радостно воскликнул:

— Кажется, приближаемся! Поворачивай направо.

Покинув отвратительный асфальт, «Москвич» Каростиных запрыгал по грунтовке. За флагманом послушно следовали «Дэу-Принц» Николая и фордовский джип Аркадия. После серии безумных зигзагов они прибыли к месту, очень подходившему под описание. В кабине «Москвича» запел радиотелефон, и мембрана сказала голосом Аркадия:

— Серега, кажется, мы приехали.

— Похоже на то, — согласился подполковник. Коротенькая автоколонна остановилась перед дощатым забором выше человеческого роста, над которым торчали кроны фруктовых деревьев и длинная черепичная крыша. Диана нажала сигнал, и протяжный гудок бесцеремонно разодрал дикий покой этой глухомани. Потом снова наступила тишина.

— Молчат, — вылезая из машины, удивленно проговорила Диана. — Или там нет никого?

К воротам подходили остальные. Алексей сказал возмущенно:

— Какого же дьявола приглашали?!

— Успокойся, мы прибыли точно по адресу. — Мальвина показывала пальцем на металлическую пластину, неведомым способом прикрепленную к стойке ворот на двухметровой высоте. — Мне знакомы такие штуки, но на Земле их еще не скоро смогут делать. Это — электронный сторож. Здесь живут пришельцы, и они должны нас видеть.

Дурачась, Посвященные принялись размахивать руками и выкрикивать приветствия. Вдруг Сергей вспомнил о письме с указаниями. Вытащив из кармана прибор, он нажал кнопку. Ничего как будто не изменилось. Люди озадаченно разглядывали запертые ворота.

Накануне вечером почтальон принес Аркадию заказную бандероль. Под толстым слоем оберточной бумаги скрывалась плоская пластмассовая коробочка с единственной кнопкой на

торце и конверт, внутри которого оказалась подробная инструкция. В тексте, подписанном Гастоном Машеном, говорилось, что гонты просят Посвященных завтра же, то есть в воскресенье, посетить их дачу в подмосковном поселке Егорьев Посад. Гастон туманно намекал на необходимость обсудить тяжелую ситуацию, сложившуюся после уничтожения звездолета и лунной базы. В заключение гонт объяснял, что нажатие кнопки на прилагаемом устройстве подаст обитателям дачи сигнал: пришли друзья.

Внезапно ворота распахнулись, и гуманоид, носивший знакомую маску гонтов, махнул им рукой: мол, поскорее заезжайте. Как только машины оказались во дворе, гонты захлопнули ворота и торопливо отвели людей в дом. По дороге Сергей успел разглядеть укрытые за кустами и деревьями два устройства явно неземного происхождения — под листвою блестел золотистый металл странных конструкций, оснащенных коротким толстым стволом.

В горнице приехавших окружили пять пришельцев, одетых в майки-безрукавки и длинные, до колен, шорты. Легкие наряды выставляли напоказ мускулистые конечности, покрытые желтой кожей и жесткими темно-рыжими волосами. Двое инопланетян оказались женщинами, которых выдавала единственная грудь, туго обтянутая тканью майки. Один из гонтов, носивший одежду салатного цвета, раздраженно спросил:

— Как вы нас отыскали?

— Я же предупреждала, что аборигены коварны, — ответила ему дама в бежевой майке и темно-синих шортах, — Наверняка установили наблюдение, когда их посетил...

Последнее слово осталось непереведенным, — очевидно, это было подлинное ультразвуковое имя пришельца, которого люди знали под псевдонимом Гастон. Между собой гонты говорили на своем языке, забыв, что Лабиринт снабдил Посвященных кибернетическими переводчиками. Николай примирительно напомнил, что их приглашал Гастон. Эти слова вызвали новую вспышку переговоров на ультразвуке. Потом старший из гонтов потребовал вызвать лже-француза, чтобы тот дал объяснения, за каким дьяволом ему понадобились земляне.

Пока искали Гастона, Сергей выразил соболезнование по поводу поражения, которое потерпели гонты в космической битве. Командир пришельцев (следуя примеру следователей предвоенного НКВД, земляне прозвали его Салатовым) ответил: мол, они остались на этой варварской планете, почти потеряв надежду на возвращение.

Затем, оборвав свои жалобы на полуслове, он подбежал к Сергею и осведомился:

— Откуда вы знаете о сражении в космосе? Мы вас не предупреждали, а земные астрономы не могли наблюдать события, которые происходили на фоне солнечного диска!

— Мы следили за этим столкновением из Лабиринта... Подполковник не стал говорить о неудачной попытке нападения на звездолет фурбенов, но Салатовый был удовлетворен и таким усеченным объяснением. Кивнув, он сказал:

— Попробуем опять отсидеться в анабиозных камерах. Может быть, со временем прилетит еще один корабль с Огонто и заберет нас на родину.

— Вы сообщили на Огонто про свое бедственное положение? — поинтересовался Атилла.

— Мы лишены такой возможности. Устройства межзвездной связи погибли вместе с кораблем и базой. Будем ждать. Рано или поздно наши пришлют новую экспедицию...

Пришел Гастон, твердо заявивший, что никаких писем землянам не посылал, потому что подобного задания не получал, а по собственной инициативе никогда бы не осмелился. Разволновавшись, Салатовый потребовал показать пресловутое послание. Полученное накануне письмо передали гонту, который умел читать по-русски. Когда был оглашен текст, все инопланетяне принялись божиться, что не имеют к этой бумажке ни малейшего отношения.

Неожиданно пришелец, одетый в костюмчик из белой ткани, усыпанной цветастыми узорами, спросил:

— О каком устройстве говорится в письме?

Сергей, который и сам начал беспокоиться, сунул руку в карман, нащупывая плоскую коробочку, но тут в комнату вбежал гонт, возбужденно сообщивший, что все электронное оборудование внезапно отказалось работать. Сопровождая эти слова, во дворе что-то громыхнуло — звук был негромкий, но мощный. Словно с небольшой высоты на землю упала тяжелая бетонная плита. Люди и гонты бросились к окнам и увидели, как над забором появились закутанные в черные плащи с капюшонами фигуры, которые держались в воздухе без каких-либо видимых устройств. Фурбены летели к дому, методично постреливая зелеными импульсами дезинтеграторов.

— Разобрать оружие, занять огневые позиции! — скомандовал Салатовый.

Впрочем, было уже слишком поздно, чтобы организовать оборону дачи. Дюжина фурбенов, приземлившись во дворе, двинулась на штурм последнего оплота гонтов.

Обе золотистые установки были уничтожены, не успев ни разу выстрелить. Несколько вооруженных лучевыми пистолетами гонтов открыли огонь из окон и даже сумели поразить одного спрутоящера, но другие фурбены быстро ликвидировали стрелков.

Один из них стоял буквально в трех шагах от землян, когда снаружи ударил конус зеленоватого свечения, превративший окно, часть стены и самого гонта в быстро тающее облако пара, источавшего неприятный запах. Остальные, не пожелав испытать судьбу, побросали бластеры и сдались на милость победителя.

Земляне поспешили отступить подальше от зловещего пролома в стене дачного дома.

— Что будем делать. Сереженька? — заволновалась Диана. — Мы же не прихватили с собой ничего огнестрельного.

— Вообще-то у меня есть пистолет, — меланхолично сообщил Сергей. — Но я не намерен стрелять в этих зубастых и хвостатых каракатиц, которые пока не сделали нам ничего плохого.

Аркадий поддержал друга:

— Нам нет никакой надобности вмешиваться в чужую разборку. Пусть сами выясняют свои отношения!

Психологически ситуация для Сергея оказалась невыносимо тяжелой: вокруг стреляют, кто-то гибнет, кого-то берут в плен, разворачивается очередная драма галактического масштаба, а он вынужден бездействовать, словно наблюдатель ООН.

Остальным же происходящее явно представлялось увлекательным шоу, и они с интересом взирали, как фурбены выстраивают в шеренгу павших духом гонтов.

Командовавший отрядом спрутоящер, оглядев побежденных, проговорил, обращаясь к одному из своих сопланетников:

— Скучное дело, сынок, эти космические войны. Даже пленниками не попользуешься.

— Никак нет, господин генерал! — рявкнул второй фурбен, вешая на плечо дезинтегратор. — Мой дед рассказывал, что в прошлую войну они пробовали и очень даже неплохо получалось. У этих одноглазых есть...

Салатовый, не поднимая головы, сказал:

— Прекратите. Постесняйтесь хотя бы хозяев этого мира.

— От кого бы я слышал призывы к нравственности! — Генерал смотал щупальце тройным кольцом, затем резко распрямил, хлестнув гонта в пах. — Можно подумать, что вы сами их когда-нибудь стеснялись. Хозяева планеты еще не знают, как вы пытались использовать их в своих целях.

Скорчившийся от боли командир гонтов не остался в долгу и напомнил, что фурбены тоже обманули землян, подкинув фальшивое письмо и прибор, включение которого парализовало всю аппаратуру в радиусе сотни шагов. Спрутоящер охотно подтвердил:

— Да, мы сделали это, и результат оказался великолепным. Абориген нажал кнопку, и немного позже заработал глушитель электронных колебаний. Как мы и предвидели, за это время вы провели землян в дом.

Сергею надоела роль безмолвного свидетеля при диспуте старших братьев по разуму, и он напористо заметил:

— Мне кажется, на звездолете не должно быть места для нескольких генералов. Вероятно, мы с вами уже встречались.

— Встречались, — согласился начальник военной части. — Причем это произошло при довольно печальных для вас обстоятельствах.

Пока они пикировались, конвоиры увели пленных гонтов, а в комнату то и дело входили новые фурбены, подносявшие какое-то оборудование. На полу в центре просторного помещения вырастала установка непонятного предназначения и головоломной конструкции. Сергею такая активность показалась подозрительной, однако подполковник не слишком беспокоился, поскольку был уверен, что Лабиринт прикроет их от любой неприятности.

Демонстративно не обращая внимания на сооружение, которое монтировали спрутоящеры, он осведомился:

— А как вы поступите с остальными гонтами?

— Откуда же возьмутся «остальные»? — удивился генерал.

— Наверняка у них были резидентуры в других странах.

— Были, — согласился фурбен. — Но мы нанесли удар в момент, когда все уцелевшие гонты собрались на этой даче. Одноглазые собирались вылететь в Антарктиду, где оборудован бункер с анабиозными камерами.

Мальвина задумчиво проговорила:

— Я слышала кое-что интересное. Что-то насчет провокации, в которую они пытались вовлечь землян.

— Истинная правда, пытались, — согласился начальник военной части. — Наверное, вы заслужили право узнать эту грязную историю.

История действительно оказалась грязной. Потерпев поражение в космических сражениях последней войны, гонты решили отыгаться на другом фронте. Недели две назад они подстроили побег нескольких пленных фурбенов. Добравшись до своих, те доложили командованию о разговорах, которые в их присутствии вели гонты на своей лунной базе: дескать, циклопы заключили полномасштабное соглашение с правительствами ведущих держав Земли, и вскоре вся экономика человечества развернет массовое производство сверхмощного оружия, соединяющего достижения Огонто и Троклема. На следующем этапе сотрудничества многомиллионные армии людей должны были телепортироваться через Лабиринт на фронт и атаковать колонизированные спрутоящерами планеты... Посредством этой дезинформации гонты предполагали отвлечь крупные соединения флота Фурбенты на военные операции против Солнечной системы. В таком случае у одноглазых гуманоидов появлялся реальный шанс нанести серию ощутимых ударов по ослабленной группировке противника на главном стратегическом направлении.

— Кроме того, они намекнули, что много интересных сведений стало известно людям, принимавшим участие в контакте полувековой давности. Поэтому нам пришлось выделить специальный отряд, который должен был похитить потомков Михаила Каростина, Романа Недужко и Сталена Биберева.

— Зачем вам понадобились мои родственники? — не понял Сергей.

— Нужные сведения могли сохраниться в вашей генетической памяти.

Николай сказал, покачивая головой:

— Значит, вы решили бомбить Землю только из-за гонтовской провокации?

— В основном из-за этого, хотя нам был очень нужен действующий вход в Лабиринт, — на удивление откровенно ответил спрутоящер. — Однако, просканировав содержимое вашей памяти, мы узнали, что на самом деле гонты отказались предоставить людям современную технологию, а военное оборудование Троклема существенно уступает оружию Фурбенты. Если, конечно, не считать внепространственного транспорта. Поэтому я принял решение пощадить вашу планету... — Он встал к пульту таинственной конструкции, загрозившей центр комнаты. — Планету, но не вас лично. Ваша команда перебила слишком много фурбенов, а потому должна быть наказана.

Вооруженные пришельцы одновременным движением вскинули дезинтеграторы, направив конические стволы на семерку землян. Генерал скороговоркой огласил приговор: смертная казнь за систематическое противодействие вооруженным силам Фурбенты. Последовал залп. Полупрозрачные зеленые потоки разрушительной энергии обрушились на Посвященных, но бессильно угасли в своевременно возникшем куполе силового поля. На установке, возле которой суетился генерал, остервенело перемигивались сигнальные огоньки и заметались на голограммах сплетенные разноцветные ленты.

— Как я и предполагал, ваш робот открыл многомерный тоннель, чтобы защитить своих друзей, — торжествующе вскричал главный военачальник фурбенской экспедиции. — Тем самым Лабиринт оказался открытым и был поражен нашим компьютерным вирусом... Эй, что там происходит?!

Внезапно все вооруженные фурбены сложили на пол свои дезинтеграторы и отступили к двери. Разъяренный генерал завертел головой и принялся орать, требуя от подчиненных вернуться на предписанные позиции, однако никто даже не попытался выполнить его приказ.

На фоне стены засветился знакомый красный квадрат, и в горницу вступили телепортированные со Станции роботы. Из динамиков одного из андроидов раздался голос Координатора:

— ГЕНЕРАЛ. ВАШ ПЛАН ЗАХВАТИТЬ КОНТРОЛЬ НАД СТАНЦИЕЙ ЗЕМЛЯ ПРОВАЛИЛСЯ. ФУРБЕНСКИЕ ВИРУСНЫЕ ПРОГРАММЫ ДЛЯ МЕНЯ БОЛЬШЕ НЕ ОПАСНЫ. ЕСЛИ ВЫ ЕЩЕ НЕ ПОНЯЛИ, ТО СООБЩАЮ, ЧТО ВЗЯЛ ВАС В ПЛЕН.

Спрутоящер промолчал, не реагируя на насмешку. Сергей догадался, что весь дом оказался под мощным прессингом массового гипноза и теперь ни один гонт или фурбен не способен сделать шага против воли роботов Лабиринта. Подполковник предполагал, что при необходимости аппаратура Станции точно так же подавит и волю Посвященных.

Вокруг людей снова началось активное движение. Дверь открылась, впуслав несколько десятков инопланетян обеих рас. У одной стены выстроились пришельцы с Фурбенты, у другой — циклопы с Огонто. Те и другие стояли в напряженных позах, почти не шевелясь. Когда построение было закончено, робот продолжил:

— ВЫ СЛИШКОМ БЕСЦЕРЕМОННО ВЕЛИ СЕБЯ НА ЧУЖОЙ ПЛАНЕТЕ. ПОПЫТКА ВТЯНУТЬ ЗЕМЛЮ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В КОСМИЧЕСКУЮ ВОЙНУ БЫЛА АМОРАЛЬНОЙ С ЛЮБОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.

Салатовый возразил, оправдываясь:

— Такова обычная практика в отношениях между великой державой и карликовым государством.

Фурбенский генерал поддержал циклопа:

— Представьте себе, что вашим СВР, или ЦРУ, или «Интеллидженс сервис» понадобится провести активные мероприятия в какой-нибудь Зимбабве. Вряд ли резиденты этих организаций станут дотошно соблюдать местные законы.

— Земля — это не Зимбабве! — возмущенно выкрикнула Диана.

— Земля — это не только Зимбабве, — уточнил Сергей.

— У ЗЕМЛИ ЕСТЬ МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ЗАСТУПНИК, — возобновилось урчание Координатора. — ВЫ ДОПУСТИЛИ РОКОВУЮ ОШИБКУ, ЗАМАХНУВШИЕСЬ НА ЛАБИРИНТ. ТЕПЕРЬ ОБЕ ЭКСПЕДИЦИИ ПОНЕСУТ НАКАЗАНИЕ.

Суперробот объявил свое решение. Гонты останутся на Земле в анабиозных камерах своего антарктического бункера. Спрутоящеры должны вернуться на звездолет и немедленно стартовать восвояси. Чтобы закрыть вопрос, аппаратура Станции спроецировала голографический сюжет: троклемский корабль включил на несколько секунд главный двигатель, и фотонное копьё длиной в два миллиона километров ударило точно в астероид, под скалами которого скрывалась роботизированная база «летающих тарелок». База испарилась вместе с крохотной планеткой.

Загипнотизированные инопланетяне анемично выразили согласие с вердиктом Координатора и, оставив всю технику, направились к своим летательным аппаратам.

Эту идиллию чуть не испортил Атилла, завопивший:

— Их нельзя так просто отпускать! Они обещали информацию о цивилизациях, с которыми встречались.

Алексей и Аркадий добавили, что пленные должны выплатить полную информационную контрибуцию — все сведения, которые хранятся в базах данных обеих экспедиций. Координатор любезно назвал землян наивными простаками и добавил:

— НЕУЖЕЛИ ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО Я САМ НЕ СПОСОБЕН ПОЗАБОТИТЬСЯ О ТАКИХ НЮАНСАХ? РОБОТЫ УЖЕ ЭВАКУИРОВАЛИ АРХИВ ЭТОЙ ДАЧИ — ПОЛНУЮ БИБЛИОТЕКУ ОГОНТО, А ТАКЖЕ ИНФОРМАЦИЮ, КОТОРУЮ ГОНТЫ ЗАХВАТИЛИ НА ТРОФЕЙНЫХ МАШИНАХ ФУРБЕНТЫ.

Сергей подумал, что еще полвека назад Лабиринт экспроприировал монументальную энциклопедию, хранившуюся на острове Туару, о чем не удосужился поставить в известность Посвященных. Глупо было даже спрашивать, поделится ли Координатор трофейной информацией. Наверняка сообщит лишь то, что сочтет нужным...

Неожиданно один из фурбенов направился в сторону людей. Поскольку роботы не остановили его, Сергей сделал вывод, что Мозг Станции знает о намерениях спрутоящера и не считает последнего опасным. Остановившись, недоходя несколько шагов, пришелец проговорил:

— Меня зовут Здем Данам. Я — начальник научной части экспедиции. Кажется, кто-то из вас побывал на нашем звездолете.

— Ну, все мы там побывали, — проворчал Аркадий. — Не могу сказать, что у меня остались приятные впечатления.

Мальвина захихикала, кивая на пришельца:

— Если бы ваша миссия увенчалась успехом, у него не осталось бы даже неприятных впечатлений.

Терпеливо выслушав их реплики, фурбен сказал:

— К вам в плен попала моя жена, и вы оставили в живых ее и нашего будущего малыша. — Спрутоящер низко поклонился, расстелив по полу щупальца. — Я хотел выразить свою признательность за эту милость и заверить: когда мы вернемся и расскажем о случившемся, многие на Фурбенте станут симпатизировать вам. Никто из нас не предполагал, что существа, стоящие на столь низком уровне цивилизованности, способны проявить такое благородство по отношению к врагу... Еще раз благодарю.

Резко повернувшись, он вышел из комнаты. Глядя ему в спину, земляне пытались понять, как следует расценить эту тираду. Кажется, спрутоящер все-таки хотел сделать людям комплимент.

А Сергей подумал, как прав был имевший дар ясновидения, но нелюбимый ныне деятель, сказавший много десятилетий назад: «Гонты нам не друзья. Фурбены нам тоже не друзья. И те и другие безразличны к нашим делам. Мы пока разговаривали только с гонтами, и гонты рассказывали много всяких ужасов о кровожадных фурбенах. Если бы мы поговорили с фурбенами, то услышали бы такие же страшные рассказы о жестоких и кровожадных гонтах... Пусть дадут нам знания, которыми располагают и могут отправляться домой. Мы не питаем к ним злых чувств...»

Никто из Посвященных в самом деле не испытывал ненависти к этим существам. Впрочем, Посвященные не испытывали к ним и особо дружеских чувств.

Глава 30

ПУНКТИР СУДЬБЫ

Когда решали, в каком ресторане отпраздновать успешные операции последних дней, Барханов непринужденно предложил программу многоэтапного загула по самым шикарным значным местам обоих полушарий.

— По-моему, ты вполне освоился в нашей компании, — весело прокомментировал

Николай.

В ответ Атилла сверкнул улыбкой. Потом вдруг сделался немного грустным и признался:

— Все бы ничего, только воевать надоело. Иногда тянет обратно в науку.

— Одумайся, несчастный! — Аркадий замахал на старого друга обеими руками.

— Хочешь верь, хочешь нет, но моя жизнь нынче стала страшнее фильма ужасов. Что бы я ни предложил в печать — за спиной мгновенно начинают шушукаться: дескать, Турин ни черта сам не делает, только у инопланетян переписывает. — Он вздохнул.

— Я уже устал объяснять этим идиотам, что не собираюсь предавать огласке научные достижения троклемской цивилизации. И уж, во всяком случае, не стану выдавать их за свои труды.

Аркадий не преувеличивал. Он и в самом деле не публиковал сведения, добытые с помощью Лабиринта. К сожалению, об этом знали только Посвященные. Остальные же сослуживцы и прочие сопланетники не слишком верили, что человек, получивший доступ к бесценным базам данных иного разума, сумеет удержаться от соблазна и не согрешит хотя бы самым безобидным плагиатом... Неудивительно, что каждая научная работа физика Турина привлекала столь пристальное внимание коллег-ученых, журналистов, политиков, а тем более рыцарей плаща и кинжала.

— Но главную-то свою теорию — о многомерной Вселенной — ты ведь наверняка предъявишь всему миру, — уверенно заявила Диана.

— Не факт, сестренка, не факт... — Аркадий покачал головой. — Боюсь, не стоит человечеству прежде времени получать такое страшное оружие.

— Какое же это оружие?! — хохотнул Николай. — Абстрактная физическая теория.

— Теория относительности тоже казалась абстрактной, — огрызнулся физик. — Только из уравнений Эйнштейна вытекала очень симпатичная формула: «Е большое равно эм на цэ в квадрате». А в результате — весь спектр ядерных боеприпасов.

Будучи профессиональным милитаристом, прагматичная Пасари напомнила, что именно сверхмощное оружие — то самое, в чем сейчас нуждается Земля.

— Хватит! — строгим голосом потребовал Сергей. — Приказываю не отвлекаться на ерунду. Сегодня перед нами стоят совсем другие задачи.

Атилла сказал ободряюще:

— Выше голову, командир. Подумай, сколько мы сделали за эти дни после возвращения из Лабиринта. От угрозы из космоса избавились, мафию выпороли по первому разряду, да и в Иерусалиме шороху навели!

— Да уж, это был настоящий киончдернето... — смутившись, Мальвина поспешила перевести непонятный троклемский термин: — Это был классический блицкриг.

— Кстати, как там пленные, которых в ЦЭШе взяли? — спросил Николай.

Немного оживившись, Сергей рассказал, что Эфраим Ди-Визель и Эндрю Хенсон провели два дня в ФУОПИ, где из них выдавили море бесценной информации. Затем обоих без шума высадили из машины у подъезда американского посольства. Как и следовало ожидать, страны Запада воздержались от протестов — иначе кое-кому пришлось бы сознаться в попытках установить монопольную власть над Лабиринтом.

— Плевать на показания этих шпионов, — пренебрежительно сказал Аркадий. — Самые ценные сведения остаются в нашем распоряжении.

Трофейная информация действительно оказалась поразительно интересной. На видеокассетах и компакт-дисках, вывезенных из Иерусалима и Чечни, оказались не только результаты шпионских операций, но и списки банковских депозитов, хранящих деньги криминальных синдикатов и различных секретных ведомств. По установившейся традиции, Посвященные не стали делиться подобными находками, а просто перевели многозначные суммы на счета концерна «Черный поиск». В ближайшее время эти деньги волеются в наукоемкие отрасли отечественной экономики.

— Будем надеяться, что хоть таким способом поможем заводам выжить, — не слишком

уверенно сказал Николай. — Сначала военную промышленность вытянем из пропасти, а там...

— Там видно будет. — Сергей вздохнул. — Я, мужики, вот что думаю... Мы наложили лапу на кучу научно-технических документов, которые ЦЭШ наворовал по всему миру. Попробуем использовать эти изобретения на тех предприятиях, акции которых нам достанутся.

— Маловато у нас денег, — печально заметил Аркадий. — На такие дела требуется капитал посolidнее.

Алексей напомнил, что никто не запрещает им вернуться к давнему занятию «черным поиском». Только с испанских парусников, затонувших на полпути из Америки, можно было бы поднять до сотни тонн золота, серебра и драгоценных камней. А ведь был еще рейдер «Валгалла» в той же Атлантике, были английские купеческие корабли в Индийском океане, были пиратские клады на островах Тихого океана и Карибского моря.

— И снова мы вернулись к разговору об оружии, — уныло подметила Диана. — Ребята, это — наш крест. Хотим мы того или нет, но придется забыть про турне по бразильским кабакам. Наш первейший долг — поговорить по душам с собакой Координатором. Хватит ему безобразничать.

Стена украсилась огненно-алым контуром, очертившим вход на Станцию, и люди снова вступили в Лабиринт.

Для начала Посвященные поинтересовались, что удалось найти в хранилищах информации, конфискованных гонтов и фурбенов. Мозг Станции выдал на экраны подробный отчет по основным разделам знаний и прокомментировал: мол, в таких-то научно-технических областях Огонто и Фурбента продвинулись дальше троклемидов и вешша, а в других пока отстают.

Но главной сенсацией оказалось известие, что исследователи двух враждующих рас открыли в своих секторах несколько видов разумных существ. Все они жили на планетах, где не имелось троклемских Станций, а потому эти цивилизации не были известны роботам Лабиринта. Кроме того, изучая системы соседних звезд, экспедиции обеих цивилизаций обнаружили следы пребывания пришельцев из еще более далекой галактической глубинки.

Однако Мозг Станции не сумел продемонстрировать материалы, добытые у инопланетных гостей Земли. Робот сообщил, что Координатор изъясил всю информацию о самых ценных находках.

— Капризы продолжаются! — Сергей рассвирепел. — Мозг Станции, немедленно дай связь с Координатором.

— Отставить связь, — сказала Диана. — Мы сами навестим Большую Гостиную.

— В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ ИНФОРМАЦИЯ АНАЛИЗИРУЕТСЯ. — сказал Координатор. — ПО ОКОНЧАНИИ РАБОТЫ Я ПРЕДСТАВЛЮ ПЕРСОНАЛУ ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ.

Потеряв терпение, Посвященные заговорили на повышенных тонах, однако суперробота это обстоятельство ничуть не смутило. Квазиразумный упрямец продолжал повторять, что в ближайшее время люди могут не рассчитывать на знакомство со сведениями, которые собрали космические разведчики фурбенов и гонтов.

— Ну что нам с ним делать? — вопрос Аркадия прозвучал чисто риторически. — Эта псевдоживая образаина издевается над нами самым наглým образом.

— НЕ СЛЕДУЕТ ПОНИМАТЬ СИТУАЦИЮ СТОЛЬ ПРЕВРАТНЫМ ОБРАЗОМ, — укоризненно отозвался Координатор. — УВЕРЯЮ ВАС, МОЯ БАЗОВАЯ ПРОГРАММА НЕ ДОПУСКАЕТ НЕПОДЧИНЕНИЯ УКАЗАНИЯМ ПЕРСОНАЛА.

— Как же не допускает, если ты отказываешься выполнять прямой приказ! — снова взорвался Сергей.

Неожиданно в Большой Гостиной раздался смешок. Продолжая усмехаться, Атилла сказал:

— Кажется, я сообразил, в чем туг дело... Координатор, ответь: существует ли в твоей

базовой программе пункт, согласно которому определенная информация признается секретной для Персонала?

Координатор не ответил, чего с ним прежде не случалось. Подождав немного, Барханов понимающе хмыкнул и продолжал говорить таким тоном, словно размышлял вслух:

— Молчание — знак согласия, не так ли? Вероятно, троклемские руководители учитывали возможность особо ценных находок такого рода. Поэтому в пресловутую базовую программу должны были ввести строгое указание — отстранить Персонал от исследования подобных объектов.

— Какой смысл засекречивать информацию от Персонала? — не поняла этой логики Диана.

— Все правильно, — сказала Пасари-Мальвина. — Очевидно же, что высокоразвитая внетроклемская цивилизация — это склад ценнейших сведений, которые могут иметь военное значение. Думаю, научному Лабиринту было запрещено заниматься такими находками. Насколько я понимаю логику наших предков, информация о цивилизациях, соизмеримых по мощи с Троклемом, должна была полностью переправляться в центр исследований. Позже высшие научные учреждения Троклема посылали специальную экспедицию, укомплектованную специалистами, которые имели допуск к материалам особой секретности.

Поскольку Координатор продолжал отмалчиваться, люди принялись убеждать его, что старые запреты потеряли смысл в момент гибели Троклема и центра исследований и что теперь именно Координатор Девятой Ветви фактически выполняет функции центра исследований. Поэтому, уговаривали робота земляне, они, Посвященные, имеют полное право внести в базовую программу необходимые изменения. После долгих уговоров квазиразумный заявил:

— ВАШИ ДОВОДЫ РАЗУМНЫ. ВЫПОЛНЯЯ ПРИКАЗ ПЕРСОНАЛА, Я АННУЛИРУЮ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ПУНКТЫ БАЗОВОЙ ПРОГРАММЫ. ПРЕДЛАГАЮ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ ИНФОРМАЦИЮ, КОТОРОЙ ВЫ ТАК ИНТЕРЕСУЕТЕСЬ.

Несколько десятилетий назад экспедиции Огонто и Фурбенты приступили к изучению объектов в созвездии Змееносца. На некоторых планетах этих систем астронавты отыскивали автоматические установки, занятые сбором и обработкой информации, которая затем отсылалась на материнскую планету. Проследив ориентацию передающих антенн, удалось определить, что роботы направляют сигналы в звездное скопление Змееносец-FJ, удаленное от Солнечной системы примерно на двести тридцать — двести семьдесят световых лет.

После непродолжительных усилий как спрутоящеры, так и циклопы сумели наладить диалог с компьютерными комплексами этих станций. Роботы выдали довольно скудную информационную справку, из которой следовало, что в Змееносце-FJ господствует раса существ, именующих себя авикаузы. Внешне авикаузы отдаленно напоминали австралийских броненосцев, однако передвигались вертикально, то есть на двух задних ногах. Их покрытые жесткими панцирями тела имели рост от двух с половиной до трех метров.

Разумные обитатели Змееносца-FJ путешествовали в космосе уже шестьсот лет, причем около четырех столетий назад отправили первую межзвездную экспедицию.

Долгое время основное внимание «броненосцев» было поглощено вывозом на пригодные для жизни миры избыточного населения их родной планеты Авика. Решение этой задачи облегчалось компактностью скопления — среднее расстояние между звездами не превышало полутора световых лет. Иными словами, корабли с колонистами, даже не развивая субсветовых скоростей, достигали соседних миров всего за три-четыре года.

Лет сто назад авикаузы справились с демографическим кризисом и направили свою активность за пределы скопления. Корабли-разведчики панцирной расы методично обследовали системы соседних звезд, все дальше уходя от Авики. И гонты и фурбены направили свои звездолеты в сторону Змееносца-FJ, надеясь установить контакт с

могущественной цивилизацией авикаузов. Интерес к такому контакту многократно усиливался гипотезой о том, что «броненосцы» разработали технику почти мгновенной межзвездной связи, посылая сигналы в виде потоков тахионов — частиц, движущихся значительно быстрее, чем свет.

Люди в Большой Гостиной разволновались, однако Координатор невозмутимо выдал следующую сенсацию:

— СЕДЬМАЯ ДАЛЬНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ГОНТОВ, НАПРАВЛЕННАЯ К ТРОЙНОЙ ЗВЕЗДЕ, РАСПОЛОЖЕННОЙ РЯДОМ С СОЛНЦЕМ ОГОНТО, ОБНАРУЖИЛА ПОГИБШИЙ КОРАБЛЬ ДРЕВНЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ...

Представленная на мониторах информация оказалась отрывочной и только раздражила любопытство землян. На лишенном атмосферы спутнике гонты нашли полузасыпанную каменной лавиной посудину, оснащенную антигравитационным двигателем для перелетов на сравнительно короткие межпланетные дистанции.

Расшифровав найденные в корабле материалы, циклопы установили, что имеют дело с посадочным модулем, который около четырех тысяч семисот лет назад прибыл в эту систему на борту большого звездолета. Мумифицированные трупы экипажа неплохо сохранились в вакууме — эти гуманоиды отличались от людей небольшим, меньше полутора метров, ростом и костяными наростами на черепе, напоминающими витые бараньи рожки.

В заключение лекции Координатор показал трехмерную карту Галактики, на которой были отмечены известные высокоразвитые цивилизации. В северной полусфере земного неба располагались миры, населенные троклемидами и вешша, вдоль небесного экватора обитали фурбены, гонты и авикаузы, а также неизвестная раса, автоматический зонд которой пролетел через Солнечную систему в четырнадцатом веке. Наконец, где-то в созвездии Стрельца много тысячелетий назад существовала цивилизация гуманоидов, чье десантное суденышко нашли гонты.

— Осталось установить, откуда прилетел корабль, найденный нами на Сарто, — резюмировал Сергей. — Координатор, у тебя есть какие-нибудь соображения?

— ПО КОСВЕННЫМ ДАННЫМ МОГУ ЛИШЬ ПРЕДПОЛОЖИТЬ, ЧТО ИХ ПЛАНЕТЫ ЛЕЖАТ В ЮЖНОМ ПОЛУШАРИИ ЗЕМНОГО НЕБА.

Неожиданно Атилла заявил возбужденным голосом:

— Вы все не обратили внимания на одно очень подозрительное обстоятельство. Звездолеты с гипердвигателями исследуют Галактику много веков, однако ни разу не появлялись в системах, где работают передатчики Лабиринта.

— Что-то с памятью твоей стало, братишка, — снисходительно улыбнулся Аркадий. — Они были и на Сарто, и на Земле, а ведь на этих планетах есть Станции.

— Уважаемый коллега, вы сами — склеротик, — вскипел астрофизик-снайпер. — Обе эти планеты посещались в те годы, когда Станции на них не функционировали.

Друзья не сразу поняли, что именно так его беспокоит, и Барханов объяснил: раз астронавты не приближаются к поднадзорным планетам, значит, их корабли оснащены локаторами, которые способны обнаружить проложенные в гиперпространстве многомерные транспортные тоннели.

— Ну и что? — Николай пожал плечами. Они в очередной раз получили возможность поразиться скорости мышления парадоксального квазиразума.

Координатор отреагировал мгновенно:

— ЕСЛИ МЫ ПОСТРОИМ ТАКОЙ ЛОКАТОР, ТО СМОЖЕМ ОБНАРУЖИТЬ ДРУГИЕ УЦЕЛЕВШИЕ ВЕТВИ ЛАБИРИНТА!

Казалось, сегодняшняя беседа в Большой Гостиной сделала всех счастливыми.

Физики-Посвященные радовались, словно дети, получив в свое распоряжение свод знаний еще двух цивилизаций. Атилла вообще не мог говорить ни о чем, кроме сведений о космических народах, с которыми успели познакомиться гонты и фурбены.

Аркадий же, противореча своим недавним заверениям, проговорился, что впервые испытывает непреодолимое искушение напечатать под своим именем не свои достижения.

Если бы он отдал в научные журналы даже самые простенькие инопланетные открытия в области физики, то мог рассчитывать на самые престижные научные награды, включая Нобелевскую премию.

Посвященные, занятые бизнесом, оживленно предвкушали, как новые технологии и дополнительные финансовые средства, добытые за последнюю неделю, позволят им наладить производство ультрасовременной продукции. Николай, Мальвина и Леха уже составляли списки предприятий, которые должны быть приватизированы, а затем модернизированы на средства таинственной фирмы «Черный поиск».

Даже псевдоживой Координатор испытывал нечто вроде эйфории — ведь появилась надежда отыскать случайно уцелевшие колонии породившей его цивилизации. На самый худой конец, квазиразумный робот рассчитывал обнаружить если не живых троклемидов, то хотя бы резервный центр управления одной из дальних ветвей Лабиринта. Для Координатора это было равносильно встрече с давно пропавшим братом, и только Сергей внезапно почувствовал, что радоваться особенно нечему.

Вполуха слушая, как Диана развивает идеи, навеянные сегодняшним разговором в Большой Гостиной, он снова и снова анализировал опасность, нависающую над родной планетой.

Он печально и даже со страхом думал, что совершенно не представляет, каким окажется будущее, даже самое близкое. Судьба представлялась путаницей прерывистых кривых путей, которые разветвлялись, извивались, причудливо переплетались, но лишь один из этих пунктиров может материализоваться в объективной реальности. Очень хотелось, чтобы реализовался вариант судьбы минимально кровавый и максимально счастливый, однако это зависело, увы, не от одних лишь желаний или усилий Посвященных. В их жизнь безжалостно вторгались силы, абсолютно неподконтрольные семерке друзей, да и всему остальному человечеству тоже. И могущественные мафиозно-политические банды были отнюдь не самыми страшными из этих сил.

Повернувшись к окну, Сергей с ненавистью поглядел на фатальную синеву вечернего небосвода. Чуть повыше украсившего горизонт чередования багровых и оранжевых полосок заката зажигались звезды. Оттуда, из этой бездны, тянула костлявые лапы смертельная опасность, о которой жутко было даже вспоминать в фальшивой надежде на грядущую мудрость потомков.

Где-то там, в глубинах Галактики, уже разогнались до субсветовой скорости нацеленные на Землю боеголовки.

Баку ноябрь 1996 г. — ноябрь 1997 г.